

Книга

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

1988
56

КНИГА. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

КНИГА . ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

SCIENTIFIC-INDUSTRIAL SOCIETY
«THE ALL-UNION BOOK CHAMBER»

the Book

RESEARCHES AND MATERIALS

SYMPOSIA

LVI

PUBLISHING HOUSE «KNIZHNAYA PALATA»

MOSCOW 1988

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА»

Книга

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

СБОРНИК

LVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИЖНАЯ ПАЛАТА»
МОСКВА 1988

ББК 76.11
К 53

Редакционная коллегия:

Н. М. Сикорский (главный редактор), *Е. А. Динерштейн*,
А. В. Западов, *В. Т. Кабанов*, *Т. Б. Князевская*,
Б. В. Ленский, *А. С. Мыльников*, *С. П. Розанов*,
Ю. Н. Столяров, *И. М. Терехов*, *А. П. Толстяков*
(заместитель главного редактора), *С. Г. Шувалов*

К 4502040000-054 7-88
008(01)-88

© Издательство «Книжная палата», 1988

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КНИГОВЕДЕНИЯ. СОВЕТСКОЕ КНИЖНОЕ ДЕЛО

Б. В. Ленский

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КНИГОВЕДЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Среди удивительных свойств книги, которые уже открыты учеными и освоены в практике книжного дела, есть одно, которое наиболее отчетливо проявляется на крутых поворотах общественного прогресса, — это способность чрезвычайно быстро отражать особенности современного социального развития и одновременно служить эффективным средством ускорения этого процесса. Время перестройки выдвигает перед специалистами книговедения социальный заказ — глубоко и основательно проанализировать потребности общества на нынешнем, революционном этапе, переживаемом страной, чтобы полнее использовать возможности книги в решении многообразного комплекса проблем, которые выдвинуты жизнью. Задачи, поставленные XXVII съездом КПСС, прежде всего актуализируют проблему развития общественного сознания — неисчерпаемого источника социальной энергии. Речь идет, с одной стороны, о повышении «качества сознания», поднятии его на уровень научной строгости, образования и общей культуры, информированности и кругозора, а с другой — о превращении знаний в убеждения, а убеждений — в поступки и действия людей¹. Другими словами, необходимо

всемерно повышать творческую, созидательную силу человеческого сознания, которое «...не только отражает объективный мир, но и творит его»².

За время, прошедшее после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, политическая ситуация в стране радикально изменилась. Процесс обновления принимает все более конкретные формы, вбирает в себя все более широкий круг проблем, захватывает новые пласты общественной жизни. Наряду с ускорением экономического и социального развития, радикальной реформой управления экономикой и качественными изменениями в системе хозяйственного механизма широко разворачивается и углубляется процесс демократизации всех сторон жизни.

В докладе М. С. Горбачева на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивается, что перестройка вызвала взрыв духовной активности, огромный интерес общественности к процессам, происходящим в науке, литературе и искусстве, к выступлениям прессы, радио, телевидения.

чественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 19.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

¹ См.: Яковлев А. Достижение ка-

Пристальное внимание привлекают сегодня проблемы книгоиздания. И это понятно, потому что противоречия в развитии общества, накопившиеся в последние годы и не находившие своевременного разрешения, во многом относятся и к издательской практике. Действительно, с одной стороны, значительный рост выпуска книг (в истекшей пятилетке он впервые превысил два миллиарда, а в 1987 г. составил 2276 млн экз.), с другой — хроническое неудовлетворение спроса практически на все виды литературы. С одной стороны, огромное количество книг в общественных библиотеках (по некоторым сведениям, более 5 млрд экз.), с другой — почти треть этого массива ни разу не была востребована читателями. С одной стороны, десятки миллиардов книг в домашних библиотеках (по мнению специалистов, около 50 млрд экз.), с другой — резкое падение интереса к чтению у некоторых слоев населения, особенно молодежи, уменьшение удельного веса чтения в реальном балансе свободного времени, снижение прести-

жа чтения среди других видов досуга и т. д.

Задача состоит в том, чтобы тщательно проанализировать причины возникновения противоречий в развитии книжного дела и выработать на этой основе научно обоснованные рекомендации о путях и средствах их разблокирования, снятия механизмов торможения на различных участках книгоиздательской практики. Именно в этом сущность социального заказа книговедческой науке на современном этапе.

При этом на первый план выдвигается проблема анализа сложившегося положения с выпуском книг в стране, определение того, как соотносятся показатели отрасли с потребностями общества и личности. Учитывая, что к настоящему времени не разработаны объективно обоснованные нормы потребления духовной продукции, наиболее эффективным для анализа представляется путь сравнения ситуации, существующей в советском книгоиздании, с положением и тенденциями выпуска книжной продукции за рубежом.

Современная ситуация

Несмотря на серьезные ограничения материально-технического порядка, выпуск книг у нас в стране в годы предшествующей пятилетки рос довольно высокими темпами. Если принять показатели 1980 г. за 100%, то в 1985 г. тираж выпускаемых книг и брошюр увеличился на 22,2% (в 1984 г., как уже указывалось, был впервые за годы Советской власти превышен двухмиллиардный рубеж), а объем печатной продукции в печатных листах-оттисках (с учетом увеличения среднего объема одного экземпля-

ра) — на 31,7%³. Таким образом, темпы роста производства книг и брошюр в 1981—1985 гг. были выше, чем темпы роста национального дохода (17%) и промышленной продукции в целом (20%)⁴. Так, суммарный тираж книг и брошюр составил в 1986 г. 2234 млн экз. (103,9% по сравнению с 1985 г.),

³ Печать в СССР в 1985 году. М., 1986. С. 10.

⁴ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 268.

а объем в печатных листах-оттисках — свыше 26 млрд (104,7% к 1985 г.).

Сопоставление достигнутого с показателями других стран и регионов мира дает возможность утверждать, что СССР продолжает занимать одно из ведущих мест в мировом книгоиздании. По числу книг и брошюр (в 1986 г. — 83 472 печ. ед.) мы занимаем первое место в мире. Правда, статистика включает в число названий печатную продукцию, выпускаемую министерствами и ведомствами (33 606 печ. ед.), а также книги и брошюры, которые издаются без указанной цены (номинала), то есть не поступают в торговую сеть. Но если даже «очистить» этот показатель и учитывать лишь число изданий, выпускаемых издательствами страны, то показатели 1986 г. будут выглядеть следующим образом:

число книг и брошюр, печ. ед.:
49 866

в том числе с указанной ценой (номиналом): 45 933

суммарный тираж, млн экз.: 2177

в том числе с указанной ценой (номиналом): 2084

Эти данные вполне сравнимы с числом названий книг, выпускаемых в развитых капиталистических странах: ФРГ — 57,6 тыс., Великобритания — около 53 тыс., США — около 50 тыс. Следует оговориться, что прямое сопоставление проводить вряд ли возможно, так как методика статистического учета в различных странах своя, однако порядок цифр остается.

Тираж выпускаемых книг и брошюр (также «очищенный» от ведомственной литературы и изданий без номинала) составил в 1986 г. 2084 млн экз. Оценка этого же показателя в США свидетельствует, что уровень выпуска книг примерно одинаков (абсолютных цифр тиража выпущенной в США печатной про-

дукции не публикуется, однако есть объем продажи, который определяется в 1,7—2,0 млрд экз.). Абсолютно лидирующее положение в мире по тиражу занимает в настоящее время Китайская Народная Республика, где в 1985 г. было выпущено около 6 млрд экз. книг и брошюр (рост по сравнению с 1980 г. на 2,3 млрд экз. или на 30%).

Важным показателем, по которому можно судить о развитии книгоиздания, является выпуск книг и брошюр на душу населения. И здесь наша страна занимает одно из ведущих мест в мире, уступая лишь странам с гораздо меньшими абсолютными объемами производства издательской продукции. Сейчас в СССР выпускается на душу населения около 8 книг в год.

Из вышесказанного следует вывод, что по большинству показателей советское книгоиздание находится на уровне мировых стандартов. И тем не менее приходится говорить и о дисбалансе спроса и предложения, и о дефиците, и остораживающих тенденциях в изменении роли и места чтения в современном образе жизни, то есть обо всех тех реально сложившихся противоречиях в отношениях «человек — книга», которые продолжают вызывать интерес и оживленную дискуссию в средствах массовой информации.

Нельзя сказать, что в годы, предшествовавшие этой дискуссии, в отрасли ничего не делалось для разрешения имеющихся противоречий. Достаточно назвать лишь несколько серьезнейших акций, принятых в сравнительно недавнем прошлом для преодоления пресловутого дефицита. Благодаря значительным усилиям издателей и полиграфистов удалось переориентировать структуру выпуска книг и брошюр таким образом, что удельный

вес тех видов литературы, которые пользуются наибольшим спросом, — художественной и детской — поднялся в общем объеме выпуска до чрезвычайно высокой отметки — 55%. Стал практикой «макулатурный» эксперимент. Предприняты беспрецедентные для отечественного книгоиздания акции по выпуску избранных сочинений русской и советской классики по безлимитной подписке. Все эти мероприятия сыграли свою роль в некотором повороте к удовлетворению потребностей в книге, но полностью исправить положение не смогли. Нынешний взрыв духовной активности значительно расширил рамки интересов советских людей, которые хотят больше знать о прошлом, настоящем и будущем страны и внимание которых привлекают общественные и государственные дела, мировоззренческие и морально-этические проблемы⁵.

Рецептов исправления сложившегося положения предлагается много. Нет ни одного мало-мальски сведущего человека среди ученых и практиков, который не придумал бы собственной «панацеи от всех бед» отечественного книгоиздания. Знакомство с подобными предложениями свидетельствует о том, что почти в каждом есть определенные зерна истины. Однако все это рассуждения на уровне здравого смысла, не содержащие серьезного научного анализа и направленные больше на «латание дыр», чем на выработку долгосрочной стратегии книжного дела. К тому же большинство из этих предложений сводится к попыткам выработки сиюминутных решений проблем без учета динамики обстановки и быстро меняющихся ситуаций.

Реализация разовых решений, если положить ее в основу книжной политики, постепенно приведет к исчерпавшему себя методу проб и ошибок и не даст, по нашему мнению, ощутимых конечных результатов. Магистральный путь к выработке надежной стратегии книгоиздания, имеющий целью создание форм и методов удовлетворения потребностей общества и личности в книге, — это постановка крупных научных исследований. Научное обеспечение издательской стратегии должно быть обосновано, конечно, на использовании современных методов исследования и проводиться на высоком качественном уровне. Организация научных исследований в области книгоиздания и книгораспространения, а также по проблемам удовлетворения потребности советских людей в книгах, осуществляемая Всесоюзной книжной палатой Госкомиздата СССР, нуждается в совершенствовании. Думается, что это утверждение равным образом может быть отнесено и к другим научным учреждениям отрасли, а также и к межотраслевым исследованиям по проблемам книжного дела. Однако ведущая роль в реализации социального заказа науке о книге со стороны общества безусловно отводится вновь созданному и входящему в состав НПО «Всесоюзная книжная палата» Научно-исследовательскому институту книги.

Институт книги по своей численности и структуре располагает серьезными возможностями для выработки научно обоснованных рекомендаций по развитию советского книгоиздания в целях более полного и всестороннего удовлетворения общественных потребностей в книге.

Проблематика научных исследований в области книговедения на современном этапе включает в себя широкий спектр задач, начиная

⁵ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 8.

от фундаментальных теоретических вопросов, связанных прежде всего с ролью и функциями книги в нынешнем обществе, и кончая сугубо прикладными исследованиями, касающимися отдельных сторон книгоиздания и книгораспространения. Более того, сам набор задач будет, естественно, постоянно корректиро-

ваться в соответствии с динамикой общественных процессов и изменением на этой основе характера социального заказа науке. В связи с этим целесообразно остановиться лишь на некоторых аспектах задач книговедческой науки, носящих сегодня наиболее актуальный характер.

Потребности общества и потребности личности

Современный механизм любого производства — его планирование, техническое и технологическое обеспечение, параметры качества, реализация и использование продукции — должен строиться на принципиально новой основе, предусматривающей в качестве конечного результата удовлетворение потребностей определенного контингента потребителей. В данном случае книга не является исключением, ни как продукт материального производства, ни как элемент духовной культуры. Другими словами, производство не ради производства, а ради удовлетворения потребности как конечного результата.

В связи с этим перед наукой встает очень сложный вопрос о сущности потребностей в книге, их характере, критериях количественной и качественной оценки и, конечно, путях удовлетворения этих потребностей.

В самом общем смысле потребность — это нужда или недостаток в чем-либо, необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом⁶. Потребность является внутренним побудителем активности — «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради

какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности...»⁷.

Осознанные обществом и индивидом потребности выступают в качестве их интересов. В классовом обществе интересы, а следовательно, и потребности различных социальных групп различны ввиду неравенства в экономическом, социально-культурном и политическом положениях. Социализм создает предпосылки к преодолению указанного антагонизма и формированию условий для гармонического сочетания общественных и индивидуальных интересов.

К сожалению, эта верная в теории посылка, возведенная в абсолют, привела на практике к отождествлению общественных и личных интересов. Во многом из-за этого сложился диктат производителя над потребителем — явление, которое послужило одной из серьезных причин возникновения дефицита потребительских товаров в условиях растущих объемов производства. И в том, что не удовлетворялись потребности в книге, не последнюю роль сыграл диктат издательства.

Закономерно, что, разрабатывая основные направления перестройки, партия уделяет самое серьезное внимание правильному сочетанию общественных и личных интересов

⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 518.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 245.

и потребностей. «Безусловно,— говорит М. С. Горбачев,— социализм устраняет антагонизм интересов. Тезис — известный и верный, но никак не означающий, что ликвидация антагонизма интересов тождественна их унификации или нивелировке»⁸. И далее: «В условиях перестройки по-новому встает проблема гармонизации общественных и личных интересов. Поиск правильных соотношений между теми и другими имеет огромное значение, это задача живой практики. Речь идет об учете всего комплекса интересов — личности, коллектива, классов, наций, народностей, социальных и профессиональных групп, сложной диалектики их взаимоотношений,— с тем чтобы обеспечить динамичное развитие общества»⁹.

Выделить в чистом виде потребности общества в книге, видимо, нельзя, ибо потребление книги (чтение) осуществляется не каким-то специально предназначенным для этого социальным механизмом, а именно отдельными личностями. Вместе с тем, нельзя считать, что чтение книги определенным человеком есть только личностное потребление, ибо развитие отдельной личности служит в то же время и развитию духовного богатства общества в целом. В этом — диалектика гармонизации общественных и личных интересов.

В связи с этим представляется целесообразным провести в некоторой степени условное разграничение общественных и личностных потребностей в книге. За точку отсчета в определении потребностей и интересов общества можно взять стоящие перед ним значимые задачи и цели. Если главным условием

ускорения социально-экономического развития страны является быстрое внедрение в производство достижений научно-технического прогресса, то можно считать, что информационное обеспечение поставленной задачи — это прежде всего общественная потребность. Далее, глубокая и широкомасштабная перестройка хозяйственного механизма и управления экономикой страны в целом определяет еще один солидный социальный заказ книгоизданию. Здесь, как сейчас выражаются, также необходима определенная «критическая масса» знаний, овладение которой позволит вывести общественное знание на необходимый уровень. Требуются книги по конкретной экономике социализма, по пропаганде передового опыта хозяйствования (полный хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость, бригадный подряд и т. д.), по практике применения Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)».

Общественные потребности в книге (в том условном понимании, как мы это определили) по-прежнему будут определяться необходимостью обеспечения школ, вузов и других учебных заведений учебниками и методической литературой; к их числу, конечно, следует отнести и всю литературу, направленную на функционирование системы непрерывного повышения квалификации.

Очевидно, что все перечисленные виды литературы следует квалифицировать как государственный заказ книгоизданию, хотя его содержание не будет, конечно, этим исчерпано и на каждом конкретном этапе социально-экономического развития состав этого социального заказа будет дополняться и корректироваться. Задачи научного обеспечения формирования государственного заказа во многом будут состоять

⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 25—26 июня 1987 г. С. 10.

⁹ Там же. С. 11.

в том, чтобы наиболее полно учесть различные факторы социального развития в условиях быстро меняющихся ситуаций.

Важное направление научных исследований — это изучение потребностей различных социальных групп и отдельных личностей. Здесь роль потребностного фактора особенно велика, а переход к планированию «от читателя» становится существенно необходимым. При таком подходе наиболее продуктивно, на наш взгляд, использовать принцип маркетинга.

Маркетинг (от *англ.* market — рынок) — это система хозяйствования, ориентированная на такую организацию производства, при которой главным становится не сам выпуск продукции, а ее реализация. Теория маркетинга и практическое воплощение этой политики возникли как ответ на те трудности, с которыми столкнулась капиталистическая экономика в послевоенный период. Характер сложившейся ситуации очень точно показал в своей работе польский экономист Э. Пашковяк. Почти четверть века назад, в самый разгар «маркетинговых игр», он указывал в докладе на совещании специалистов по рекламе социалистических стран: «В первые послевоенные годы в капиталистических странах существовал огромный спрос на потребительские товары и капитальное оборудование. Существовал, таким образом, огромный „рынок продавца“»¹⁰. Это обуславливало то, что основное внимание обращалось в то время не на проблемы сбыта, а на вопросы техники и технологии производства. О совершенствовании сбыта никто не ду-

мал, ибо он не представлял никаких трудностей.

С 1950 г. это положение изменилось. Аппарат сбыта, устаревший и «испорченный» легкой продажей в период «рынка продавца», начал трещать под натиском растущего предложения товаров. Как техника, так и организация сбыта с течением времени превращались в барьер, тормозящий экономическое развитие капиталистических стран. Устаревшие каналы сбыта, работавшие по старинке и не отвечающие современным запросам, сводили на нет достижения технического прогресса и модернизации производства.

Не производство, а сбыт — таков был теперь вопрос № 1 капиталистической экономики. «Не тот был богат, кто имел завод, а тот, кто имел хорошо организованый и изученный рынок сбыта...»¹¹.

Опыт капиталистических стран в области маркетинга должен, разумеется, рассматриваться критически. Большинство специалистов сходятся на том, что концепция маркетинга как «новой философии бизнеса», позволяющей якобы разрешить все проблемы современного капитализма, вряд ли скольконибудь состоятельна. Вместе с тем, творческое использование некоторых методов маркетинговой системы может дать определенные положительные результаты и в условиях плановой социалистической экономики на новом этапе ее развития.

В этой связи представляется плодотворным рассмотреть возможности использования элементов маркетинга при формировании стратегических и решении тактических задач книгоиздания в период перестройки. В первую очередь становится очевидной необходимость изучить проблему принципиально иного подхо-

¹⁰ Пашковяк Э. Современное состояние рекламы в капиталистических странах. М., 1964. С. 5. («Рынок продавца» — ситуация, когда спрос превышает предложение, когда преобладающим является диктат производителя над потребителем.).

¹¹ Там же.

да к планированию выпуска литературы. Чтобы идти к производству книг «от потребителя», нужно, как это и предусматривается в классическом маркетинге, сначала изучить потребности рынка, определить потенциальный спрос на книгу, а затем ее издавать. На это можно, конечно, возразить, что книготорги изучают спрос покупателей по темпланам издательств. Но ведь книга, включенная в темплан,— это готовый продукт, он фактически уже сделан, осталось только издать. Нет, речь идет о другом, о том, чтобы сам темплан формировался на основе маркетинговых исследований.

Для этого необходимо, чтобы социологические исследования были перенесены в издательства, максимально приближены к конкретному производству. Ни одна крупная (даже в масштабах издательства) акция, связанная с выпуском серии, библиотеки, рубрики, вплоть до крупнотиражной книги, не должна предприниматься без надежного зондажа рынка (понимаемого, конечно, достаточно широко — как потребности читателя). Созданная недавно отраслевая социологическая служба призвана вместе с издательствами и другими организациями обеспечить систематическое проведение такого рода исследований.

Эффективное определение потребностей читателя на основе социологических исследований будет возможно лишь при соблюдении по крайней мере двух условий. Во-первых, панели изучения спроса должны быть достаточно определенными по одному или нескольким признакам, характеризующим группу читателей (демографическим, социально-психологическим, национальным, региональным и т. д.). Другими словами, следует использовать еще один вариант маркетинга — так называемую сегментацию

рынка, выделение более или менее однородных групп потребителей, что, в свою очередь, покажет в результате всю широту и содержание потребностей читателя в книге. Во-вторых, подразумевается, что потребности изучаются не по книгам вообще, не по группам книг, а по отдельному изданию и, в случае отсутствия такового, по теме. Расхожее представление о том, что в стране не хватает художественной или детской литературы, не полностью отражает подлинное положение вещей. Можно повышать удельный вес этих видов литературы до гипертрофированных размеров и не получить нужного результата.

Думается, что если ввести в наши рассуждения философские категории единичного, особенного и общего, то познание закономерностей развития книгоиздания должно идти в точном соответствии с марксистско-ленинской диалектикой — от единичного к особенному, а затем — к общему. Хрестоматийна истина о том, что в книге органически сопрягаются материальное и духовное. Но нередко забывается при этом еще одна важная особенность книги как единичного — ее уникальная качественная и количественная определенность. И не только книги как материального воплощения того или иного литературного произведения, но и издания, которое еще в большей степени конкретизирует эту книгу, представляя ее читателю то в виде обычной брошюры, то в виде богатого иллюстрированного альбома, то в виде факсимильного издания. И чем с большей достоверностью нам удастся определять потребности на уровне единичного, тем точнее будут складываться пропорции особенного (видов литературы), тем надежнее будет функционировать общее — вся система книгоиздания, развитие которой будет основываться

ся на диалектическом сочетании общественных и личных потребностей.

Подход к планированию развития книжного дела «от читателя» позволяет и в научном, и в практическом плане решать еще несколько задач. Можно выделить по крайней мере две из них. Во-первых, это эффективное изучение самого читателя. Многие современные книговеды давно уже ставят проблему необходимости системной интеграции книжного дела. Очень последовательно, на наш взгляд, выступает на эту тему И. Е. Баренбаум, развивая свою идею функционального подхода и его применения в книговедении. «Функциональный подход — при изучении читателя в книговедческих исследованиях — выражается прежде всего в изучении читателя в связи с книгой, в системе книга — читатель, а в более широком плане: книга — книжное дело — читатель»¹². На этом основании делается серьезный вывод о том, что от эффективного изучения функций чтения, типологии читателя зависит правильная ориентация издательств, библиотек, книжной торговли, библиографов в обслуживании читателей, покупателей книги, в наиболее полном удовлетворении читательского спроса на литературу различных типов, тематики, содержания¹³. Правда, думается при этом, что элементы системы должны быть переставлены в таком порядке: читатель — книга — книжное дело, но это уже проблемы более глубокого исследования.

Во-вторых, такой «читателеведческий» подход к проблемам современной книги и книжного дела по-

зволяет реально демократизировать процессы выпуска книги, усилить энергию «обратной связи» — силу влияния читателя на книгоиздательские процессы. В то же время пристальное и пристрастное изучение читательского мнения будет способствовать тому, что сами общественные потребности будут отражать динамику развития подлинной структуры современного общества, динамику социально-классовых, внутриклассовых изменений, сложный и противоречивый процесс формирования социальной однородности советского общества¹⁴.

Наконец, построение издательской модели по маркетинговому принципу подразумевает не только изучение спроса читателей на книгу и организацию ее выпуска под спрос, но и активное формирование потребностей в тех книгах, которые в наибольшей степени отвечают решению крупных, социально значимых задач.

Большая роль в воздействии на читателя в процессе формирования новых потребностей в чтении принадлежит рекламе.

Коренное отличие социалистической рекламы от буржуазной как раз в том и состоит, чтобы не просто проталкивать товар на рынок и повышать всеми способами объем продажи, а пропагандировать и рекламировать социально перспективные товары, отвечающие высоким общественным целям.

В. В. Маяковский, деятельность которого в области становления социалистической рекламы, в частности рекламы книг, трудно переоценить, писал: «Обычно думают, что надо рекламировать только дрянь — хорошая вещь и так пойдет. Это самое неверное мнение. Реклама — это имя вещи. Как хоро-

¹² Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении // Книга и социальный прогресс. М., 1986. С. 128—129.

¹³ Там же. С. 129.

¹⁴ Яковлев А. Указ. соч. С. 19.

ший художник создает себе имя, так создает себе имя вещь. ...Реклама должна напоминать бесконечно о каждой, даже чудесной вещи» (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 58).

Проведенное недавно специалистами НПО «Всесоюзная книжная палата» исследование, связанное с постановкой пропаганды и рекламы книг в издательствах и книго-

торговых организациях, показало, что уровень и содержание этой работы не отвечают современным требованиям. Нуждается в серьезном изучении, анализе и выработке научных подходов вся система рекламно-пропагандистской работы, начиная с организационных основ и кончая методическими разработками по проведению рекламных кампаний.

С опорой на практику

Не секрет, что книговедческая наука развивалась в последнее время главным образом в кабинетных условиях. Ученые оперировали историческим и статистическим материалом, мало обращались к практике деятельности издательств, полиграфических предприятий, книготоргов. Можно сказать, что книговедение и книжное дело двигались параллельными курсами, не вмешиваясь активно в дела друг друга. Чем иначе можно объяснить, например, что за последние годы не было практически ни одного исследования, в котором были бы серьезно проанализированы проблемы современного состояния советской издательской системы. Дело доходит до того, что иногда с трудом удается выяснить, сколько же издательств и издающих организаций функционируют сегодня в нашей стране.

В результате даже те нормативные или методические документы, которые готовятся научными учреждениями отрасли, выпускаются в расчете на некое «среднее» издательство, не учитывают ни размеров его деятельности, ни специфики выпускаемой литературы, ни характера издательского процесса. Эффект «работы» таких документов, конечно, соответствует уровню их подготовки.

Отрыв от практики приводит к серьезным упущениям и в тех областях книговедения, где наши позиции, казалось бы, довольно активны. Возьмем, к примеру, вопросы типологии. Дискуссии по этим вопросам ведутся второй десяток лет и в печати, и на различных научных конференциях. И тем не менее мы только сейчас, на основании социологических исследований, анализа читательской почты, видим, что из поля зрения специалистов выпала целая группа изданий, которая пока даже не получила своего «типологического номинала». «Книга для дома, для семьи», «Досуговая книга», «Книга для любителей» и еще целый ряд самостоятельных названий прикрывают пока эту типологическую брешь. (Следует заметить попутно, что здесь сказалося и наше недостаточно пристальное внимание к процессам, происходящим в зарубежном книгоиздании. Книги, о которых идет речь, неоднократно экспонировались на Московских международных книжных выставках-ярмарках последних лет и фигурировали в аннотациях выставочных каталогов.)

Даже поверхностный анализ этого нового явления в типологическом ряду показывает, что внутри самой этой группы образуются уже само-

стоятельные слои, которые ждут также своего исследователя. Например, отчетливо выделяются книги: по проблемам супружеской жизни; по проблемам ухода за детьми; по проблемам домашнего хозяйства (с целой внутренней иерархией); по проблемам семейного спорта; по различным любительским направлениям (охота, рыбная ловля, сбор грибов, фотография и кинолюбительство и т. д.).

Ученым вместе с издателями предстоит серьезная работа и на концептуальном, и на практическом уровне, чтобы в ближайшие годы не только удовлетворять количественные потребности в таких изданиях, но и поднять качество этих изданий до отметки тех требований, которые предъявляются читателями, и, главное, сделать предлагаемый читателю набор информации разнообразным. Анкетный опрос, проведенный специалистами НПО «Всесоюзная книжная палата» и редакцией газеты «Книжное обозрение» с целью выяснения мнения читателей по списку книг повышенного спроса (98 названий), выявил по крайней мере три точки зрения читателей относительно издания книг «Для дома». Одна группа безоговорочно приняла предложенный перечень названий с одним лишь пожеланием — чтобы они скорее поступили в продажу. Другая, более, скажем, «придирчивая», часть читателей высказала свои предложения по качественному составу списка — либо путем указания иных названий и авторов, либо предложением дополнительных тем. И совершенно неожиданную позицию заняла третья группа. По мнению этих читателей, некоторые книги «домашнего пользования» предназначены не для разумной организации досуга, рационального использования свободного времени, а для

того, чтобы каким-то образом нейтрализовать недоработки в социальной сфере («Ремонт квартиры собственными силами», «Ремонт автомобиля» и др.). Этот пример, на наш взгляд, показывает, что работа над книгой с участием ее конечного потребителя может дать большую научную и практическую пользу.

Практическая типология должна дать издателям рекомендации и по другим видам литературы. Например, в последнее время отчетливо обозначился интерес к популярным справочным изданиям. Резко повысился спрос не только на справочники, касающиеся ведения домашнего хозяйства, но и юридические, географические и др. Недостаточно исследованы на научном уровне проблемы типологии детской литературы, где на передний план также выдвигаются книги познавательного характера. Заметно сдвигаются возрастные границы читателей различных групп детской литературы, аудитория взрослеет и требует новых, современных произведений, освещающих проблемы сегодняшнего дня.

Вообще говоря, похоже, что книговеды в попытках создать единую, универсальную типологию литературы не успевают за жизнью, которая на ходу вносит поправки в наши теоретические схемы. И задача, видимо, в том, чтобы постоянно корректировать типологические построения, вовремя подмечать все то новое и прогрессивное, что появляется в практике издательств, что рождается в связке «читатель — издатель — писатель».

Современная жизнь динамична сама по себе. Но эта динамика происходит вокруг и внутри нас усиливается, когда в нее вносится элемент сознательного. Ускорение общественных процессов, начало

которому было положено в апреле 1985 г., стало постоянным фактором сегодняшнего этапа развития страны. В этих условиях стало отчетливо ясным отставание в технологии производства книг, причем особенно на стадии редакционной обработки. Ни существующие нормы выработки, ни традиционный порядок прохождения рукописи не обеспечивают оперативного выпуска книг, даже самых актуальных. Не случаен в этой связи возрастающий интерес читателя к газетам и журналам, причем к материалам различных жанров, а не только к художественной прозе.

Анализ работы некоторых издательств («Радио и связь», «Мысль» и др.) показывает, что резервы сокращения сроков на основе существующей технологии практически исчерпаны. За счет ликвидации моментов «пролеживания» рукописей на межпроцессных этапах можно сэкономить дни или десятки дней, но это мало что даст, если книга находится в производстве два-три года. Наука должна и здесь наметить направления, на которых можно добиться прорывов.

Надежды на то, что существенное сокращение сроков будет достигнуто только с помощью использования современных средств редакционно-издательской техники, не оправдались. Это видно на примере даже тех издательств, которые в большей или меньшей степени оснащены фотонаборным или наборно-печатающим оборудованием, средствами визуального контроля. Да это и понятно, так как технократические подходы могут дать эффект лишь на рутинных операциях (корректур, техническое редактирование, монтаж и т. д.). И это при условии, что большинство издательств будет обеспечено соответствующей техникой, сопряженной с оборудованием полиграфических предприятий.

Кардинальная перестройка требуется в области интеллектуальных процессов редакторской деятельности. Слово здесь за специалистами по теории и практике редактирования. Сейчас можно сказать лишь одно — должна быть существенно пересмотрена социальная роль редактора, именно он призван стать выразителем и организатором заказа общества на книгу. В связи с этим встает вопрос о соотношении организационных, технических и творческих аспектов в работе редактора с акцентом на последних. Но это отдельная большая тема.

Одной из серьезных задач книговедения, которой также не уделялось длительное время внимания, какого она заслуживает, — это проблема культуры и искусства книги. Интересные мысли по поводу соотношения культуры и искусства книги на основе философской категории меры высказаны в ряде работ В. Ф. Кравченко, им же предложена системная модель книги, которая во многом реализована в практической деятельности издательства «Книга»¹⁵. Однако специалисты до сих пор не предложили современных решений материальной конструкции и художественно-издательского оформления современной массовой книги. Под массовой книгой здесь подразумеваются издания, которые можно оперативно готовить и выпускать миллионными тиражами, быстро откликаясь на массовый же спрос читателей. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что такая книга должна быть чрезвычайно проста в оформлении, изготовлена методом бесшвейного скрепления и одета в мягкую, но достаточно прочную обложку (paper back). Знакомство с образцами книг,

¹⁵ См., напр.: Кравченко В. Ф. Культура современной книги: (К новой постановке вопроса) // Книга: Исслед. и материалы. 1986. Сб. 52. С. 74-90.

выпускаемых иностранными издательствами, показывает, что издания типа *rare book* используются достаточно широко и при выпуске книг для специалистов, а также книг многоразового пользования (детские раскраски).

Помимо удобства использования, переход на такие издания, это можно утверждать априори, сулит значительные экономические выгоды, поскольку их выпуск ориентирован на дешевые сорта бумаги, минимум расходов на печать (черно-белая ротационная печать, не считая

цветной обложки) и на отделочные (автоматизированные) процессы. Одновременно с этим должны быть предложены и другие виды изданий, в которых можно реализовать пробные тиражи первых книг, книги домашних библиотек, детские книги для самых маленьких. Разработка различных видов материальных конструкций книг позволит наряду с широким разнообразием применять единые форматные ряды, ориентированные на максимально эффективное использование машинного парка.

Взгляд в будущее

Серьезная задача, стоящая сегодня перед книговедческой наукой, — разработка основ долгосрочного прогнозирования книжного дела. Как известно, прогноз — это информация о будущем, базирующаяся на анализе информации о прошлом и настоящем. Совершенно естественно поэтому, что прогноз развития книгоиздания будет тем более надежным, чем лучше мы будем знать существующих глубинных процессов, протекающих в системе «читатель — книга».

Специалисты НПО «Всесоюзная книжная палата» ведут работы по подготовке прогноза, опираясь на те задачи в области развития социальной сферы, которые определены в новой редакции Программы КПСС, в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, в Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на этот же период. Уже сейчас ясно, что ход перестройки, нарастание процессов демократизации и гласности, рождение буквально на наших глазах новых качеств общественного сознания

не позволяют построить прогноз путем обычной экстраполяции статистических рядов, принимая во внимание одни только демографические показатели. Доминирующую роль все более и более будут играть вопросы социального развития и, в первую очередь, «человеческий фактор». Поэтому в работе над прогнозом активное место должны занять социологические исследования, причем на уровне фиксации сегодняшнего положения дел, но главным образом — на уровне определения долгосрочных тенденций читательского спроса.

О том, насколько сложны проблемы прогнозирования в социально-культурной сфере, можно судить по тем дискуссиям, которые развернулись в последнее время вокруг одного из количественных показателей развития книжного дела — числа названий выпускаемых книг и брошюр. Известно, что этот показатель в основном стабилизировался на уровне 83—84 тыс. названий ежегодно. Много это или мало? С одной стороны, раздаются призывы резко сократить это количество и сосредоточить сэкономленные при этом ресурсы на решении проблем книжно-

го дефицита, то есть на выпуске художественной, детской и справочной литературы. С другой — расширяющееся многообразие социальной действительности требует адекватного отражения этого многообразия в общественном сознании, а следовательно, разнообразия средств духовной культуры, в том числе и увеличения количества выпускаемых книг. Философия застойного периода сейчас справедливо критикуется именно за то, что в ней доминировали представления о нарастающем однообразии по мере продвижения к коммунизму, об исчезновении, отмирании многообразия. Сторонникам такого подхода прогресс виделся как нарастающее упрощение: спрямление всего и вся¹⁶.

Видимо, к этому вопросу, как и ко многим другим проблемам реального функционирования книжного дела, нужно подойти диалектически, именно этим путем разблокировать сложившееся противоречие. Диалектика данного случая такова, что возможно пойти на определенное тактическое отступление и снизить на какое-то время число названий выпускаемых книг, причем книг

главным образом из раздела художественной литературы, а не научной, потому что небольшие тиражи последней не дадут сколько-нибудь ощутимых результатов в смысле снижения остроты дефицита. В то же время стратегическим направлением развития книгоиздания должно оставаться постоянное повышение разнообразия тематики.

* * *

На нынешнем революционном этапе истории нашей страны главные задачи науки — сконцентрировать интеллектуальный потенциал на тех ключевых точках в любой области знания, которые являются определяющими на пути ускорения развития общества. Есть такие точки и в книговедении, которое в нынешних условиях должно служить не только отражением процессов, протекающих в отдельных отраслях книжного дела, но и той основой, на которой книгоиздание сможет двигаться вперед наиболее эффективно. Мы осветили некоторые задачи практического книговедения, связанные с изучением общественных потребностей в книге, путей их удовлетворения. Теперь дело — за их практической реализацией.

¹⁶ См.: Коммунист. 1987. № 8. С. 7.

ДОСТУПНОСТЬ КНИГИ В УСЛОВИЯХ ЕЕ ДЕФИЦИТА

Состояние книжного дела можно охарактеризовать одним словом: напряженность. Неутоляемая жажда чтения и книговладения в условиях гласности выплеснулась эмоциональным взрывом требований и предложений. По письмам читателей, публикуемым в массовых газетах и журналах, можно судить о диапазоне мнений: от требований немедленно перестроить книгоиздательское дело, сосредоточив его усилия на выпуске дефицитных изданий, до полного неверия в возможность что-либо изменить.

Главной хронической проблемой книжного дела остается разрыв между спросом на книгу и возможностями его удовлетворения. Правда, уже публикуются оптимистические заверения, что книжный бум подходит к концу¹, но сохраняется дефицит и художественной литературы, и изданий так называемой деловой прозы, литературы для детей и взрослых, и нет оснований полагать, что он сам собою исчезнет. Поэтому поиск и выбор путей преодоления проблемной си-

туации по-прежнему остается актуальной задачей.

Как можно судить по подавляющему большинству выступлений в печати, главный и даже единственный путь видится в росте выпуска книжной продукции с ориентацией на удовлетворение существующего спроса². Программа деятельности, которой руководствуется в настоящее время Госкомиздат, сводится к тому, чтобы к 1990 г. довести годовой тираж книг и брошюр до 3 млрд экз., увеличить долю переизданий и удовлетворить в ближайшие годы спрос примерно на 100 названий книг (в том числе 50 названий книг для детей), выпустить 12 безлимитных собраний сочинений отечественных классиков, подписную «Библиотеку для учителя» и т. д.³

¹ Кац Б. А., Макаренков С. М. Рынок «свободного книгообмена» в 1986 году: анализ ситуации // Социол. исслед. 1987. № 2. С. 59; Горинштейн С. Кто за? Кто против? Конец книжного бума, или начало «книжных лавок» // Кн. обозрение. 1987. 10 апр. С. 6.

² Левин М. Б. Книжный бум: Заметки книголюбца // Журналист. 1982. № 1. С. 64—66; Идашкин Ю., Помазанов В. Некомпетентно // Там же. № 4. С. 62—63; Шереги Ф. Э. Структура читательских предпочтений // Социол. исслед. 1986. № 3. С. 116—127; Михайлов Ю. О книжной диете, старом календаре и свежем ветре // Сов. культура. 1987. 7 апр. С. 6; Кузнецова Н. С верой и оптимизмом // Там же. 23 июня. С. 6; Коваленко С. Меняю Агату на Ключевского! // Юность. 1987. № 9. С. 15—16.

³ Ненашев М. Ф. Книжный дефицит // Неделя. 1987. 17—23 авг. С. 3; Всесоюзная издательская программа выпуска литературы массового спроса на 1988—1990 гг. // Кн. обозрение. 1987. 4 сент. С. 8—9.

Все эти решения, направленные на удовлетворение спроса с помощью действительно полезных изданий, представляются совершенно естественными, заслуживающими поддержки и успешной реализации. Очевидна полезность и других путей преодоления дефицита: производство и распространение книг в обмен на макулатуру, перманентный выпуск Советского энциклопедического словаря, «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и других изданий. Широкий масштаб приобретает социологическое изучение реального книжного спроса населения. Его проводят газеты (прежде всего «Книжное обозрение»), научные учреждения и другие коллективы. Ведущую роль в организации постоянного социологического изучения книжной среды должен играть образованный в 1987 г. Научно-исследовательский институт книги.

Примером учета мнений читателей служит изменение состава самой массовой серии — «Роман-газеты». Подготовив список наиболее популярных произведений современной литературы, редакция опубликовала его в девятом номере за 1987 г. (Пикуль В. С. Фаворит. Т. 1. М., 1987. С. 128) и предложила читателям выбрать десять романов и повестей, а также сборников их, которые они хотели бы прочесть в данной серии в 1988 г.

Указанные решения свидетельствуют о заметном сдвиге в механизме книгоиздательского дела в сторону демократизации, удовлетворения массового спроса. Выявление наиболее дефицитных произведений, выпуск их действительно массовыми, то есть миллионными, тиражами может привести к уменьшению дефицита.

Однако все эти мероприятия, как и абсолютное большинство выступлений средств массовой инфор-

мации по вопросам книжного дела, невольно приводят к представлению, что единственный реальный путь прочесть желанную книгу состоит в ее покупке для личной библиотеки. Отсюда вытекает, что тиражи изданий «определяет в первую очередь конкретный спрос населения»⁴, что самое разумное экономическое решение проблем издательского дела состоит в том, чтобы печатать книги тем тиражом, который удовлетворяет спрос⁵.

Но можно насытить спрос на одну, две, зное количество книг, а дефицит остальных книг сохранится. Вполне понятны чувства читателя, который 15 лет искал возможность прочесть «Мастера и Маргариту»⁶, но, по-видимому, мы недостаточно осознаем, что социалистическая культурная революция сформировала в нашей стране многомиллионную армию читателей, уровень материальной обеспеченности которых позволяет приобретать относительно дешевые книги. На них с различной интенсивностью оказывает психологическое давление библиографическая информация: постоянные упоминания в печатной и устной форме, в средствах массовой информации и в межличностном общении наиболее популярных книг непрерывно возбуждают желание их прочесть. Возьмем ситуацию середины 1987 г.: в журнале «Дружба народов» закончилось печатание романа А. Н. Рыбакова «Дети Арбата». Его неоднократно положительно оценивали газеты и журналы, это, суммируя тиражи изданий, сотни миллионов упоминаний. Добавим изустную молву (номера журнала, выходящего 150-тысячным тиражом,

⁴ Нехорошев Г. Уровни постижения // В мире книг. 1987. № 2. С. 29.

⁵ Солоухин В. Вернемся к здравому смыслу // Лит. газ. 1987. 26 авг. С. 3.

⁶ Аbrukовский А. Книги есть — книг нет // Известия. 1987. 10 апр.

прочитали, вероятно, по 10 и более читателей). Каким тиражом, следуя логике В. Солоухина, нужно издать роман, чтобы удовлетворить спрос? 10—20 млн экз.?

В одной из газетных статей было обращено внимание на то, что произведения некоторых авторов переиздаются значительно чаще, большими тиражами, чем других⁷. Но книги перечисленных в статье авторов, выпущенные за две последние пятилетки тиражами от 2 до 10 млн экз., не залежались на полках магазинов. Их можно переиздавать и далее, насыщая спрос.

Разумеется, в структуре и составе книжного потока нужны изменения, и использование результатов социологических опросов позволит внести необходимые коррективы в планы издательства. Так, желательно устанавливать тиражи изданий по общественным и гуманитарным наукам в большем соответствии с собранными заказами. О залежах таких изданий в 100 и более экземплярах, безнадежно устаревающих, сообщает, например, «Книжное обозрение». И тем не менее после проведения всех предлагаемых мероприятий книжный дефицит не будет ликвидирован. Не устранит его и предлагаемое некоторыми исследователями увеличение тиражей за счет сокращения количества названий⁸. Для иллюстрации приведу один давний, но актуальный пример. В 1969 г. Комитет по печати при Совете Министров РСФСР, обнаружив недостатки в некоторых краеведческих календарях знаменательных и памятных дат, запретил их выпуск (см.: Лит. газ. 1970. 11 марта. С. 16). Таким путем была сэконом-

лена бумага, которой не хватило бы даже на четвертую часть тиража при издании «Сержанта милиции» или иного детектива (тиражи календарей объемом 3—4 уч.-изд. листа обычно не превышали 1000 экз.). Между тем общепризнано, что эти календари составляют важное звено системы краеведческих библиографических пособий, служат делу пропаганды краеведческой литературы, воспитания советского патриотизма⁹.

Книжный голод появился в нашей стране как спутник социалистического строительства, свидетельство духовного здоровья советского общества. Нет оснований предполагать его исчезновение в ближайшем будущем. Например, выпуск безлимитных изданий собраний сочинений А. С. Пушкина и В. В. Маяковского соответственно тиражами в 10 млн 700 тыс. и 6 млн экз. не приведет к прекращению выпуска других изданий произведений этих классиков: академических, комментированных, иллюстрированных, для детей и т. д. Через несколько лет появятся новые сотни тысяч читателей, которым будут нужны для личных библиотек массовые издания собраний сочинений А. С. Пушкина и В. В. Маяковского.

Между тем, при ориентации исключительно на удовлетворение покупательского спроса, на наш взгляд, затеняется истинная, главная проблема книжного дела — доступность книги для ознакомления и прочтения (потребления). Коль скоро дефицит изданий массового спроса сохраняется, перед обществом неизбежно возникает проблема выбора приоритетов. Такого рода решения принимались и раньше, но на уровне ведомств, без должно-

⁷ Владимир Н. Авторы и тиражи // Там же. 14 июля. С. 3.

⁸ Марин А. П. Роль общественных распространителей книг в культурном преобразовании села // Кн. торговля: Опыт, пробл., исслед. 1983. Вып. 11. С. 23—24.

⁹ Мамонтов А. В., Щерба Н. Н. Краеведческая библиография: Учеб. для вузов. М., 1978. С. 88—90.

го учета мнений читателей и рекомендаций книговедов. В противном случае проблемы книжного дела не обсуждались бы столь болезненно, не требовались бы крупные изменения в книжном потоке в духе перестройки и демократизации общественной жизни.

В условиях дефицита в центр внимания должна быть поставлена проблема доступности книги. Изначально книга возникла и затем развивалась как средство распространения знания. Революционное значение книгопечатания, позднейших технических усовершенствований книгопроизводства заключается в том, что они позволили в большем количестве экземпляров распространять книгу среди более широких кругов читателей. Но парадокс книгораспространения состоит в том, что оно одновременно рассеивает книгу по миллионам личных библиотек, лишая возможности прочесть ее тех читателей, которым она нужна, вероятно, больше, чем «счастливым обладателям». Рассеянная книга оказывается недоступной для потребления.

В решении проблемы доступности книги есть два аспекта. Первый состоит в оптимизации книжного потока, при которой большее внимание будет уделено выпуску и распределению книг для личных библиотек. Очевидно, что книга в личной библиотеке наиболее доступна для ее использования (эта истина не столь банальна, как кажется: в личной библиотеке с фондом более 500 экз., без каталога, наверняка имеются забытые ее владельцем издания). Оптимизация заключается в изменении приоритетов структурных частей книжного потока. Следует более ответственно и гибко решать вопрос о выпуске и тиражировании того или иного вида литературы и конкретных изданий. Так, необходимо увеличить долю пере-

изданий до среднемирового и установленного решением Госкомиздата СССР уровня в 20% (в планы издательства на 1987 г. по предложениям книжной торговли включено 589 переизданий — 6,3% общего запланированного количества названий)¹⁰.

Эта проблема не может быть решена только с помощью социологического метода, например, — путем учета предложений покупателей. Нетрудно заметить, что наибольшую активность, напористость часто проявляют не весьма разборчивые охотники за приключенческой и тому подобной литературой. Именно их «давление» привело к тому, что среди «макулатурных» изданий большое место занимают книги М. Дрюона и подобных авторов, не столь необходимые для культурного, эстетического развития личности.

За названным явлением скрывается, на наш взгляд, характерная для эпохи бюрократических решений недооценка культурного уровня советского общества. Книжный рынок в значительной мере стали насыщать, с одной стороны, издания неинформативные, банальные по содержанию и выводам, с другой — развлекательного назначения. Возникло противоречие между запросами миллионов подлинно интеллигентных, воспитанных в условиях социализма людей и доступным ассортиментом книжной торговли. Это противоречие носит ограниченный характер, но оно не исчезает. О нем свидетельствует острый дефицит оригинальной философской, публицистической, справочной литературы. Произведения авторов, о которых «все говорят», властителей умов, издаются и переиздаются совершенно недостаточно.

¹⁰ Сапожников Ю. Н. Современное состояние книжной торговли // Кн. торговля: Обзор. информ. 1987. Вып. 4. С. 5.

Как известно, в последнее десятилетие прирост производства бумаги, передаваемой издательствам, использовался главным образом для увеличения выпуска художественной литературы для взрослых и детей. В результате ее доля достигла 55% годового тиража книжной продукции. Это решение представляется спорным. Искусственно сдерживается рост количества названий и тиражей нехудожественной литературы («деловой прозы»), а иногда и уменьшается. Так, с 1970 по 1984 г. число изданий производственной литературы сократилось на 30%¹¹.

Между тем, застой в выпуске изданий «деловой прозы» приводит к тому, что не удовлетворяется значительная часть (миллионы) предварительных заказов. Дефицит научной, производственно-практической литературы отрицательно сказывается на развитии науки, производства, других сфер общественной жизни. Слишком много выходит книг и брошюр, содержание которых сводится к повторению общеизвестного, в то время как недостает литературы, в которой излагается технология нововведений. Спрос на продукцию издательства «Радио и связь» более чем вдвое превышает ресурсы, которыми оно располагает, а по ряду позиций — впятеро¹². Продукция данного издательства посвящена радиоэлектронике — передовому краю научно-технического прогресса.

Второй аспект проблемы доступности книги связан с отношением к общественным библиотекам. В многочисленных публикациях, посвященных проблемам книжного дела, библиотеки характеризуются, как правило, негативно. Отмечают,

что их фонды бедны, отсутствуют нужные издания, лучшие книги «спрятаны» в шкафах и свободно на дом не выдаются. Но общественные библиотеки были и остаются главным социальным институтом, обеспечивающим общедоступность книги. В выполнении данной функции состоит смысл их бытия. Беды библиотек воспринимаются уже как их пороки. Если забота о сфере культуры до настоящего времени основывалась на негласном принципе остаточного распределения материальных ресурсов, то библиотекам достается «остаток остатка». Положение, в котором пребывают библиотеки, в логике характеризуется понятием «порочный круг». Фонды библиотек бедны, в результате они теряют читателей. Снижается престиж библиотек, что сказывается на качестве кадров. В библиотеках, особенно массовых, наблюдается сильная текучесть кадров, некоторые филиалы централизованных библиотечных систем с одним сотрудником закрыты, так как нет желающих занять вакансию библиотекаря. Многие библиотечные работники не имеют специального образования, не подготовлены для подлинно культурного обслуживания современного образованного читателя. Проблемы расширения площади, ремонта помещений, материально-технического снабжения для многих библиотек остаются неразрешимыми. Возникает «заколдованный круг» проблем, которые библиотеки не в состоянии решить своими силами. Библиотечное дело с его застарелыми бедами более всего нуждается в кардинальных переменах, но складывается впечатление, что именно его не коснулась перестройка.

Ни одно другое учреждение сферы культуры не в состоянии заменить библиотеку в обеспечении доступности книги. Если читатель

¹¹ Советское книгоиздание в одиннадцатой пятилетке. М., 1987. С. 2.

¹² Очерет Л. Тришкин кафтан на плечах НТР // В мире книг. 1987. № 5. С. 79—81.

не может по различным причинам приобрести издание в личное пользование, он должен иметь возможность ознакомиться с ним, прочесть его в библиотеке.

Разорвать обозначенный выше порочный круг можно только одним способом: решительно изменить отношение к библиотекам. Это тем более необходимо, что даже публично высказывается мнение, согласно которому перераспределение «пропорций между открытой продажей книг и закупкой их массовыми библиотеками в пользу последних... невыгодно в экономическом отношении, нерационально в социальном плане»¹³.

Совершенствование всех направлений и форм библиотечного обслуживания является внутренней задачей библиотечного дела. Но оно не в состоянии своими средствами решить проблему книгообеспеченности. Она может быть решена, на наш взгляд, в рамках комплексной научно-практической программы «Доступность книги». В ситуациях, когда социальная проблема не решается сама по себе, без внешнего воздействия (например, вследствие смены общественных интересов), ее нужно решать сознательно, методами научного управления. Одним из ведущих таких методов в последние годы стала разработка и реализация целевых комплексных научно-социальных программ. Таковы, например, программы перестройки народного образования (среднего и высшего) и др.

Программно-целевое планирование включает разработку целей и подцелей (в форме «дерева целей»), определение стадий реализации и другие компоненты¹⁴. Не пре-

тендуя на детальное изложение структуры и содержания программы «Доступность книги», мы хотели бы обратить внимание на ее существенные черты. Во-первых, программа должна быть отраслевой по отношению к книжному делу в целом и межотраслевой по отношению к его областям: издательскому делу, книжной торговле, библиотечному делу, библиографии. Во-вторых, разработчиками и исполнителями программы должны быть (естественно, в разной мере) все, кто участвует в ее подготовке и реализации: научные коллективы и специальные кафедры вузов, система издательств, полиграфических предприятий, книжной торговли, библиотеки и общественные организации. Исключение или самоустранение одного из участников разрушает программу, делает ее нереальной.

В-третьих, главное внимание в программе должно быть уделено формированию полноценных фондов общественных библиотек, в первую очередь, методами текущего комплектования. Руководители издательского дела и книжной торговли неоднократно отмечали важность полного удовлетворения заказов библиотек, но положение коренным образом не меняется. Большинство массовых и детских библиотек получают лишь 30—40% заказанных ими книг¹⁵. Согласно «Положению о библиотечном деле в СССР», которое представляет собою библиотечный закон нашей страны, библиотеки «имеют право на первоочередное приобретение в установленном порядке книг, других произведений печати»¹⁶. В выступлениях руководителей издательского дела и книжной торговли, в которых

¹³ Соминский В. С. Книга как источник дохода // ЭКО. 1983. № 9. С. 127.

¹⁴ Афанасьев В. Г. Программно-целевое планирование и управление // Будущее науки. 1982. Вып. 15. С. 16—33.

¹⁵ Советское книгоиздание в одиннадцатой пятилетке. М., 1987. С. 6.

¹⁶ Справочник библиотекаря. М., 1985. С. 10.

дается высокая оценка роли библиотек, мы не находим ответа на один вопрос: почему же не реализуется право библиотек на первоочередное, то есть полноценное (иначе какой смысл в первоочередном?) комплектование библиотечных фондов? Если причины неполного комплектования библиотек заключены в невыгодности для издательств выпускать, а для книжной торговли «отдавать» лучшие издания библиотекам, то каким образом намерены руководители книжного дела преодолеть данный барьер? На наш взгляд, неполная реализация права полноценного комплектования библиотечных фондов объясняется отсутствием механизма (а не очередного приказа или совместного постановления), обеспечивающего его соблюдение. Если такой механизм не будет сформирован в процессе подготовки и реализации программы «Доступность книги», то она окажется малоэффективной.

Недостатки текущего комплектования библиотек постепенно приводят к накоплению в их фондах морально устаревших, но физически прочных, нечитанных изданий. Они перегружают фонд, создают иллюзию полноты, у читателей же возникает впечатление, что в библиотеке «нечего читать».

Проблемы комплектования остаются нерешенными не только в массовых, но и в научных библиотеках. Так, в универсальные научные библиотеки областного уровня не поступает 22% названий книг, выпускаемых местными издательствами и издающими организациями, и до 80% профильных для этих библиотек малотиражных изданий¹⁷. Такие издания, как сборники тезисов научных конференций, по-

ступают, как правило, только в центральные научные библиотеки. Их нет большей частью даже в фондах региональных библиотек-депозитариев. Они, к сожалению, не охвачены системой обязательного экземпляра. Эта система давно пребывает в застывшем состоянии. Центральный коллектор научных библиотек снабжает платным обязательным экземпляром всего 300 библиотек СССР, в том числе 80 московских и 220 иногородних¹⁸. Обязательный экземпляр не получает 1/3 областных универсальных научных библиотек¹⁹.

Составной частью программы «Доступность книги» должно быть также издание литературы по заявкам библиотек (известно, что «Библиотечная серия» формируется главным образом по предложениям издательств), в частности для своевременной замены физически изношенных или утраченных книг. Результаты огромной работы по выявлению и формированию общественного мнения об издательской продукции, которую проводят библиотечные работники, в должной мере не используются. Например, в 1984—1985 гг. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина предложила издать в «Библиотечной серии» 725 названий книг — выпущено же только 100 названий²⁰.

В-четвертых, в программе необходимо отразить те стороны функционирования библиотек, благодаря которым обеспечивается доступность книги. Не секрет, что в системе библиотечного обслуживания имеются существенные недостатки: не-

¹⁸ Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности / Всесоюз. конф. / Тез. докл. Л., 1984. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Мистрюкова Т. А. Некоторые аспекты взаимодействия в комплектовании книжных фондов // Кн. торговля: Опыт, пробл., исслед. 1986. Вып. 17. С. 99.

¹⁷ Темпы и пропорции развития библиотечных ресурсов в крупных регионах страны. М., 1986. С. 45.

полнота каталогов и картотек, скромный объем и невысокое качество библиографического обслуживания, недостаточная квалификация кадров и т. д. Ежегодно из фондов библиотек списывается примерно 100 млн экз. различных изданий, большая часть которых — устаревшие или физически изношенные. Имеют место хищение, злостный невозврат книг²¹, причем, как правило, наиболее ценных, дефицитных, нередко имеющих в фонде в единственном экземпляре. Утрата такого экземпляра означает фактическую недоступность данного издания для остальных читателей библиотеки.

Надо признать, что применяемые меры по сохранности фонда остаются малоэффективными. «Положением о библиотечном деле в СССР» введена 10-кратная компенсация читателями стоимости невозвращенных изданий. Но эта мера применяется редко, для ее реализации библиотекарю нужно оформить копии 4 документов. Как свидетельствуют нотариальные работники Челябинска, за последние годы библиотекари ни разу не обращались к ним за исполнением данной санкции²². Главное заключается в том, что библиотеке не удается восполнить пробел: нужны большие усилия, чтобы найти и приобрести утраченное издание.

Поэтому необходимо искать и использовать другие средства и методы сохранения и восстановления фонда. Одним из них могло бы стать образование резерва редко издаваемых книг в библиотечных депозитариях. Они могли бы ком-

пенсировать утраты крайне необходимых изданий (например, справочных). Другое средство — активизация книгообмена между библиотеками. Например, массовые библиотеки приобретают учебники для вузов в одном экземпляре, при утрате которого теряют возможность помочь студентам-заочникам. Вузовские библиотеки без значительного ущерба для себя (такие учебники они приобретают в сотнях экземпляров) могли бы помочь в докомплектовании фонда массовой библиотеки.

Библиотеки находят эффективные методы, помогающие комплексно решать проблемы доступности книги. Например, в профсоюзной централизованной библиотечной системе Волжского автозавода в начале 1980-х гг. был разработан и внедрен метод бригадного абонеента. Сущность его заключается в том, что производственному коллективу выдается на определенный срок партия книг и других изданий, подобранных по предварительным конкретным и тематическим заявкам читателей. Обслуживание, вопреки опасениям, не носит исключительно формальный характер (подобрать — выдать — принять обратно). Происходит качественное улучшение руководства чтением, запросы читателей по мере пользования такой формой обслуживания все шире и глубже отражают их духовные потребности (как рассказывали нам сотрудники этой библиотеки, только на первых порах доминируют заявки на непрочитанные в детстве книги А. Дюма и т. п.). Бригадный абонеент, по словам социолога, кандидата педагогических наук М. Д. Афанасьева, приводит к «восстановлению читательского доверия к библиотеке»²³.

²¹ Чукаев А. М. Социальный фактор сохранности библиотечного фонда // Современные тенденции в развитии фондов советских библиотек. М., 1979. С. 124.

²² Бочкарева Н. Н. Если не возвращают книгу // Челяб. рабочий. 1987. 9 апр.

²³ Когда читатель — бригада // Библиотекарь. 1984. № 8. С. 27.

Конечно, бригадный абонемент не может быть всеобщей оптимальной формой библиотечного обслуживания, он не в состоянии охватить читателей, не организованных в малых трудовых коллективах. Но одной из главных причин того, что бригадный абонемент охватывает не более 20% читателей, директор ЦБС ВАЗа И. А. Краснова в беседе с нами назвала состояние библиотечного фонда. Не хватает интересных, нужных книг!

Рассматриваемая в данной статье программа предполагает в конечном счете доступность не столько конкретных изданий в их физической реальности, сколько их содержания в разнообразных формах текста, изображений и других знаковых систем. Очевидно, не может быть речи о равной доступности для всех читателей уникальных экземпляров редких изданий, которые фактически превращаются в объекты музейного хранения в библиотеках. Однако невозможно согласиться с прогнозом И. В. Бестужева-Лады, что центральные библиотеки в обозримом будущем превратятся в разновидности музеев²⁴. Очевидно, изменится процесс пользования фондами библиотек в читальных залах: вместо переписывания экстрактов и фрагментов текстов читатели будут получать их копии. Собственно говоря, такое обслуживание уже давно осуществляется в центральных библиотеках (его объем в ГПНТБ СССР достиг в 1983 г. 34 млн копий страниц²⁵) и сдерживается лишь недостаточным развитием мате-

риально-технической базы библиотек. Последний фактор препятствует распространению этой формы обслуживания во всех библиотеках. Высоко оценивая роль ксерокопирования в экономии читательского времени, отметим все же, что посещение библиотеки не сводится к заказу копий. Ведь предварительно читатель знакомится с содержанием издания, читает его.

Наиболее сложной в программе является проблема обеспечения доступности той книги, спрос на которую многократно превышает ее реальное наличие в фондах библиотек. Совокупность таких изданий можно грубо разделить на две группы: 1) давно известные, неоднократно переиздаваемые произведения — объекты постоянного спроса, 2) новые произведения, вызвавшие «мгновенный» широкий общественный интерес, за которыми образуются огромные очереди в библиотеках.

Обеспечить доступность книг первой группы, очевидно, легче, поскольку, как правило, они существуют в многочисленных многотиражных и разнотипных изданиях (моноизданиях и сборниках), достигающих миллионов экземпляров. Большая часть суммарного тиража этих произведений хранится в личных библиотеках. Общественные библиотеки, в том числе массовые, в целом достаточно обеспечены отечественной классикой, но в части известных «неклассических» произведений экземплярная оказывается недостаточной. Если спрос на эти произведения остается относительно равномерным (например, на лучшие произведения Дюма, Сименона и других авторов), то постепенно очередь на абонемента дает возможность постоянным читателям их прочесть. Но массовые библиотеки сталкиваются и с одномоментным спросом на классические произведе-

²⁴ Бестужев-Лада И. В. Мир нашего завтра. М., 1986. С. 140.

²⁵ Трояновский С. П. и др. Состояние и пути совершенствования обслуживания копиями читателей и коллективных абонентов Производственной мастерской ГПНТБ СССР // Проблемы совершенствования информационно-библиотечного обслуживания: Сб. науч. тр. М., 1985. С. 36.

ния, изучаемые в школе. В таких ситуациях решающую роль в доступности книги играют личные библиотеки.

Кардинального решения проблемы доступности книг второй группы не существует. Например, в 1987 г. из новинок наибольшим спросом пользовались «Зубр» Д. Гранина, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Дети Арбата» А. Рыбакова. Тиражи «Нового мира», «Невы», «Дружбы народов», в которых они были опубликованы, составляли соответственно 500, 290, 150 тыс. экз. Абонементы и читальные залы большинства библиотек располагали одним экземпляром каждого журнала. Если на каждое произведение на абонементе образуется очередь, предположим, в 50 человек, в которой каждый читатель будет возвращать издание не позднее чем через узаконенные 15 дней (а он имеет право продлить срок), то последний очередник прочтет книгу не раньше чем через два года. Но к тому времени журнал, побывав в десятках рук (ведь произведение прочтут, помимо читателя, его родственники и друзья), скорее всего, окажется совершенно изношенным и нечитабельным.

Изменить положение может оперативное издание таких произведений массовым тиражом. Странно, что не имеет резерва самая массовая серия «Роман-газета», и наиболее популярные произведения издаются в ней в лучшем случае через год. И в составе «Библиотечной серии» вполне возможно выделить резерв в 3—4 названия ежегодно для выпуска миллионными тиражами в прочных и наименее дорогих переплетах наиболее популярных новых произведений. Ведь 3—5 экз. популярного издания в каждом филиале ЦБС делают его соответственно в 3—5 раз доступнее. Чтобы повысить сохранность таких изданий, выдачу их на дом библиотека может проводить гласно, вывесив контрольные списки очередников и отмечая выдачу.

Предлагаемые решения, конечно, не исчерпывают содержания программы «Доступность книги». Широкое обсуждение ее состава, структуры, путей реализации выявит множество потенциально продуктивных идей.

Реализация этой программы способна выявить возможности и преимущества социалистической организации книжного дела.

КНИГИ ПО ЭНЕРГЕТИКЕ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

В обиходе книжной торговли появилось определение — «специальная литература». Так названы книги для узкого круга читателей, применяют этот термин и по отношению к научно-технической литературе. Не будем спорить и доказывать несостоятельность такого определения — это тема отдельной квалификационной дискуссии. Оговорка по этому поводу сделана потому, что литература по энергетике и электрификации отнюдь не специальная и отражает она не только научно-технические проблемы, но и социально-экономические. Правда, по содержанию и читательскому назначению большинство книг относится к научно-технической литературе, имеющей специфическую читательскую аудиторию. Так, персоналу электростанций и энергосистем прежде всего нужна литература по производству и распределению электроэнергии. Шире и разнообразнее книги для энергетиков, обслуживающих заводы, фабрики, предприятия агропрома, городское хозяйство, быт людей.

К литературе по энергетике относятся и книги по электротехнической промышленности, которую называют технической базой электрификации.

Особенно важное социально-экономическое значение литература по энергетике имела в период зарожде-

ния и первых шагов электрификации.

Впервые в нашей литературе упоминание об «электрической силе» появилось в трудах М. В. Ломоносова. Проблемы электричества и его практической значимости стали привлекать внимание печати в конце прошлого века.

Прогрессивную роль электрической энергии определили К. Маркс и Ф. Энгельс. В письме от 8 ноября 1882 г. к Ф. Энгельсу К. Маркс писал: «Что ты скажешь об опыте Дебре на Мюнхенской электрической выставке? Уже примерно год, как Лонге обещал мне достать работы Дебре (специально для доказательства, что электричество допускает передачу силы на большое расстояние при посредстве простой телеграфной проволоки)»¹. Через три дня после этого письма, отвечая К. Марксу, Энгельс пишет: «Я жажду узнать подробности о произведенном в Мюнхене опыте Дебре»².

Практическое значение электричества неоднократно отмечал В. И. Ленин. Например, в труде «Развитие капитализма в России» он рассматривает возможность при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 85.

² Там же. С. 89.

менения электроэнергии для нужд сельского хозяйства.

Первым отечественным фундаментальным изданием по энергетике был «План электрификации РСФСР», выпущенный тиражом 5000 экз. Государственным техническим издательством к VIII съезду Советов, который открылся 22 декабря 1920 г. Труд этот вошел в историю как ленинский план ГОЭЛРО. Владимир Ильич не только участвовал в создании рукописи, но и помог оперативно отпечатать ее.

Обстоятельства сложились так, что для работы полиграфистов отводилось всего 19 дней. Им предстояло набрать и отпечатать 672 страницы текста и большое количество схем и графиков. Выяснилось, что ни одна типография не могла выполнить такую работу. Пришлось разделить издание между пятью типографиями. За сверхурочную работу полиграфистам выдавался дополнительный паек — мука, сахар, селедка. В. И. Ленин, ознакомившись с организацией издания, распорядился выделить еще автомашину для доставки необходимых материалов.

«План электрификации РСФСР» был выпущен в свет к установленному сроку.

Среди публикаций тех лет можно назвать также брошюру Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России», бюллетени комиссии ГОЭЛРО.

Забываясь об энергетическом топливе, В. И. Ленин в апреле 1921 г. обратился с письмом к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому: «Чтобы поднять торфодобычу, надо широко поставить пропаганду — листовки, брошюры, передвижные выставки, кинематографические снимки, издание учебников; ввести обязательный предмет в школах и в высших технических учебных заведениях о торфо-

добывании; составить учебники...»³ В этом же письме Госиздату поручалось отпечатать брошюру «Торф» тиражом 100 тыс. экз. и принять к печати от Главторфа еще три брошюры и листовки.

В 1922 г. в Госиздате выходит книга И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» с предисловием В. И. Ленина и Г. М. Кржижановского.

В книгах, выпущенных в последующие годы, замечен переход от общих организационных вопросов к экономике и организации энергетического хозяйства, подводятся итоги работ, рассказывается о первых успехах электрификации страны. В 30—50-е годы было издано около пятидесяти названий книг такого содержания. Среди них сборник статей «10 лет ГОЭЛРО» (М.-Л.: Госиздат, 1930); «Боевой маршрут электрификации» (итоги за 15 лет и задачи второй пятилетки) под редакцией Ю. Флаксермана (М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933).

Постепенно энергетика становилась крупной самостоятельной отраслью народного хозяйства с твердым научным и практическим фундаментом. В 1955 г. вышло 2-е издание «Плана электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов комиссии по электрификации России» (Госполитиздат). Значимость и актуальность отрасли характеризуют такие издания: сборник материалов под редакцией П. С. Непорожного «40 лет ГОЭЛРО» (М.-Л.: Госэнергоиздат, 1960); «Единая энергетическая система СССР» В. А. Веникова (М.: Знание, 1960); «Развитие энергетики и создание Единой энергетической си-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 136.

стемы СССР» И. Т. Новикова (М.: Экономиздат, 1962); «Электроэнергетика СССР и ее размещение» Н. М. Ознобина (Соцэкгиз, 1961) и ряд других книг и брошюр.

В пору становления советского книгоиздания В. И. Ленин отмечал, что одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества,— это полный разрыв книги с практикой жизни.

Советская научно-техническая книга — одно из активных средств связи и сотрудничества науки с практикой, с производством. Убедительный пример тому научно-техническая литература по энергетике, которую издают более полувека специализированное центральное издательство и его ленинградское отделение. Сначала, со дня создания в 1931 г., оно называлось Энергоиздат, затем Госэнергоиздат. По различным организационным причинам издательство несколько раз меняло наименование и свою эмблему. До 1963 г. вместе с электростанциями и другими энергетическими предприятиями оно подчинялось соответствующему руководящему органу (название наркомата, а затем министерства не приводится, так как они неоднократно переименовывались), в 1963 г. Госэнергоиздат с новым названием «Энергия» был передан в созданный Комитет по печати при Совете Министров СССР. Затем в связи с объединением с Атомиздатом в 1981 г. ему было присвоено название Энергоиздат, а с 1982 г. — Энергоатомиздат.

Перемены названий не влияли на традиционные основные направления в тематическом планировании. Читатели всегда обеспечивались необходимой литературой — производственно-технической, научной, по обмену передовым опытом, учебной, справочной. На разных эта-

План электрификации РСФСР. [М., 1920].
Обложка

пах в тематике изданий учитывались требования технического прогресса, экономики народного хозяйства. Например, в разделе тематического плана «Электрические станции» наряду с литературой о тепловых и гидравлических станциях ныне представлены книги об АЭС, пополняется он литературой о солнечной энергетике и о других нетрадиционных источниках энергии.

Первыми публикациями Энергоиздата были нормативные и инструктивные материалы.

В начале 30-х годов в стране практически не было специалистов, которые могли бы выступить авторами книг. В то же время требовалось обеспечить литературой еще малоквалифицированные кадры энергетиков на производстве. Изда-

Издательство «Наука»
Москва 1982

В. Ю. Стеклов. В. И. Ленин и электрификация. М., 1982. Титульный лист

тельство организовало составление и выпуск доступных, а главное, обязательных для всех энергетических профессий и производств пособий. В большинстве своем это небольшие брошюры, которые учат, как обращаться с оборудованием, правильно его обслуживать, соблюдать правила электробезопасности.

В первое десятилетие своей деятельности издательство ежегодно выпускало не менее 60—70 названий нормативно-инструктивных материалов. В настоящее время Энергоатомиздат продолжает выпуск материалов массового назначения. Выходят, например, «Правила технической эксплуатации электростанций и сетей» (14-е изда-

ние, тираж 500 тыс. экз.). Недавно завершен выпуск «Правил устройства электроустановок» (6-е издание, перераб. и дополн.; тираж 500 тыс. экз.). Малообъемные и малотиражные инструктивно-нормативные материалы выпускают ведомственные организации научно-технической информации.

В 30-е годы энергетика оснащалась импортным оборудованием — электротехническая промышленность заимствовала лучшие образцы у зарубежных фирм. Все это сказалось на первых авторских изданиях литературы по электротехнике, среди которой преимущественно были переводные книги. В книгах же советских авторов широко использовались иностранные публикации. Так, в книге инженера В. Д. Лебедева «Теория скрутки электрических кабелей», выпущенной в 1932 г., в списке литературных источников упоминается 13 изданий и среди них лишь одна книга отечественного автора.

Небезынтересно отметить, что теперь зарубежные издательства ежегодно переводят не менее двадцати советских книг по энергетике. Возрастает из года в год число названий книг Энергоатомиздата, реализуемых через «Международную книгу».

В годы первых пятилеток дали толчок Днепротэс, ряд тепловых электростанций, осваивался выпуск отечественных электрических машин и аппаратов. Трудяники отрасли искали прогрессивные приемы работы. Госэнергоиздат начал выпускать книги, посвященные передовому опыту. Прежде всего им делились ведущие предприятия — ветераны отечественной электротехнической промышленности. Появились, например, такие издания: «Передовые приемы обмоточных работ в производстве электрических машин» (опыт работников завода «Электро-

сила»); «Пятая пятилетка в действии» (опыт московского завода «Динамо»).

Широкую популярность стали приобретать продолжающееся издание «Сборник материалов по обмену опытом в энергетическом строительстве», брошюры о передовых электростанциях, ударниках, сборники рационализаторских предложений.

Первыми авторами научно-технических изданий по энергетике выступали видные советские ученые. Академики К. И. Шенфер и М. П. Костенко были основателями литературы по электрическим машинам. Основными пособиями студентов тридцатых и сороковых годов были трехтомник по теоретическим основам электротехники профессора А. К. Круга и учебники по теплотехнике профессора А. С. Ястержмского.

С каждым годом расширялся авторский коллектив, обогащались тематические планы.

Отечественная литература по энергетике, и особенно учебная, неоднократно переиздавалась. С первых дней становления отечественной энергетики книга служила подготовке кадров. Так, например, в 1953 г. вышли в свет пятым изданием «Техническая термодинамика» В. В. Сушкова (учебник для студентов вузов) и для учащихся техникумов — «Электротехника» А. С. Касаткина, М. А. Перекалина, П. С. Сергеева. В 50-е годы были выпущены «Электрические сети и системы» А. А. Глазунова (3-е издание); 4-е издание трехтомника «Теоретические основы электротехники» (оба для студентов вузов); «Теоретическая электротехника» Н. Н. Мансурова и В. С. Полова (5-е издание, для учащихся техникумов). Всего в течение 50-х годов будущие инженеры и техники энергетики получили более двадцати названий учебни-

ков и учебных пособий, как переизданных, так и новых.

Примечательно, что в числе учебной литературы Госэнергоиздат выпустил несколько книг для чтения по энергетике на немецком языке.

В тематических планах Энергоатомиздата последних лет (1985—1988) 4-е издание пособия для курсового и дипломного проектирования «Электрическая часть электростанций» Б. И. Неклепаева и И. П. Крючкова; 6-е издание сборника задач и упражнений по теоретической электротехнике М. Ю. Зайчика; 7-е издание «Электротехнических материалов» Н. П. Богородицкого, В. В. Пасынкова, Б. М. Тареева (предназначено для студентов вузов). Готовится к переизданию в шестой раз «Теплофикация и тепловые сети» В. Я. Соколова. Старейший энергетик Ю. Н. Флаксерман и молодой профессор А. А. Чернухин работают над 5-м изданием учебника «Экономика энергетики СССР».

При стабильности названий учебников издательство заботилось о привлечении молодых авторов. Так, курс «Электрических машин» члена-корреспондента АН СССР Г. Н. Петрова продолжил его ученик профессор А. В. Иванов-Смоленский.

На смену профессору М. Г. Чилыкину, создавшему несколько пособий по электроприводу, пришли его воспитанники В. В. Москаленко, Н. Ф. Ильинский; профессор Б. М. Трояновский — ученик члена-корреспондента АН СССР А. В. Щегляева — автора учебника по тепловым турбинам. После кончины учителя Борис Михайлович организовал новую книгу «Турбины для тепловых и атомных электростанций».

В справочной литературе по энергетике определились три направления. В 50-е годы начали выпускать-

ся справочники для рабочих и мастеров, которые сразу же получили большую популярность. Так, в 1959 г. вышли уже в 3-м издании специализированные выпуски «Справочника электромонтера». В последующие годы специалисты массовых профессий получили еще ряд пособий: «Справочная книжка энергетика» (1987 г., 5-е издание); справочник монтажника тепловых и атомных электростанций (1982 г., 2-е издание); справочник по технике безопасности (1984 г., 6-е издание) и др. Всего ежегодно выходит не менее 10 названий.

Другой вид — фундаментальные справочники для широкого круга специалистов и учащихся — энергетиков. Основными из них являются четырехтомный «Электротехнический справочник», выдержавший семь изданий, и справочная серия «Теплотехника и теплоэнергетика», состоящая из четырех выпусков.

И наконец, выпускаются отраслевые справочные издания, содержащие сведения об оборудовании, технологических процессах, приемах и методах работы. Например, «Справочник по электротехническому материалу», «Справочник по электрическим аппаратам», «Справочник по электрическим машинам» и т. п.

Учебные и справочные книги занимают примерно треть объема изданий по энергетике. Значительно большая доля в выпуске приходится на производственно-технические издания. Наряду с книгами для персонала электростанций издается литература для тех, кто создает оборудование для энергетики — для работников электротехнической промышленности.

Проблемам энергетики посвящены более десяти серийных изданий. Издание-ветеран «Библиотека электромонтера» выходит с 1959 г. и насчитывает уже более 600 выпусков. Брошюры «Библиотеки

электромонтера» адресованы электромонтерам и мастерам соответствующих служб или инженерно-техническому персоналу. Каждый выпуск небольшой, но ценный источник знаний. Одни из них — миниучебники практического опыта, другие знакомят читателя с новинками техники, доходчиво рассказывают об основных положениях теоретической электротехники.

Фонд серийных изданий постоянно пополняется в соответствии с нуждами энергетики. Так, в начале 70-х годов, когда развернулось строительство мощных тепловых электростанций, появилась «Библиотека тепломонтажника», несколько лет назад создана «Библиотека эксплуатационника АЭС».

XXVII съезд КПСС и одобренная им Энергетическая программа обратили особое внимание на экономию топливно-энергетических ресурсов. Как и в предыдущие годы, тема энергосбережения — основная в литературе по энергетике. Однако разрабатывается она по-иному. Раньше со страниц изданий звучали призывы — уходя гасить свет, беречь тепло. Теперь стратегия экономии — не столько в прямом сокращении энергопотребления, сколько в повышении его эффективности, а для этого есть немало ощутимых источников. Например, добившись высокого качества промышленной продукции, можно в сотни раз сократить затраты энергии, которая идет сегодня на исправление брака. В вышедшей в свет книге «Практика проведения функционально-стоимостного анализа в электротехнической промышленности» показаны пути совершенствования технологии, организации производства и повышения качества электротехнического оборудования, которое служит и для производства электроэнергии, и для ее использования в народном хозяйстве.

Назовем еще две новые книги: «Выбор и применение асинхронных двигателей» А. Э. Кравчика и др., «Коррозия и износ поверхностей нагрева котлов» А. А. Отса. В первой раскрываются резервы киловатт-часов, во второй — гигакалорий.

Более пяти лет издается серия брошюр ЭТЭ — «Экономия топлива и электроэнергии». Теперь ее тематика расширена. Так, наряду с книгами для специалистов различных производств вышла брошюра В. И. Кораблева «Экономия электроэнергии в быту».

Увеличивается выпуск книг, освещающих передовой опыт лучших предприятий, деятельность которых соответствует современным требованиям энергосбережения. Среди них — брошюры о Рефтинской ГРЭС на Урале, о научно-производственном объединении «Криогенмаш», Ленинградском объединении «Электросила».

В 50-х годах в темпланах издательства был раздел «История энергетической техники». В последнее десятилетие литература, освещающая опыт прошлого, стала прерогативой издательства «Наука». Энергоатомиздат нашел свою форму исторических публикаций. О забываемых фактах трудового и научного подвига рассказывают сборники — «Воспоминания старейших энергетиков».

В традициях издательства отмечать крупные знаменательные даты. К ним приурочен выпуск таких, например, изданий: «Электрификация СССР — 1967—1977 гг.», «Развитие электроэнергетики союзных республик» (к шестидесятилетию образования СССР), «60 лет ленинского плана ГОЭЛРО».

Получили признание читателей специализированные издания, посвященные пропаганде перспектив развития энергетики, которые вы-

пускаются после каждого съезда КПСС. Первый выпуск вышел в свет в 1970 г. после XXIV съезда нашей партии. Четвертый выпуск — «Энергетика СССР в 1986—1990 годах» — составлен, как и предыдущие, коллективом специалистов Госплана СССР по материалам XXVII съезда КПСС.

Фонд литературы по энергетике так же, как и в первые годы советского книгоиздания, пополняют и другие издательства. Естественно, с учетом своей специфики и тематики.

Так, в 1970 г. издательство «Наука» выпустило книгу «В. И. Ленин и электрификация». В научно-художественном произведении «Свет жизни» К. Д. Лавренко и Б. А. Дьякова (издательство «Советская Россия», 1978 г.) показано, как развивалась энергетика в годы первых пятилеток, как она служила в годы Отечественной войны и восстанавливалась после победы.

Издательство «Экономика» выпустило книгу «Эффективность энергетического производства» А. А. Чернухина и Г. И. Пупкова. Для широкой популяризации Энергетической программы СССР издательство «Знание» организовало общедоступное серийное издание. В 1986 г. в библиотеке «Энергетическая программа СССР» вышла брошюра «Время беречь энергию». В основном для руководящих работников предназначается книга Л. И. Карлова «США: Энергетическая стратегия» (М.: Наука, 1986).

Тематические планы республиканских издательств также содержат литературу по энергетике и электрификации. Следует отметить такие, например, издания, как «Энергетика: реальность и перспективы» Л. Л. Пасечника и А. С. Поповича (Киев: Наукова думка, 1986); «Пятилетний план энергети-

ков республики» В. П. Пронина (Киев: Техника, 1986).

Не менее десяти—пятнадцати названий книг по энергетике ежегодно выпускают издательства Белоруссии, Казахстана, прибалтийских и других республик.

Литература по энергетике верно служит народу и оценивается по достоинству. Многие издания отмечены правительством и научно-технической общественностью. Так, «Биб-

лиотека электромонтера» Энергоатомиздата неоднократно награждалась дипломами ВДНХ; авторы учебника «Техническая термодинамика» академики В. А. Кириллин, А. Е. Шейндлин и профессор В. В. Сычев в 1974 г. были удостоены Государственной премии. Несколько книг отмечены Научно-техническим обществом энергетиков и электротехников.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ИСКУССТВУ

(проблемы выпуска)

Выпуск изданий по искусству — важная область книжного дела, в которой накоплен интереснейший опыт подготовки различных книг и альбомов с учетом специфики предмета отражения — искусства и функций отдельных видов литературы.

Функциональное назначение научно-популярных изданий тесно связано с задачами эстетического воспитания трудящихся нашей страны. Программа всестороннего обучения и духовного развития советского народа, нашедшая воплощение в деятельности КПСС, определяется конкретными условиями жизни общества. На каждом этапе социальных преобразований решается свой комплекс задач в данной области, вырабатываются разнообразные формы культурно-просветительной работы, углубляются, уточняются такие понятия, как содержание эстетического воспитания и его цели. Так, вначале ставился вопрос только о привлечении трудящихся к сфере духовного потребления. Однако тогда уже В. И. Ленин подчеркивал, что обеспечение доступа народа к искусству — лишь первые шаги культурной революции. «Наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Поэтому мы в первую очередь выдвигаем

самое широкое народное образование и воспитание»¹.

В круг проблем эстетического воспитания включается задача формирования в каждом так называемого эстетического отношения к действительности². Речь идет о таких свойствах человеческой натуры, как ощущение внутренней сопричастности окружающему миру и сознание его бесконечной новизны и обновления; персональная ответственность за происходящее вокруг, стремление действовать в интересах других; чуткость, умение сопереживать. Рассматривая эстетическую восприимчивость как одну из обязательных черт личности, академик Д. С. Лихачев замечает: «А развивать эстетическую восприимчивость читателей крайне необходимо. Эстетическая восприимчивость — это не эстетство. Это громадной важности общественное чувство. Это одна из сторон социальности человека»³.

Наиболее активным средством развития личности является прежде всего искусство. Повышение деятельности воспитательной работы связано с формированием в людях

¹ Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1979. С. 660.

² См.: Мелик-Пашаев А. Личность и эстетическое отношение к действительности // Коммунист. 1984. № 3. С. 67—78.

³ Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 190.

потребности постичь мир художественного творчества. Поэтому особое значение имеет научно-популярная литература по искусству.

Книга по искусству, как и всякое издание, влияет на читателя комплексно, расширяя его кругозор, обогащая опыт и знания в различных областях. Но, рассматривая эту литературу, хотелось бы остановиться именно на тех ее особенностях, которые связаны с задачами формирования эстетической восприимчивости читателя. Это позволит уточнить некоторые критерии оценки литературы, лежащие в основе создания потока изданий, выпуска серий, анализа отдельных книг.

В задачи научно-популярной литературы по искусству входит пропаганда не только знаний об искусстве, но и самого искусства, созданных художниками произведений. Можно утверждать, что приобщение читателя к миру художественного творчества — важнейшая качественная характеристика издания по искусству. Его целевое назначение расширительно: через передачу читателю определенной информации перейти к формированию в нем привычки обращаться к искусству.

Последнее приобретает особое значение в наши дни, когда углубленно начинает рассматриваться проблема рационального использования трудящимися свободного времени.

К сожалению, при подготовке научно-популярных изданий по искусству функция приобщения читателя к искусству учитывается далеко не всегда.

Выполнение указанной функции обеспечивают все компоненты издания — основной текст произведения, иллюстрации, справочный аппарат.

Известные требования к методу изложения материала в научно-популярном произведении — показ явлений во взаимосвязи, а достиже-

ний науки и техники не как конечных результатов, а как этапов развития области знания — в издании по искусству воплощаются по-особому. Искусство комплексно. Поэтому работу художника, школу или вид искусства желательнее продемонстрировать широко — как часть, элемент целой сферы деятельности и как одно из проявлений творческого начала жизни. При таком раскurse раскрытия темы читателя знакомят с самим процессом создания произведений искусства.

К сожалению, приходится констатировать, что искусство в большинстве изданий показано упрощенно, однопланово. Анализируя их содержание, приходишь к выводу, что в основной своей массе они создаются по некоей схеме, ядром которой является жизнь деятеля культуры, его творчество. Причем в этих книгах из контекста целостного процесса развития искусства «выхватываются» отдельные фрагменты, связанные с именами художников, названиями созданных ими работ. Издание представляет собой как бы замкнутую систему. Прекрасная иллюстрация такого подхода дана в статье С. М. Рудь⁴. Автор предлагает своеобразную модель произведения о творчестве итальянского художника Рафаэля. Эта модель является именно замкнутой системой. Содержание раскрывается только в тесной связи с биографическими данными о великом живописце и ограничивается рассказом об отдельных его картинах.

Еще реже отражается в подобных изданиях связь одного вида искусства (предмет книги) с другими видами искусства, с особенностями эпохи (контекст времени). Д. С. Лихачев отмечает тот же недостаток

⁴ См.: Рудь С. М. Легко ли быть редактором... по образованию? // Редактор и книга. М., 1982. Вып. 9. С. 19 — 51.

в литературоведческих трудах, подчеркивая свойственную им узость взгляда на предмет рассмотрения. «Интерпретируя художественные произведения, мы забываем о культурном окружении. Как искусствоведы, мы недостаточное внимание уделяем текстам. А изучая литературу, мы не исследуем произведений изобразительного искусства, не заглядываем в исторические сочинения и пр. и пр. А порой и игнорируем опыт своих предшественников»⁵. Очевидно, все это вливает в какой-то мере и на научно-популярную литературу, ориентируя создателей книги на привлечение ограниченного материала.

А как углубляется произведение при более широком подходе к показу искусства! Приведем только один пример. В 1979 г. издательство «Музыка» выпустило альбом, посвященный творчеству П. И. Чайковского. В него включена синхронистическая таблица, демонстрирующая важнейшие события музыкальной, культурной жизни Европы в соотношении с канвой жизни великого русского композитора. Благодаря этой таблице судьба и творчество Чайковского предстают как бы в ином свете — более выпукло и ярко. И насколько беднее выглядит другой альбом того же издательства, вышедший в свет в 1985 г., содержание которого строго ограничивается рамками жизни и творчества композитора. Это тем обиднее, что последний входит в серию «Человек. События. Время», замысел которой предполагает отображение в книгах эпохи.

Конечно, методы расширения ракурса показа искусства могут быть самые разные. Важно одно: представить в издании не только конкретные данные из жизни композитора, но и показать его место

в системе искусства и в процессе развития художественного творчества.

Ракурс показа искусства органически связан с социально-философским планом содержания. Желательно, чтобы философская сторона повествования в издании по искусству прежде всего определялась теми аспектами художественного творчества, которые становятся предметом авторского анализа. Особенно важен мотив вечного, непреходящего в искусстве, мотив влияющий всего созданного истинными творцами на жизнь, мотив сопереживания художника бедам и радостям мира. Недопустимо примитивное, узконаправленное толкование значения того или иного творения художника и вклада в мировое искусство той или иной школы. Читатель при этом должен понять, что, говоря словами В. Г. Белинского, искусство — явление, вечно развивающееся в сознании людей, о котором каждая эпоха произносит свое суждение, всегда оставляя следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное. Важно при этом, чтобы связи и отношения привидимых событий и фактов рассматривались не только с исторических позиций, но разбирались в аспекте их современного звучания.

Особое значение приобретает авторская концепция, интерпретирующая восприятие искусства самим автором. В определенном смысле именно наличие в книге оригинальной авторской концепции творчества художника сообщает рассуждениям популяризатора завершенность, становится важным средством развития повествования, придает ему необходимую динамичность. Можно приветствовать умение автора по-своему показать творчество, заглянуть в самую суть явления. И хорошо, если этот взгляд как бы переадресовывает читателя от содержания

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 214.

книги к непосредственному восприятию конкретных произведений искусства. Вот, например, отрывок, посвященный искусству этрусков.

«Подвижность, стремительность линий, передающих саму суть и душу изображаемого, характерны только для этрусского искусства... Пройдет еще тысяча лет и даже много больше — европейские мастера все еще будут тщетно разгадывать вечные секреты этрусков... Этрусскую живопись отличает одухотворенность, секрет которой не раскрыт... В полутьме могил и склепов этрусские мастера изображали подчас танцовщиц и героев не просто в движении, а за один миг до его начала. В момент резкого поворота танцовщицы вот-вот закончат пируэт... Когда рассматриваешь изображения схваток или битв, слышится звон оружия. В сцене охоты явственно раздается хлопанье птичьих крыльев. Чем это объяснить? Неизвестно»⁶.

Такое описание, несмотря на всю его конкретность, оставляет ощущение недоговоренности, тайны. Хочется самому увидеть эти удивительные произведения, так восторженно описанные автором.

Вместе с тем, порою именно авторская концепция придает книге замкнутость, так как становится своеобразным ограничителем повествования. «Тема известных книг Пирро, Швейцера, Курта о Бахе — не «Бах», а мыслительного начала в музыке Баха — у первого, о том, что музыкальный язык Баха — это «язык символов», — у второго, о «кинетической энергии» мелодической линии как основном начале баховской музыки — у третьего»⁷. В дан-

ном примере наглядно показано, как авторская концепция ограничивает показ художественного творчества определенным, выявленным автором качеством этого творчества. Конечно, изменить концепцию автора невозможно, так как порою именно она составляет основную суть повествования. Думается, определенная узость авторской концепции должна возмещаться другими элементами издания. При помощи справочного аппарата, иллюстративного материала недосказанное в самом произведении может восполниться. Можно, например, связать творчество Баха с современной концертной деятельностью в предисловии или послесловии, показать некоторые дополнительные штрихи к биографии композитора в иллюстрациях. Особенно эффективно последнее при подготовке изданий по изобразительному искусству.

Мы рассмотрели лишь некоторые возможности усиления воспитательной функции издания по искусству на основе углубления потенциальной его способности переадресовывать читателя к фонду искусства. Тут формы и методы могут быть самые различные.

Решить задачу углубления воспитательно-познавательной функции литературы по искусству применительно к конкретным изданиям можно, только сообразываясь со спецификой восприятия художественных произведений, а также с уровнем и характером знаний об искусстве различных категорий читателей.

Принятое деление читателей на три категории — специалисты, любители искусства и читатели, начинающие приобщаться к искусству, — имеет слишком общий характер и не дает достаточного основания для уточнения отдельных оценочных критериев

⁶ Щербakov В. Чаша бурь. М., 1985. С. 306, 307.

⁷ Коган Г. Избранные статьи. М., 1972. Вып. 2. С. 90.

литературного труда, предназначенного массовому читателю.

Категорию специалистов в данном случае можно опустить, так как она рассматривается либо в плане информационного обслуживания⁸, либо включается в категорию любителей искусства.

Как известно, при определении критериев оценки научно-популярного издания редактор учитывает особенности формирования интереса. Для популяризатора не менее, чем для педагога, важно, чтобы читатель прошел весь путь развития познавательного интереса, не останавливаясь на первых его стадиях, идя от любопытства к любознательности и в конце концов к теоретическому интересу.

Желание самому исследовать произведения искусства, самому определять их значение, продумать их основные особенности приходит не сразу. Но осознание своего места как зрителя, слушателя произведений искусства, осознание всеобщности предназначения искусства может стать первым шагом к теоретическому пониманию искусства и к активному, заинтересованному отношению к нему.

Категория массового читателя в целом изучена лишь обобщенно. В практике работы современного издательства читатели этой категории понимаются как читатели, нуждающиеся в определенном объеме информации, изложенной в доступной для непосвященного форме. В реальных изданиях такой поверхностный подход претворяется в довольно беглом изложении фактов

из биографии художника, музыканта, композитора.

А между тем цель формирования в читателе интереса к искусству включает в себя две по-разному решаемые задачи: формирование первичного интереса к искусству у читателя, начинающего знакомиться с искусством; совершенствование качества интереса к искусству у читателя подготовленного, знающего искусство.

Литература для первого типа читателей призвана решать проблемы развития эмоциональной сферы восприятия и интеллектуальной осведомленности человека о мире искусства, то есть расширения границ информации о художественном творчестве. В такой литературе искусство желательно показывать широко, комплексно.

Следующий тип читателя — подготовленный читатель, любитель искусства. Тут тоже необходима дифференцированная оценка научно-популярного произведения, исходя из особенностей интереса к искусству, имеющегося у любителей. Любители искусства изучены слабо. Как правило, они противопоставляются тем, кто начинает знакомиться с искусством. Считается, что для характеристики этих читателей достаточно указать на то, что они знакомы с терминологией, разбираются в искусстве и любят его, имеют стойкую привычку обращаться непосредственно к произведениям.

Однако издательства не учитывают сложности данной категории читателей. Обращаясь к истории развития искусства и истории развития книги по искусству, можно отметить динамизм основных характеристик любителей искусства. Сегодня это далеко не однородная группа.

Читатели данной группы разграничиваются на две подгруппы. Ха-

⁸ Антонова С. Г. К вопросу о теории организации отраслевой системы и информации в области искусства (на примере театра) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги: Сб. науч. тр. М., 1979. Вып. 1. С. 136 — 143.

рактически каждой подгруппы и должен учитываться при оценке научно-популярной книги по искусству.

К первой из них относятся читатели широкой образованности, истинные ценители искусства, гуманисты в широком понимании слова. Для них представляет интерес литература, близкая научной. На первый план в редакторском анализе выступает критерий глубины и новизны информации. При этом особое значение приобретает показ отражения в искусстве современных проблем (например, влияние искусства на личность, межнациональные связи искусства, достижения искусствознания). При подготовке научно-популярной литературы для этих читателей важно соизмерять глубину раскрытия проблемы, насыщенность информации с другими трудами на данную тему, так как читатели в основной своей массе достаточно основательно знают литературу по интересующему их вопросу. Социально-философский план содержания имеет для данной категории читателей не меньшее значение, чем отражение самого искусства, и поэтому редактор должен анализировать данный аспект издания с особым вниманием, имея в виду прежде всего глубину раскрытия содержания, оригинальность авторской концепции, проблемность, которая связана не только с проблематикой искусства, но и с широким осмыслением действительности (искусство и личность, современность и художник и пр.). Тут постановка вопросов требует оригинальности, неожиданных поворотов мысли.

Ко второй подгруппе данной категории читателей можно отнести любителей искусства, имеющих узконаправленный интерес к искусству. Эта подгруппа — достаточно сложное явление и требует особого внимания.

Законы восприятия искусства, влияние его на личность определяются многими факторами. Так, существует интерес к отдельным видам искусства и к искусству в целом. Этот интерес связан с возрастными особенностями читателей⁹.

Субъективный характер влияния искусства на личность, различный уровень развития эстетического отношения человека к действительности предопределяют сочетание в одном человеке таких противоречивых качеств, как хорошее многоаспектное знание одного направления искусства и полное невежество в других, нежелание понять деятелей этих направлений, активное неприятие их творчества. Последнее как раз и говорит о неподготовленности личности к осознанному восприятию искусства во всей его сложности и противоречиях, ограниченности интереса к искусству. Например, любители классической музыки должны рассматриваться как подготовленные читатели при создании книг, посвященных классическим школам и направлениям. В то же время они могут не понимать и воспринимать негативно народное песенное искусство или джаз. И тогда тех же читателей приходится относить к группе начинающих приобщаться к искусству. Такая двойственность читательских интересов ставит задачу создания литературы комплексного характера, позволяющей формировать отношение к искусству как сложной многоуровневой системе.

Если неподготовленный читатель нуждается в развитии преимущественно эмоциональной сферы восприятия искусства в сочетании

⁹ См.: Соболева А. А. Библиотечно-библиографическая пропаганда искусства и литературы о нем как средство формирования художественных интересов молодых читателей: Автореф. дис... канд. пед. наук. М., 1982. С. 8.

с расширением знаний об искусстве, то читателя, имеющего ограниченные пристрастия, желательно переориентировать на более глубокое понимание произведений, расширяя его интеллектуальный кругозор.

Таким образом, категория массового читателя включает по крайней мере три различные группы, каждая из которых требует своего подхода при подготовке научно-популярной литературы по искусству: начинающие знакомиться с искусством, нуждающиеся в широкой, первичной информации о нем; любители с узконаправленным интересом, отношение к искусству которых необходимо углублять; любители широкого плана, предпочитающие литературу, близкую к научной.

Такое разграничение даст возможность более четко формировать серийные издания. Так, тематика серий для первой группы читателей требует полноты показа искусства в целом и вида искусства. Такая серия может иметь закрытый характер, повторяя периодически какие-то темы, в том числе и за счет переиздания наиболее удачных книг. Она может включать; например, имена русских, зарубежных композиторов или художников определенного периода или школы искусства. В основе такой серии — создание у читателя систематизированной базы первичных знаний о художественном творчестве.

Тематика серий для второй группы прежде всего должна учитывать необходимость комплексного показа искусства. Тут выпуски могут касаться целой системы и включать различные виды искусства.

Что же касается третьей группы, то для них желательно издавать литературу, пропагандирующую достижения искусствознания и эстетической мысли, исходя из современных новейших проблем развития искусства.

Причем серии для двух последних групп читателей могут иметь открытый характер, дополняясь по мере развития науки об искусстве.

Соответственно должно меняться и наполнение содержания основных критериев оценки научно-популярного произведения.

Например, различные критерии оценки фактических сведений, включаемых в произведение, предназначенное для неподготовленного читателя и любителя. Должны оцениваться не объем, не широта привлекаемых сведений (как это принято в практике издания сейчас), а обеспечиваемая ими глубина отражения творчества художника. Так, первая подгруппа читателей нуждается в базовых знаниях, и на передний план выдвигается критерий полноты показа творчества художника и его вклада в создание фонда произведений искусства.

Именно так и решается отчасти проблема подготовки серийных изданий для двух категорий читателей — любителей и начинающих знакомиться с искусством — издательством «Музыка». Но в этом издательстве, как, впрочем, и в некоторых других, выпускающих литературу по искусству, учитываются только две группы и не рассматривается сложная дифференциация группы любителей.

При подготовке серийных изданий материал отличается объемом, глубиной рассмотрения темы. В книгах для неподготовленного читателя «автор, создавая творческий портрет, почти не касается исторической обстановки, в которой жил герой, круга людей, с которыми общался, и т. д.»¹⁰ Такой подход к оценке издания и приводит к появлению

¹⁰ Банчик Н. Я. Особенности подготовки серийных изданий издательства «Музыка» // Изд. дело: Науч.-техн. реф. сб. М., 1983. Вып. 10. С. 22.

однотипных книг, в которых сюжет определяется биографией художника, а материалы отражают лишь сведения о внешних сторонах творчества (количество написанных произведений, масштаб концертной деятельности).

При оценке литературы, предназначенной любителям, на первый план необходимо выдвигать критерий новизны информации.

Очевидно, читатель должен уже по наименованию серии, по определению в аннотации читательского адреса знать, что содержится в ее выпусках — общие характеристики творчества, необходимые тем, кто только начинает приобщаться к искусству, или то новое, что появилось в искусствознании, в исполнительской деятельности, в художественном творчестве, — то, что может заинтересовать любителя искусства.

К сожалению, особого внимания данному аспекту издательства не уделяют. Так, по аннотациям издательства «Музыка», включенным в тематические планы выпуска, трудно понять принцип дифференциации читателей. Как правило, в аннотациях находим: «В книге рассказывается об основных этапах биографии и творчества...» Из подобной характеристики невозможно понять, какие именно материалы легли в основу повествования — новые или общеизвестные. Не дает ориентира и формулировка читательского адреса: «Для самого широкого круга читателей, интересующихся отечественной музыкальной культурой» или «Для самого широкого круга любителей музыки» — эти два разграничения читательской аудитории неясны. Они не говорят о самом главном — о том, знаком ли читатель с искусством или только начинает знакомиться с ним. Так же туманно определяется читательское назначение в тематическом плане издательства «Художник РСФСР».

Так, в 1985 г. к выпуску в серии «Массовая библиотека» планировались три издания. Читательский адрес обозначался по-разному. Но уловить, на чем основывалось это различие, по издательским аннотациям невозможно. Так, читательский адрес монографии о Д. Г. Левицком характеризуется следующим образом: «Издание рассчитано на широкий круг любителей изобразительного искусства», книги о П. К. Клодте — «Издание содержит 16 иллюстраций и рассчитано на всех, интересующихся русским изобразительным искусством», монографии о К. А. Коровине — «Книга рассчитана на широкий круг любителей искусства»¹¹.

Более четко формулируют читательский адрес издательства «Искусство» и «Изобразительное искусство». Но и тут читатель, библиотекарь или книготорговый работник встретятся со сложной проблемой выбора издания. «Изобразительное искусство» предназначает свои издания «для специалистов и широких кругов читателей» или «для специалистов и любителей изобразительного искусства»¹². Конечно, трудно определить, по какому принципу объединяются две разнородные во всех отношениях категории.

Наиболее профессионально, обоснованно в данном случае поступает издательство «Искусство»¹³, имеющее четкий ориентир. Его издания предназначаются специалистами и любителям искусства или широ-

¹¹ Художник РСФСР: Аннотированный тематический план выпуска литературы и изобразительной продукции на 1985 год издательства Союза художников РСФСР. Л., 1984. С. 40, 41.

¹² Изобразительное искусство: Аннотированный тематический план выпуска литературы и изонзданий издательства на 1985 год. М., 1984. С. 12, 13.

¹³ См.: Искусство: Аннотированный план выпуска литературы на 1985 год. М., 1984.

ким кругам читателей. И хотя объединение специалистов и любителей не всегда обоснованно, хотя понятие любитель неоднозначно, как было показано выше, все-таки при таком разграничении читателей нетрудно оценить полноту и характер используемых для издания материалов.

Таким образом, издательствам следует больше внимания уделять конкретизации читательского адреса выпускаемой литературы, больше заботиться о том, чтобы каждая книга по искусству адресовалась конкретным читателям.

Это особенно важно для читателя с узконаправленным интересом и для читателя, начинающего знакомиться с искусством, так как их обращение к изданию по искусству имеет различные причины, учет которых и позволяет усилить действенность издания.

Многогранное восприятие человеком искусства еще не достаточно полно изучено. В частности, требует своего осмысления такое явление, как воздействие на личность не самого искусства, а искусства, отраженного в книге. Это тем более важно, что основную массу произведений мы знаем только из изданий (по описаниям и иллюстрациям). Глубокое исследование «компенсирующей» роли книги в эстетическом воспитании человека помогло бы более четко определить критерии оценки изданий по искусству, наметить пути усиления их воздействия на читателей.

Однако порою книга не столько формирует интерес к самому искусству, сколько заменяет этот интерес интересом к изданию по искусству. Составление внутренних связей с искусством только на базе литературы, обогащение эстетического мира личности за счет книги ограничивает возможности влияния искусства на человека.

Формы и методы показа искусства в книге могут быть различны. Но очевидно, что общий подход выражается в том, чтобы издание не замыкало интерес читателя на содержании данного произведения. Напротив, оставляло бы в душе читателя ощущение неполноты узнавания, потребность непосредственной встречи с произведением.

Особое значение имеет проблема репертуара изданий по искусству. Отечественный репертуар изданий по искусству существует со второй половины XVIII в., когда стали выходить в свет описания церквей, художественных галерей и отдельных произведений, руководства для изучения искусства, уставы.

По мере роста городов, культуры и образованности населения расширялся интерес к искусству и, как следствие этого,— интерес к книге по искусству, что приводило к усложнению структуры потока изданий, расширению тематики, к появлению специализированных издательств. В России эти процессы происходили уже на рубеже XVIII—XIX вв., но особенно усилились в период становления и развития русского демократического искусства. Связано это с деятельностью фирм и издательств в конце XIX — начале XX в.: С. А. Кусевецкого, П. М. Юргенсона, М. П. Беляева (музыкальная литература и ноты), И. Н. Кнебеля (изоиздания, литература по изобразительному искусству) и др. Поистине широкий размах издание литературы по искусству получило после Октября, когда поэтапно, целенаправленно стала осуществляться пропаганда искусства среди широких слоев населения. И сегодня репертуар изданий по искусству представляет собой динамическую, постоянно обновляющуюся систему, которая отражает все многообразие развития и совершенствования данной отрасли.

Полноление репертуара осуществляется в процессе выпуска литературы. Современная практика издания такова, что создатели потока руководствуются прежде всего спросом на ту или иную книгу¹⁴. Однако при издании литературы по искусству необходимо также учитывать отечественный репертуар.

Репертуар изданий по искусству отличается от репертуара по другим отраслям знания тем, что имеет не только историческое значение для современного книговедения и историко-культурное значение для исследования развития какой-то сферы деятельности или отрасли знания. Он представляет интерес общекультурного порядка, так как отражает этапы становления и развития художественного творчества, показывает влияние искусства на человека в отдельные исторические периоды. Более того, степень актуальности некоторых фрагментов репертуара постоянно изменяется.

Информация, содержащаяся в изданиях по другим отраслям знания — например, по сельскому хозяйству, по технике, — с течением времени устаревает, и литература в силу этого рассматривается уже только как исторический и книговедческий феномен; процесс старения изданий по искусству более сложен и неоднозначен. Значительная часть репертуара активно используется в современной практике, прежде всего в искусствознании.

Известно, что в процессе развития культуры человеческое общество имеет потребность возвращаться к духовным ценностям, созданным предыдущими поколениями. Произведения забытых или отвергнутых художников, целые пе-

риоды, школы и направления искусства вновь становятся злободневными, важными, а отражающая их литература пересматривается, анализируется.

Сохраняют свое значение и издания мемуарно-документальных источников деятелей искусства (письма, дневники, статьи и выступления об искусстве), и воспоминания об этих людях. Могут ли устареть издания писем В. Ван-Гога, дневников Э. Делакруа, «Далекого и близкого» И. Е. Репина? Непреходящее значение, вечная злободневность подобных изданий делают актуальной фиксирующую их часть репертуара.

Специфичен и раздел репертуара, отражающий издания произведений искусства в эстампах, репродукциях и нотах.

Например, литература, выпущенная Кружком любителей русских изящных изданий, представляет интерес для изучения деятельности художников «Мира искусства» с точки зрения их вклада в историю искусства, но может рассматриваться и как основа исследования книжной графики Н. К. Рериха, А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере и других в плане оценки творчества каждого из них¹⁵.

Развитие искусствознания не всегда определяется развитием самого искусства. Личные пристрастия и интересы будут, очевидно, всегда влиять на развитие искусствознания как одна из закономерностей, свойственная исследовательской работе в данной сфере. Вообще, субъективизм в отборе явлений искусства для исследования, пропаганды, разъяснения особенностей

¹⁴ Подробно см.: Антонова С. Г. Моделирование как метод совершенствования потока изданий (на примере массовой литературы по искусству) // Книга и социальный прогресс. М., 1986. С. 147—154.

¹⁵ См.: Сидорин Я. С. Кружок любителей русских изящных изданий (Художник и книга) // Тез. докл. V Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция теорет. пробл. библиофильства. М., 1984. С. 43—45.

творчества и произведений приводит к тому, что в поле зрения исследователей не всегда попадает главное, поистине значимое. Что-то остается за пределами серьезного изучения. В частности, подготовка монографий о современном искусстве ведется недостаточно активно и целеустремленно. В результате, в потоке изданий крайне мало и научно-популярных трудов, раскрывающих творчество современных художников, певцов, музыкантов, почти не исследуются истоки эстрадной музыки, рок-музыки, сложных произведений киноискусства.

В репертуаре это выражается многочисленными публикациями об одних деятелях искусства и редкими упоминаниями о других. Некоторые явления искусства современниками порою не принимаются, не рассматриваются как достойные внимания, значительные. Иногда просто забываются... Но проходит время, и художники как бы вновь возвращаются. В какой-то мере репертуар изданий играет в данном случае роль базы данных, свидетельствующих о понимании искусства его современниками, об этапах восприятия, осмысления художественного творчества человеком.

Репертуар дает сведения и о взаимодействии искусства с другими компонентами культуры в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Издателям необходимо выявлять основные характеристики потока с учетом общей картины издания этой литературы, по-новому осмысляя категории полноты отражения искусства в изданиях, актуальности раскрываемых в произведениях проблем, научной значимости рассматриваемых авторами явлений.

Особенно важно это при планировании выпуска литературы в рес-

публиках. Формирование национального репертуара ставит перед местными издательствами задачи показа национальных художественных ценностей с исчерпывающей полнотой, глубоко и в различных ракурсах — на фоне развития многонациональной социалистической культуры, в связи с народными традициями населения данного региона и в сравнении с искусством других наций и народностей. Тут особенно ощутимы пробелы из-за незаслуженного забвения имен художников, направлений искусства, даже отдельных произведений. Все они — часть, пусть даже самая небольшая по объему, культурного наследия человечества.

Конечно, такая работа не под силу одному издательству и даже целой системе издательств. Свое слово в выработке основных принципов создания репертуара литературы по искусству призвано сказать и книговедение. Потребуется исследование общетипологического плана, выявляющие закономерности формирования репертуара и вооружающие практических работников методами комплексной характеристики искусства в потоке изданий.

В общетипологическом плане отечественный репертуар изданий по искусству исследован слабо. Это объясняется объективными причинами: недостаточной разработанностью типологии книги, неполнотой изучения отдельных исторических периодов развития искусства, многих направлений современного искусства. Однако есть книговедческие работы, характеризующие некоторые фрагменты репертуара изданий по искусству¹⁶. Можно утверждать, что уже имеются предпосылки для создания обобщающего труда.

¹⁶ См. материалы I—V Всесоюзных научных конференций по проблемам книговедения 1971—1985 гг.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КНИГОТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(на примере «Ленкниги»)

На необходимость дальнейшего совершенствования книгоиздания в стране указано в решениях XXVII съезда КПСС¹. От работников книгоиздания и книгораспространения требуется высокая ответственность, профессионализм, максимальное использование всех творческих и производственных резервов.

В XII пятилетке предусмотрено укрепить материально-техническую базу книжной торговли, внедрить средства механизации и автоматизации, передовую технологию. Дальнейшее совершенствование книжной торговли должно опираться на передовой опыт и достижения XI пятилетки. За 1981—1985 гг. произошли ощутимые положительные сдвиги в совершенствовании организационной структуры книжной торговли на основе новых нормативных документов и материалов, повысилась ответственность книготоргов за определение заказов и расширение ассортимента издательской продукции, созданы перспективные формы пропаганды и рекламы книги.

Каковы же первоочередные проблемы книготорговой деятельности сегодня?

Ленинградское книготорговое объединение «Ленкнига» принадлежит к числу ведущих в нашей стране. В XI пятилетке общий объем реализации товаров ЛКО «Ленкнига» составил 414 607 тыс. р. при плане 405 125 тыс., или 102,3%, а общий товарооборот возрос на 27,2%. Налицо определенная тенденция к улучшению структуры товарооборота: удельный вес реализации книжных товаров возрос до 87,5% (в начале пятилетки — 81,1%), а продажа сопутствующих товаров сократилась. Продажа на душу населения увеличилась с 10 р. 35 к. в 1980 г. до 12 р. 96 к. в 1985 г., т. е. возросла на 25,2%; на 54,4% увеличилась покупка книг в 1985 г. по сравнению с 1980 г. За пятилетку среднегодовая реализация товаров в расчете на одного работника возросла на 23,8% и достигла 28,6 тыс. р. Построено 7 благоустроенных магазинов, переведены в новые помещения и расширены еще 15. Из общего числа 164 к концу пятилетки работало 39 специализированных и 21 профилированный, 11 магазинов-клубов и 3 магазина-салона, 2 магазина книгообмена и 7 канцелярских. За XI пятилетку получили самое широкое распространение прогрессивные формы работы: книгообмен, продажа по методу самообслуживания, расширилась сеть таких магазинов, в настоящее время их 65.

¹ Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по политическому докладу Центрального Комитета КПСС. Постановление XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 27.

Эти показатели свидетельствуют о том, что книжная торговля в Ленинграде развивалась на основе интенсивных методов, которые и обусловили качественные изменения. И прежде всего — это совершенствование организационной структуры, необходимость которого связана с резким увеличением объема работы в книготорговых предприятиях всех уровней при минимальном росте числа работников. Последнее характерно для всех книготоргов страны.

Еще в конце 30-х годов, когда значительно расширилась торговая сеть МОГИЗа, были созданы 10 районных магазинов с филиалами и киосками. На них была возложена обязанность способствовать развитию книгораспространения. «Однако МОГИЗ не сумел использовать своих возможностей и преимуществ централизованной организации и с основными задачами не справился. Система механического распределения книг не давала возможности внедрять хозрасчет, учитывать спрос покупателей. Наблюдалось массовое затоваривание при наличии «голода» на книгу, неправильное размещение товарных фондов»².

При реорганизации городской сети книжных магазинов в 1962 г. были созданы восемь «кустов» из двух магазинов каждый (по принципу территориальной близости). Во главе «куста» стоял один из крупных магазинов³. Директорам «ведомых» магазинов зарплату несколько снизили. Подбор при таком «объединении» был не всегда удачен. Так, магазин № 5 «Техническая книга» был объединен с № 27 «Детская книга»,

что явно противоречило общему принципу специализации. Эта модификация просуществовала около 8 лет, вызывая множество нареканий, в том числе и по работе с кадрами, после чего «кусты» были расформированы.

Коренные изменения, происшедшие во всей системе советской книжной торговли в X и XI пятилетках, позволили вернуться к практике деления книготорговой сети по районам. Большой опыт организации такой структуры был накоплен в Эстонской ССР. «Книготорговая сеть ЭССР разделена по территориальному признаку на 16 групп, хозяйственная деятельность которых по некоторым экономическим показателям (товарообороту, прибыли, труду) учитывается централизованно в головном магазине. Такая система управления обеспечивает оперативное руководство работой книжного магазина, развитие прогрессивных форм и методов распространения литературы»⁴. В середине 70-х годов к подобному опыту обратились в Донецком, Пермском, Минском, Черкасском и других книготоргах. Созданным в районах головным магазинам книготорги передали целый ряд своих административных функций. «Это приблизило руководство непосредственно к местам продажи, теснее связало его с общественностью и хозяйственным активом»⁵.

С января 1980 г. в книготорге стали действовать районные и межрайонные объединения книжных магазинов (сейчас их 19). «В головных магазинах объединений работают опытные книготорговые кадры, ху-

² Поливановский С. Е. Московское городское объединение книжной торговли «Москнига» // Кн. торговля: Обзор информ. / ЦБНТИ по печати. 1980. № 2. С. 9.

³ Барбан Е. Товаровед книготорга и магазин // Сов. кн. торговля. 1962. № 6. С. 11.

⁴ Степанова Л. Д., Михайлова Н. С. Развитие книжной торговли в Эстонской ССР // Кн. торговля: Реф. информ. / Информпечать. 1980. № 12. С. 1—2.

⁵ Говоров А. А. Теория и организация книжной торговли // Кн. торговля: Обзор информ. / ЦБНТИ по печати. 1974. С. 18—19.

дожники, за некоторыми магазинами закреплен автотранспорт. Структура партийных, профсоюзных и комсомольских организаций приведена в соответствие со структурой объединений. Организационно определены функции работников управления (орготделов, централизованных бухгалтерий, планового отдела, книжной базы) по курированию созданных объединений»⁶. Опыт прошлого и практика сегодняшнего дня показывают, что создание объединений помогает магазинам, отличающимся по товарообороту и численности штата, лучше решать хозяйственные и экономические задачи, повышать культуру обслуживания населения. Естественно, что многое решено еще не полностью, и прежде всего это вопросы, связанные со специализацией каждого магазина, входящего в объединение. Тем не менее накопленный опыт работы позволяет надеяться, что эта интересная и перспективная форма структуры книжной торговли получит дальнейшее развитие.

В первую очередь нуждаются в решении вопросы ассортиментной работы. Среди разнообразных ее методов есть уже устоявшиеся, широко применяющиеся. К ним следует отнести изучение культурно-экономического профиля районов и спроса на литературу. Уже давно книготорги страны используют систему предварительных заказов по тематическим планам издательства, которая позволяет определить общественную потребность в издании. С каждым годом планы товарооборота все больше обеспечиваются предварительными заказами. И это важное достижение. Особенно велика в этом роль магазинов — опор-

ных пунктов, которых сейчас в Ленинграде 28. Они ведут работу с 32 издательствами. Уровень обеспеченности предварительными заказами здесь на 20% выше, чем в среднем по книготоргу. Данные, представляемые магазинами — опорными пунктами, должны служить своеобразным индикатором полезности и целесообразности издания.

Ленинградский книготорг одним из первых начал применять новую форму работы с проектами тематических планов издательства. В настоящее время обеспеченность предварительными заказами по планам ряда издательств («Недра», «Машиностроение») достигает 70%. Внедрение этой прогрессивной формы торговли тормозится из-за несогласованности книгоиздания и книгораспространения.

Книготорг получает проекты планов в 1—3 экз., сам размножает их в нужном количестве, что значительно задерживает прием условных предварительных заказов. Но даже на таких условиях ЛКО «Ленкнига» получает проекты планов в среднем только от 20 издательств. Видимо, требуются экономические стимулы, чтобы издательства были заинтересованы в ускорении темпов реализации книжной продукции.

В магазинах — опорных пунктах постоянно ведутся изучение и учет неудовлетворенного спроса. Ежегодно книготорги подают в Союзкнигу списки на издание и переиздание нескольких тысяч названий книг. Но обратная связь, к сожалению, налажена плохо. Было бы целесообразно в определенные сроки рассматривать эти предложения в «Союзкниге» и сообщать об их дальнейшей судьбе книготоргам.

Наиболее плодотворно складываются отношения у «Ленкниги» с Лениздатом, Гидрометеонздатом, ленинградскими отделениями издательств «Машиностроение», «Нед-

⁶ Опыт работы коллективов книготорговых организаций — победителей Всесоюзного социалистического соревнования // Кн. торговля: Экспресс-информ. / Информпечать. 1981. № 9. С. 5—6.

ра», «Медицина». Эти издательства принимают участие в проводимых социологических исследованиях, прежде всего в анкетировании. За XI пятилетку в ЛКО «Ленкнига» было проведено 18 анкетных опросов. Совершенно ясно, что этим должны заниматься в основном специализированные магазины, имеющие постоянных покупателей. По итогам социологических обследований издательства проводят совместные с книготоргами заседания, на которых определяются перспективы развития издательской деятельности. В числе наиболее существенных недостатков покупателя называют неоперативность системы книгоиздания: большой срок от сдачи рукописи в издательство до выхода книги в свет и связанное с этим ее частичное моральное старение, чрезвычайно редкие повторные издания по результатам реализации первичного.

Так, например, в 1984 г. в издательстве «Мир» вышла книга Ч. Гилмора «Введение в микропроцессорную технику» тиражом в 50 тыс. экз. Однако потребность в ней приблизительно в три раза превышает тираж. Здесь «осторожность» при определении тиража сыграла негативную роль, не позволила удовлетворить реальные потребности читателей. Данный пример точно характеризует и темпы книгоиздания: на языке оригинала книга вышла в 1981 г., ее перевод был сдан в набор в декабре 1983 г., подписан в печать в июле 1984 г., вышел в свет и появился в продаже в ноябре того же года. В зарубежной практике нередки повторные издания с интервалом до 2—3 месяцев, что позволяет быстро удовлетворять покупательский спрос. Особенно важно это при выпуске научно-технической книги, значение которой резко возросло в условиях перестройки. При решении вопросов переиздания и тиражирования следует шире привлекать кон-

сультантов из ведущих отраслей науки и производства.

К важным направлениям ассортиментной работы относится и организация заказаоборота. Основой заказаоборота является ассортиментное планирование, суть которого заключается в следующем: ежегодно в общем ассортименте книготорга определяется доля каждой ассортиментной группы. На этом основании делается заказ. По мере необходимости сверх определенного процента по каждой ассортиментной группе может быть оформлен повторный заказ. Для анализа динамики заказаоборота отдельных книготорговых предприятий и книготорга в целом была внедрена заплата заказов на всех уровнях — товароведными магазинами и объединений перед книготоргом, книготоргами перед Союзкнигой. Но действенность этой, безусловно, прогрессивной формы организации заказаоборота пока еще низка и носит чаще всего формальный, информационно-статистический характер.

Дальнейшее совершенствование ассортиментной работы связано с применением современных технических средств. Значительный рост среднегодовой реализации книжной продукции в расчете на одного работника отрасли во всех книготоргах страны, увеличение загрузки вспомогательными операциями, связанными с оформлением различной документации, безусловно, влияют на скорость реализации. Проведенное в «Ленкниге» обследование информационных потоков, в том числе и в низовом звене, показало, что информационная загрузка продавца по крайней мере вдвое превышает нормативную, что надолго отвлекает его от непосредственного обслуживания покупателей. Конечная цель внедрения всех прогрессивных форм работы в книжную торговлю —

улучшение обслуживания покупателей. Поэтому интенсификация применительно к книжной торговле видится прежде всего в высвобождении времени продавца, товароведа для непосредственного общения с покупателем, в процессе которого можно лучше узнать своего покупателя, его запросы, а также в определенной степени повлиять на них. Поэтому чрезвычайно важно разгрузить продавцов книжных товаров от всех видов неосновной работы. Решить эту задачу поможет широкая компьютеризация книжной торговли, прежде всего — автоматизация низового звена: книжного магазина, рабочего места продавца, библиотекаря.

Использование современных микроЭВМ позволит не только поставить и реализовать учет наличных книжных запасов, ассортимента, но и оперативно обмениваться информацией с другими автоматизированными звеньями через информационные линии связи, перейти от информационного обмена на уровне курьеров и документов к обмену на уровне машинных носителей или сетей связи периферийных и центральных ЭВМ. Пока же вычислительные центры (их в книготоргах более 20) осуществляют: 1) машинную обработку заказов по тематическим планам центральных издательств; 2) машинную обработку данных поименных инвентаризаций; 3) машинный учет и контроль расходности малотиражных изданий, не обеспеченных твердыми заказами; 4) бухгалтерский учет, учет труда и начисление заработной платы, учет расчетов с подотчетными лицами, учет товарных операций магазинов, библиотечных коллекторов и складов, учет издержек обращения, движения фондов материального стимулирования, кассовых операций магазинов и реализации магазинов и книготорга в целом, учет работы автотран-

спорта и пр.; 5) создание массива информации о кадрах книготорга, его регулярную модификацию и извлечение требуемых данных, например при составлении статистических отчетов; 6) оперативный контроль исполнительской дисциплины — выполнения распоряжений и т. д. Вычислительный центр «Ленкниги» выполняет машинную обработку заказов по тематическим планам издательств не только для своего книготорга, но и для РСФСР в целом.

Поименная инвентаризация, являющаяся составной частью контроля за хозяйственной деятельностью книготоргового предприятия, также связана с формированием и сравнительно простой математической обработкой больших информационных массивов. Перенос ее на ЭВМ обеспечивает определенный экономический эффект, так как при этом работники книготорговых предприятий освобождаются от проведения анализа данных поименной инвентаризации.

Потенциальная возможность повысить оперативность связана и с выборочными инвентаризациями по книжным изданиям, расходимость которых контролируется. Информацию об этих изданиях можно вводить в ЭВМ с более высокой частотой, что поможет принимать оперативные решения по результатам анализа, способствующие скорейшему распространению этих изданий с помощью средств рекламы и прочих мероприятий. При этом важен контроль за периодичностью завоза литературы в книжные магазины (с учетом характера завоза, т. е. первичного или повторного заказа изданий). Одновременно можно контролировать соответствие ассортимента поступлений ассортиментному профилю данного книготоргового предприятия. Эти данные обрабатываются в «Ленкниге» на ЭВМ в процессе решения задачи «Учет и

анализ завоза книжных товаров в книготорговую сеть».

Эффективности применения вычислительной техники в книготоргах способствует создание единой системы кодирования каждого издания, основанной на международной стандартной книжной нумерации. Создание такой системы позволило бы перейти к системе автоматизации всего книжного дела, начиная с подготовки книг к выпуску, приблизило бы решение проблемы автоматизации низового книготоргового звена: отдельного книжного магазина, склада. В качестве основы такой автоматизации уже сейчас, по нашему мнению, может быть использован алгоритм «Учет», с помощью которого в ряде отраслей народного хозяйства реализуется текущий (оперативный) учет различных изделий: комплектующих, полуфабрикатов, инструмента, готовой продукции в цехах и на складах. Для успешного функционирования этого алгоритма можно использовать код издания, содержащий шифр темплана издательства, порядковый номер издания в этом темплане, дополнив его шифром ассортиментной группы и годом выпуска издания. Это позволит обрабатывать информацию в ассортиментном разрезе и контролировать расходимость изданий по годам.

Для автоматизации низового звена книжной торговли могут быть использованы микроЭВМ серии ДВК или, предпочтительнее, компьютеры, например, «Агат» или Роботрон 1715 (ГДР).

В современных условиях эффективность практически всех мероприятий по изучению спроса, улучшению заказа оборота печатной продукции и в целом ассортиментной работы все больше зависит от уровня пропаганды и рекламы.

Данные анализа ассортимента, представляемые книжной базе Вычислительным центром, служат ос-

новой для планирования деятельности по рекламе и пропаганде, которую условно можно разделить на текущую и перспективную. Основной, безусловно, является текущая. Книжная база совместно с отделом организации и техники торговли Ленинградского книготорга определяет необходимость и объем рекламных материалов по пропаганде печатных изданий. Бюро рекламы и пропаганды участвует в организации и оформлении читательских конференций, вечеров, встреч, тематических дней, выставок, базаров, лекториев. «Ленкнига» уделяет особое внимание подготовке буклетов, считая их самыми действенными рекламными средствами. Количество выпускаемых рекламных материалов велико, но при наблюдающемся снижении спроса на книгу преимущественное значение приобретают качественные характеристики рекламных материалов. Необходимо выпускать хорошо сконструированные, красочно оформленные рекламные издания.

Область книжной торговли, в которой еще много резервов, — это общественное книгораспространение. Общественные пропагандисты книги вносят весомый вклад в развитие книгораспространения. «Продажей литературы на общественных началах занимаются сейчас около 800 тыс. пропагандистов, более 4 тыс. народных магазинов, около 6 тыс. общественных киосков и более 23 тыс. школьных кооперативов... За 1984 г. через систему общественного книгораспространения продано литературы на 82 млн р., что составило 5,3% в розничном товарообороте по книге (без оборота бибколлекторов)»⁷. И эти цифры год от года растут. В Ленинграде общест-

⁷ Шаров А. И., Полякова Л. Н. Общественное книгораспространение сегодня // Кн. торговля: Опыт, пробл., исслед. 1985. Вып. 16. С. 93.

венное книгораспространение представляет значительную силу, влияющую и на идеологические, и на экономические функции книжной торговли. Более 500 народных магазинов и киосков на предприятиях и в учреждениях, 6500 общественных распространителей занимаются пропагандой книги. При этом в деятельности общественных распространителей главной является не экономическая, а социальная эффективность.

Сейчас, когда взят курс на ускорение, перед книгоизданием и кни-

гораспространением встают важные проблемы, предусматривающие более значительную, чем в предыдущих пятилетках, эффективность книгообеспечения. В XII пятилетке намечено не просто увеличить выпуск и реализацию печатной продукции, но повысить эффективность каждого издания, стремиться к максимальному удовлетворению потребностей населения в книге. Для решения этих проблем в книгоиздании и книжной торговле имеются неиспользованные резервы.

К. М. Накорякова

ЛИНГВИСТИКА И РЕДАКТИРОВАНИЕ

(из истории анализа текста)

Одной из примечательных черт нашей отечественной филологии всегда было то, что она никогда не замыкалась в сфере академических трудов, была тесно связана с практикой. Задача, которую поставил перед собой автор в этой статье, конкретна: сопоставить лингвистические исследования, трактующие проблемы анализа текста, и первые созданные у нас в стране научные редакторские методики.

Как научная дисциплина редактирование развивалось прежде всего в русле дисциплин лингвистических под непосредственным влиянием идей Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, послуживших основой современной теории текста. Сложность текста как объекта исследования предопределяла выход за рамки традиционного, узко понимаемого языковедческого подхода к нему.

Литературоведы не раз высказывали мнение, что в поисках точных методик анализа текста литературоведение всегда «шло навстречу» лингвистам¹, продолжая традицию, заложенную древнейшими риториками, в которых не было разделения этих филологических дисциплин. Ес-

ли говорить о позиции лингвистов, то в научной традиции отечественного языкознания существует вполне определенная точка отсчета, с которой начинается их сотрудничество с литературоведами. В 1923 г., публикуя первую часть своих «Опытов лингвистического толкования стихотворений», в которой рассматривалось стихотворение Пушкина «Воспоминание», Л. В. Щерба писал, что у него почти нет предшественников среди русских филологов в «непосредственном анализе текста как известного литературного факта»².

Знаменательно — и при обращении к теории текста с позиций редактора это следует подчеркнуть особо, — что исследование Л. В. Щербы имело вполне определенную практическую направленность. Ученый убедился, что слушательницы Бестужевских курсов, готовящиеся стать преподавательницами русского языка, «зачастую не умеют читать, понимать и ценить с художественной точки зрения русских писателей вообще и русских поэтов в частности»³. Необходимость «разъяснять» не только «идеи», но и художественную сторону поэтических

¹ См.: Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа // Теория литературных стилей: Совр. аспекты изучения. М., 1982. С. 20.

² Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 26.

³ Там же.

произведений, учить читать с пониманием поэтические произведения русских, а по возможности и иностранных писателей он подчеркивал неоднократно и настойчиво.

Одним из основополагающих тезисов лингвистической концепции Л. В. Щербы было, как известно, утверждение, что языком можно считать лишь то, что хотя бы мысленно произносится. «Нашим языком является лишь произносимый язык: он имеет непосредственные смысловые ассоциации, тогда как письмо, текст получают их лишь через его посредство»⁴, — пишет он в замечаниях, предпосланных разбору текста стихотворения и названных им «Оправданием чтения». В противоположность традиционному для того времени взгляду на текст лишь как на форму закрепления языкового материала Щерба подходил к анализу текста с позиции своей концепции «живого языка», речевой деятельности как совокупности всего говоримого и понимаемого. Эта идея сыграла в дальнейшем важную роль в развитии теории языка как средства коммуникации, в семиотике, прагматике и психолингвистике.

Для методики редактирования и сегодня представляется существенным и практически важным вывод Щербы о том, что «необходимы большая опытность, литературная начитанность и тонкое знание языка, для того чтобы правильно произносить текст или, что то же, правильно угадывать замысел автора»⁵. Ученый буквально обрушивается на неверно, с его точки зрения, поставленное во всех изданиях стихотворения двоеточие: «Сомневающиеся пусть попробуют его прочесть (ведь каждый знак имеет определенное фонетическое значение), и они убе-

дятся в абсолютной фальши этого бумажного двоеточия»⁶.

«Оправдания чтения» основываются на принципах смыслового членения текста. В нем выделены две части: рассказ об обстановке и о самом процессе воспоминания, который, в свою очередь, распадается на введение и картину воспоминания. По ходу анализа Щерба прежде всего обращает внимание на центральные (ключевые — в современной терминологии) слова, существенно важные для понимания замысла автора. Толкование этих слов определяет толкование смысла стихотворения и системы его образов в целом. В первой части стихотворения это слова *полупрозрачная, воспоминание — безмолвно, союз и, слова печальных строк и не смываю*.

Слову *полупрозрачная* в строке «Полупрозрачная наляжет ночи тень...» уделено особое внимание. Рассмотрено, как место слова в предложении, его синтаксическая самостоятельность проясняют для читателя способ изложения, избранный Пушкиным, влияют на интонацию. Поэту, считает исследователь, надо было создать в начале стихотворения картину без особой временной перспективы. Благодаря своему месту, слово *полупрозрачная* играет доминирующую роль в стихе, затухивая глагольность и снимая повествовательный характер фразы. Картина в начале стихотворения через это слово связана с другим ассоциативным рядом: немые стогны града — «улицы, площади, дома — немые, молчащие, не говорящие, но что-то знающие и т. д. Если этот ассоциативный ряд сопоставить с *полупрозрачностью ночной тени*, то получится то что-то таинственное, что нас так прельщает в полусумраке петербургских белых ночей»⁷.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же. С. 41.

Эта цитата дает представление о приеме конкретизации как одной из операций анализа текста. Как лингвист-теоретик, Щерба отдавал себе отчет в том, что «всякая конкретизация образа плоха», и тем не менее не боялся ее и прибегал к ней достаточно часто, считая, что многообразие ассоциаций не бесконечно, всегда бывает куда-нибудь направлено. «И все искусство художника и состоит в том, чтобы направить возможные и необходимые, хотя и нечеткие, ассоциации по определенному пути, дело же критика и толкователя вскрыть эту направленность и указать те выразительные средства, которые употребил в данном случае художник»⁸. «Слово *полупрозрачная* имеет в себе три ярких семантических элемента: «половинный», «сквозь», «смотреть», а потому является в высшей степени выразительным словом, богатым сложными ассоциациями. Из этих элементов два последних придают слову действенный, глагольный характер, — а первый — ту таинственную дымку, о которой была речь выше»⁹, — пишет Щерба.

Порядок слов, стилистические оттенки отдельных слов, их этимология, выяснение значения отдельных слов и выражений — все должно быть учтено при прочтении стихотворения.

Вторая часть «Опытов» преследует ту же цель — показать лингвистические средства, с помощью которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений. В ней с еще большей определенностью звучит мысль о том, что и лингвисты, и литературоведы «равно должны уметь приводить к сознанию эти средства». Литературоведы «не могут... довольствоваться интуицией

и рассуждать об идеях, которые они, может быть, неправильно вычитали из текста», но и одного узколингвистического образования недостаточно для понимания литературных произведений¹⁰.

Метод толкования поэтических произведений — путь разыскания значений слов, оборотов, ритмов, предложенный в первой части «Опытов...», был расширен и углублен во второй их части анализом сравнительным.

Сравнивается стихотворение Лермонтова «Сосна» и его немецкий оригинал — стихотворение Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Обращение к сравнительному анализу мотивировано тем, что в ходе его выразительные средства обоих языков обнаруживаются гораздо легче. Для исследователя это еще один повод подтвердить свою общую методическую идею: «лишь соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, — как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, — естественным образом останавливает нас на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства»¹¹. К сравнению привлечены тексты переводов, принадлежащих Фету, Тютчеву, Овсяннику-Куликовскому. Ссылка на разыскание литературоведа М. П. Алексеева, выявившего 39 переводов на русский язык этого стихотворения Гейне, и попытка реконструировать восприятие стихотворения его современниками подчеркивают мысль Щербы о необходимости объединить усилия лингвистов и литературоведов и рассматривать литературное произведение в определенной исторической обстановке: в ряду его «сверстников и предшественников».

⁸ Там же. С. 100—101.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ Там же. С. 53.

Тщательный лингвистический анализ сделал очевидным вывод ученого о том, что «лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, очень далекой от своего quasi-оригинала»¹². «Л. В. Щерба в своих «Опытах...» с необыкновенным талантом и лингвистическим вкусом показал выразительные функции разных грамматических средств. Можно решительно утверждать, что ни у кого из русских филологов до Л. В. <Щербы>, включая сюда и Буслаева, проблема лингвистического толкования литературного текста не разрешалась так глубоко и так тонко», — писал В. В. Виноградов в статье, посвященной памяти Л. В. Щербы¹³.

Особое место в системе анализа, разработанной Л. В. Щербой, занимает метод лингвистического эксперимента. Впервые этот термин был предложен им в 1928 г. В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», опубликованной в 1931 г., он разъяснен подробно, но к методу эксперимента ученый прибегал уже в первых своих работах, называя его психологическим или субъективным методом. Суть лингвистического эксперимента Щерба объяснял так: «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробоовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило»¹⁴. Разновидностью лингвистического эксперимента служило

наблюдение за смысловыми различиями, возникающими, когда произвольно сочетают слова, заменяя одно другим, меняя их порядок и интонацию.

Одним из результатов этого метода было то, что в научный обиход вошло понятие «отрицательный языковой материал» — неудачные высказывания с отметкой «так не говорят». Обосновывая возможность или невозможность того или иного высказывания, Щерба вводил его оценку с позиций понимания. Отрицательный материал — это «всякое речевое высказывание, которое не понимается, или не сразу понимается, или понимается с трудом, а потому не достигает своей цели»¹⁵. Экспериментальный метод представлялся ему плодотворным в синтаксисе, лексикографии и стилистике, законным — при обучении языку. Сегодня очевидно, какое значение имел научно обоснованный лингвистический эксперимент для становления методики работы редактора над текстом.

Параллельно с Л. В. Щербой экспериментальную методику анализа текста разрабатывал А. М. Пешковский. Свой метод ученый называл стилистическим экспериментом. Он заключался в искусственном придумывании стилистических вариантов к тексту. Если лингвистический эксперимент направлен к разысканию нормы языка, выяснению закономерностей организации языкового материала, при постановке стилистического эксперимента исходным положением служит понимание текста литературного произведения как системы, а сам эксперимент имеет целью определить и оценить роль элемента, подвергнувшегося изменению. «Всякий художественный текст, поскольку он истинно художественен, не выносит замены одного слова

¹² Там же. С. 98.

¹³ Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951. С. 61.

¹⁴ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 36.

другим, одной грамматической формы — другой, одного порядка слов — другим и т. д.», — считал Пешковский¹⁶. В центре внимания при стилистическом эксперименте был положительный материал. Методика проведения эксперимента включала перестановки, примерное удаление слова и замену его рядом синонимов, так как при стилистическом эксперименте «изучаться и сравниваться... должны не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы, т. е. значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу»¹⁷. Таким образом выявлялись часто очень тонкие, ускользающие от простого наблюдения смысловые различия. «Подстановка неудачных вариантов и, что самое главное, исследование причин их неудачности приводит нас к пониманию причин удачности текста. Вот это-то я и называю экспериментальным приемом анализа, и этот прием я считаю правой рукой аналитика»¹⁸, — писал Пешковский.

Свой метод он иллюстрирует экспериментом над начальной фразой стихотворения в прозе Тургенева «Милостыня»: «Вблизи *большого* города»: Зачем нужно было слово *большого*? Почему нельзя было сказать за *городом*, *недалеко от городских ворот* и т. д.?, словом, минуя слово *большой*?» Анализ доказывает невозможность этих замен, он выходит за рамки традиционного лингвистического анализа, смыкаясь с литературоведческим. Приведем его полностью:

«Из дальнейшего знаем, что этот человек был когда-то *здоров и богат*, что он *здоровье истратил*, а *богатство роздал* многочисленным при-

хлебателям, *друзьям и недругам*, словом, что он вел широкую жизнь, какую можно вести только в большом городе. И теперь он, по-видимому, выходит большим и разоренным из *этого* же города. Этим основным образом объясняются и все остальные частные образы абзаца: *вблизи*, потому, что это его *первый* выход из стен родного города, от которого он не успел еще далеко отойти, и *первая* мысль о милостыне, которой он не решился бы просить там, где все знали его за богача; по *широкой проезжей дороге* — потому что из большого города должна пролегать именно такая дорога; *«шел»* — потому что ему не на чем и не на что было ехать и т. д. Но, быть может, тогда лучше было сказать: *«вблизи огромного города», «ковыллал», «плелся», «брел»* и т. д.? Это было бы величайшей безвкусицей, т. к. притчевое содержание пьесы требовало самого общего, самого бледного, самого схематического *вступления*... Именно шаблонность, схематичность, общечеловечность нужна для вступительных слов притчи»¹⁹.

Практические приемы анализа текста литературного произведения, предложенные Л. В. Щербой и А. М. Пешковским, закономерно вытекали из их теоретических концепций и нашли широкое применение как в научных исследованиях, так и в области прикладного языкознания — в широком аспекте культуры речи и частных методиках практических дисциплин²⁰.

¹⁹ Там же. С. 160

²⁰ О продуктивности этих идей свидетельствуют работы современных лингвистов. См., напр.: Ермакова О. П. Опыт лингвистического толкования стихотворения А. Блока «Нет, никогда мой, и ты ничьей не будешь» // Образное слово А. Блока. М., 1980. С. 122—131. Отсутствие ссылки на первоисточник должно быть, по всей вероятности, истолковано как общепризнанность методики анализа.

¹⁶ Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930. С. 133.

¹⁷ Там же. С. 153.

¹⁸ Там же. С. 134.

Экспериментальный метод, основанный на сознательном вмешательстве в текст, изменил отношение к нему как к некоему неизбежному единству, идущее из древности, когда объектом лингвистических наблюдений были языки мертвые. Методика анализа текста, созданная на статичном, окаменевшем материале, которая в силу своей разработанности и классической ясности долго удерживала позиции в филологической науке, была поколеблена.

Роль, которая отводится экспериментальной методике различными филологическими дисциплинами, не одинакова. Так, в литературоведении, в отличие от лингвистики и стилистики, она служит лишь выяснению своеобразия конкретного художественного произведения. Литературоведческий подход к анализу текста, методика которого была разработана в трудах Г. А. Гуковского, основывается на представлении о тексте как о «живой ткани художественного произведения». Предложенная Гуковским для школьного обучения методика чтения выделяла три «элемента» этого процесса: простое, непредвзятое, нарочито не подготовленное и не опосредствованное чтение литературного произведения, его генетическое объяснение и истолкование²¹.

Литературоведов и сегодня продолжает волновать вопрос, допустим ли эксперимент в поэтике, в частности при анализе звуковой структуры стихотворения, и если допустим, то какая форма может быть ему придана. Создать искусственное стихотворение невозможно, пересказать его содержание прозой — эксперимент с заранее известным отрицательным результатом. Он может

быть признан удовлетворительным лишь при узком, ограниченном подходе к толкованию смысла стихотворения и полном отвлечении от его формы. Поиски подходов к тексту, обещающих хотя бы приближенную точность наблюдений, попытка подойти к проблеме с «долей объективности» привели к «текстологическому» варианту эксперимента, включающему в исследование варианты произведения. В статье «Возможен ли эксперимент в поэтике?» Л. Тимофеев так описывает технику предложенного им эксперимента: «Мы берем строку и ищем для нее более совершенного выражения, зачеркиваем слова, заменяем их новыми, повторяем их, подчеркиваем их звуковое сходство или, наоборот, его ослабляем, короче — мы пишем строку. Но пишем ее не мы: мы смотрим, как над ней работал поэт, как он шел от первого варианта к последнему, завершающему, дефинитивному»²².

Представляется, что результаты подобного эксперимента — выяснение типологии вариантов, принципов отбора поэтом тех или иных элементов строки, — несмотря на обращение к новейшим математическим методам исследования, не выходят за пределы проблем, разрабатываемых традиционными методами в текстологии. Текстология толкует волю автора, своеобразие принятых им решений как элементы творческого процесса, который не поддается научному программированию — необходимому условию всякого серьезно поставленного эксперимента.

Плодотворной оказалась идея лингвистического и стилистического эксперимента для редактирования. Она давала обоснование методике редакторских изменений авторского

²¹ См.: Гуковский Г. А. Изучение литературного произведения в школе. М.; Л., 1966. С. 91 — 99.

²² Тимофеев Л. Возможен ли эксперимент в поэтике? // Вопр. литературы. 1977. № 6. С. 188.

текста. Возникла возможность опереться на данные научных исследований при конструировании вариантов высказываний с учетом коммуникативных свойств речи, было определено значение отрицательного языкового материала, его роль при анализе текста, что позволило ввести это понятие в методику профессионального обучения редакторов. Научное обоснование получала методика анализа текста конкретного литературного произведения — открывались пути ее усовершенствования. Все это содержалось в трудах лингвистов, но существовало скорее на уровне идей, нежели разработанных положений. Так, например, требовала уточнения система смыслового членения текста, намеченная Л. В. Щербой, трактовка им значения интуиции лингвиста и его языкового чутья. Адресованные узкому кругу специалистов, эти исследования нуждались в осознании и обобщении. Понадобились годы и труды многих ученых, чтобы представления о тексте сформировались в виде определенного направления в науке и могли оказать непосредственное воздействие на практику.

Знаменательно, что первая часть статьи Л. В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений» была опубликована в составе сборника «Русская речь»²³, включающего статью В. В. Виноградова «О задачах стилистики», в которой были сформулированы два аспекта построения этой дисциплины: стилистика поэтической речи и стилистика разговорной и письменной речи, «во всем разнообразии их целей, а в зависимости от этого — и типов построения»²⁴. Начала развиваться практическая стилистика как само-

стоятельное направление и как дисциплина «прикладного языкознания», «на основе научного знания решающая практические вопросы социального речевого, так сказать, „поведения“»²⁵.

Методические работы Л. В. Щербы, адресованные преподавателям русского и иностранного языков, основаны на тех же принципах, что и исследование им языка художественных произведений. Говоря о новейших течениях в преподавании родного языка, он указывал как важно умение писать: «К сожалению, до сих пор все учатся в большинстве случаев как бы ошупью, — талант есть, ну и пишут. А между тем очевидно, что тут должна быть сознательность, какое-то умение оценить. Вот я написал. Как это можно понять? Уметь оценить — это значит переставить слова, прибавить словечки. Все ли это равно? Нет, не все равно. Сознательное отношение к слову, к значению всяких языковых элементов — предпосылка хорошего, правильного владения стилем. Когда каждое слово на своем месте, то, что человек хотел сказать, может быть понятно только в одном направлении и не может быть толкований ни вправо, ни влево. Это есть результат — это точный стиль, который является результатом сознательного отношения к слову, сознательного изучения различных оттенков»²⁶.

Смысл термина «культура речи» ощущался тогда вполне определенно, но точное научное истолкование его отсутствовало. Он трактовался очень широко, область обозначаемых им явлений не была дифференцирована. Сюда входили проблемы нормы (грамматической, синтакси-

²³ Русская речь: Сб. статей / Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923.

²⁴ Виноградов В. В. О задачах стилистики // Там же. С. 200.

²⁵ Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929. С. 9.

²⁶ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. С. 54.

ческой, стилистической) и практического ее применения, использование выразительных средств языка, выразительность и действенность речи, пропаганда лингвистических знаний. Культура речи в широком плане рассматривалась как элемент общей культуры.

Становление практической стилистики было теснейшим образом связано с практикой работников периодической печати и издательств, шло в русле их повседневных интересов и запросов. Язык газеты привлекал внимание языковедов, прежде всего, как специальный объект исследования. Словесная природа газеты, газета как литературное явление не были изучены. До сих пор сохраняет свое значение трактовка этих проблем Г. О. Винокуром: «В целом... концепция Г. О. Винокура представляет громадную ценность — хотя бы уже потому, что это единственная состоятельная попытка функционально-стилевого последовательно-научного подхода к газетному языку с учетом особенностей самой газеты как социально-литературного явления. На фоне обостренного интереса к языку массовой коммуникации она завоевывает все новых сторонников, стремящихся в меру своих сил критически ее переработать, развить и уточнить», — пишет В. Г. Костомаров в книге «Русский язык на газетной полосе»²⁷, представляющей как раз это направление.

Роль языка газеты осознавалась в то время и более широко — с позиций лингвистического воспитания, задачей которого было «показать, что такое язык и каково его содержание»²⁸. Прикладное языкознание, которое мыслилось как своего рода «лингвистическая технология», имело прямой выход в практику печати

и на материалах печати строило многие свои выводы. Для статьи «Опыт стилистической интерпретации» Г. О. Винокур черпает примеры из редакторской правки газетных информационных, выясняя смысл и оттенки значения грамматических форм²⁹.

Современные исследователи склонны отводить первым пособиям по практической стилистике весьма скромную роль, ставя их в ряд обычных нормативных стилистических и практических пособий и не учитывая условий, в которых велась над ними работа. Сам факт обращения к текстам прессы был знаменателен и нов, шло накопление материала и разработка методик, естественной была опора на традиционные методы обучения и обращение к апробированным образцам. Преждевременно было требовать результатов на уровне теоретических обобщений, когда не определился еще сколько-нибудь точно объем практической стилистики как научной и учебной дисциплины³⁰.

В ряду пособий, адресованных работникам печати и издательств, особое место занимают книги К. И. Былинского, бывшие для них долгое время единственным руководством в области практической стилистики и редактирования.

Характерная черта всех трудов Былинского — их отчетливо выраженная практическая направленность. «Очерки по практической стилистике» (1938) — учебное пособие для редакторов издательств, «Язык газеты» (1941), где Былинскому принадлежит раздел «Практическая стилистика языка газеты», — практическое руководство и справочное пособие для газетных работников, «Основы и техника литературной

²⁷ Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971. С. 31.

²⁸ Винокур Г. О. Указ. соч. С. 8.

²⁹ См.: Там же. С. 53—56.

³⁰ Былинский К. И. Очерки по практической стилистике. М.; Л., 1938. С. 14.

правки» (1945) — книга, предназначенная для работников издательств и редакций периодических изданий, «Основы литературного редактирования и правки газетного материала» (1948) — стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), «Литературное редактирование газеты» (1953) имеет гриф «В помощь работникам печати», «Литературное редактирование» (1957 и 1961 гг., в соавторстве с Д. Э. Розенталем) — вузовский учебник³¹.

Подготовка этих точно адресованных книг требовала кропотливого подбора и систематического освещения фактов языка, мимо которых проходили общие курсы и учебники, точного, делового, сжатого изложения. Так, книга «Очерки по практической стилистике» вобрала в себя анализ почти 5 тыс. примеров, иллюстрирующих общие положения. Обобщая колоссальный материал наблюдений над живым литературным языком, рекомендации давали ответ именно на те вопросы, которые были актуальны для издательской практики, для редакторов, для журналистов. Книги эти традиционны, как все обучающие книги русских филологов, и одновременно их мож-

но назвать новаторскими по задаче, которая никогда до тех пор не ставилась в таком объеме, по материалу, обобщенному в них, по методике анализа, сочетавшей практический подход к тексту, понимание сути редакторской работы с применением новых, современных этой задаче результатов, достигнутых филологической наукой. Органичность сочетания научного и практического подходов к изучению лингвистических явлений свидетельствовала о цельности лингвистического мировоззрения ученого, качестве, которое В. В. Виноградов считал, вслед за Л. В. Щербой, необходимым для каждого оригинального лингвиста³².

Выражение «чутье языка» часто встречалось в трудах лингвистов первой половины нашего века. Его употребляли как «нестрогий» термин, обозначающий способность выделить новое, актуальное в многообразии фактов языка и речи. Это выражение часто звучало в оценке филологами книг К. И. Былинского. «Автор, бесспорно, обладает чутьем живого, нужного, заслуживающего внимания», умеет «извлечь из соответствующей литературы и круга идей и фактов, обрабатываемых в исследованиях по русскому языку, наиболее полезные для широкого обращения и популяризации», — писал в своем отзыве о работах К. И. Былинского акад. Л. А. Булаховский³³.

Необходимо подчеркнуть, что в поле зрения ученого находился материал разнообразный, систематизация и исследование которого были направлены не только к выяснению фактов, достойных быть использо-

³¹ Мы назвали лишь основные работы К. И. Былинского, имеющие прямое отношение к редакторскому делу. Опубликованный список печатных работ ученого (Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1960. № 5. С. 92—95) далеко не охватывает все его журнальные и газетные публикации. Неучтенными остались многочисленные обзоры печати, выступления перед работниками редакций газет, журналов, книжных издательств. Не упомянуты также публикации, касающиеся языка радиовещания, представляющие специфическую область исследований. Не охарактеризована собственно редакторская деятельность К. И. Былинского, подготовившего к изданию все девять томов сводок Советского информбюро периода Великой Отечественной войны; бывшего рецензентом и редактором многих научных публикаций.

³² См.: Виноградов В. В. Отзыв о научных работах доц. К. И. Былинского от 2 дек. 1945 г. // Личный архив К. И. Былинского.

³³ Булаховский Л. А. Отзыв о работах К. И. Былинского от 16 авг. 1945 г. // Там же.

ванными в качестве «примеров» обычными нормативными пособиями.

Центральным объектом изучения был так называемый «отрицательный языковой материал». Если этот материал в трудах Л. В. Щербы был результатом лингвистического эксперимента, в методике, предложенной А. М. Пешковским, сознательная «порча» текста служила выяснению того, почему сказано (написано) именно так, то в практической стилистике эксперимент был путем совершенствования грамматической и стилистической форм текста. Практически точно осознанное истолкование материала было достаточно широким. В отличие от известного труда В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи»³⁴, едва ли не единственной в то время лингвистической работы, учитывавшей материал, на основе которого формулировались исключения из правил употребления грамматических форм и выражений, лексике и фразеологии в этих пособиях уделялось значительное внимание. Не менее важна была и категория оценки, смело вводимая в стилистическое описание языковых явлений. «По старой академической традиции ученые стыдливо отворачивались от стилистической оценки языковых, в особенности грамматических, средств, считая, что этот „узко утилитарный вопрос“ не заслуживает внимания науки»³⁵, — писал Былинский и четко формулировал задачу пособий: «ознакомить читателя с важнейшими, особенно часто встречающимися в рукописях ошибками

и недочетами, классифицировать и охарактеризовать их, дать советы о том, что и как нужно исправлять в текстах, подготовляемых к печати»³⁶.

Значение этих пособий может быть объективно оценено лишь при условии, что они будут рассмотрены в одном ряду с рекомендациями Былинского по редактированию. Только тогда можно полно уяснить суть авторской концепции, основополагающим принципом которой было понимание текста как лингвистического целого. В книге «Литературное редактирование газеты» этот принцип сформулирован четко: обязанность литературного правщика — «проверка и исправление каждого текста как литературного целого»³⁷. Однако идея — над каждой фразой можно работать, только имея представление о тексте в целом, — проходит через все и более ранние работы К. И. Былинского.

В свое время Л. В. Щерба предупреждал исследователей о сложности техники лингвистического эксперимента при решении теоретических задач. Практика редактирования потребовала создания целостной, научно обоснованной экспериментальной методики для практического вмешательства в текст. Цель пособий и статей К. И. Былинского, адресованных, как правило, не филологам, не предполагала обсуждения теоретических основ редакторского анализа. Поэтому особый интерес для нас представляют проблемы методические, в частности приемы, которые рекомендовались для анализа текста.

Методика, созданная К. И. Былинским, может быть названа точной.

³⁴ Чернышев В. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Спб., 1913.

³⁵ Былинский К. И. Рецензия на рукопись Н. Н. Никольского «Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию». Вып. 2. С. 2 (личный архив К. И. Былинского).

³⁶ Былинский К. И. Основы и техника литературной правки. М.; Л., 1945. С. 94.

³⁷ Былинский К. И. Литературное редактирование газеты. М., 1953. С. 7.

Она не допускала возможности полагаться на чутье, на то — «звучит» фраза или «не звучит». Особого внимания правщика требуют гладкие, по первому впечатлению безукоризненные фразы. Нельзя править вслепую. Прежде чем править, надо точно установить недостатки текста. Так формулировались ее главные правила.

Приведем пример анализа текста из статьи «О языке массовых изданий Госполитиздата (выпуска 1956 и 1957 гг.)»³⁸. Материал анализа — брошюра «За индустриализацию строительства», его цель — выявить типичное, убедительно представить эти типичные для текста достоинства и недочеты, объяснить их. Главный недостаток брошюры — неумение использовать языковые средства, оживляющие текст. Для разбора выбран достаточно большой фрагмент — два первых абзаца. Они рассчитаны на то, чтобы установить контакт с читателем, имеют «вставочный» характер, конструктивно самостоятельны, поэтому приемы анализа целостного текста в этом случае правомерны:

«В дореволюционные годы каждый мало-мальски крупный город России имел свой герб. На нем изображалось то, что было символом славы города: звери из близлежащих лесов, продукты сельского хозяйства, изделия искусных ремесленников, доспехи воинов, предметы торговли.

Любопытно представить себе гербы городов Страны Советов. Думается, что большинство художников изобразило бы на них устремленную к небу стрелу башенного крана».

Анализ конкретного текста всегда служил для ученого поводом попу-

ляризации научных знаний. Следуя и в этом случае своему излюбленному принципу, он начинает с формулировки общего положения: «Каждое сопоставление хорошо только в том случае, если оно помогает новое, неизвестное представить себе на основе хорошо известного, понятного». Анализ содержательной стороны текста показывает, что автор с этой задачей не справился и принятое им сопоставление лишено всякого смысла. Редактор должен обладать точными знаниями, чтобы правильно оценить текст: «в гербе Москвы был Георгий Победоносец, в гербе Казани — крылатый змей, Владимира — лев, Новгорода — трон со скипетром на нем и т. п. Все это не „звери из близлежащих лесов“, не „продукты сельского хозяйства“». Далее отмечены неудачные и неточные выражения: «изображают то, что было символом славы города», «любопытно представить себе гербы городов Страны Советов...», дается объяснение этих неточностей: в одном случае указана фактическая ошибка — в то время города Страны Советов не имели своих гербов, в другом — использован прием перевода неточного выражения на литературный точный язык: «Называя герб символом славы города, автор хотел сказать, что герб символически показывал, чем славился когда-то город, а это ведь совсем не то, что автор сказал». Назначение этого приема — выяснение смысла фразы, цель — дать читающему возможность предложить свой вариант правки текста. Выяснение точного смысла фразы, сравнение неудачного варианта текста с исправленным было одним из методических принципов К. И. Былинского, он специально говорит о нем в предисловии к учебнику «Литературное редактирование».

Анализ газетных и информационных материалов еще более опреде-

³⁸ Былинский К. И. О языке массовых изданий Госполитиздата (выпуска 1956 и 1957 гг.) // Очерки по стилистике русского языка. М., 1959. С. 8 — 9.

ленно был ориентирован на выяснение смысла целого текста. Обратимся к «Обзору дневного выпуска „Вестника союзной информации ТАСС“ за 31 марта 1948 г.»³⁹.

«Корреспонденцию читаешь один раз. Если она написана так, что ее не сразу поймешь и что ее нужно перечитывать, значит, она неудачна. Прочтите, например, следующую корреспонденцию:

„Нижний Тагил, 31 марта.

На Ново-Тагильском металлургическом заводе ведутся большие работы по сооружению рельсобалочного цеха. С пуском в этом цехе двух новых станов на заводе будет завершён полный цикл производства. Сданы в эксплуатацию первые агрегаты и мощные краны в машинном зале и станомом пролете.

На строительстве рельсобалочного цеха предстоит вынуть сотни тысяч кубометров грунта, уложить много тысяч тонн бетона, миллионы штук кирпича.

Рельсобалочный цех будет оснащён новейшим оборудованием. Автоматическое управление агрегатами, полная механизация всех трудоемких процессов значительно облегчат труд прокатчиков“.

А теперь скажите, что происходит на Ново-Тагильском заводе. С одной стороны, идет речь о пуске двух станомов, пущены в эксплуатацию агрегаты и краны, а с другой стороны, нужно еще вынуть сотни тысяч кубометров грунта, т. е. только приступить к работе.

Ничего не дают читателю и такие неопределенные показатели, как „сотни тысяч кубометров“, „много тысяч тонн“, „миллионы штук“.

Лишь после такой общей характеристики корреспонденции в обзоре

дан анализ лексических, стилистических недочетов, грамматических неправильностей. Подобный порядок анализа, отражающий особенности редакторского подхода к тексту, вошел в методику редактирования и был принят в дальнейшем методикой его преподавания.

К. И. Былинский подчеркивал, что «нет таких рецептов правки, которые можно было бы применить к любому тексту»⁴⁰. Редакторские рекомендации, считал он, следует расценивать не как нормативные указания, а лишь как общие методические советы, проверенные опытом. Редактор имеет право сам выбирать приемы правки, но каждый прием должен быть точным, и применять его надо умело. Анализ приемов правки текста он уделял специальное внимание в своих обзорах печати и выступлениях перед работниками редакций. Приведем без комментариев отрывок из «Замечаний о языке газеты „Пионерская правда“ за 1948 год» (№ 3—8, 30, 43, 59, 62, 63, 68—73)⁴¹:

«Когда внимательнее вчитаешься в газетные строчки, то обнаруживаешь и нечто новое — стремление в корреспонденциях с мест, особенно в письмах, сохранить колорит разговорной или не вполне устоявшейся литературной речи. Когда это явление обнаруживаешь, то сначала полагаешь, сделано это для сохранения стиля автора. Однако потом убеждаешься, что это просто прием литературной обработки, который сознательно применяется „правщиками“.

Обращение к разговорной речи — явление совершенно законное. Имен-

³⁹ Былинский К. И. Обзор дневного выпуска «Вестника союзной информации ТАСС за 31 марта 1948 г.». Машинопись // Личный архив К. И. Былинского.

⁴⁰ Былинский К. И. Литературное редактирование газеты. С. 18.

⁴¹ Былинский К. И. Замечания о языке газеты «Пионерская правда» за 1948 год (№ 3—8, 30, 43, 59, 62, 63, 68—73) // Личный архив К. И. Былинского.

но на этом пути можно найти приемы для оживления языка газеты... Однако неумелое употребление средств разговорной речи на письме может привести (и приводит „Пионерскую правду“) к логическим ошибкам и даже вулгаризации текста. Примеры неудачного употребления разговорной речи в газете многочисленны. Так, в номере 62 в корреспонденции „Про наше звено“ читаем будто бы живую разговорную речь:

„Кому как, а мне хорошо в колхозе. Зимой учусь, летом и работаю, и отдыхаю...“

„Поле мы удобрили перегноем и куриным пометом. Михаил Ерофеевич объяснил нам, сколько удобрения надо. Удобрение возили на быках, в тележках вручную и в мешках на себе. Ничего не поделаешь, в колхозе посевная — тягла недостаток, однако справились.“

Когда мы разбрасывали удобрения, тут и сусликов выводили. Их можно и капканами и водой выливать из норки. Воду черпали из пруда. Пруд у нас недалеко. Однако, если приложить старание, можно и далеко сходить.

Особенно отличился Коростылев Василий. Он поймал с полтысячи сусликов. Потом, когда пололи пшеницу, ребята интересовались: пищат ли? Нет, не слышать.

Михаил Ерофеевич не раз у нас в поле бывал. Случалось, он сам изъявлял желание, случалось мы его зывали“.

Что же получилось?

1. Автору заметки хорошо в колхозе, а до других ему дела нет („Кому как, а мне хорошо...“).

2. Удобрение возили... „в мешках на себе“. Станный способ возить удобрения!

3. Кто же и с чем справился? Колхоз с посевной кампанией или пионеры с вывозом удобрений?

4. Глагол „выводили“ зазвучал в том значении, в каком он употребляется в выражении „выводили цыплят“. А речь идет об уничтожении сусликов.

5. В первый раз в жизни читатель узнает, будто сусликов можно „капканами выливать из норки“.

6. Непонятно, для чего нужно „прикладывать старание“ и ходить далеко за водой, если можно черпать воду рядом.

7. Василий поймал с полтысячи сусликов. И вот спустя много времени ребята почему-то интересуются, пищат ли они еще? Оказывается, что „не слышать“.

8. Михаил Ерофеевич „сам изъявлял желание...“ Какое желание?

Думается, что корреспонденция „Про наше звено“ вызвала смех не у одного читателя“.

Понятие «литературная правка» отражало определенный этап редакционного процесса, существовавший в то время в практике издательств. В обязанности литературного правщика (литературного редактора) входили грамматические исправления, обработка лексики, фразеологии, стиля после работы над текстом ведущего редактора. Такой порядок был принят, узаконен, и методические рекомендации не могли не учитывать его. Первая книга К. И. Былинского по редактированию — «Основы и техника литературной правки» — была предназначена именно литературным правщикам, учитывала круг их обязанностей и содержала в основном советы нормативного характера. В ней уделялось особое внимание устранению шероховатостей стиля, частных его недостатков, уточнению оттенка мысли. Самой сути высказывания эти рекомендации стремились не касаться. Процесс «литературной отделки» рассматривался детально, книга содержала много необходи-

мых для правщика сведений и наблюдений, однако именно эти наблюдения и рекомендации делали очевидной условность деления редактирования на два этапа: правку содержания, а затем правку языка и стили рукописи⁴². Трактовка текста как литературного целого выводила его за пределы объекта узко понятой грамматической стилистики, а рекомендации редакторам выходили за пределы слишком прямо толкуемой нормы, «запретительного» ее варианта. Этому служили и широкое толкование грамматической правильности, и обращение к правилам традиционной риторики, и привлечение к редакторскому анализу литературоведческих методик.

Одним из основных методических советов, проходящих через все пособия, созданные К. И. Былинским для редакторов, было добиваться четкости и ясности плана и стройности композиции произведения. От одного пособия к другому уточняются, становятся более подробными наблюдения над видами текста, различающимися по способу изложения. В «Очерках по практической стилистике» повествование, описание и рассуждение лишь определены как понятия, в учебнике «Литературное редактирование» видам текста уделено значительное внимание.

⁴² Существующий в наши дни термин «литературное редактирование» способствует сохранению этого отжившего представления, связанного с обязанностями лит-правщика.

Перспективность разработки этой темы с позиций стилистики и редактирования К. И. Былинский подчеркивал неоднократно.

В практику литературной работы редактора над текстом вошли понятия «доходчивость», «воспринимаемость», «логическая стройность» текста. Впервые были представлены как система различные формы вмешательства редактора в авторский текст, определяемые, с одной стороны, характером и особенностями самого текста, с другой — целью, которую преследовал редактор, — четыре основных вида правки: вычитка, сокращение, обработка, переделка. Уже в книге «Литературное редактирование газеты» редактирование рассматривается широко, как единый творческий процесс, в который входят проверка и обработка текста как с точки зрения политической и фактической (научной, технической, специальной), так и с точки зрения литературной. Термин «литературное редактирование» получил широкое толкование и стал употребляться как синоним термина «редактирование».

Школу К. И. Былинского прошло целое поколение редакторов, журналистов, научных работников, преподавателей вузов. Методика анализа текста и его правки, разработанная им, легла в основу практических рекомендаций и теоретических исследований, свидетельствовавших о новом этапе в развитии редактирования.

РЕЦЕНЗИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА ДЛЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Во второй половине 20-х годов О. Э. Мандельштам много работал для ленинградских и московских издательств в качестве переводчика и редактора переводной литературы. Он также писал для издательств внутренние рецензии на книги иностранных авторов; их предусматривал процесс прохождения книг в издательстве до заключения договора на перевод¹. Небольшая часть этих рецензий сохранилась в архивных фондах издательств и частных собраниях: две — в фонде издательства «Время» (ИРЛИ, ф. 42), восемь (для издательства «Прибой») — в собрании М. С. Лесмана, три (две из них — для издательства «ЗИФ») — в архиве О. Э. Мандельштама. Двенадцать внутренних рецензий находятся в фонде Ленгиза (ЛГАЛИ, ф. 35); они и являются предметом настоящей публикации².

В биографии поэта 1925 — 1930 гг. обозначены периодом «поэтической немоты». Почти полные шесть лет он не писал стихов; только «Египетская марка» (1927) явилась творческим произведением поэта за эти годы. Он не написал также ни одной критической статьи о литературе, на которые был так богат предшествующий период. От этих лет до нас дошли путевые очер-

ки, театральные и кинорецензии, рассеянные в периодической печати Ленинграда, Москвы и Киева; некоторые материалы «Московского комсомольца»³ и тексты, связанные с работой над переводами: предисловия к нескольким переводным книгам и статья «Новые произведения Жюль Ромэна» («Красная газета» [веч. вып.]. 1925. 17 янв.). Отдельно стоят статьи, содержащие резкую критику издательской политики «в деле издания переводной книги»: «Жак родился и умер» («Красная газета» [веч. вып.]. 1926. 3 июля); «Потоки халтуры» («Известия». 1929. 7 апр.); «О переводах» («На литературном посту». 1929. № 13).

В эти годы Мандельштам жил в Ленинграде (до ноября 1928 г.) и работал преимущественно для ленинградских издательств, больше всего для Ленгиза и «Прибоя». Для Ленгиза он перевел в этот период четырнадцать книг, семь из них были изданы; «Прибой» издал семь книг в переводе Мандельштама. К нескольким переводным книгам он написал предисловия⁴.

³ В их числе две рецензии. Одна из них учтена в публикации: Нерлер П. Осип Мандельштам в «Московском комсомольце» // Лит. учеба. 1982. № 4. Другая — на книгу Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» — была опубликована в газете «Московский комсомолец» (1929. 22 сент.).

⁴ Библиографию переводов см. в статье: Григорьев А., Петрова Н. О. Мандельштам: Материалы к биографии // Russian Literature. 1984. V. XV. С. 1—28. Здесь же рассмотрена связь между внутренними рецензиями и предисловиями.

¹ Критические замечания об издании переводной литературы, имеющие и мемуарный характер, содержатся в статье О. Э. Мандельштама «Потоки халтуры» (Известия. 1929. 7 апр. С. 4).

² Их было намного больше: только для Ленгиза с августа 1925 по март 1926 г. (с двухмесячным перерывом) — восемнадцать (в среднем по одной в неделю) (ЛГАЛИ, ф. 35, оп. 1, № 528, 534).

В октябре 1927 г. издательство «Прибой» слилось с Ленгизом⁵. Поэтому в архиве Ленгиза отложились некоторые материалы «Прибоя», в том числе и внутренние рецензии. Они составляют часть представленных в настоящей публикации текстов.

Внутренние рецензии О. Мандельштама сохраняют все особенности авторского стиля. Они — в умении «на небольшом пространстве» художественными средствами дать завершённую мысль. Некоторые рецензии, например на «Эльпенор» Ж. Жироду (в собрании М. С. Лесмана) или, в меньшей степени, на «Сенаторские похороны» Пьера Мазьера, могут быть отнесены к образцам такого стиля. Ощутим он даже в рецензиях, состоящих из нескольких фраз,

* * *

Albert Daudistel. Wegen Trauer geschlossen.

Болезненная, надрывная книжка, сработанная почти халтурно. Герой-мясник — бывший повар короля Эдуарда — любимец женщин. Все держится на уголовном романе с патологическим убийством. Тон истерический. Много карикатурной Достоевщины. Кающийся фабрикант ядовитых газов. Возгласы: «грешен ли господь бог?» и т. д. Крепкая грубоватая форма Даудистеля неузнаваема в этой мнимо-экспрессионистской чепухе. Автор явно изменил себе в погоне за остротой и пикантностью. Абсолютно неприемлемо.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 548, л. 94. Автограф. На бланке издательства «Прибой».

Альберт Даудистель (1890—1955), немецкий писатель. Оригинальное издание: Daudistel A. Wegen Trauer geschlossen: Roman. Berlin: Dietz, 1926. Русский перевод: Даудистель А. Закрыто по случаю траура / Пер. М. Венус; Под ред. В. А. Зоргенфрея. Л., Время, 1927. О. Э. Мандельштам перевел роман А. Даудистеля «Жертва» (Л., Прибой, 1926).

⁵ Зубкова Н. А. Рабочее кооперативное издательство «Прибой» // Книга и культура. М., 1979. С. 209.

дающих лишь суммарную характеристику книге, часто — негативную, иногда — убийственную, напоминающую о всегда пристрастном отношении автора к предмету своего внимания.

Внутренние рецензии этих лет, бедных творческими текстами Мандельштама, имеют значение и для выяснения его взглядов. Они связаны нитями с другими текстами этих и предшествовавших лет, содержащими высказывания О. Э. Мандельштама о войне и революции, которыми начинался новый, XX век⁶.

*Подготовка текстов, примечания
и предисловие А. Г. Меца и В. Н. Сажина*

* * *

Armand Lunel. Niccolo-Peccavi.

В провансальском городке Карпантре друг против друга на рыночной площади живут местные нотабли: поставщик духовных одеяний для епископа и семинария — Николо Пеккави и почтенный суконщик-еврей — дедушка Абране. Повесть ведется мемуарно. Автор — внук Абране — рассказывает о великой расправе соседей в 1899 году, в разгар «дрейфуссады». Николо Пеккави — лидер местных антисемитов, горячий католик и ханжа. Абране исполнен мягкого иронического благородства и снисходительно терпит дикие выходки соседа, который по традиции в базарный день надевает цилиндр и, выйдя на середину площади, плюет в сторону евреев. Начало книги дает настоящий аромат эпохи, увлекает интересным еврейско-провансальским фольклором и своеобразной интригой: Николо Пеккави ночью стучится в дом Абране и неожиданно объявляет себя тайным дрейфуссаром и другом евреев, продолжая, однако, вести двойную игру и даже усилив антисемитскую трав-

⁶ Напр., со статьей «Революционер в театре» («Театр и музыка», 1923. № 1—2); предисловием к книге Макса Бартеля «Завоюем мир!» (Л., 1925) и некоторыми др.

лю, чтобы не потерять положения в обществе. Затем рассказ перебивается весьма любопытными экскурсами в историю провансальского гетто (архив Аброне). Это анекдоты о спекуляции на еврейском крещении в XVIII веке, о нашествии бродячих немецких евреев и прочее. Пеккави на основании этих документов оказывается потомком евреев: астролога Мемукана и нищей бродяжки, крещенных предприимчивыми монахами. Бытовая и анекдотическая сторона этих воспоминаний, особенно описание Purimspul'a¹, вне всяких сомнений; но уже в эпизоде с синагогальной анафемой Мемукану звучит глубокий националистический пафос. В дальнейшем этот пафос только крепнет, а весь общественно-исторический интерес перед ним отступает. Все построено на забавном двурушничестве Николо Пеккави и на теме «голоса крови», заговорившей в ренегате. Инцидент с перепутанными письмами (одно — оправдательное — епископу, другое — покаянное — дедушке Аброне) решает судьбу отступника. Он становится из уважаемого клерикала посмешищем города, от него сбегает жена, он банкротится, под конец — сходит с ума и кончает скромным юродивым носильщиком на перроне Карпантре, как бы повторяя фигуру Мемукана — прапрадеда своего. В книге много очаровательной выдумки, напр<имер> — паломничество старых евреев к Дрейфусу (история в омнибусе), но тенденция ее при всем «свободомыслии» автора сугубо националистическая. Ренегат посрамлен и покаран (мистический отзвук синагогальной анафемы). Антикварные, археологическое и фольклорное кружево сплетено тонко и умно. Литературные достоинства блестящи, но решительно недостает

объективности в изображении еврейско-провансальской буржуазии: оно дано в лирически-влюбленных тонах, смягченных иронией Франса. О целеустремленности автора спорить не приходится: он фантазирует на тему о воскресении из мертвых и предлагает чтить, как реликвию — благородную желтую шляпу еврейского гетто. Для «Прибоя» — даже для «Книжных новинок»² — книга не годится.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 548, л. 210. Рукой Н. Я. Мандельштам. Виза <редактора?>: «Отклонить. 7. I. <19>27. Д. В.<ыгодский>».

Арман Лунель (1892 — ?), французский писатель. Оригинальное издание: Lunel A. Niccolo-Peccavi, ou l'Affere Dreyfus à Carpentras. Paris: N : R : F; Gallimard, <1926>. 225 p.

* * *

«Сенаторские похороны» Пьера Мазьера, блестящий, точно выверенный социальный памфлет. Через мрачные залы «Лионского кредита», где худосочные клерки шелестят чеками, просвечивает вся чудовищная машина «демократической республики». Герой романа, мальчик-рассылный, делает карьеру. Наследственная собачья преданность существующему порядку соединяется у него с желчной и пронизательной ненавистью. Похороны мошенника-сенатора, знаменитого в свое время панамского героя, описанные с реализмом кинематографа, являются как бы отправной точкой романа. Вплоть до июльской мобилизации четырнадцатого года юноша честно, по-собачьи, *служит*. Товарищи внушают ему ужас и жалость: рабская работа превратила их в безумцев и маниаков: один помешан на опере (человек-оркестр), другой — на великосветской хронике, все — нищие в фальшивых воротничках, живут бредовой, иллюзорной жизнью. Пре-

¹ Purimspul — пурим — весенний религиозный праздник у евреев.

² «Книжные новинки» — серия книг издательства «Прибой».

зиденту Республики представляют ветеранов труда, стариков с узловатыми руками в нафталиновых сюртуках. Наглая фигура президента, робкий испуг инвалидов-стариков опять-таки передан с живостью фильмы «Патэ». Блестящие страницы посвящены мобилизации, животному мещанскому патриотизму и т. д. Но лучшее в романе — это изображение победы. Знаменитый сочельник 19-го года. Бесстыдные вечера в ресторанах, засыпанных цветами. Неслыханные обжорные оргии, изображаемые газетчиками как трогательный апофеоз Франции. Переход героя в другую социальную плоскость вполне правдоподобен — он вторично получает по чеку, проходящему через его руки, который забыли инкассировать. Острая сцена — аудиенция через год у директора банка — возвращенье «долга» (сумма за это время умножилась биржевой спекуляцией). Финансист преклоняется перед талантом маленького чиновника. Решает его использовать. Затем в нескольких страничках развертывается карьера, избранье в депутаты, перспектива сенаторских похорон. Блестящая, цельная книга. Читается с увлечением.

Оп. 1, № 550, л. 11—11 об. Рукой Н. Я. Мандельштам. На бланке для внутренних рецензий ГИЗа с вопросами: 1. Общий характер произведения: язык, стиль, научные или художественные достоинства, оценка популяризации. Ответ: «Форма автобиографическая. Сгущенный реализм. Живость рассказа. Меткие характеристики на глубоком социальном фоне». 2. Для какого круга читателей предназначается. Ответ: «Для самого широкого круга читателей». 3. Краткое заключение рецензента. Ответ: «Легко усваивается. Дает ценный материал по современной Франции. Безусловно заслуживает перевода». Автор: Pierre la Masière. Название: L'augae un bel enterrement. Фамилия рецензента: «О. Мандельштам». Виза: «Согласен. 16.XII <1926> Мовшенсон».

Сведения об авторе не обнаружены.

Русские переводы: Ла Мазьер

Пьер. Катафалк сенатора / Пер. с франц. А. Ходасевич. Л.: Прибой, 1927. Ла Мазьер Пьер. Меня пышно похоронят / Пер. с фр. Зин. Львовского. Л.: Время, 1927.

* * *

Leo Perutz und Paul Frank.
Das Mangobaumwunder.

Ученого врача-токсиколога спешно вызывают на роскошную баронскую виллу. Болен садовник барона — индус. Врач определяет укусы змеи «тик-палуга» — опаснейшей кобры. В доме барона, где поселяется врач, происходят странные вещи: сам барон — знаменитый альпинист — к удивлению врача оказывается дряхлым стариком; дочь барона — на вид молодая женщина — ведет себя инфантильно, играет в куклы; оранжерея барона разрослась в уголок тропических джунглей: змеи, гигантские бабочки и т. д. Барон, отнюдь не озабоченный спасением жизни индуса, требует применения к нему некоей смертельной сыворотки, способной вернуть больному сознание на полчаса. Сыворотка применяется. Гипнотический сеанс. Садовник излучает астральную энергию: барон молодеет и т. д.

Фабула этой книги, основанная на басне о власти «йогов» над ростом организма — аляповата и нелепа. Колорит ее — «из баронской жизни» — бульварен. Лак «научности» наведен крайне неумело. Книга — типичная «Reiselektüre»¹ — совершенно неприемлема.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 87. Автограф с правкой. Лео Перутц (1884 — 1957), немецкий писатель; сведения о Пауле Франке не обнаружены. Оригинальное издание: Perutz L., Frank P. Das Mangobaumwunder. Eine ungläubwürd. Geschichte. München: A. Laugen, <1916>. 2078.

¹ Reiselektüre (нем.) — «Вагонное чтение».

* * *

По типу своему «*La bête errante*» сильно дегенерировавший Джек Лондон. Клондайкские приключения, драки, свирепые ситуации, — все это путь к обладанию эгоистической красавицей, — «кинозвездой». Развязка добродетельная: женитьба на скромной служанке полярного кабачка и 1.000.000 за золотonosный участок!

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 108. Автограф. На бланке издательства «Прибой». Установить, о какой книге идет речь, не удалось.

* * *

Sanzara. Das verlorene Kind.

Это попытка монументального уголовного романа с психологической мотивировкой. Автор чужд какому бы то ни было модернизма, настроен реакционно, старательно обходит современность. Ситуация следующая: 13-летний мальчик — сын батрачки на ферме арендатора изнасиловал 4-летнюю дочку хозяина. Обстановка преступления контрастирует с его чудовищностью: библейски-патриархальный усадебный быт — невозможный в современной Германии. Причины преступления коренятся в садической наследственности. Атмосфера повествования очень напряженная с уклоном к мелодраме. Социально книга фальшива. Фабульно — интересна. Принять ее ни в коем случае нельзя: она насквозь нездорова, играя на патологических явлениях и искажая действительность.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 139. Автограф. Рукой Н. Я. Мандельштам (начало) и автора рецензий.

Рахиль Санзара (1894 — 1936), немецкий писатель. Оригинальное издание: Sanzara R. Das verlorene Kind: Roman. Berlin: Ullstein, 1926. 442 S.

* * *

Frank Thiess. Das Tor zur Welt.

Эпоха неопределенная. Революция и война игнорируются. Режим в Германии неизвестно какой. Тенденция — грубо идеалистическая. Гитлеровцы гениальничают и прекраснотушеваются; они благородны, наивны и целомудренны; в вопросах пола застенчивы, как дети; о политике говорят словами Шпильгагена. Несмотря на колоритный фон провинциального городка с педагогами, пансионными хозяйками и (за)бавным мещанством классической немецкой школы — *крайне фальшивая и поэтическая* в дурном смысле книга: в ней даже не пахнет современным немецким юношеством и его трагедией¹. Это сплошной фальсификат. «В Германии ничего не переменялось — и бюргер может быть спокоен». Идеология: дешевое нищестанство плюс мюнхенский эстетизм.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 162. Автограф. Виза: «Отклонить. 11. I. <19> 27. Д. В <выгодский>».

Франк Тисс (1890 — ?), немецкий писатель. Оригинальное издание: Thiess F. Das Tor zur Welt: Roman. Stuttgart: J. Engelhorn's Nachf. <1926>. 352 S.

¹ Речь идет о жертвах мировой войны и поражении революции 1919 г. в Германии и последовавшей за ней реакции и экономической разрухе. Замечания о войне и общности ее значения для исторических судеб Германии и России встречаются в других текстах О. Э. Мандельштама, например, в предисловии к книге М. Бартеля «Завоеюем мир» (1925). См. также помещенную выше рецензию на книгу Р. Санзары.

* * *

Роман-фельетон Тудуза «Человек, укравший Гольфштром» принадлежит к распротраненному типу западной беллетристики, рассчитанному на читателя, жаждущего ярких и необычных впечатлений. Основным событием романа является климатическая катастрофа: на Европу надвигается как бы ледниковый период, в то время как подтропический пояс сжигается неестественным зноем. Увеселительная светская яхта вышла на прогулку из порта Сен-Мало. Резкая перемена погоды. Ураган. Появляются стада тюленей и моржей. Температура в июле месяце падает значительно ниже нуля. Авария яхты. Встреча с военной канонеркой. Возвращение в Брест.

На канонерке и на яхте, разумеется, сгруппировано самое изысканное общество: светский художник, влюбленный в дочь мартиникского плантатора и т. д. Все эти люди довольно тупо воспринимают неуклюже изображенный автором мировой катаклизм. Франция под глубоким снегом, остановившиеся поезда, осадное положение... Все сделано наспех, аляповато, по-газетному. Но верх нелепости — это ключ к этой загадке. Художник на канонерке отправляется спасать дочь плантатора, гибнущую на атлантическом пароходе, потерпевшем от плавучих льдов. Ледяные горы расплываются и пароход, и канонерку. Шлюпка с немногими уцелевшими разбивается о коралловый риф. В самом рифе вдруг раскрывается люк и некий экзотический господин, рекомендуя себя потомком древних мексиканских императоров-ацтеков, объявляет, что отклонил течение Гольфштрёма (вызвав искусственным способом появление коралловой плотины), дабы отомстить европейцам за надругательство над мексиканскими праотцами.

Несуразный по сюжету и бульварный по стилю роман Тудуза с его великолепными героями и брестским префектом, «вздыхающим», как подобает доброму отцу, «о бедных матросах», — никуда не годен.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 166. Машинопись с правкой.

Жорж Тудуз (1877—?), французский писатель. Оригинальное издание: Georges Gustave Toudouze. L'Homme qui volait le Gulf Stream. Paris: Gallimard, 1925. 256 p.

Русские переводы: Тудуз Жак. Европа во льдах. М.: ЗИФ, 1927; Тудуз Жорж Гюстав. Человек, укравший Гольфштрем / Пер. Е. Руссот и А. Аронсон. Л.: Вокруг света, 1927; Тудуз Жак. Человек, который украл Гольфштрем / Пер. с франц. Н. Г. Аграфиноти; Под ред. А. Адалис. [М.]: Мол. гвардия, 1927.

* * *

Klaus Mann. Kinder-Novelle.

К молодой вдове великого философа (не то неокатолик, не то шпенглерянец) является ученик его и почитатель (модернизированный гамсуновский бродяга). Добродетельная мать четверых детей беременеет от юноши-незнакомца. Центр тяжести в переживаниях детей, обрамляющих сентиментальную драму матери. Сильный упор на гениальность отца — не оправданный и не убедительный. Фигура бродяги любопытна своим лирическим размахом (брошюра о Советской России в кармане и серафическая эротика). Тон повествования крайне торжественный и несчастливая любовь буржуазной дамы возводится в полурелигиозный миф. Основная идея: святость семьи, на которой почит гениальность умершего мыслителя. Книга утонченна и в то же время безвкусна.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 278. Рукой Н. Я. Мандельштам.

Клаус Манн (1906—1949), немецкий писатель. Оригинальное издание: Mann K. Kinder novelle. Hamburg; Berlin: S. Fischer, 1926. 109 S.

* * *

Alfred Machard. Printemps sexuels.

Изображается «пробуждение пола» у парижских школьников — мальчиков и девочек, в возрасте 9—13 лет. Общий тон книги сюсюкающий и умиляющийся, что не мешает ей быть весьма эротической. Автор, конечно, не «фрейдист» в серьезном смысле слова: он литератор невысокого полета, ищущий пикантной темы.

Чтобы доставить удовольствие взрослому читателю, он преувеличивает наивность парижского ребенка и ставит детей в намеренно-трогательные положения. Дети Машара — это «ангелочки» (его подлинное выражение), посвящающие друг друга в тайны и предвосхищающие наслаждение запретным плодом. Вся физиологически мучительная и подсознательная сторона детской сексуальности автором игнорируется. Его эротические «детские пасторали» фальшивы и неубедительны.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 27. Автограф. Виза: «Отклонить. 8.11.27. Д. В <ыгодский>».

Альфред Машард (1887—?), французский писатель. Оригинальное издание: Machard A. Printemps sexuels. Paris: J. Ferenczy et fils, <1926>. 212 p.

* * *

Gaston Chèrau. La vent du destin.

Жеро поразительно безличный автор. Его рассказы лишены всякого цвета, вкуса и запаха. По большей части он играет на сантиментальной струнке буржуазного читателя. Ос-

новная вещь — «*Le vent du destin*» — развивает излюбленную мещанскую «тему наследства»: барышня, умирая, завещает свой дом товарищу детства — бедному рыбаку, старому морскому волку. Тот, в свою очередь, отписывает все богатство экономке покойной барышни. Завещание моряка порывом ветра уносит в море. Девушка, утаившая его по безграмотности, наказана за свою нечестность.

«Другие рассказы» так же ничемно говорят о «рогатом» муже, раскаявшемся суровом отце (конечно, богатый фабрикант) и т. д.

Имя Гонкура кощунственно на обложке этой книги.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 550, л. 257. Автограф.

Гастон Шеро (1872—1937), французский писатель. Оригинальное издание: Chèrau G. Le vent du destin. La Rochelle. 1927. На обложке указано: «Академия Гонкура».

* * *

Книга Клода Ане базируется на научных данных лишь во внешнем своем построении. Доисторическим людям автор навязал слащавую сантиментальную психологию. «Я покинул тебя ребенком: теперь ты цветок». Это язык Фр. Коппе! Пещерная девушка, прихорашиваясь «*mét de rouge*»¹... и т. д. Самое понятие «романа» фальшиво там, где можно говорить лишь о подборе и приспособлении. Вообще, сознательным переживаниям отведена незаконно-превалирующая роль. Занимательность книги весьма условна.

О. Мандельштам.

Оп. 1, № 548, л. 243. Автограф. На бланке издательства «Прибой». Сведения об авторе книги не обнаружены.

¹ «*mét de rouge*» (фр.) — нарумянивается.

Н. Н. Розов

ДЕСЯТЬ ВЕКОВ ИСКУССТВА РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

Идет десятый век истории русской литературы, и современное поколение могло отметить ее тысячелетие, если была бы известна дата написания хотя бы одного из древнейших ее памятников¹. Первое упоминание в летописях о книгах на Руси отмечено под 988 г. В конце подробного рассказа о введении князем Владимиром в качестве официальной религии христианства говорится, что он «нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное» («посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное»)².

Но, по словам одного из первых русских писателей, главы русской церкви митрополита Илариона, и при предках Владимира, до крещения им киевлян, Русская земля, благодаря их воинским подвигам, была «въдома и слышима всѣми конци земля»³. Этим, а не только приня-

тием христианства объясняется стремительный взлет политического могущества Киевской Руси, разнообразие и величественность памятников ее культуры — архитектуры, монументальной и станковой живописи, литературы и книжного искусства.

Уже древнейшие из сохранившихся русских книг представляют собою синтез словесного, каллиграфического, художественно-оформительского, а иногда и музыкального искусства. Убедительным памятником этого синтеза является старейшая, самим книгописцем точно датированная книга — Остромирово евангелие 1057 г. Эта наидревнейшая русская книга является шедевром каллиграфического и книжно-оформительского искусства, а также, имея в виду Послесловие книгописца, старейшим датированным памятником литературного жанра, который лишь недавно начал привлекать внимание советских литературоведов.

Текст Остромирова евангелия почти целиком написан одним калли-

¹ В советском литературоведении возникновение отечественной литературы связывается с важнейшим историческим процессом — превращением Древней Руси «в течение IX—X вв. из непрочного племенного союза в единое раннефеодальное государство» (История русской литературы X—XVII вв. / Под ред. акад. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 34).

² Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 81; 280 (Лит. памятники).

³ Для того чтобы «звучал голос» древнерусских книг, и для сохранения индивидуальной, не всегда нормативной орфографии

их мастеров, цитаты приводятся в правописании подлинников. Опускается лишь конечное «ъ» и некоторые дифтонги; разделяются также слова (текст древних книг написан слитно) и вводится необходимая пунктуация. В некоторых случаях дается «перевод» на современный русский язык.

графическим почерком; тем же почерком, только мелким, написано и упомянутое Послесловие. В нем книгописец назвал свое имя, выделив его самыми крупными в этой книге строчными буквами: Григорий диакон. Он имел право единолично «подписать» эту книгу, палеографический и искусствоведческий анализ которой устанавливает, что над ней трудились несколько человек⁴. От него, книгописца, зависел основополагающий элемент художественного облика книги — выбор размера и рисунка букв единственного тогда книжного письма — устава, определение пропорций полей и текста.

Элементы художественного оформления Остромирова евангелия традиционны: оно состоит из изображений легендарных авторов-евангелистов, орнаментированных заставок и начальных букв отдельных чтений — инициалов. Исследователи-искусствоведы отмечают изначальную связь художественного оформления книги с ее предназначением. Так, например, «расстановка опознавательных знаков» для чтеца вызвала к жизни прежде всего орнаментальное убранство книги⁵. Это в первую

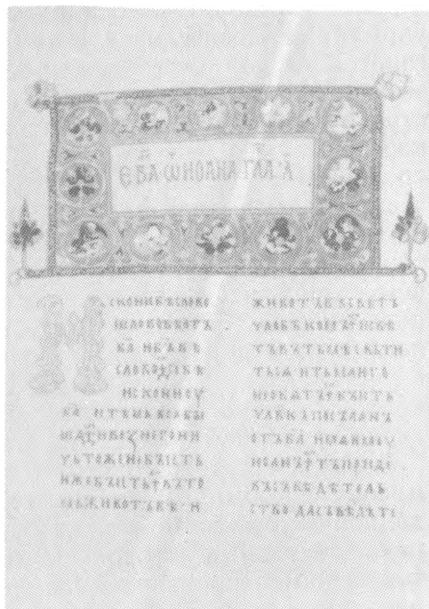
очередь относится к Остромирову евангелию — книге богослужебной, предназначенной для громкого ритуального чтения. Заставки этой книги, отделяющие ее составные части, выполнены яркими красками на золотом фоне в старовизантийском стиле. В том же стиле, но с привнесением индивидуальных черт нарисованы и миниатюры. Но в разрисовке инициалов еще В. В. Стасов заметил «особенности, которых нет ни в русских, ни в византийских буквах IX, X и XI века»⁶. В них элементы старовизантийского орнамента сочетаются с необычными для книг «священного писания» того времени деталями — головами и лапами фантастических зверей и птиц с «очеловеченными» глазами. Из некоторых инициалов смотрят на зрителя неведомые «лики», похожие то на человеческие — с выражениями различных эмоций, то на изображение небесных светил в древнем общеславянском прикладном искусстве. Разнообразие разрисовки инициалов просто поражает: ни одна из 133 больших букв «В» и 92 «Р» не повторяется⁷. И большие буквы вкомпонованы в текст так, что исключается возможность их разрисовки до или после написания текста. Либо художник-орнаменталист сидел рядом с книгописцем, либо последний инициалы разрисовывал сам. В чтениях на большие праздники расставлены так называемые «экфонетические знаки» (буквальный перевод: «знаки возгласения»), стоящие на грани профессионального ритуального чтения и вокальной музыки. Все это наводит на мысль: не отразился ли в письме и разрисовке

⁴ Тщательный палеографический анализ обнаружил, что первые 23 листа Остромирова евангелия написаны иным почерком (Каринский Н. М. Письмо Остромирова евангелия // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пб., 1920. Т. 1, вып. 1. С. 168—192). Однако можно предположить, что это почерк того же писца, но изысканно-каллиграфический: Григорий, в целях ускорения, начиная с 24-го листа стал писать, не вырисовывая тщательно каждую букву. Третий почерк обнаруживается в заголовках чтений; так мог писать тот же Григорий или помогавший ему «златописец»: изменение почерка зависело в данном случае от материала письма — вместо чернил в заголовках применено «твореное» золото. Разностильны и миниатюры, причем две из них выполнены на вшитых листах.

⁵ Подобедова О. И. Некоторые проблемы изучения рукописной книги // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 7.

⁶ Стасов В. В. Собр. соч. Спб., 1894. Т. 2. С. 133.

⁷ Однообразие инициалов Евангелия объясняется тем, что, согласно церковному уставу, каждое чтение его текста начинается словами «Во время оно» или «Рече господь».

Остромирово Евангелие. 1056 — 1057 гг. Разворот

инициалов Остромирова евангелия исполнительский талант Григория — диакона, быть может, княжеской или посаднической церкви?⁸

И в остальных сохранившихся древнейших русских литургических, а также певческих книгах можно поискать и найти отражения исполнительского опыта их создателей — издревле преимущественно младших чинов церковного клира, в частности диаконов. К последним относится едва ли не большинство русских книгописцев первого полутысячеле-

тия истории отечественной книги⁹. И не случайно к этой же среде принадлежал русский первопечатник — диакон Иван Федоров.

Что же касается сочинения Послесловий, то и тут русская первопечатная книга усвоила и развила традиции периода монопольного господства в нашей стране рукописной книги. Как писец Остромирова евангелия, так и Иван Федоров в своих Послесловиях описывают внутриполитическую ситуацию времени их жизни и деятельности. Первый говорит о разделении власти Киевской Руси между князем и его, вероятно, свойственником; второй пишет о внутриполитической ситуации Московского государства, вынудившей

⁸ Существует предположение, что Григорий «принадлежал к числу тех священнослужителей, которые состояли при князьях» (Волков Н. В. О не-новгородском происхождении диакона Григория, писца Остромирова евангелия // Журнал Министерства народного просвещения. 1897 г. № 12. С. 445). Если это было так, то становится понятным, почему он сумел привлечь к созданию этой книги таких хороших художников.

⁹ Перечни писцов сохранившихся русских книг XI — XV вв. см. в кн.: Розов Н. Н.: 1) Книга Древней Руси: XI — XIV вв. М., 1977. С. 154—157; 2) Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 130 — 134.

Ивана Грозного и митрополита Макария «низскивати мастерства печатных книг». Если сравнить Послесловия к старейшим из датированных русских рукописных и старопечатных книг, то выясняется усиление Иваном Федоровым традиционного историзма этого жанра. Особенно показательны его Послесловия к изданиям, вышедшим на территории Украины и Белоруссии, входивших тогда почти целиком в состав Великого княжества Литовского и королевства Польского: они свидетельствуют о культурно-просветительской деятельности русского первопечатника. И не случайно традиции сочинения Послесловий прослеживаются в позднейших украинских и белорусских изданиях и привлекают в последнее время внимание советских исследователей¹⁰. Так сильна и долговечна была традиция сочинения Послесловий, заложенная книгописцами в первые века истории русской книги.

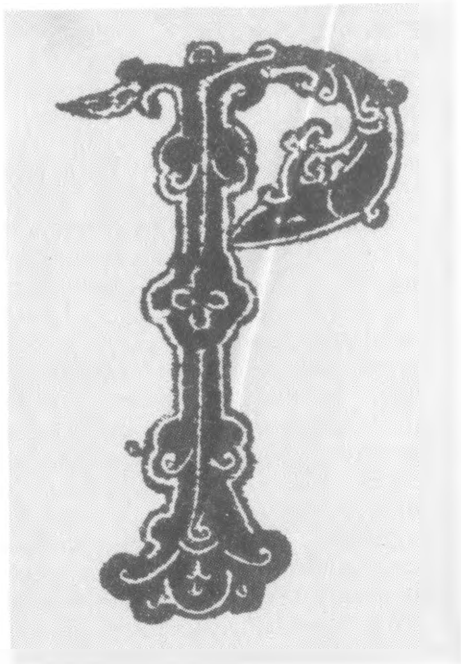
Остромирово евангелие — книга, созданная как раритет по заказу соправителя Киевского князя. Оно не предназначалось для ежедневного употребления, о чем свидетельствует великолепная сохранность подавляющего большинства его листов, а главное — неполнота еван-

гельского текста: переписаны чтения, полагающиеся по церковному уставу только на праздничные дни, начиная с воскресений. Эту книгу — по своему происхождению и роскоши художественного оформления — вполне можно назвать «аристократической». Однако ее художественно-оформительские традиции оказали влияние и на книги «демократические», ремесленного производства, в первую очередь на книги аналогичного содержания и предназначения, начиная с того же XI столетия.

Для примера возьмем Евангелие 1092 г. южнорусского происхождения, но названное — по месту находки — «Архангельским». Оно написано тремя писцами; и только один из них назвал себя «презвитером», т. е. священником. В художественном оформлении Архангельского евангелия византийская традиция сочеталась с южнославянской. Первая отразилась в разрисовке инициалов, сделанной достаточно уверенной рукой; вторая — в сохранившихся заставках, нарисованных более примитивно. Славянская традиция сказалась и в упоминании имен Кирилла, Мефодия и Вячеслава, князя Чешского. Однако один из писцов Архангельского евангелия, может быть, главный, сделавший выходную запись, оказался в ней целиком во власти византийской традиции: он так «преуспел» в традиционном самоуничижении, прося читателей исправить его ошибки, что даже свое имя искажил до такой степени — «Мичка», что неизвестно, как его в самом деле звали¹¹. Впрочем, и при этом он употребляет поэтический образ и выражает свои эмоции: он сравнивает себя с кораблем, по-

¹⁰ Помимо статей, преимущественно украинских и белорусских авторов, появился сборник, посвященный предисловиям и послесловиям старинных русских книг. За исключением лишь одной, первой, статьи, в нем рассматриваются названные части только старопечатных книг. И в первой статье акцент сделан не на послесловиях, а на предисловиях, скопированных древнерусскими книгописцами чаще всего из оригиналов, с которых они списывали книги. Таким образом, оригинальному творчеству русских книгописцев уделено минимальное внимание («Тематика и стилистика предисловий и послесловий» / Под ред. А. С. Демина, М., 1981). Оригинальному творчеству белорусского первопечатника Франциска Скорины было посвящено специальное издание: Ф. Скарына. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969.

¹¹ Традиционный византийский формуляр выходной записи требовал нескольких обязательных элементов и в том числе набора «самокритических» эпитетов книгописца в оправдание своих ошибок при переписке книги.

Инициалы Остромирова Евангелия. 1056 — 1057 гг.

гибающим в бездне своей «греховности», и патетически восклицает: «Оох, отци и братия мои!». Более существенно еще одно эмоциональное восклицание — «А любя заставице!». Оно написано мельчайшим почерком около одной из сохранившихся заставок и выражает реакцию на художественное оформление книги, вероятно, ее книгописца или художника.

Сохранившиеся от первых веков истории русской книги Евангелия одновременно являлись и книгой, и предметом церковного ритуала. При выносе из алтаря «напрестольного» Евангелия перед ним несли свечи, ему, как иконам, кадили и целовали его переплет в таких важнейших в жизни наших далеких предков случаях, как исповедь или присяга. Поэтому художественное оформление Евангелий начиналось с переплета,

подчас покрытого цельнометаллическим окладом — серебряным и золотым¹². Роскошь переплетов Евангелий была причиной их гибели — при междоусобных войнах и нашествиях врагов. Они лишались их, и книга рассыпалась; поэтому от XI—XIV вв. сохранились преимущественно фрагменты, подчас листы этих книг.

При изготовлении Евангелий — главной книги «священного писания» христианской церкви — книгописцы, естественно, старались не допускать «вольностей» в тексте и

¹² Ипатьевская летопись, подводя итоги жизни и деятельности волынского князя Владимира Васильковича (XIII в.) и говоря об его обильных вкладах в церкви, свидетельствует, что одну книгу «окова е все золотом и каминием дорогым с женчюгом». (См.: Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. С. 926).

оформлении. Зато когда изготавливалась книга богослужебная, но не алтарная, русские мастера книги могли позволить себе «вольности» в сокращении ее текста, а главным образом — в художественном оформлении.

Хорошим примером сказанного могут послужить отдельные тома комплекта Минеи конца XI—XII вв., хранящиеся в ЦГАДА.

Над изготовлением этого двенадцатитомного комплекта трудились многие книгописцы; некоторые из них оставили свои имена или прозвища. Но никто из них не указал своей принадлежности к духовному сословию. «Артельное» производство книг сказалося на их письме и оформлении: написаны они небрежным уставом многих почерков и украшены в меру «орнаментальной эрудиции» их книгописцев, явно без участия художника.

В «самодельном» художественном оформлении этих книг, в особенности в разрисовке инициалов, чувствуется влияние прикладного искусства, а иногда рисуются предметы окружавшего книгописцев быта, человеческие лица — бородатые и безбородые — и даже домашние животные. Так, в отдельных инициалах явно отражено влияние ювелирного искусства того времени — чеканка по металлу, а также резьба по дереву, шитье жемчугом или бисером. Отдельные инициалы похожи на ковши-братины, а в инициале «Д» одного тома Минеи изображен сидящий цепной пес с высунутым языком и прижатými ушами — словно его гладят¹³. Все это, с современной точки зрения неуместное в богослужебной книге, мирно уживается с предназначением таких книг: нет никаких следов попыток уничтожить

рисунки. Стало быть, они несколько не мешали читавшим и певшим по этим книгам на церковном клиросе.

Отражения исполнительского опыта церковных чтецов и певцов наблюдаются прежде всего в сокращениях текста «клиросных» книг: многие часто повторяющиеся песнопения, которые их исполнители, конечно, знали наизусть, обозначены только начальными словами. По примерам сокращений можно иногда судить, какая книга предназначена была для чтеца, а какая для певцов; последние уже в первый век истории русской книги имеют музыкальную нотацию. Любопытно и важно отметить, что певческие книги издревле более художественно оформлены, и эта традиция сохранилась в русской церковной рукописной книжности до конца ее существования, причем не только в старообрядческой¹⁴. И не будет слишком смелым предположение, что особенно тщательное художественное оформление литургических книг, особенно певческих, делалось сознательно, для лучшего исполнения их текстов: оно давало своеобразный эмоциональный «заряд» исполнителям.

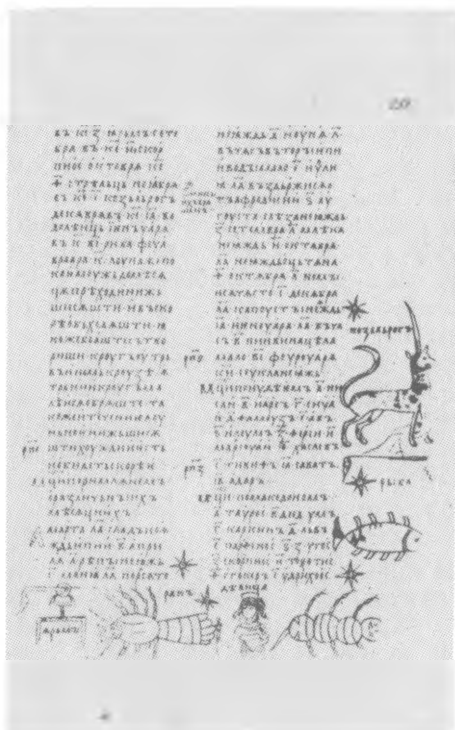
* * *

После рассмотрения художественного оформления древнейших русских богослужебных книг перейдем к краткому анализу содержания и оформления их современниц — двух «четых» книг: Изборника Святослава и Изборника 1076 г.

Несмотря на то, что книги эти совершенно разные — по происхождению, содержанию и оформлению, — обе они обычно называются «Избор-

¹³ Некоторые инициалы этих книг воспроизведены мною в монографии «Книга Древней Руси» (рис. 5 — 7).

¹⁴ Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Об особенностях художественного оформления литургических и певческих рукописных книг // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. 1985. Т. 38. С. 424 — 433.

Изборник Святослава. 1073 г. Страница со знаками Зодиака

никами Святослава» — ошибка грубейшая, но давняя: так называли второй Изборник еще в конце XVIII в., раньше, чем был найден первый — действительный Изборник Святослава. Поводом для этого служило и служит упоминание имени этого князя в выходной записи Изборника 1076 г., сделанное, скорее всего, лишь для уточнения даты: этот князь умер в конце указанного года. Может быть, уточнение было сделано составителем Изборника потому, что судьба киевской княжеской библиотеки, в которой он собрал для него материал, изменилась после смерти Святослава, унаследовавшего, вероятно, любовь к книгам своего отца — Ярослава Мудрого¹⁵.

¹⁵ В начальной русской летописи подробно говорится о книголюбии Ярослава — о

Обе древнейшие русские «четы» книги изучаются уже более полутора столетия, но до сих пор их путают даже в таких изданиях, как Большая Советская Энциклопедия, где «Изборникам Святослава» посвящена общая краткая и невразумительная статья¹⁶.

На обороте первого листа Изборника Святослава помещено большое его изображение — с женой и сыновьями — первый портрет в истории русской живописи. Следующий лист занимает переписанная золотом в яркой красочной рамке, окруженной рисунками птиц, Похвала заказчику книги. Давно уже установлено, что она относится к болгарскому царю Симеону (893—927), «повелевшему» перевести эту книгу, и лишь переадресована русскому князю (известен греческий оригинал Изборника). В конце книги текст Похвалы повторяется, переписанный чернилами. В начале ее — загадочная приписка: «Оже ти собъ не любо, то того и другу не твори» («Того, что тебе самому не нравится, того и другому не делай») ¹⁷. Вслед за ней обозначена дата переписки книги — 1073 г., названы имена книгописца —

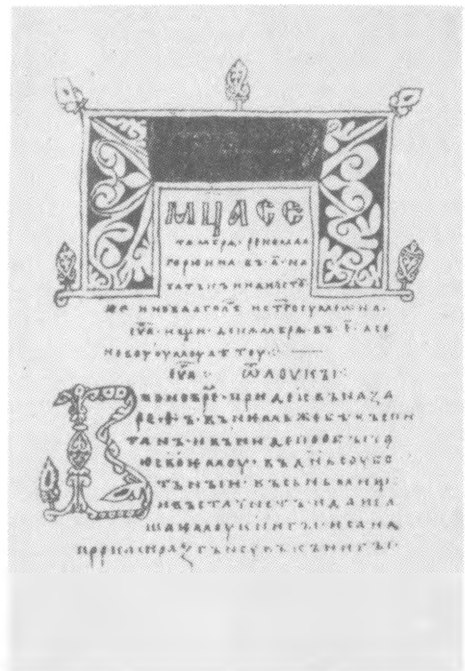
том, как он читал книги днем и ночью, для чего «собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык, и написали они много книг», которые Ярослав «положил в перкви святой Софии» («Повесть временных лет», с. 302—303). Сыновья Ярослава, очевидно, унаследовали его книголюбие: для старшего — Владимира было в 1047 г. переписано Толкование сочинений библейских пророков, сохранившееся в нескольких списках XV в. с датой переписки; для приближенного Изяславу — Остромира было создано Остромирово евангелие; для Святослава был переписан болгарский сборник.

¹⁶ БСЭ, 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 52.

¹⁷ Эта фраза послужила названием статьи академика Б. А. Рыбакова, в которой достаточно убедительно доказывается, что это — упрек заказчику за незаконное присвоение им княжеского «стола». См.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 217—220.

«Иоанн диак» и заказчика — князя Святослава¹⁸.

Содержание и предназначение Изборника Святослава сформулировано в его заглавии: «Събор от многого отца толкования о неразумных словесах в Евангелии и в Апостолах и в иных книгах вкратце сложены на память и готов ответ» («Собрание толкований многими отцами непонятных слов в Евангелии и Апостоле и в других книгах, составленное для памяти и готового ответа»). Однако достаточно посмотреть оглавление Изборника, чтобы убедиться в том, что содержание этой книги гораздо шире ее названия. И не случайно круг тематики докладов совместной конференции советских и болгарских ученых, посвященной его 900-летию, охватывал многие науки, начиная от языкознания, литературоведения и искусствоведения до точных наук — астрономии и математики¹⁹. Изборник Святослава — старейшая из сохранившихся русских книг энциклопедического содержания и «подвижного» состава: сохранилось свыше 20 его списков XIII—XVII вв., где статьи переписаны в разном объеме и в различном расположении²⁰. Эта книга — древнейший памятник международ-

Архангельское Евангелие. Страница

ного книгообмена, сохранивший текст одного из книжных памятников «золотого века» болгарской литературы, чем объясняется интенсивный интерес к ней болгарских ученых: в хранилищах Болгарии списков Изборника царя Симеона нет.

Можно предположить, что Изборник Святослава сохранил не только содержание болгарской книги IX в., но и позаимствовал кое-что из ее художественного оформления. Последнее необычно для русских книг того времени: в нем четыре варианта архитектурного фронтисписа, иллюстрирующего заглавие: это — «коллективный портрет» ее авторов, разумеется, условный. Что же можно отнести к самостоятельному творчеству русских мастеров книги? Кроме портретного изображения семьи Святослава, — иллюстрации к одной статье: они сделаны теми же красками.

¹⁸ Часто в статьях, даже научных, Иоанна называют «диаком» — как он сам себя назвал в упомянутой приписке. Это вносит неясность в определение социального положения одного из первых известных по именам русских книгописцев, так как позднее «дьяками» называли правительственных чиновников. Но в XI в. «диаками» называли церковных диаконов; в таком значении этот термин применяется и в Изборнике Святослава.

¹⁹ Публикацию этих докладов см.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей.

²⁰ Новейший обзор этих списков см.: Куде в К. М. Археологические наблюдения над сборником Симеона в старославянских литературах // Там же. С. 50—56. Добавления см.: Грязина Л. П., Щербачева Н. А. К текстологии Изборника 1073 г. // Там же. С. 56 — 71.

На полях статьи на астрономическую тему — о знаках Зодиака — нарисованы изображения их названий. Среди них надписанные «Стрѣльцъ» и «Дѣвица», по мнению искусствоведов, отразили черты древнерусского быта: костюм и вооружение воина, костюм и прическу женщины²¹. Эти рисунки — старейшие из сохранившихся образцов «маргинальной иллюстрации» русской книги, очень удобные для читателя: посмотреть их можно, буквально «не отрывая глаз» от текста. И их появление на полях астрономической статьи Изборника Святослава можно рассматривать как проявление к ней особого читательского интереса самих книгописцев.

Таковы вкратце историко-книжные наблюдения над древнейшей из сохранившихся датированной русской «четьей» книгой. Ее дальнейшему изучению советскими и зарубежными книговедами должно содействовать новое факсимильное издание, осуществленное издательством «Книга» в 1983 г.²²

Переходя к рассмотрению второго из древнейших русских Изборников, следует сразу же отметить, что важно не только содержание этой книги, но и то, как она «сделана». В кратком Послесловии Изборника 1076 г. есть фраза: «Избѣрано из многъ книгъ княжихъ»²³. Имеется в виду, ко-

нечно, упомянутая киевская княжеская библиотека. Таким образом, эта книга в какой-то мере отразила репертуар книг первой русской библиотеки, и в этом ее уникальное значение для истории библиотек нашей страны: ни одна из книг библиотеки Ярослава Мудрого до сих пор не найдена.

Попытаемся кратко рассмотреть, что именно и как заимствовал составитель Изборника 1076 г. Обратимся к первой его статье — о том, для чего и как надо читать книги; хотя она была написана 900 лет тому назад, некоторые ее рекомендации актуальны и в наши дни.

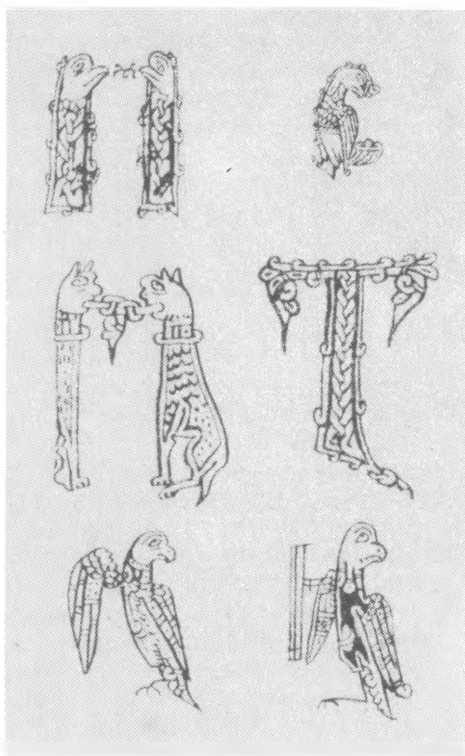
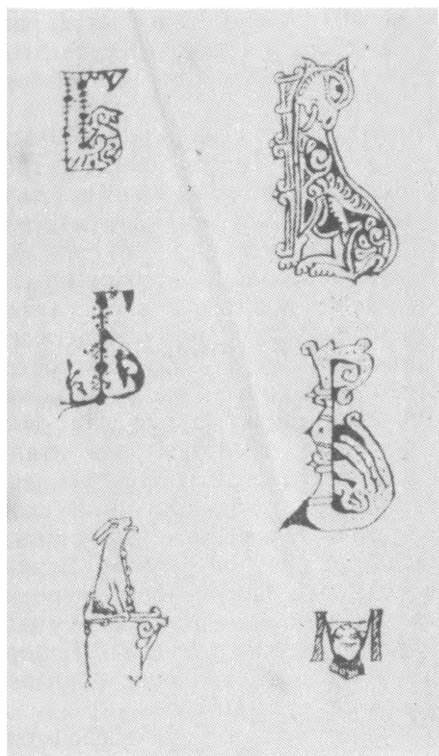
«Конструкция» этой статьи не сложна: она вся составлена из цитат Псалтири, перемежающихся с сентенциями, очевидно, самого составителя Изборника; причем последнее — несравнимо большего объема, чем первые. Среди них и конкретные рекомендации для чтения, и образные сравнения пользы от него. Приведем по одному примеру и тех и других.

«Егда чѣтеши книги, не тѣши ся бързо иштисти до другыя главизны, нѣ поразумѣи чѣто глаголютъ книги и словеса та. И тришѣды обращаешя о единому главизнѣ» («Когда читаешь книги, не старайся бегло прочесть ее главы, но осмысли, что го-

²¹ Новейшее исследование этих рисунков опубликовано там же: В. Б. Гиршберг. Человек в знаках Зодиака Изборника 1073 г. (с. 185 — 203). В статье приведены многочисленные аналогии с памятниками монументальной живописи и скульптуры того времени.

²² Оно отличается от предыдущего факсимильного издания, вышедшего в 1880 г., обилием статей, выделенных в отдельный том под заглавием — «Научный аппарат факсимильного издания» и написанных преимущественно хранителями этой книги, сотрудниками Исторического музея в Москве. Опубликован также «Выборочный библиографический список литературы об Изборнике 1073 г.» (М., 1983, с. 75 — 79).

²³ Эта и последующие цитаты из Изборника даны по его первому научному изданию: Изборник 1076 года. М., 1965. С. 700 — 701. Издание снабжено добротным научным аппаратом: опубликованы статьи об истории изучения Изборника, тщательное палеографическое описание и примыкающая к нему статья «Оптико-фотографическое исследование рукописи» (оно было сделано новейшими тогда техническими средствами и помогло впервые прочесть многие «угасшие» от времени слова и строки); опубликованы разысканные тексты греческих оригиналов статей Изборника, наконец, «Указатель слов и форм». В «Приложениях» воспроизводятся фотографии многих листов, в том числе и с выявленными вновь текстами.

Варианты инициалов в Минеях XI — XII вв.

ворят книги и их слова: для того и трижды перечитывай одну главу»). Говоря о пользе чтения, сочинитель этой статьи прибегает к поэтическим сравнениям: «Не съставить бо ся корабль без гвоздин, ни правдник бес почитания книжнааго... Красота воину оружие и кораблю — вѣтрила, тако и правднику почитание книжное» («Не построятся корабль без гвоздей, также и праведник — без почитания книжного... красота воину — вооружение, и кораблю — паруса, а праведнику — почитание книжное»). И какой бы смысл ни вкладывать в слово «праведник» — человек, живущий «по правде», — поэтическая образность этого сравнения не уменьшается²⁴.

Что касается остальных статей Изборника 1076 г., то важно отметить следующее обстоятельство: если греческий оригинал Изборника Симеона-Святослава давно известен, то тщательное разыскание оригиналов статей второго из древнейших русских Изборников при его научном издании позволило выявить греческие оригиналы лишь половины статей. Многие статьи этой книги, греческие оригиналы которых не найдены, отразили социально-экономические отношения Киевской Руси XI столетия.

1076 года (К 900-летию памятника) // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 42 — 46. См. также: Розов Н. Н. Изборник 1076 года как памятник истории русской книги // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1976. Т. 35. С. 545 — 554.

²⁴ Подробнее см.: Розов Н. Н. Как «сделана» вступительная статья Изборника

В качестве примера возьмем самую большую статью Изборника 1076 г. под длинным названием, сущность которой можно охарактеризовать четырьмя словами последнего: вера — основание добрых дел²⁵. Наряду с чисто богословскими рассуждениями в ней предписывается богатым, «сидящим над многообразной трапезой», помнить о тех, кто ест «только сухой хлеб», и, «насыщаясь многосластного пития», подумать о тех, кто пьет только солнцем согретую грязную воду. А сладко потянувшись «во многомягцей постели», в «твердо покровенной храмине», вспомнить «лежащего под дождем, пронзающим его как стрелы, покрытым одним рубищем и не могущего из-за холода даже ноги протянуть». В напоминании богатым — думать о тех, кто корчится «над малым огоньком», который больше разжигает ему дымом глаза, чем греет, — можно усмотреть намек на курные избы и ютящуюся в них киевскую бедноту²⁶. Недаром современный ученый-лингвист отметил, что «в Изборнике 1076 г. обнаруживаются следы основательной и коренной адаптации к восточно-славянскому быту (курс наш. — Н. Р.)... и речевой практике». И это сказано в противовес «относительно неглубокой языковой правке» Изборника Святослава²⁷. Можно еще привести

²⁵ Это сочинение, сохранившееся во многих списках последующих веков, получило впоследствии название «Стословец» — по числу его сентенций; оно приписывалось константинопольскому патриарху Геннадью (V в.). Подробнее об этом см.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904. С. 505 — 526.

²⁶ Изборник 1076 года. С. 232 — 234.

²⁷ Мещерский Н. А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. С. 94. Подробнее о целенаправленности содержания Изборника 1076 года см.: Розов Н. Н. Старейшая русская книга для чтения // Вопр. истории. 1976. № 12. С. 208 — 211.

примеры «адаптации к быту» различных слоев населения Киева XI в. в этой и в остальных статьях Изборника 1076 г.

Послесловие Изборника 1076 г. отличается от Послесловия Остромирова евангелия: в нем отсутствуют два обязательных элемента византийской традиции — похвала богу и заказчику книги. Первое можно объяснить тем, что в данном случае переписана книга не «священного писания», а второе — тем, что составитель этой книги создал ее не по чьему-либо заказу, а для себя. И в Послесловии отмечены два этапа работы составителя Изборника: выписка материала из книг княжеской библиотеки и переписка этой книги «рукою грешного Иоанна». Важно отметить, что Послесловие переписано тем же самым почерком, что и подавляющее число листов Изборника — 252 из 276. Таким образом, как и в Остромировом евангелии, в Изборнике находится автограф одного из первых известных по именам русских книжников — сочинителей Послесловий. Только в первом случае это — сочинение основного переписчика книги и организатора работы по ее художественному оформлению, а во втором — «активного читателя» первой русской библиотеки.

Что касается художественного оформления Изборника 1076 г., то очевидно, что его составитель обошелся без помощи художника-профессионала. Инициалы этой книги разрисованы киноварью и состоят из комбинаций простейших элементов старовизантийского орнамента; так же нарисованы три заставки — более сложная — в начале, простейшие, составленные из мелких вертикальных черточек, перемежающихся с крючками и кружочками, — в начале упомянутой, самой большой статьи («Стословец») и над заголовком статьи, сходным с названи-

ем Изборника Святослава²⁸. Единственный рисунок — гепард и крылатый грифон — украшает колофон одной из статей; оба они попадают и на листах Изборника Святослава. Все это свидетельствует о том, что составитель Изборника 1076 г. видел эту книгу и сделал выписки из отдельных его статей.

* * *

Подведем итог краткому рассмотрению основных фактов первого столетия истории русской книги.

Несмотря на массовую гибель книг во времена почти непрерывных феодальных войн и вражеских нашествий, сохранившиеся остатки книжного фонда Киевской Руси рисуют достаточно полную картину искусства русской книги уже первого столетия ее существования. Перечислим основные его достижения.

Высокий уровень развития искусства письма и оформления книги: Остромирово евангелие, например, является шедевром этого искусства. Аристократизм его письма и художественного оформления обусловлен тем, что здесь синтезировались искусство каллиграфии, орнаментации и звучащего слова. Традиции этого синтеза развивались во все последующие века истории русской книги, даже после появления книгопечатания в России. Здесь уместно напомнить, что специфической чертой, обусловленной некоторыми особенностями истории нашей страны, является продолжение традиций древней рукописной книги вплоть до

наших дней: последние сведения об изготовлении «старинной» рукописной книги в глуши сибирской тайги были опубликованы в 1969 г.²⁹

Русская книга издревле не только фиксировала и оформляла памятники отечественной литературы, но и содержала собственные сочинения книгописцев. Последние уже в первый век истории русской книги и литературы начали разрушать традиционный византийский формуляр и создали образцы оригинальных приписок и Послесловий к книгам. Они в какой-то степени восполняли отсутствие титульного листа с выходными данными книги. И не только восполняли, но и дополняли: в Послесловиях часто рисуется внутрисполитическая обстановка, волновавшая современников. В XII—XIV вв. это главным образом бедоубоюдных феодальных войн, нашествия врагов и ордынского ига. При этом книгописцы часто проявляли свою эрудицию, цитируя и пересказывая литературные памятники. Самый известный пример — пересказ одного места из Слова о полку Игореве в приписке к Апостолу 1307 г.

Все это свидетельствует о начитанности, образованности древнерусских мастеров книги. Истоки этой образованности указаны уже в старейшей из сохранившихся оригинальной четвьею книге — в Изборнике 1076 г.: это первая русская библиотека. И в дальнейшем большинство русских книгописцев — активные читатели местных библиотек.

И последнее. Как показывает анализ социального положения русских мастеров книги, большинство из них принадлежали к демократическим слоям русского общества; в выход-

²⁸ Буквально повторяются лишь три начальных слова этого названия: «Събор от мьног отецъ», а далее идут различия: к отцам церкви, в качестве источников этой статьи, добавлены апостолы и пророки, а «протолковано от Евангелия и от иных книг». Далее, как и в Изборнике Святослава, сказано «въкратце сложено», но для каких целей — не говорится.

²⁹ Покровский Н. Н. О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24. С. 394 — 403.

ных записях и приписках книгописцев XI—XIV вв. встречаются имена представителей высших слоев — светских и клерикальных, в подавляющем большинстве случаев это заказчики книги. Так, например, среди 22 известных имен заказчиков книг XI—XIII вв. 6 князей и княгинь, 2 тиуна — их ближайших помощника, 6 «мирских» людей (3 из них названы по отчеству, что в те времена делалось только для знати), 5 «князей церкви», 2 монаха и 1 священник. Имен книгописцев данного периода сохранилось гораздо больше, и больше половины их не указывало своей принадлежности к духовному сословию — 65,45%; остальные — представители белого духовства — 32,72% и только 1,82% — черного. Последнее опровергает расхожее мнение, встречающееся иногда и в работах книговедов, будто бы на Руси книги писали по большей части монахи. Прослойка последних среди русских книгописцев начинает увеличиваться только с XIV столе-

тия — за счет уменьшения числа представителей белого духовства; «мирские» мастера книги продолжают сохранять преимущественное положение — 60%³⁰.

К концу XV в. число книгописцев-монахов возрастает; к этому же времени относится основание знаменитых русских монастырских библиотек — Троице-Сергиевой, Кирилло-Белозерской, Волоколамской, Соловецкой и других, сохранившихся в основном составе до настоящего времени и находящихся ныне в крупнейших библиотеках и музеях страны. Итогам книговедческого изучения русской книги, а также русских библиотек того времени посвящены многие статьи и публикации современных советских исследователей. Их критический разбор и продолжение изложения десятивековой истории искусства русской рукописной книги должны стать темой отдельных статей.

³⁰ См.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси: XI—XIV вв. С. 99—108.

К ИСТОРИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ

Обязательный экземпляр произведений печати — явление исторически комплексное и уникальное по его роли в обществе.

В СССР функционирует общесоюзная система обязательных экземпляров¹ изданий, в которой сфокусирована вся печатная продукция страны. На ее основе обеспечивается:

— государственная регистрация печатного документального потока и создание универсальных источников синтезированной информации высшего уровня, ориентированной на удовлетворение информационных потребностей общества в целом;

— ведение государственной статистики печати и научных исследований для выработки рекомендаций по совершенствованию управления книжным делом страны;

— формирование общенационального библиотечного фонда и ведение международного книгообмена;

— создание государственного фонда хранения отечественной печати.

Такое многоплановое общегосударственное обслуживание общества посредством обязательного экземпляра произведений печати явилось результатом длительного процесса развития и совершенствования этой системы в нашей стране.

Некоторые исходные позиции для исследования проблемы

Истории обязательного экземпляра в СССР посвящен ряд научных работ. Наиболее значимой из них является опубликованная в 1985 г. статья М. А. Шапарневой, А. А. Зайцевой и Н. А. Романовской «Система обязательного эк-

земпляра за 200 лет»². В ней дан систематический обзор наиболее важных этапов развития обязательного экземпляра и кратко изложены его современные проблемы. В основу статьи положены материалы Всесоюзной конференции по обязательному экземпляру, состоявшейся в марте 1984 г. в Ленинграде³.

¹ Обязательный (в том числе и «контрольный») экземпляр — это экземпляр изданного произведения печати, в обязательном порядке доставляемый ведущим библиотекам, информационным центрам, государственным книгохранилищам и другим учреждениям в соответствии с действующим законодательством в стране... (См.: Большая Советская Энциклопедия. М., 1974. Т. 18. С. 268—269).

² См.: Сов. библиогр. 1985. № 3. С. 42—54.

³ См.: Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности: Тез. докл. Всесоюз. конф., г. Ленинград, 13—15 марта 1984 г. Ленинград, 1984.

Определенное представление о наличии опубликованных работ по обязательному экземпляру дает каталог книжной выставки, подготовленный и изданный сотрудниками Библиотеки Академии наук СССР к вышеупомянутой конференции⁴. В него включены не только отдельные документы, книги и статьи, посвященные собственно истории обязательного экземпляра, но и многочисленные работы в области библиографии, статистики печати, комплектования фондов библиотек и архивов печати.

Однако обстоятельное изучение опубликованных работ, предпринятое автором, приводит к выводу о том, что история обязательного экземпляра в нашей стране изучена недостаточно. Особенно это относится к дореволюционному периоду. Еще не создано целостной картины этого прогрессивного явления в книжном мире, не обозначена обоснованная периодизация и не освещены важные факторы и моменты истории возникновения и развития системы обязательного экземпляра.

Комплексное исследование этой проблемы на документальной основе было проведено почти тридцать лет назад Ю. В. Григорьевым. Его работа «Система обязательного экземпляра произведений печати в СССР» — единственный в своем роде труд, где впервые предпринята попытка проследить поэтапное развитие, определить функции и проблемы обязательного экземпляра⁵.

Исследование обязательного экземпляра сопряжено с рядом трудностей, одна из которых — цензура

печати. Рациональное зерно приходится выискивать в юридических нагромождениях, многочисленных уставах, циркулярах и инструкциях. Все это подтверждает правоту высказывания А. А. Сидорова о том, что «Историку русской книги и печати приходится изучать борьбу с цензурой царизма»⁶. Это накладывает определенный отпечаток и на итоги исследований, а иногда приводит к досадным неточностям, неверным оценкам и ошибочным обобщениям.

В исследовании проблемы обязательного экземпляра мы руководствовались двумя методологическими предпосылками.

Во-первых, рассматривать это явление в историческом аспекте. Исходя из требования В. И. Ленина «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁷, мы попытались выяснить условия возникновения «обязательного экземпляра» и проследить основные ступени его развития.

Во-вторых, изучить проблему с позиций коммунистической концепции роли книги в обществе. Основной этой концепции является учение В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре.

Дореволюционная Россия являла собой классический пример постоянной борьбы двух культур, когда реакционной культуре самодержавия и его официальных органов противостояло демократическое и социалистическое направление раз-

⁴ Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности: Кат. кн. выставки к Всесоюз. конф., Ленинград, 13 — 15 марта 1984 г. / БАН СССР, Ленинград, 1984.

⁵ Григорьев Ю. В. Система обязательного экземпляра произведений печати в СССР. М., 1959. 386 с.

⁶ Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972. С. 117.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

вития культуры. Эта борьба отражалась на печати и книжном деле вообще и на институте обязательного экземпляра в частности.

История возникновения и развития системы обязательного экземпляра органически связана с развитием средств производства, социальным строем и уровнем культуры общества. Ее отправным пунктом следует считать возникновение книгопечатания.

Уникальность производства и всеобщность назначения превращали книгу в новое, незаменимое средство распространения знаний, проводника научного мировоззрения, прогрессивных взглядов и передовых общественных идей. Но такая ее роль не отвечала интересам господствующих классов абсолютистского государства и противоречила догмам религии. Поэтому книга

подвергалась гонению и уничтожению, а также различным карательным и административным мерам, среди которых особое место занимала цензура произведений печати церковниками и органами государственной власти.

Именно последнее обстоятельство вызвало в Западной Европе узаконенный порядок обязательной доставки в библиотеки и другие соответствующие учреждения образцов печатных изданий, посредством которого устанавливался контроль над книгопечатанием.

В отличие от западноевропейских стран история обязательного экземпляра в России имела одну весьма характерную особенность: в начальном периоде обязательный экземпляр не использовался для целей цензуры, а имел библиотечное назначение.

Возникновение и развитие в России принципа книгообеспечения — «типография — библиотека»

Общегосударственная система обязательного экземпляра произведений печати учреждена в России более двух столетий назад. Указом Екатерины II от 23 февраля 1783 г. повелевалось: «...чтоб из всех казенных и вольных типографий всякой в печать издаваемой книги по одному экземпляру доставляемо было в Библиотеку Императорской Санкт-Петербургской Академии наук»⁸.

Но этому государственному акту, имеющему важное значение для развития всего книжного дела, а особенно библиотек в России, предшествует еще двухсотлетний период возникновения и распространения принципа получения книг библио-

теками непосредственно из типографий.

XVI—XVIII вв. ознаменовались подъемом книгопечатания в России. Если с 1564 г. до конца столетия в стране было выпущено не более 50 наименований книг, а в XVII в. — около тысячи, то в XVIII в. — уже 15 тыс. книг⁹.

Именно этот период связан с таким выдающимся явлением в культурной жизни страны, как открытие библиотек нового типа. В отличие от ранее существовавших (монастырских, церковных, а также личных библиотек государственных деятелей и представителей интеллигенции) образовывались библиотеки при типографиях, в учебных за-

⁸ Полн. собрание законов Российской империи с 1649 г. Спб., 1830. Т. 21. С. 872. № 15. 671.

⁹ Книгоиздательское дело и библиотеки в СССР. М., 1972. С. 5. (Комитет по печати при Совете Министров СССР).

ведениях, государственных учреждений, а также библиотеки общественного пользования. Их книжные фонды создавались наиболее рациональным путем: книги в обязательном порядке доставлялись непосредственно из типографий. На принципе «типография — библиотека» или «типография — учреждение» и была основана будущая система обязательного экземпляра.

На территории нашей страны впервые этот принцип в законодательном порядке был применен в г. Риге в 1588 г., когда городские власти распорядились передавать по одному экземпляру всех печатных изданий, выпускаемых вновь открываемой типографией, в Рижскую городскую центральную библиотеку. С 1659 г. и все торговцы книгами, приезжавшие из других городов, должны были один экземпляр каждого издания сдавать в эту же библиотеку. В 1735 г. Городская центральная библиотека (будущая библиотека Рижского университета) начала получать издания Академии наук¹⁰.

Связь создания библиотечных фондов с деятельностью типографий хорошо видна на примере Виленской Академии, основанной в 1579 г. Типография, принадлежавшая Академии, сыграла большую роль не только в истории печати края, так как более 200 лет издавала книги для всего Великого княжества Литовского, но и в комплектовании фондов ее библиотеки. Продукция академической типографии — учебники, научные трактаты, диссертации, тезисы, словари, календари, газеты, а всего около двух тысяч изданий — сохранилась в библиотеке до сих пор благодаря системе обязательной доставки книг из типографии.

На этой же основе при всех русских типографиях, как правило, складывались библиотеки из выпускаемых ими изданий. Была такая библиотека и при Московском печатном дворе, созданном в XVI в. Как отмечает С. П. Луппов, Типографская библиотека в Москве по количеству книг и составу книжного фонда представляла «исключительное явление среди библиотек, возникших при других русских типографиях...»¹¹. Это объясняется тем, что в нее поступали, помимо купленных книг и личных библиотек, издания Московской типографии. В 1727 г. в ней насчитывалось 3200 книг.

Предшественница Библиотеки Академии наук — Дворцовая библиотека, основанная в С.-Петербурге в 1714 г., — также имела в своих фондах издания, получаемые непосредственно из типографий. Но особенно регулярно она пополнялась книгами после передачи ее в ведение созданной в 1724 г. Петербургской Академии наук. Среди других источников комплектования ее фондов важное место занимают издания самой Академии, поступавшие в библиотеку непосредственно из типографий: основной, которая фактически начала работать при Академии в 1727 г., и нескольких филиалов, открытых позднее. В 1748 г. «было приказано направлять в библиотеку из типографии Академии наук экземпляры вновь напечатанных книг»¹².

В 1740—1760-х гг. типографиям предписывалось доставлять академические издания в библиотеку в

¹¹ Луппов С. П. Книга в России в XVII и первой четверти XVIII в. Л., 1972. С. 32.

¹² См.: Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708 — 1955. Л., 1956. С. 59.

¹⁰ Latviešu konversācijas Vērdnīca. T. II. Rīga, 1928 — 1929. Стб. 2343.

двух, трех и даже шести экземплярах¹³.

Большой интерес представляют предложения о собирании всех печатных изданий в одной и даже нескольких библиотеках, выдвинутые просветителями В. А. и В. В. Киприяновыми в первой трети XVIII в. Они изложены в двух документах: в прошении от 13 апреля 1724 г. о разрешении открыть публичную всенародную библиотеку в Москве и в «Кондициях», датированных 20 февраля 1727 г., в 25 пунктах которых предлагалась программа деятельности Московского печатного двора.

Собственно предложение о собирании книг в библиотеку сформулировано так: велеть Московской и С.-Петербургской типографиям «высылать по одному экземпляру книг, как в них напечатанных, так и собранных от других мест, которых нет в библиотеке, не для продажи, а для *всегдашнего содержания... и для собрания каталога и алфавита*»¹⁴.

В этом выражена одна из главных идей введения обязательного экземпляра.

По решению конференции Сената и Синода 27 февраля 1727 г. В. В. Киприянову передавался Печатный двор при условии, которое было оговорено в «Кондициях»: «Из церковных книг от каждого выхода присылать в Святейший синод по книге, в библиотеку — по книге ж, а из исторических книг — по одной же книге в Дистанс-Академию... и никому безденежно не давать»¹⁵. Речь идет о доставке пе-

чатной продукции уже трем адресатам.

Предложения Киприяновых не были тогда осуществлены, но принцип доставки изданий из типографий, а также и авторами непосредственно в библиотеки сохранялся и развивался. Так, библиотека Московского университета получала издания, выпускаемые типографией, открытой при университете в марте 1756 г. К концу XVIII в. фонд этой библиотеки насчитывал до 10 тыс. томов¹⁶.

С 1756 г. книги из типографий получала Императорская библиотека в Эрмитаже, основанная в 60-х годах XVIII в. В библиотеку Вольного экономического общества, созданную в 1767 г., члены этого общества обязаны были присылать по два экземпляра изданных ими книг. В 1780 г. Сейм Великого княжества Литовского принял постановление об обязательной передаче в библиотеку Главной школы в Вильне (будущий Виленский университет) по экземпляру всех книг, издаваемых в Литве¹⁷.

Все эти факты относятся к начальному периоду зарождения обязательного экземпляра произведений печати в России.

Объективные условия для введения узаконенной общегосударственной системы сбора всех изданий созрели в России к концу XVIII столетия.

ментов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Стб. 153 — 173; История Москвы. Т. 2: Период феодализма. XVIII в. М., 1953. С. 156.

¹⁶ См.: Спирина Е. 200-летие библиотеки Московского университета // Библиотекарь. 1955. № 5. С. 29; Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. М., 1970. С. 45.

¹⁷ Пинес Д. История библиотеки Римско-католической духовной академии в Петербурге // Библ. обозрение. 1919. Кн. 1. С. 106.

¹³ См.: Копанев А. И. Библиотеке Академии наук 250 лет // Книга: Исслед. и материалы. 1965. Сб. 10. С. 273.

¹⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Слб., 1880. Т. 4. Стб. 154 — 155.

¹⁵ Материалы для истории артиллерийского управления в России. Слб., 1876. С. 472 — 474. (Прил. 16); Описание доку-

Частнокапиталистическое предпринимательство в 70—80-е годы XVIII в. все более проникает, вслед за книжной торговлей, в книгоиздательское дело. В начале 80-х годов в России действовало 7 частных типографий, а половина из 12 типографий, принадлежавших казенным учреждениям, находилась в аренде у книготорговцев и издателей¹⁸. Царское правительство, приспосабливаясь к новым условиям, вынуждено было проводить реформы в области экономики и культуры, в том числе и в типографском деле.

Императорский указ от 15 января 1783 г. повелевал «не различать» типографии для печатания книг «от прочих фабрик и рукоделий» и позволял заводить их каждому «по своей собственной воле», как в Петербурге и Москве, так и во всех го-

родах империи¹⁹. Этим государственным актом было узаконено частное капиталистическое книгопечатание, что имело большое значение для развития русского книжного дела.

Увеличение выпуска книг и другой печатной продукции приводило, в свою очередь, к расширению книжной торговли, к увеличению числа библиотек, росту их книжных фондов и вызывало необходимость налаживать учет печатных изданий и библиографическую и иную деятельность, связанную с книгой.

Этим новым потребностям отвечала система обязательного экземпляра произведений печати, учрежденная в общегосударственном масштабе указом от 23 февраля 1783 г., приведенным выше.

Была ли Санкт-Петербургская Академия наук органом цензуры?

Наши книговеды, занимающиеся историей обязательного экземпляра в России, не имеют единого мнения о его первоначальном назначении. Отдельные авторы утверждают, что он имел якобы с начала его учреждения цензурное назначение, а Академия наук была органом цензуры.

Так, Ю. В. Григорьев в лекции о системе книгоснабжения библиотек, давая оценку указа от 23 февраля 1783 г., сообщает, что в нем была осуществлена идея Киприяновых, но уже «для целей цензурного над-

зора за печатью»²⁰. По его мнению, Академия наук и до 1783 г. «в течение почти целого столетия» (!)²¹ выполняла цензурные функции, а теперь в ней создавалась литературная база для верховного цензурного органа, то есть «цензуры над цензурой»²².

В 1945 г. И. И. Яковкин писал, что «своеобразным началом обязательного экземпляра» было возложение в 1728 г. на Академию наук обязанности свидетельствовать все

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 21. С. 792. № 15.634.

²⁰ Григорьев Ю. В. Система книгоснабжения советских библиотек. М., 1956. С. 24.

²¹ Академия наук в России была создана в 1724 г.

²² Григорьев Ю. В. Система обязательного экземпляра произведений печати в СССР. С. 39—41.

¹⁸ См.: Западов А. В. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков / Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1971. Т. 414. С. 99—100. 103—107.

новые книги светского содержания и что в развитие этого и был издан указ от 23 февраля 1783 г.²³

В. Е. Васильченко в работе, изданной в 1948 г., повторяет: обязанность «свидетельствовать» все новые книги, «подлежащие наукам светским», «открыла перспективу» роста русского книжного фонда в библиотеке Академии наук²⁴.

Во втором издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Цензура» сообщается: «В дореволюционной России печатание книг до последней четверти 18 в. составляло правительственную монополию, и цензура была возложена на Академию наук»²⁵.

Исследование имеющихся документов и изучение опубликованных работ по данной проблеме показывают, что такие утверждения ошибочны.

Прежде всего отметим, что монопольное владение типографиями государством в лице различных казенных учреждений не вызывало до определенного времени необходимости в особых органах контроля за печатью. Но как и в Западной Европе, русское книжное дело находилось под наблюдением церкви²⁶.

В связи с появлением и развити-

ем книгопечатания духовное ведомство постепенно превратилось в орган цензуры не только церковных книг, но и изданий светского содержания, что было облечено в законодательную форму. Первым государственным актом о цензуре был сенатский указ Петра I от 5 октября 1720 г., которым запрещалось печатать церковные книги без позволения Духовной коллегии²⁷. Вскоре последовали и другие законодательные акты, расширяющие права церковной власти: 7 февраля 1721 г. все типографии (С.-Петербургская, Московская, Киевская, Черниговская и «прочие») передавались в ведение правительствующего Синода и им предписывалось: без повеления Синода «никаких книг не печатать»²⁸; 21 июля того же года при Синоде учреждается особая контора для заведывания типографиями, которые имеются, и «всех вновь появившихся», и вводится порядок доставки в Синод из всех типографий по одной книге, которые «уже отпечатаны и будут печататься»²⁹.

Верховный тайный совет указом от 16 октября 1727 г. узаконил разделение печатания изданий в трех ведомствах: церковных изданий — в синодальной типографии, указов — в Сенате, а переводных исторических книг — в Академии наук. Но при этом предусматривалось: исторические книги, которые будут печататься при Академии, должны быть предварительно «опробованы» в Синоде; в Верховный тайный совет и в Синод должны доставляться «го-

²³ Яковкин И. И. Библиотека Академии наук СССР и ее фонды // Вестн. АН СССР. 1945. № 5 — 6. С. 249.

²⁴ Васильченко В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России. XI — XVIII века. М., 1948. С. 102.

²⁵ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. 1957. Т. 46. С. 519.

²⁶ Самый ранний известный факт введения цензуры в русскую книгу относится к XI в. В «Изборник Святослава», вышедший во второй редакции в 1076 г., был включен индекс, в котором под рубрикой «Книги еретические» указаны издания по астрономии и др. Такие списки составлялись и в дальнейшем. Колоссальная правка русских летописей проводилась в эпоху Ивана Грозного. В 1551 г. Стоглавый церковный собор вынес решение о введении строгой духовной цензуры.

²⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Спб., 1862. С. 3 — 4.

²⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Спб., 1869. Т. 1. С. 34. № 7.

²⁹ Там же. С. 34, 153 — 154. № 7, 131, 132.

довые ведомости» отпечатанных в типографиях книг³⁰.

Для усиления контроля за содержанием книг в 40-е годы XVIII в. наметилось разделение цензорской функции. Указом Сената от 17 марта 1743 г. устанавливалось: «...все печатные в России книги, принадлежащие до церкви и до церковного учения, печатать со апробации святейшего правительствующего Синода, а гражданские и прочие, до церкви не принадлежащие, со апробации ж правительствующего Сената»³¹.

С открытием частных типографий цензура еще более усилилась, что нашло отражение в ряде актов, завершением которых был уже упоминавшийся указ от 15 января 1783 г. о вольных типографиях. Типографии могли выпускать книги на всех языках лишь при условии «освидетельствования оных от управ благочиния», то есть местных органов полиции. За нарушение указа предусматривались конфискация книг и наказание виновных, как за преступление³². В руках полицейских органов теперь сосредоточивался контроль не только за открытием и деятельностью типографий, но и цензорский надзор за выпускаемыми книгами. Что касается надзора за разными объявлениями, то он был поручен полиции в мае 1780 г.

Таковы основные законодательные акты, принятые с 1720 по 1783 г. в области цензуры. В рассматриваемый период в России не было цен-

зуры как сложившейся функции государства, не было и единого органа, ведающего специальным надзором за печатью. Эти функции выполнял Синод, а также Сенат и отдельные ведомства, в чьем ведении находились типографии. А в 1783 г. надзор за содержанием книг и другой печатной продукцией был возложен на полицию.

При этом основным методом надзора была проверка рукописей перед сдачей их в набор. В этом и состояло «освидетельствование» или «опробование» вновь выходящих книг, независимо от того, кто это выполнял.

Таким образом, экземпляр «всякой» издаваемой, а затем доставляемой в библиотеку Академии наук книги не имел никакого отношения к цензуре, да и сама Санкт-Петербургская Академия наук не выполняла цензурных функций. Более того, в своей деятельности в этой области она была поставлена в зависимость от святейшего Синода и правительствующего Сената.

Проект устава Академии, разработанный к моменту ее открытия, предусматривал освобождение изданий Академии от церковной и правительственной цензуры, однако он не был утвержден, а последовавший в 1727 г. указ Верховного тайного совета устанавливал предварительную проверку рукописей Академии в Синоде. Такое узаконение было подтверждено специальным указом Сената от 30 ноября 1727 г.³³

И в дальнейшем Академия наук и юридически, и фактически была сама подцензурна. В отдельные периоды ее зависимость ослабевала или усиливалась, но суть сохраня-

³⁰ Там же. Спб., 1889. Т. 4. С. 99—101. № 2055.

³¹ Материалы для истории императорской Академии наук. Спб., 1889. Т. 5: 1742—1743. С. 615.

³² Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 21. С. 792. № 15. 634; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Спб., 1862. С. 25.

³³ Материалы для истории императорской Академии наук. Спб., 1885. Т. 1: 1716—1730. С. 294; Спб., 1886. Т. 2: 1731—1735. С. 458.

лась прежней — духовный и правительственный надзор за собственно академическими изданиями был постоянен. Вместе с тем, имели место отдельные случаи привлечения Академии к выполнению цензурских обязанностей, но они носили эпизодический характер и касались в основном иностранных книг, ввозимых в Россию. Ученые Академии наук выступали, как правило, не в роли цензоров, а в роли рецензентов и редакторов. Об этом же свидетельствуют и многотомные исследования истории цензуры в XVIII и XIX вв.³⁴

В 1747 г. был утвержден первый регламент Академии наук. Как констатирует Д. В. Тюличев, «этот акт на несколько десятилетий в значительной мере, если не сказать почти полностью, избавил академические издания от цензуры не только церкви, но и правительства... издания Академии наук стали подлежать только внутренней, ведомственной цензуре»³⁵.

Следовательно, Академия наук являлась центром науки и книгоиздательства в России, выполняла издательские функции и не была органом цензуры в политическом значении этого понятия. Неверная основная посылка о роли Академии наук в сфере цензуры привела некоторых авторов к ошибочной

оценке первоначального назначения книг, доставляемых типографиями с февраля 1783 г. библиотеке Академии наук. При этом каких-либо аргументов в подтверждение цензурного назначения обязательного экземпляра авторы не приводят³⁶.

Советские книговеды, посвятившие свои работы истории библиотеки Академии наук, как правило, констатируют сам факт введения обязательного экземпляра, не усматривая в указе от 23 февраля 1783 г. ничего «завуалированного», и показывают его значение для комплектования библиотеки в то время и в последующем³⁷. Такая констатация преобладает и в подавляющем большинстве работ по истории русской книги, библиотечному делу, библиографии.

Учреждение обязательного экземпляра в России в общегосударственном масштабе явилось объективным результатом развития книгоиздательского дела в стране и преследовало задачу сбора печатных произведений для создания го-

³⁶ В ряде капитальных работ, посвященных специально цензуре в России и изданных еще в дореволюционное время, совсем нет упоминания об обязательном экземпляре, получаемом Библиотекой Академии наук. Даже в специальный «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год» (Спб., 1862), где скрупулезно собраны все документы, относящиеся к данному и многим пограничным вопросам, не включен указ от 23 февраля 1783 г. Это можно объяснить только тем, что первый законодательный документ об учреждении обязательного экземпляра в России не относился к разряду цензурных.

³⁷ См., например: Григорьева И. Ф. О некоторых особенностях комплектования Библиотеки Академии наук СССР // Тр. БАН СССР и ФБОН АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 7—8; Филиппов М. С. 250 лет Библиотеке Академии наук СССР // Сов. библиогр. 1964. Вып. 5(87). С. 30; Копанев А. И. Указ. соч. С. 273; Абрамов К. И. Указ. соч. С. 47; История Библиотеки Академии наук СССР (1714—1964). М.; Л., 1964. С. 135—136.

³⁴ См., напр.: Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). Спб., 1892; Энгельгардт Н. Очерки русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). Спб., 1904; Семенов В. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. (Отдельный оттиск из журнала «Русский библиофил»). Спб., 1913; Западов А. В. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971. С. 94—135.

³⁵ Тюличев Д. В. Цензура изданий Академии наук в XVIII в. // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. С. 92.

сударственного хранилища и обеспечения литературой определенных кругов русского общества. Поэтому обязательный экземпляр, предназначенный библиотеке Академии наук, уже в начальном периоде появления имел библиотечное и архивное назначение.

Вполне понятно, почему обязательный экземпляр получила именно библиотека Академии наук. Основанная в 1714 г. как Дворцовая библиотека, а затем в 1725 г. переданная в ведение Академии наук, она всегда рассматривалась как общественная. Одновременно библиотека являлась и единственным кни-

гохранилищем России, наиболее регулярно пополнявшимся книгами; комплектованием ее фондов занимались ведущие русские ученые. Уже в XVIII в. библиотека Академии наук была признанным крупнейшим книгохранилищем мира.

Предоставление библиотеке Академии наук права на получение «всякой издаваемой книги» не было принципиально новым явлением. Она и раньше получала книги непосредственно из академических типографий. Теперь этот порядок распространился на все «казенные и вольные типографии» и был узаконен государственным актом.

Развитие системы обязательного экземпляра в XIX в.

За период с 1783 г. по 1828 г. система обязательного экземпляра в России получила дальнейшее развитие. Порядок доставки книг в библиотеку Академии наук все эти годы не только сохранялся, но и укреплялся: специальный сенатский указ от 13 августа 1797 г. вновь подтверждал обязанность типографий направлять по одному экземпляру всех изданий в библиотеку³⁸; с февраля 1802 г. владельцы частных типографий давали специальную подписку о доставке изданий академической библиотеке; в статье 116 устава Академии, утвержденно-го 25 июля 1803 г., предусматривался денежный штраф (в 10- и 20-кратном размере) за недоставку книг из типографии библиотеке Академии наук³⁹.

Событием большого культурного значения было предоставление обязательного экземпляра вновь издаваемых в стране книг Публичной библиотеке в С.-Петербурге. Библиотека была открыта в 1814 г., но получать обязательный экземпляр начала с 1810 г. в соответствии с «Положением об управлении императорской Публичной библиотекой», утвержденным 14 октября 1810 г. В разделе IV — «Способы приумножения Библиотеки» — указывалось: библиотеке «даруется право, подобно тому, как оное существует для Академии наук, получать безмездно по два экземпляра (курсив мой. — И. Н.) каждой вновь издаваемой книги из всех Типографий, в Империи состоящих»⁴⁰.

Публичная библиотека была второй библиотекой, получившей бесплатные обязательные экземпляры произведений печати. Вслед за ней, в соответствии с указом от 8 мая 1811 г., обязательный экземпляр стала получать библиотека С.-Петербургской духовной академии⁴¹.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Спб., 1830. Т. 24. С. 684. № 18.094 (Указ был принят по докладу Академии наук в связи с расхождениями каталогов библиотеки, составленных на основе обязательных экземпляров, с росписями книгопродавцев).

³⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 27. С. 79. № 20.863.

⁴⁰ Там же. 1830. Т. 31. С. 389. № 24.377.

⁴¹ Там же. С. 648. № 24.627.

25 мая 1820 г. обязательный экземпляр был назначен библиотеке университета в г. Або (Турку, Финляндия)⁴²; в 1827 г. этот экземпляр изданий стала получать библиотека Александровского университета в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Таким образом, в 1820 г. обязательные экземпляры получали уже четыре библиотеки, а их общее количество составляло пять комплектов, которые включали все издания, выпускаемые в стране. Библиотечное назначение и универсальность обязательного экземпляра по его составу в начальном периоде развития этого явления культуры являются особенностью книжного дела в России.

Но параллельно с этим процессом, а затем и вместе с ним шло создание и развитие органов цензуры. Поэтому вся последующая история обязательного экземпляра в России, вплоть до 1917 г., связана по своему содержанию с типографским и библиотечным делом, а по юридической форме — с цензурой.

Как само создание, так и многочисленные реорганизации цензуры следовали за политическими событиями и социальными потрясениями и представляли собой меры самодержавия против освободительных революционных идей, проникающих через книгу. Примером этого являются расправа с А. Н. Радищевым и Н. И. Новиковым, закрытие в 1796 г. частных типографий и запрет на ввоз в Россию иностранных книг.

Вместе с развитием книгоиздательского дела шел процесс выработки средств, приемов и методов цензуры, среди которых обязательный экземпляр имел решающее значение. Еще в 1786 г. предпринима-

лись попытки использовать его для цензурного надзора за изданиями вольных типографий в г. Москве, в 90-е годы вводилось правило обязательно предоставлять цензуре печатный образец для сравнения его с рукописью, утвержденной управой благочиния.

Первый цензурный обязательный экземпляр изданий, выпускаемых частными типографиями, был введен в 1802 г. Императорским указом от 9 февраля устанавливался порядок доставки отпечатанных книг и журналов гражданским губернаторам, которым поручались цензорские функции⁴³. В связи с введением первого цензурного устава в 1804 г. обязательные экземпляры назначаются созданным цензурным комитетам (в С.-Петербурге, Москве, Харькове, Казани) и Министерству народного просвещения⁴⁴.

Первые обязательный экземпляр библиотечного назначения был включен в каналы цензуры в 1802 г., когда библиотека Академии наук начала получать книги и другие издания не непосредственно из типографий, а через органы гражданских губернаторов.

В 1826 г. после подавления восстания декабристов был введен новый цензурный («чугунный») устав, включавший все обязательные экземпляры, учрежденные в стране. Фактически этим актом завершалось создание общегосударственной системы обязательных экземпляров произведений печати в России, начало которой было положено в 1783 г.

Система включала 8 комплектов

⁴³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. Спб., 1862. С. 72 — 74.

⁴⁴ Там же. С. 85 — 95; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 31. С. 345. № 24.341.

⁴² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Спб., 1864. Т. 1. Стб. 1.248 — 1.250.

вновь издаваемых книг, журналов и другой печатной продукции, 5 из которых получали 4 библиотеки (Библиотека Академии наук, С.-Петербургская Публичная библиотека (2 экз.), Библиотека Гельсингфорского университета и Библиотека С.-Петербургской Духовной академии⁴⁵). 3 экз. получали цензурные ведомства (Цензурные комитеты на местах, Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел).

Следовательно, большая часть комплектов изданий по системе обязательных экземпляров не имела никакого отношения к цензуре, хотя и находилась в одном потоке доставки книг по цензурному уставу. Однако такая тенденция вступа-

ла в противоречие с официальной политикой царского правительства. Поэтому, чем совершеннее становился цензурный аппарат, тем больше ущемлялись интересы библиотек.

Характерным примером такой политики служат изменения, внесенные в систему обязательных экземпляров цензурным уставом, введенным в действие 22 апреля 1828 г.⁴⁶ Согласно § 42 и 52 обязательного экземпляра лишалась Библиотека Академии наук, Духовная академия; упразднялся второй комплект для Публичной библиотеки⁴⁷. Общее число обязательных экземпляров уменьшилось в два раза, и только два комплекта имели библиотечное назначение.

Таблица 1
Изменения в системе обязательных экземпляров в 1828 г.

Получатели обязательного экземпляра	Количество получаемых комплектов книг	
	до 1828 г.	Установлено в 1828 г.
Библиотека Академии наук	1	—
С.-Петербургская Публичная библиотека	2	1
Библиотека Гельсингфорского университета	1	1
С.-Петербургская Духовная академия	1	—
Цензурные комитеты	1	2 (один возвращался типографии)
Главное управление цензуры	—	1
Министерство народного просвещения	1	—
Министерство внутренних дел	1 (периодические издания)	—
Итого:	8	5

⁴⁵ Комплект изданий, получаемый Духовной академией, официально предназначался для нужд образования (см. там же, с. 648, № 24.627), но в действительности первоначально мог использоваться цензур-

ными органами духовенства и после этого направляться в библиотеки Академии.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Слб., 1830. Т. 3. С. 459 — 489. № 1.979 — 1.981.

⁴⁷ Там же. С. 465, 466.

В соответствии с новым уставом в составе Министерства народного просвещения образовывалось Главное управление цензуры, в котором объединялась внутренняя и иностранная цензура; создавались цензурные комитеты в С.-Петербурге, Москве, Вильне и Дерпте, а также в Харькове и Казани; в Ригу, Ревель, Одессу назначались отдельные цензоры. В стране утвердилась широко разветвленная сеть цензур, которой занимались более десяти государственных учреждений. Одновременно был введен и устав духовной цензуры.

Цензурный устав 1828 г. действовал до 1865 г., но дополнялся различными инструкциями и циркулярами, в которых находила выражение политика царского правительства в области книжного дела и печати.

Одновременно шел процесс расширения системы обязательных экземпляров. Так, уже в 30-е годы обязательные экземпляры были предоставлены двум военным ведомствам: согласно указу от 16 января 1836 г. Гидрографическому депо Главного морского штаба должны были доставлять бесплатно по два экземпляра всех выпускаемых в стране карт, статистических таблиц и военных материалов⁴⁸. Два же комплекта всех военных и некоторых других изданий были предоставлены Генеральному штабу в соответствии с указом Сената от 28 февраля 1837 г.⁴⁹

В 40—60-х годах произошли важные изменения в количестве и назначении обязательных экземпляров для библиотек. Они были результатом борьбы прогрессивной общественности и отражали все возрастающие потребности науки и

культуры, в удовлетворении которых в определенной степени были заинтересованы и правящие круги. Однако политика царского правительства в этой области была непоследовательной и двойственной.

Так, по новому уставу Академии наук, утвержденному 8 января 1836 г., Библиотеке Академии предоставлялся один экземпляр «произведений туземных писателей», но после того, как в них минует надобность Главного управления цензуры⁵⁰. Лишь 16 декабря 1841 г. Кабинет министров решил восстановить для Академии наук прежний порядок: «получать по одному экземпляру всех издаваемых в России книг, географических карт и проч.»⁵¹. Значит, Библиотека Академии наук в течение 8 лет совсем не получала обязательного экземпляра и около 6 лет получала его в урезанном составе. Только с конца 1841 г. она обеспечивается полным комплектом произведений печати, издаваемых в стране.

В 1843 г. обязательный экземпляр местного значения получили две библиотеки закрытого типа: Библиотека Сената Варшавских департаментов и Казенная библиотека учебных заведений г. Варшавы⁵². Отметим при этом, что другие библиотеки, в том числе Академии наук и С.-Петербургская Публичная, не получали изданий, выпускаемых на территории Варшавского округа.

С.-Петербургская Публичная библиотека, как мы уже констатировали, была лишена второго комплекта обязательного экземпляра в 1828 г. Он был восстановлен в цензурных целях в 1849 г., а подлинно библиотечное и архивное назна-

⁵⁰ Там же. Т. 11. С. 17. № 8.765.

⁵¹ Там же. Спб., 1842. Т. 16, отд. 2. С. 119—120. № 15.124.

⁵² Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 40. Окт. С. 18.

⁴⁸ Там же. Спб., 1837. Т. 11. С. 63. № 8.785.

⁴⁹ Там же. Спб., 1851. Т. 25. С. 553. № 24. 246.

чение ему было вновь придано только в 1855 г., когда ликвидировали секретный комитет, действовавший в период цензурного террора. В 1861 г. в течение четырех месяцев Публичная библиотека вновь не получала второй экземпляр. Этот кратковременный перерыв в комплектовании фондов библиотеки явился результатом решения органов цензуры, отразившегося на всей системе обязательных экземпляров.

11 апреля 1861 г. Комитет министров утвердил внесенное Главным управлением цензуры положение «Об уменьшении обязательного числа экземпляров, требуемого от издателей вновь выходящих книг, журналов, газет и других произведений печати»⁵³. Этим актом отменялись вторые комплекты обязательных экземпляров для Публичной библиотеки, Генерального штаба, а также Военно-морского ведомства; прекращалась доставка изданий II отделению и вновь подтверждались профильные и цензурные экземпляры для военных ведомств и III отделения.

Второй экземпляр был восстановлен для Публичной библиотеки 17 августа 1861 г., но он включал теперь только издания, выпускаемые тиражом не менее 600 экз.⁵⁴ Это был новый критерий в системе обязательных экземпляров, значительно ограничивающий поступление произведений печати в библиотеку. В последующий более чем полувековой период каких-либо законодательных актов о количественном составе комплектов печатных изданий для библиотеки принято не было.

На примере двух первых библиотек, Академии наук и Публичной,

видна реакционная политика царского правительства вообще и Министерства народного просвещения в частности, которая проводилась в XIX в. в области книжного дела. Система всегосударственного сбора произведений печати для библиотеки утверждалась под давлением передовой русской интеллигенции, выступавшей за расширение и улучшение деятельности библиотек.

Под влиянием общественности Москвы и Петербурга правительственные органы были вынуждены заниматься и Румянцевским музеем. В результате этого 20 февраля 1850 г. принимается дополнительное Положение о Публичной библиотеке и Румянцевском музее⁵⁵, а в 1862 г. учреждается новый обязательный экземпляр — для будущей Московской публичной библиотеки.

«Положение о Московском публичном музее и Румянцевском музее», утвержденное 19 июня 1862 г., предоставляло право директору «наблюдать, чтобы в Московский Публичный Музей доставлялось по одному экземпляру всего, что в России печатается, гравировается и литографируется по какому бы то ни было ведомству»⁵⁶.

Итоги изменений, которые терпела система обязательных экземпляров за более чем полувековой период — с 1828 по 1880 г., представлены в табл. 2.

Общее количество обязательных экземпляров достигло 16 комплектов (против 5 в 1828 г.), предназначенных 14 библиотекам и учреждениям (вместо 4).

Важные изменения произошли и в качественном отношении. По своему составу обязательные экземпляры были теперь пяти видов; универсальные, то есть содержащие все (или почти все) произведения

⁵³ Полное собрание законов Российской империи: Собр. второе. Спб., 1863. Т. 36. С. 610. № 36.854.

⁵⁴ Там же. Отд. 2. С. 239. № 37.350.

⁵⁵ Там же. Т. 25. С. 124 — 125. № 23.930.

⁵⁶ Там же. 1865. Т. 37. С. 529 — 530. № 38.385.

Таблица 2

Система обязательных экземпляров произведений печати в России в 1880 г.

Получатели обязательного экземпляра		Количество комплектов	Вид обязательного экземпляра
Библиотеки, организации			
№ п	1	2	3
1.	Библиотека Академии наук	1	Универсальный полный 1 — универсальный полный 1 — ограниченный по тиражу (не менее 600 экз.)
2.	С.-Петербургская Публичная библиотека	2	
3.	Московская публичная библиотека	1	Универсальный полный
4.	Библиотека Гельсингфорского университета	1	Универсальный полный
5.	Библиотека Генерального штаба	1	Универсальный полный (за исключением специальных периодических изданий)
6.	Библиотека Морского министерства	1	Профильный (военные издания)
7—8.	Библиотеки Сената Варшавских департаментов и Казенная учебных заведений г. Варшавы	2	Местного значения (издания Варшавского учебного округа)
9.	Главного управления цензуры («Особенная канцелярия» Министерства народного просвещения)	1	Универсальный полный
10.	Военно-цензурный комитет	1	Профильный (военные издания)
11.	Министерство внутренних дел	1	Периодические издания
12—13.	Библиотека Синода и цензурные комитеты духовной цензуры	2	Профильные (церковные издания)
14.	Местные (окружные) цензурные комитеты	по 2	Универсальные полные (один возвращался типографии или издателю)
Всего:		16 комплектов	

печати, выпускаемые в стране; профильные — по определенной тематике изданий; обязательные экземпляры, ограниченные по тиражу или видам изданий, и, наконец, местные, то есть доставляемые по территориальному признаку выпуска изданий. Введение в практику разных по их содержанию составов комплектов было новой чертой сложившейся системы.

Еще одна особенность системы, утвердившейся к концу XIX в., состояла в том, что 7 комплектов обязательных экземпляров имели только библиотечное и архивное назначение; 3 обязательных экземпляра могли выполнять две функции: сначала использоваться в цензурных целях, а потом направляться в соответствующие библиотеки (Генерального штаба, Морского мини-

стерства, Синода). Только 6 экземпляров из 16 имели прямое цензурное назначение. Это был еще один итог, выражающий в целом прогрессивное направление развития системы обязательных экземпляров.

Таким образом, в стране сложилась разветвленная система обязательных экземпляров (как по количеству и назначению, так и по составу их получателей), не имеющая себе равных в других государствах. Складывались и развивались функции обязательных экземпляров: информационная, библиотечная и библиографическая, относящиеся к сфере книгораспространения, а также научная и архивная.

Однако все это не означало изменения политики самодержавия в области книгоиздательского дела или ослабления цензуры. Более того, принимались многочисленные меры гонения на книгу, прежде всего в целях предотвращения распространения в стране революционных идей.

Например, в директиве по цензурному аппарату, датированной 12 мая 1862 г., указывалось: «Не допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения

социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии»⁵⁷.

«Временными правилами» по цензуре, введенными еще в апреле 1865 г., надзор за книгоизданием, всей печатью и типографиями передавался из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, при котором под высшим наблюдением самого министра учреждалось Главное управление по делам печати⁵⁸.

К этому же периоду относится безуспешная деятельность нескольких комиссий по пересмотру системы обязательных экземпляров. При этом вопросы цензуры были отнесены к «полицейским охранительным постановлениям» и приурочивались к судебной реформе в целях «охраны веры... государственных законов, верховной власти и особ императорской фамилии...»⁵⁹.

Обострение классовой борьбы в пореформенный период толкало царское правительство на тактику «полицейского футляра», то есть безвредных для самодержавия либеральных уступок и беспощадной расправы с революционным движением⁶⁰.

Система обязательных экземпляров в России в начале XX в.

Четверть века — с 1880 по 1905 г. — система обязательных экземпляров по своему количественному составу и целевому назначению не изменялась. Это устойчивое равновесие можно объяснить двумя обстоятельствами: (1) царское пра-

вительство не было заинтересовано в дальнейшем увеличении доставки изданий для целей культуры и образования, наоборот, оно принимало жесткие меры для ограничения сети публичных и народных библиотек и усиления контроля за составом их

⁵⁷ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 469; Полное собрание законов Российской империи. Т. 37. С. 430. № 38.270.

⁵⁸ Материалы, собранные особою комиссией, высочайше учрежденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих по-

становлений о цензуре и печати. Спб., 1870. Ч. 1. С. 548 — 564.

⁵⁹ См.: Журнал высочайше учрежденной комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений по делам книгопечатания. 1862. № 1.

⁶⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 30.

книжных фондов; поэтому всякие прогрессивные начинания в этой области не получали практического осуществления; (2) доставка образцов изданий для органов цензуры в сочетании с административно-карательными мерами против печати давали возможность обеспечивать контроль за выпуском книг и периодических изданий со стороны органов государственной власти.

Однако такое равновесие было временным. В конце XIX — начале XX в. на арену открытой политической борьбы выступил рабочий класс, возглавляемый своим боевым авангардом — большевистской партией. Первая народная революция 1905—1907 гг. в России потрясла до основания все устои самодержавия, коснулась всех сторон жизни общества, внесла радикальные изменения и в область печати и книжного дела. Прекратил действовать механизм доставки произведений печати соответствующим учреждениям и организациям.

Еще в январе 1903 г. Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой указывалось, что двести лет печать в России «находится под позорным игом цензуры» и «честное печатное слово преследуется, как самый опасный враг... Многомиллионному народу русское правительство преграждает доступ к знанию, свету, истине... На каждую мало-мальски хорошую книжку или статью царские цензоры накидываются, как хищные коршуны, и вырывают из нее все, что дышит жизнью и силой...»⁶¹

В ответ на царский Манифест 17 октября, лицемерно декларирующий гражданские свободы народу, Петербургский Совет рабочих депутатов уже 19 октября 1905 г. принял резолюцию, в которой гово-

рилось: «Свобода печатного слова должна быть завоевана рабочими. Совет депутатов постановляет, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру...»⁶² Аналогичное решение, но уже о книгах, принял Союз рабочих печатного дела на своем собрании 30 октября 1905 г., в котором участвовало две тысячи человек⁶³.

Постановления Петербургского Совета и Союза рабочих печатного дела об игнорировании цензуры при выпуске газет, журналов, книг были поддержаны Союзом книгоиздателей и Союзом книгопродавцев, образовавших 9 ноября 1905 г. единый Союз для немедленного осуществления свободы печати.

Результаты борьбы против цензурного гнета, за свободу печати не замедлили сказаться. Уже с 22 октября 1905 г. почти все петербургские и московские газеты стали выпускаться без цензуры. Примеру Петербурга и Москвы последовали издатели в Саратове, Екатеринославе, Одессе и других городах. За октябрь — декабрь 1905 г. только в Москве 22 издательские фирмы выпускали свои издания, минуя цензуру.

В. И. Ленин так характеризовал эти явления: «Была завоевана свобода печати. Цензура была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры»⁶⁴.

Но все это сразу же сказалось на системе обязательных экземпляров: печатные издания не доставля-

⁶² Известия Советов рабочих депутатов. 1905. 20 окт.

⁶³ Там же. 3 нояб.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 321.

⁶¹ Листовки петербургских большевиков: 1902 — 1917. 1939. Т. 1. С. 18.

лись не только в органы цензуры, но и в библиотеки. Как сообщал журнал «Книжный вестник», с октября 1905 г. по апрель 1906 г. в общественные библиотеки не было доставлено 85—90% всех вышедших за этот промежуток времени изданий⁶⁵. При этом следует иметь в виду, что издательская деятельность в период революции достигла невиданных масштабов по сравнению с предыдущими годами: за 1905—1907 гг. в России появилось более 350 новых издательств, выпускавших только политические и экономические брошюры; в стране ежегодно выходило не менее 130—150 млн экз. изданий. По подсчетам Н. А. Рубакина, за годы революции вышло 50 млн экз. книг прогрессивного направления и 26 млн брошюр социал-демократов⁶⁶; за одно полугодие — конец 1905 — начало 1906 г. — вышло в свет только легальных брошюр по общественным наукам около 1700 названий⁶⁷.

Представить полный объем издательской деятельности в годы революции весьма затруднительно, так как нет нужных статистических данных. Однако приведенные данные свидетельствуют о том, что публичные и другие библиотеки, лишенные обязательных экземпляров, понесли невосполнимый урон в своих фондах, а многие издания были для них вообще утрачены. Попытки библиотек Академии наук, Румянцевского музея, Публичной получать издания непосредственно

из типографий и от издателей не давали нужных результатов.

Для подавления свободы печати царское правительство еще 12 декабря 1904 г. учредило «Особое совещание» для разработки нового закона о цензуре и печати⁶⁸; 24 ноября 1905 г. были введены «Временные правила о повременной печати»⁶⁹, которые дополнили указом от 18 марта 1906 г.⁷⁰; 3 мая этого же года введены «Временные правила для неповременной печати»⁷¹. Все эти правила в основном сохраняли старый цензурный устав, но вносили и существенные изменения. Так, ужесточались судебные преследования и меры наказания виновных за «преступные деяния, совершенные путем печатного слова». Для выявления таких «деяний» обязательные экземпляры, например периодических изданий, должны были доставляться в цензурные органы за 24 часа до выпуска их из типографий. Цензурные комитеты были преобразованы в комитеты по делам печати. В соответствии со статьей 72 цензурного устава восстанавливались прежние количество обязательных экземпляров и их адресаты.

Так, вместе с восстановлением и ужесточением цензуры восстанавливалась система обязательных экземпляров.

В событиях 1905—1907 гг., как в фокусе, отразилась противоречивая сущность системы обязательных экземпляров произведений печати: с одной стороны, они выступали как атрибут института цензуры, эффективно используемый орга-

⁶⁵ Кн. вестн. 1906. № 26. Стб. 636.

⁶⁶ См.: Голубева О. Д. Издательское дело в России в период первой русской революции (1905—1907 гг.) // Книга: Исслед. и материалы. 1972. Сб. 24. С. 116, 140.

⁶⁷ Цит. по кн.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969. С. 27.

⁶⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи: Собр. третье. Спб., 1908. Т. 25. С. 52—53. № 25.703; С. 355—356. № 26.263.

⁶⁹ Там же. С. 837—840. № 26.962.

⁷⁰ Там же. Спб., 1909. Т. 26. С. 281—283. № 27.574.

⁷¹ Там же. С. 481—483. № 27.815.

нами самодержавия для контроля за книгопечатанием и периодическими изданиями; с другой — были незаменимым источником комплектования фондов библиотек, являющихся центрами просвещения. Борьба против цензуры неизбежно отрицательно сказывалась на прогрессивной стороне, которую выражали обязательные экземпляры библиотечного назначения.

Двойная роль системы обязательных экземпляров проявилась особенно в официальной библиографической регистрации произведений печати, в том числе и в «Книжной летописи» Главного управления по делам печати, которая начала выходить еженедельно с июля 1907 г.

История возникновения «Книжной летописи» и ее информационная роль в дооктябрьский период в России научно исследованы и получили объективную оценку в трудах ряда советских книговедов⁷². В создании такого органа находили разрешение разнохарактерные стремления: с одной стороны, официальных властей в лице Главного управления по делам печати, с другой — научной общественности, представленной комиссией по регистрации произведений печати, созданной при Академии наук еще в 1901 г. Учреждение «Книжной летописи» вызвало и необходимость дальнейшего совершенствования системы обязательных экземпляров.

⁷² См., например: Машкова М. В. Указ. соч. С. 46; Григорьев Ю. В. Система обязательного экземпляра произведений печати в СССР. С. 77; Машкова М. В., Сокурова М. В. Из истории возникновения «Книжной летописи» // Сов. библиогр. 1957. № 47. С. 11—32; Дерунова М. К. Пятьдесят лет «Книжной летописи» // Там же. С. 3—10; Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708—1955. Л., 1956. С. 182; Здобнов Н. В. Достижения и недочеты «Книжной летописи» за последние годы // Сов. библиогр. 1937. № 3. С. 95.

Количественный рост издаваемой в стране печатной продукции и необходимость оперативной информации о ней требовали централизации доставки, поэтому реформой 1907 г. децентрализация, существовавшая до сих пор, была заменена централизацией механизма собирания и рассылки обязательных экземпляров. Узаконенное количество комплектов произведений печати теперь поступало непосредственно в Главное управление по делам печати, которое рассылало их конкретным получателям. В Главном управлении создавалась особая библиотека, в которую цензурные комитеты вместе с обязательными экземплярами направляли библиографические карточки на каждое издание, что и служило основой для подготовки еженедельных выпусков «Книжной летописи»⁷³.

Централизация доставки обязательных экземпляров и издание специального органа государственной регистрации положительно сказались на полноте доставки произведений печати, их учете и постановке информации об издательской продукции. За 1907—1917 гг. в «Книжной летописи» было зарегистрировано 266 тыс. названий книг, брошюр и периодических изданий, вышедших в России на 85 языках в течение десяти лет⁷⁴. В «Книжной летописи» печатались также «Списки запрещенных изданий» (изъятых, арестованных, конфискованных) и «Алфавитные списки сочинений, рассмотренных иностранной цензурой». Однако все, что не поступало по системе обязательной доставки, не учитывалось и в «Книжной летописи», в том числе:

⁷³ «Книжная летопись» Главного управления по делам печати. 1907. июль — дек. № 1—24. Спб., 1908. Т. 1. Предисл.

⁷⁴ См.: Машкова М. В. Указ. соч. С. 52.

официальные, ведомственные, церковные и другие издания. Не могли быть отражены в регистрации и революционные издания, выпускаемые нелегально.

После реформы 1907 г. в систему обязательных экземпляров были внесены два дополнения: 21 января 1910 г. право на бесплатное получение по одному экземпляру книг и периодических изданий по богословию, истории, философии, археологии было предоставлено библиотеке Синода⁷⁵; 20 июля 1914 г. дополнительно выделено два экземпляра всех изданий местному Военно-цензурному установлению⁷⁶.

К началу 1917 г. общее количество бесплатных обязательных экземпляров произведений печати в России было представлено 13 комплектами. Они распределялись следующим образом: библиотеки — Академии наук, С.-Петербургская Публичная (2), Московская пуб-

личная (Румянцевского музея), Гельсингфорсского университета, Генерального штаба, Морского министерства, Синода; органы цензуры — местные цензурные комитеты (2), Военно-цензурные комитеты (2), Министерство внутренних дел.

Такой состав получателей обязательных экземпляров предопределял и их назначение — 8 комплектов служили пополнению фондов государственных хранилищ и библиотек; 5 комплектов использовались цензурными ведомствами. При этом библиотеки имели неодинаковое общественное значение: одни служили научным, учебным и просветительным целям (к ним относятся первые четыре библиотеки); другие обслуживали государственный и военный аппарат, а также духовенство. В этом вновь проявлялась двойная роль произведений печати, поступающих по системе обязательных экземпляров.

Создание Книжной палаты — историческое событие революционной эпохи

В результате победы Февральской буржуазно-демократической революции под давлением народных масс, возглавляемых большевиками и Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Временное правительство было вынуждено ликвидировать Главное управление по делам печати. При непосредственном участии прогрессивной научной общественности в России создавалось новое учреждение — Книжная палата.

Деятельность Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел была фактически парализована в феврале, а официально прекращена в марте 1917 г. Вслед за этим 27 апреля были приняты два постановления Временного правительства: «О печати» и «Об учреждениях по делам печати». В первом декларировалась свобода печати и торговли книгами и устанавливались правила регистрации и порядок выпуска изданий в свет⁷⁷. Вторым постановлением упразднили Главное управление

⁷⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. Спб., 1910. С. 202, ст. 142.

⁷⁶ Там же. Спб., 1914. С. 3024, № 192, ст. 2057.

⁷⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1917. 15 мая. Кн. 103. С. 948 — 950, ст. 597.

по делам печати и все его местные органы и учреждалась Книжная палата⁷⁸.

На Книжную палату возлагались:

1) регистрация всей текущей печати в России, как неповременных, так и повременных изданий, а также типографий, литографий, металлографий и иных подобных заведений;

2) научная систематическая регистрация всего печатного материала на русском языке;

3) образование книжного фонда для снабжения книгами государственных учреждений, а равно и снабжение государственных книгохранилищ всеми выходящими в России произведениями печати.

Основой деятельности Книжной палаты стала система обязательных экземпляров. Механизм ее действия, количественный состав и распределение произведений печати определялись постановлением «О печати». В течение суток после выпуска в свет любых произведений печати типографии обязывались представлять в исправном виде местному комиссару Временного правительства (или заменяющему его установлению или должностному лицу) 8 экз. каждого издания. Один экземпляр оставался в комиссариате, 7 — переправлялись в Книжную палату для последующего распределения: 3 — для Книжной палаты и по одному экземпляру для библиотек — Публичной, Академии наук, Московского публичного и Румянцевского музеев, Александровского университета в Гельсингфорсе⁷⁹.

⁷⁸ Там же. С. 950 — 951, ст. 598.

⁷⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1917. 15 мая. Кн. 109. С. 948 (п. II, 1), с. 951 (п. X, 2); Там же. 20 июня. Кн. 141, С. 1228 (п. 6, 6).

Таким образом, в систему обязательных экземпляров вносились существенные изменения.

Во-первых, изменялся порядок собирания и последующей доставки обязательных экземпляров: если в течение десяти предшествующих лет они высылались типографиями непосредственно в один центральный орган — Главное управление по делам печати, то теперь появился еще один промежуточный пункт — местные комиссариаты. Это означало возврат к механизму XIX и начала XX в. и на практике приводило к ухудшению действия всей системы.

Во-вторых, значительно уменьшалось общее количество комплектов произведений печати, доставляемых из типографий, — с 13 до 8. Отменялся второй комплект для С.-Петербургской Публичной библиотеки; исключались из состава получателей библиотеки Главного штаба, Гидрографического управления Морского министерства и Синода, а также Военно-цензурные установления (2 комплекта) и Министерство внутренних дел (повременные издания).

В-третьих, для цензурных целей формально предназначался только один комплект произведений печати, оставляемый в местных комиссариатах.

Если учесть, что в июле 1917 г. была восстановлена военная цензура и для ее целей представлено 2 комплекта произведений печати⁸⁰, то общее количество обязательных экземпляров в стране к октябрю 1917 г. составило 10 комплектов. Их распределение показано в табл. 3.

Четыре ведущие государственные библиотеки фактически получали, как и до сих пор, 5 комплектов про-

⁸⁰ Там же. 1917. Кн. 199. С. 2119 — 2124, ст. 1230.

Таблица 3

Система обязательных экземпляров произведений печати в России к октябрю 1917 г.

Получатели обязательного экземпляра	Количество получаемых комплектов произведений печати
1. Книжная палата	3*
2. Библиотека Академии наук	1
3. Публичная библиотека в С.-Петербурге	1*
4. Московская публичная библиотека (Румянцевского музея)	1
5. Библиотека Гельсингфорского университета	1
6. Военно-цензурные установления	2
7. Местные комиссариаты Временного правительства	1
Итого:	10

* С.-Петербургская Публичная библиотека (в соответствии с «Наказом Книжной палате», утвержденным 23 мая 1917 г.) имела право на получение еще одного комплекта изданий из трех, предназначенных Книжной палате.

изведений печати, количество же цензурных обязательных экземпляров сократилось в два раза.

Однако дело не только в положительных количественных изменениях. На основе сложившейся системы обязательных экземпляров создавалось новое научное учреждение. Книжная палата становилась организационным центром всей системы обязательных экземпляров и специализированным научным библиографическим учреждением, впервые созданным в России.

С мая по октябрь 1917 г. Книжная палата переживала период начального становления и находилась в фактическом подчинении Подкомиссии по регистрации произведений печати в составе Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати.

23 мая 1917 г. был утвержден «Наказ Книжной палате»⁸¹. В со-

ставе Палаты создавались четыре подразделения: Отдел регистрации произведений печати и издания «Книжной летописи»; Русский библиографический институт; Бюро международной библиографии по естествознанию и математике; Книжный фонд.

Общие задачи Палаты были изложены в пункте 1 «Наказа»: Книжная палата есть государственное научное учреждение, посвященное делу регистрации, описания, систематики и собирания всех вновь выходящих в России произведений печатного станка. Регистрируя и систематизируя все выходящие в России книги и многие из статей, появляющихся в периодических изданиях, оно тем самым имеет свою основную задачу дать возможность использовать весь необходимый литературный материал. Вместе с тем Палата берет на себя обязанность всемерно облегчать доступ к книжным собраниям, развивать и направлять дело пополнения существующих в государстве книгохранилищ, а также создавать

⁸¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1917. 20 июня. Кн. 141. С. 1227 — 1230, ст. 761.

наиболее благоприятные условия для развития библиотечного дела в России.

Историческое значение учреждения Книжной палаты состоит в том, что этим актом подводился итог предшествующему развитию книжного дела в России и создавалась одна из предпосылок для решения коренных задач культурного строительства, вызванных революционной эпохой. Незаменимой основой для этого стала система обязательного экземпляра произведений печати, прошедшая в своем развитии четыре периода:

1783—1828 гг. — период становления государственной системы обязательного экземпляра произведений печати, основной тенденцией которого было устойчивое увеличение количества комплектов изданий, доставляемых библиотекам;

1828—1880 гг. — период двух сложных процессов: сращивания системы обязательных экземпляров с цензурой и дальнейшего роста количественного состава комплектов

обязательных экземпляров (до 16) и их качественного совершенствования, в чем нашло отражение стремление прогрессивной общественности страны;

1880—1905 гг. — период устойчивого равновесия и эффективного действия системы обязательного экземпляра, становления и развития ее функций;

1905—1917 гг. — период потрясений системы обязательного экземпляра и ее реформы в результате революционных событий и начала новой эпохи в истории нашей страны.

С 1917 г. начался новый период в истории обязательного экземпляра. На его основе развернулась деятельность Книжной палаты и ведущих библиотек, а затем и информационных центров страны.

Ныне на базе Всесоюзной книжной палаты создано Научно-производственное объединение — головной информационный и научно-исследовательский центр в области книжного дела СССР.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУСАГЕТ»

Конец XIX — начало XX в. в России стали рубежом двух исторических эпох, периодом огромных событий в жизни народа: пробуждения социальной активности масс, ожесточенных попыток правящих классов сохранить существующий строй, войн, революций.

Эта переходная эпоха отмечена острым противоборством социально-политических, философских и эстетических идей: сложность общественного бытия нации находила отражение в ее напряженной духовной жизни. Одним из противоречивых и неоднозначных явлений в русской духовной культуре начала XX в. был символизм.

Более или менее резкий отказ первых «декадентов» — Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Н. М. Минского, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба и других — от непосредственно предшествовавшей им литературной традиции, от идейного наследия народничества, а также провозглашенный ими протест против господствовавших вкусов буржуазной публики (сопровождавшийся порой эпатажем) — все это закрывало перед символистами двери почти всех периодических изданий, не говоря уже о солидных книгоиздательских фирмах. Книги же, изданные небольшими тиражами (преимущественно за собственный счет), выхо-

дившие в скромном, непритязательном оформлении¹, были обречены затеряться в огромной массе разнообразной безликой продукции, выбрасываемой в это время на книжный рынок России.

Единственным выходом из сложившейся ситуации для формирующейся литературной школы была организация собственных, независимых книгоиздательств и журналов, в которых завершилась бы консолидация новых литературных сил. Осенью 1899 г. кружок литераторов-символистов в Москве создал книгоиздательство «Скорпион», которое сыграло главную роль в объединении сил «нового искусства».

«Скорпион» стал первым и наиболее совершенным книгоиздательским предприятием нового для России типа. Финансировался он щедрым московским промышленником С. А. Поляковым, высококультурным меценатом, переводчиком и знатоком европейских языков и литератур, фактическим же руководителем и идейным лидером был В. Я. Брюсов. Новизна издательской политики «Скорпиона» заклю-

¹ Напр., первые книги К. Д. Бальмонта «Сборник стихотворений» (Ярославль, 1890), В. Я. Брюсова «Chefs d'oeuvre» (М., 1895) и Ф. К. Сологуба «Стихи. Книга первая» (СПб., 1896).

чалась не столько в его некоммерческом характере, сколько в том пафосе пропаганды «нового искусства», которое стало идейным знаменем всех его сотрудников: В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, Ю. К. Балтрушайтиса и др. Репертуар его был, в первую очередь, средством выражения идейной программы оформляющейся литературной школы символизма. Ориентация Брюсова и Полякова на высшие достижения европейской книжности сказалась не только на выборе авторов и произведений, но и на облике «скорпионовской» книги, которая, в свою очередь, стала эталоном для всех последующих символистских изданий и оказала влияние на оформление книжной продукции коммерческих фирм².

Книгоиздательство «Гриф» (Москва, 1903—1915), не являясь ни союзником, ни серьезным идейным противником «Скорпиона», выполняло ту же функцию пропагандиста «нового искусства», более прямолинейно используя в книгтворчестве стилистические приемы своего предшественника. Появление этого издательства знаменовало развитие символистского направления вширь, но руководитель «Грифа», присяжный поверенный С. А. Соколов, подписывавший свои дилетантские стихи псевдонимом «Сергей Кречетов», не мог претендовать на роль

идейного вождя и мэтра литературного течения³.

Процесс роста как предложения, так и спроса на модернистскую книгу, катализатором которого явился в начале своей деятельности сам «Скорпион», быстро вышел из-под контроля идеологов литературной школы. Этому способствовал целый ряд взаимосвязанных факторов, обусловленных и идейно-эстетическими принципами символизма, и буржуазной природой книгоиздательского дела и всей массовой культуры начала XX в.

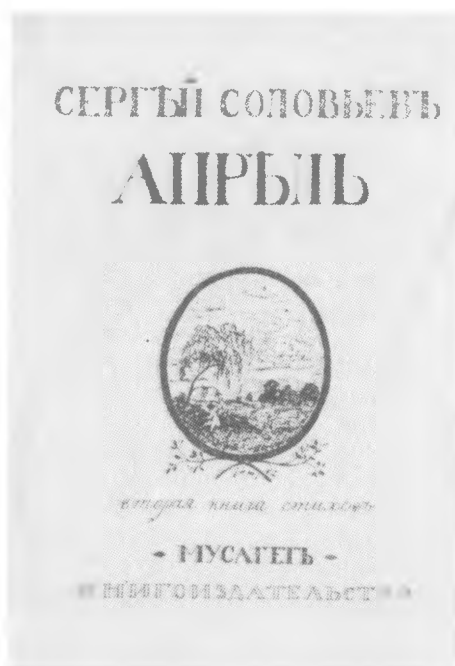
Во-первых, начальный этап объединения сторонников «нового искусства», который во многом определялся импульсом со стороны общеевропейского модернизма, закончился в годы первой русской революции.

Он сменился периодом выявления, развешивания и борьбы многосложных философских, религиозных и даже политических идей, порождением которых был символизм на русской почве. Именно нежелание ограничить задачи творчества, поэзии только рамками литературной школы привело к расколу внутри символистского лагеря, выделению различных кружков, группировок, создававших собственные издательства.

Во-вторых, символизм (как всякая литературная школа) породил массу эпигонов, вульгаризировавших его творческие достижения применительно ко вкусам широкой публики. Произведения эклектиков реализма и символизма, подражателей стилю «модерн» охотно принима-

² Об истории создания и деятельности издательства «Скорпион», а также об оформлении лучших скорпионовских изданий см.: Котрелев Н. В. Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 68—133; Его же. Писатель и искусство книги: (По неизданной переписке авторов издательства «Скорпион») // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тез. докл. Второй всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция искусства кн. М., 1974. С. 41—44.

³ Московскому книгоиздательству «Гриф» были посвящены доклады Н. В. Котрелева на Смирдинских чтениях в Ленинграде (1—2 ноября 1978 г.) и на 253-м заседании Секции книги Московского Дома ученых АН СССР (13 февраля 1979 г.), в настоящее время подготовленные к печати.

Сергей Соловьев. Апрель. М., 1910.
Обложка. Первая книга «Мусажета»

лись коммерческими издательствами, некоторые из них начали эксплуатировать (особенно в период реакции после революции 1905—1907 гг.) моду на символизм и публиковали произведения наиболее признанных мэтров школы. Лидеры «нового искусства» с тревогой следили за приметами растущей «коммерциализации» символистской книги. По их мнению, противостоять этому явлению могли только новые издательские начинания.

Обе эти причины объясняют возникновение новых символистских издательств: «Оры» (С.-Петербург, 1907—1913), «Альциона» (Москва, 1910—1923), «Мусажет» (Москва, 1909—1917) и некоторых других.

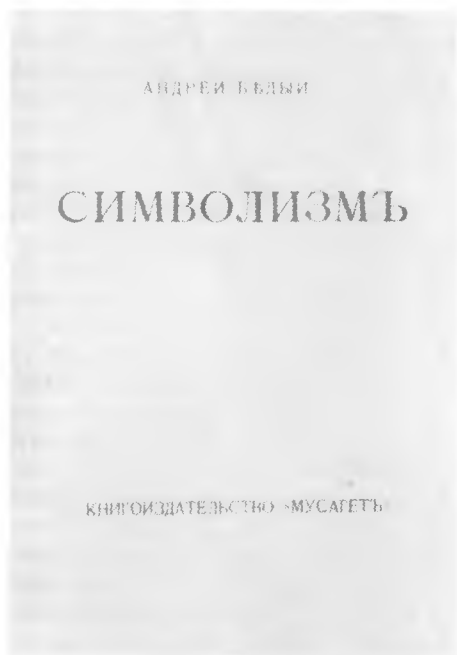
Мы остановимся на деятельности книгоиздательства «Мусажет», организованного в 1909 г. музыкальным и литературным критиком Э. К.

Метнером⁴. Основателями и ближайшими сотрудниками издательства были поэты Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) и Эллис (Л. Л. Кобылинский), а также литераторы и переводчики А. С. Петровский и М. И. Сизов, единомышленники Метнера, Белого и Эллиса по кружку «аргонавтов»⁵; в 1911—1912 гг. секретарем «Мусажета» работал А. М. Кожебаткин, затем его сменил В. Ф. Ахрамович и, наконец, Н. П. Киселев (впоследствии выдающийся советский книговед). Среди авторов «Мусажета» особое место занимали А. А. Блок и Вяч. И. Иванов: оба поэта находили в программе издательства некоторые положения, совпадающие с их творческими задачами, но не разделяли ее полностью. Организация «Мусажета» была последней серьезной попыткой консолидации сил символистов накануне возникновения новых модернистских течений.

Анализ книгоиздательской практики «Мусажета» позволяет раскрыть механизм работы символистского издательства, соотношение между культурной «стратегией» его лидеров и литературно-издательской «тактикой», воплощенной в отборе произведений для публикации, прояснить финансовую и тех-

⁴ Деятельность «Мусажета» в связи с выпуском журнала «Труды и дни» освещена в статье: Лавров А. В. «Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 191—211. См. также: Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С. Блок между «Мусажетом» и «Сирином» // Блоковский сб. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 385—397; Чарушникова М. В. Письма А. Блока Н. П. Киселеву // Зап. отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1987. Вып. 46. С. 220—230.

⁵ См.: Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 137—170.

Андрей Белый. Символизм. М., 1910. Обложка и фронтиспис с дарственной надписью автора издателю С. А. Полякову

ническую стороны книгоиздания художественной литературы на некоммерческой основе; благодаря тому, что архивы «Мусагета» и его руководителя Э. К. Метнера сохранились почти полностью, можно реконструировать историю издательства и определить его роль в русской книжной культуре начала XX века.

Мысль об организации журнала и книгоиздательства под названием «Культура» возникла у Э. К. Метнера еще в 1907 г., причем издание книг представлялось ему лишь подспорьем для журнальной деятельности. В письме к Эллису Метнер называл в качестве возможной финансовой системы всего предприятия М. К. Морозову, намечал выпуск двух-трех хороших книг, оригинальных или переводных; говорил о том, что можно было бы издавать и «рассуждения, и стихи, и изящную про-

зу. Хорошо бы начать с какого-н. <ибудь> сочинения о культуре в нашем новом синтетическом смысле»⁶. Он также предлагал издавать Данте, Гете, Горація, Аристотеля, Петрарку, афоризмы Ницше, Вагнера, Новалиса, привлечь Валерия Брюсова, который, по словам Метнера, единственный из современников мог бы написать «Поэтику», Александра Бенуа, Георгия Конюса. Уже в этот момент он планировал форму предполагаемых изданий (разбивать книги на 1—3 выпуска), их объем (5—7 листов, то есть 80—112 страниц) и формат (в восьмую часть малого листа, длиной с обыкновенный карандаш,

⁶ Метнер Э. К. Письмо к Л. Л. Кобылинскому (Эллису) от 14, 15 апреля 1907 г. <Копия, написанная Метнером через копировальную бумагу> // ГБЛ, ф. 167. к. 6. ед. 4, л. 2.

почти квадратные пропорции)⁷. Следует заметить, что практически ни один из замыслов 1907 г., относящихся как к репертуару, так и к форме изданий, не был воплощен в «Мусагете» (за исключением выпуска нескольких сборников стихотворений в вышеупомянутом формате).

Замысел нового издательства продолжал волновать Э. К. Метнера и его единомышленников и в следующем году. 4 февраля 1908 г. состоялась их первая встреча с предполагаемой финансисткой М. К. Морозовой для обсуждения вопроса о книгоиздательстве. Обсуждение потерпело неудачу, очевидно, из-за того, что Морозова сомневалась в дееспособности редакции в ее предполагаемом составе; в письме Э. К. Метнера к М. К. Морозовой от 5 февраля 1908 г. будущий редактор уверял, что «Рачинский, Петровский, Эллис, Бугаев — несмотря на разность индивидуальностей и устремлений — могут и должны работать дружно»⁸, предлагал созвать новую конференцию. Трудность, по словам Метнера, состояла в том, чтобы «найти человека, который бескорыстно, не руководимый ни тщеславием, ни корыстолюбием, ни авторским самолюбием, ни, наконец, желанием пропагандировать политические убеждения своей партии, согласился бы содействовать литературному предприятию, единственная цель которого культура, воздвижение статуй (пусть даже идолов) культуры существующей и чужой для облегчения исканий культуры своей и будущей, которая (разумеется, в от-

даленном будущем) должна определять социально-политический строй, а не определяться им»⁹. Последнее заявление Метнера о роли культуры в обществе вполне смыкалось с философско-эстетическими взглядами младших символистов («аргонавтов», «мистических анархистов»), ждавших от искусства современной эпохи преобразования всего жизненного уклада России.

Свои представления о принципах деятельности и издательской политике высказывал и Эллис; в письме к Э. К. Метнеру, которое относится, очевидно, к концу 1909 г., он сформулировал свой «Краткий план» работы «Мусагета»:

«1) Перевод европейских писателей, по возможности современных, т. е. одного с нами века или полстолетия.

2) Преимущественно художников перед критиками.

3) Но прозаиков перед поэтами.

4) Писателей классических, т. е. создавших свой оригинальный стиль и не заимствовавших основные идеи своих творений.

5) Преимущественно не-реалистов.

6) Проведение строгой идеи самоцельности и автономности искусства (при выборе).

7) Избегать очень небольших, а также очень длинных произведений (лучше среднего объема 15—20 печ. листов).

8) Тщательно избегать вещей, носящих пророческий или проповеднический характер.

9) Предпочтение аристократическому стилю (в смысле *sensations gages*) перед вульгарным.

<...>

12) Меньше полемики»¹⁰.

Далее он перечислил авторов (Ш. Бодлер, Э. По, Ф. Ницше,

⁷ См. указ. письмо, а также: Метнер Э. К. Письмо к Л. Л. Кобылинскому (Эллису) от 22, 23 апреля 1907 г. <Копия> // Там же, ед. 5, л. 1.

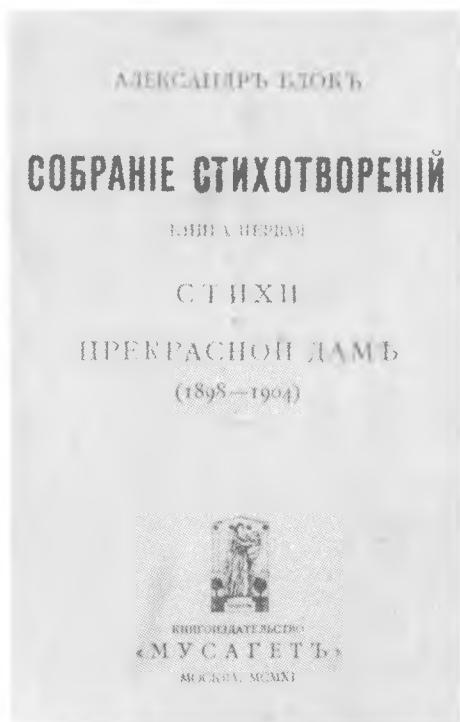
⁸ Там же, ф. 171, к. 1, ед. 52а, л. 26—26 об.

⁹ Там же, л. 28 — 28 об.

¹⁰ Там же, ф. 167, к. 7, ед. 28, л. 1.

И. В. Гете и др.) и произведения, которые необходимо в первую очередь печатать в «Мусагете». Не все пункты программы Эллиса были приняты издателем, но очевидно, что она оказала заметное влияние на самобытное лицо издательства.

Новое издательство начало свою финансовую деятельность с 1 октября 1909 г. В письме к финансистке издательства Ядвиге Фридрих (Hedvig Friedrich) от 5 октября 1909 г. редактор-издатель сообщал, что на заседании редакции было решено (по желанию Метнера) назвать его «Мусагетом» в честь Аполлона — водителя муз. Значение этого названия, объяснял Метнер, двойственно: 1) противопоставить царящему в современном искусстве дионисизму принцип гармонического аполлонизма; 2) показать, что издательство принимает все девять муз, включая музу науки, понимаемой артистически, как культурная сила. Предполагалось, что «Мусагет» будет издавать 10—12 книг в год, из них половина — оригинальные, другая — переводы; 6—8 сборников под общим названием «Искусство и мировоззрение»; 10—12 небольших выпусков-обзоров под названием «Хроника „Мусагета“», где будет вестись полемика, помещаться рецензии и материалы на злобу дня; эти выпуски станут приложениями к сборникам и изданиям «Мусагета»¹¹. (План выпуска сборников не осуществился, не издавалась также и хроника «Мусагета»). Из того же письма ясно, что в первый год на все операции издательства финансистка выделила 22 тыс. р.¹² Еще 1 тыс. р. издательница выплачивала Э. К. Метнеру сверх официально установленного редакторского жалованья. Через месяц в письме от 1 ноября

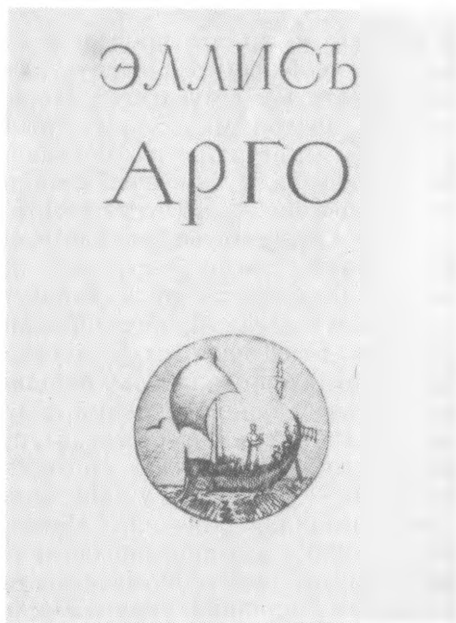
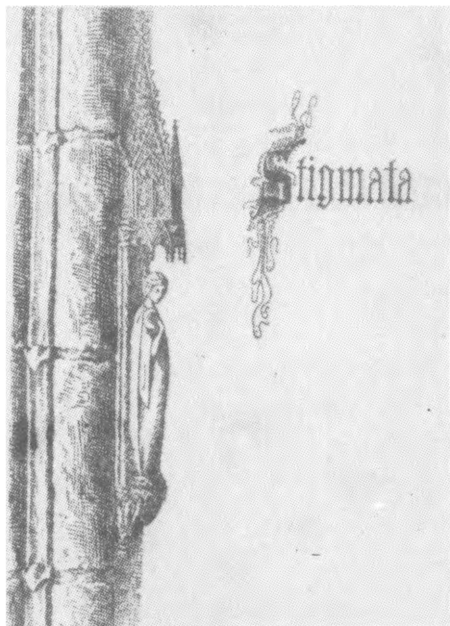
Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга первая. М., 1911. Обложка

он сообщал издательнице о плане издавать среди прочего русское отделение «Логоса» (международный философский журнал) и просил разрешения заключить двухлетний контракт с его организаторами, Ф. А. Степнуном и С. И. Гессеном, учениками знаменитого философа Г. Риккерта¹³. Роль «Логоса», по словам Метнера, заключалась в том, что с его помощью подчеркивалась связь издательства с немецкой культурой, становилось возможным переводить и публиковать философские работы Б. Н. Бугаева (Андрея Белого) за границей; особенно важным Метнер считал то, что издание философского журнала будет свидетельствовать об общекультур-

¹¹ См.: Там же, к. 24, ед. 35, л. 4 — 4 об.

¹² См.: Там же, л. 5.

¹³ См.: Там же, л. 12 об.

Эллис (псевд. Л. Л. Кобылинского). «Stigmata» (1911) и «Арго» (1914). Обложки

ных, а не только узколитературных (как «Весы» и «Золотое руно») целях издательства, которое уже невозможно будет обвинить в эпигонстве по отношению к «декадентам» (ибо в «Логосе» должны были участвовать и профессора)¹⁴.

Предполагалось, что первой книгой «Мусагета» станет сборник статей Андрея Белого «Символизм», но издание задерживалось (из-за болезни автора, как сообщал Э. К. Метнер издательнице), и новое издательство, несмотря на все нежелание редактора начинать с книг какого-либо другого, кроме Андрея Белого, писателя, дебютировало в конце февраля — начале марта 1910 г. сборником стихов С. М. Соловьева «Апрель» (см.: Приложение, № 35); программный сборник ведущего теоретика «Мусагета» вышел через 2 месяца (см.: Приложение, № 3).

Андрей Белый, который, по замыслу преклонявшегося перед его талантом Э. К. Метнера, должен был стать основным автором и сотрудником издательства, действительно сыграл в его судьбе центральную роль. Эта роль была весьма неоднозначна: взаимоотношения Белого и «Мусагета» отразили в своем развитии всю сложность положения символистского издательства в период распада литературной школы.

Первоначальные сомнения Андрея Белого в осуществимости задуманного предприятия и интерес к нему¹⁵ сменились бурным воодушевлением; в письме к Метнеру он уточнял финансовое положение издательства, намечал сроки выхода, тираж и объем журнала, распреде-

¹⁵ См.: Андрей Белый. Письмо к Э. К. Метнеру от 31 мая 1909 г. // Там же, к. 2, ед. 2, л. 1; То же от <августа 1909 г.> // Там же, ед. 3, л. 1.

¹⁴ См.: Там же, л. 13.

лял обязанности между сотрудниками, обговаривал детали оформления изданий, составлял программу издательства и т. п.; в порыве энтузиазма он предложил озадаченному Метнеру необычайно обширный список сотрудников, куда включил чуть ли не всех литераторов, критиков, философов и ученых, причастных (в его понимании) к строительству современной культуры; название журнала — «Мусагет» — не вполне устроило Белого, и он предложил свое — «Мнемозина» (акцентируя связь с прошлым, с альманашным периодом развития русской литературы в начале XIX в., что характерно для всей символистской книжности)¹⁶.

В следующем письме Андрей Белый сформулировал мысль, весьма важную для характеристики «Мусагета» как «ангажированного» символистского издательства: «<...> Если издательство связано с журналом, то выпуск книг до журнала как бы программно <...>»¹⁷. Поэтому он и предлагал печатать в первую очередь сборник своих теоретических статей «Арабески» и книгу Вольфинга (псевдоним Э. К. Метнера) «Модернизм и музыка», а также перевод Рюисбрека (Рэйсбрука)¹⁸, но отложить книгу Бодлера в переводе Эллиса. «Ведь Бодлера печатают и всякие „Саблины“, „Скирмунты“: ведь Бодлер — товар, а не программа; новое, идейное издательство „начинает“ с уже дважды печатавшегося на русском языке Бодлера!!!» — негодовал Белый¹⁹. В качестве компромиссного решения он совето-

Вольфинг (псевд. Э. К. Метнера). Модернизм и музыка. М., 1912. Обложка

вал печатать книгу без марки издательства.

В этой связи примечательно сходное высказывание еще одного близкого сотрудника «Мусагета», переводчика А. С. Петровского, прозвучавшее в письме к Э. К. Метнеру (по поводу перевода книги некоего Гримма): «Познакомившись с книгой Гримма, я пришел к заключению, что она не под статью Мусагету. Если издавать переводные книги, то лишь такие, которые могут быть названы единственными в своем роде, а книга Гримма вряд ли из них»²⁰. В самом деле, переводы, выполненные сотрудниками «Мусагета», практикующие не дублируют переводов, вышедших в других русских издательствах, а некоторые из них являются единственными переводами на русский язык и до настоящего времени не потеряли своего научного значения.

¹⁶ См.: То же от <конца августа — начала сентября 1909 г.> // Там же, ед. 4.

¹⁷ Андрей Белый. Письмо к Э. К. Метнеру от <середины сентября 1909 г.> // Там же, ед. 5, л. 3.

¹⁸ См.: Приложение, № 2, 26, 30.

¹⁹ ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. 5, л. 3 об.

²⁰ Петровский А. С. Письмо к Э. К. Метнеру от 26 сентября 1910 г. // Там же, к. 14, ед. 35, л. 6.

Отметим, что переводы Эллиса все же были изданы в числе первых книг «Мусажета»²¹, но, как впоследствии оправдывался Э. К. Метнер, не по коммерческим, а по тактическим соображениям: Эллис был одним из основателей издательства.

Редактор также значительно сузил круг сотрудников²²; стремясь устранить из мусажетской практики дилетантизм и стихийность, он разработал проект «Домашних правил книгоиздательства „Мусажет“», в которых определялись состав, права и обязанности членов редакции и должностных лиц, функции совета, хозяйственной комиссии, общего собрания и т. д.²³ Однако никакие «правила» не могли регламентировать духовных исканий (подчас — метаний) ведущих сотрудников издательства; их личные качества (непредсказуемость поступков и анархия душевных движений Андрея Белого, «фантастичность», беспомощность в практических делах Эллиса) усугубляли сложность положения. Уже осенью 1910 г. редактора охватили сомнения в состоятельности и дееспособности издательского коллектива (тревога Метнера была вызвана также финансовыми затруднениями, которые сопровождали работу «Мусажета» все годы его существования). Андрей Белый, стремясь рассеять пессимистические настроения друга, обрисовал ему в обширном письме положение «Мусажета» в весьма благоприятном свете; он утверждал, со свойственным ему лихорадочным энтузиазмом, что

«Мусажет» за полгода своего существования стал уже влиятельнее «Скорпиона» и в следующем году может оказаться на гребне успеха²⁴. Главным условием этого успеха он считал возвращение Метнера из-за границы и его фактическое руководство делами издательства. Он полагал, что присутствие Метнера необходимо для решения таких неотложных вопросов, как разработка программы издания на 1910—1911 гг., сближение с «Логосом», примат книг или теоретических сборников, позиция в отношении «Аполлона», «Скорпиона», издательства М. К. Морозовой и других, лекции от «Мусажета». Белый с восторгом воспринимал слияние «Мусажета» с «Логосом», участие в делах издательства А. М. Кожебаткина (которого впоследствии стал считать чуть ли не главным виновником неудач «Мусажета»). Оптимистичен его взгляд и на финансовые возможности и сбыт изданий «Мусажета». «Кожебаткин, — писал Андрей Белый, — мечтает о соединении Скорпиона — Мусажета и Изд-ства Морозовой в деле книжного распространения»²⁵.

Но главная мысль Белого — превращение «Мусажета» в общественное явление. Он убеждал Метнера: «Вы скажете: „Мусажет прежде всего убежище для Метнера, Эллиса, Белого“, а вот вышло, что убежище с каждым днем есть все более лозунг (фактически уже „Мусажет“ — клуб, где бывают философы, художники и т. д., то есть место завязывания новых идейных узлов, общений, планов и т. д.»²⁶. Несмотря на присущую Андрею Белому

²¹ См.: Приложение, № 16.

²² См.: Метнер Э. К. Список «ближайших сотрудников» и авторов двухмесячника «Труды и дни» книгоиздательства «Мусажет». 1909 г. // ГБЛ, ф. 167, к. 17, ед. 21.

²³ См.: Метнер Э. К. Домашние правила кн-ва «Мусажет» — проект. 1909 г. // Там же, ед. 23.

²⁴ См.: Андрей Белый. Письмо к Э. К. Метнеру от 1, 2 октября 1910 г. // Там же, к. 2, ед. 18, л. 2 об. — 3 об. и далее.

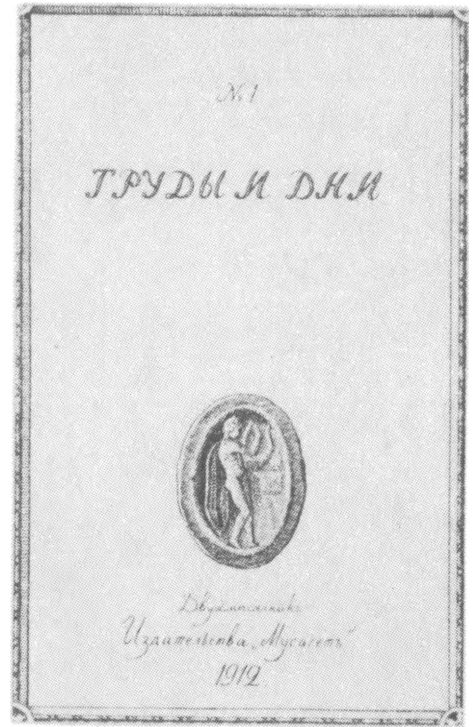
²⁵ Там же, л. 6.

²⁶ Там же, л. 5 об.

склонность к преувеличению (в каждом объединении единомышленников поэт-«аргонавт» видел ячейку грядущего обновленного мира), его отношение к издательству как символу, лозунгу, а не только средству, очень характерно для всего литературного направления.

В дальнейшем отношения Андрея Белого с «Мусагетом», с его редактором Э. К. Метнером и Эллисом стали резко драматизироваться. Поездка Белого за границу, крупные авансы и долг издательству, недовольство издательской политикой «Мусагета» (в частности, выпуском «Антологии», некоторых других изданий), возникшая острая неприязнь к А. М. Кожебаткину — все это обострило отношения между ведущим сотрудником и редактором издательства. Их переписка стала наполняться необычайно тягостными объяснениями, упреками и взаимными обвинениями в измене делу «Мусагета». Уже летом 1911 г. Белый спрашивал, входит ли он все еще в число сотрудников «Мусагета», нужен ли он издательству, которое, по его мнению, потеряло свою идейную линию²⁷.

В ответном письме возмущенный редактор, отводя упреки Белого, наряду с разъяснением конкретных тактических ходов «Мусагета» (издание Бодлера в переводе Эллиса, сборника стихов Гиппиус, «Антологии»), а также причин неуспеха сборников статей Белого «Арабески» и «Символизм» развернул подробную картину идейной и культурной стратегии и тактики издательства. «В противоположность журналу, — писал Э. К. Метнер, — книгоиздательство обнаруживает свою идею чрезвычайно медленно, почему об этой идее судить можно часто

Труды и дни. 1912, № 1. Обложка журнала

лишь после прекращения издательства. Мусагет, устраивая в стенах редакции и у дружественного Крахта²⁸ лекции и собеседования, заключая союз с Логосом²⁹, выделяя издания Орфей³⁰ (вспомните борьбу по этому поводу с Вячеславом³¹ и Ваше колебание между моим и его планом), вступая в блок с Блоком, отмежевываясь от Мережковских, не делая их в то же время своими врагами (издание стихов Гиппиус)³², аннексируя творчество

²⁸ Скульптор К. Ф. Крахт — основатель кружка «Молодой Мусагет».

²⁹ Международный философский сборник, выходявший в «Мусагете» в 1910—1913 гг.

³⁰ Серия философских и мистико-религиозных изданий «Мусагета».

³¹ Имеется в виду В. И. Иванов.

³² См.: Приложение, № 22.

²⁷ См.: Андрей Белый. Письмо к Э. К. Метнеру от 17 июня 1911 г. (п. шт.) // Там же, ед. 43.

Цветочки святого Франциска Ассизского.
М., 1913. Титульный лист

Вячеслава, устраняя в то же время деспотическое влияние его на общий характер издательства, объединяя лиц, связанных в ином высшем плане, подводя итоги символистической идеологии минувшего периода (Символизм. Арабески. Русские Символисты³³), намечая в публичных заседаниях рел.<игиозно>-фил.<ософского> общ.<ества>³⁴, филос.<офского> кружка³⁵, лит.<ературно>-худ.<оже-

ственного> кружка общ.<ества> эстетики³⁶ позиции философскую, художественную, литературную главных своих членов, делая все это, Мусажет показал, что он не только книгоиздательство, но и общественная единица, хотя и очень небольшая. Таков официальный мог бы быть отчет о деятельности Мусажета. Что он отвечает в весьма большой мере истинному положению дела, об этом свидетельствует несомненный моральный авторитет, которым Мусажет пользуется почти у всех литературных групп и толков, не исключая и части журналистов»³⁷.

Далее Метнер подчеркивал важность сплоченности строителей новой культуры, в которых продолжает жить дух гениев прошлого: «Да! Мы идем от лиц, как живых носителей идеи, а не от отвлекенной идеи; мы идем от лиц, образующих наш мусажетский кружок, и от великих умерших, являющихся как бы патронами членов этого кружка; Гете, Данте, Ницше, Пушкин, Гоголь, Владимир Соловьев, Фет, Новалис, Бёме, Гераклит, Вагнер, Мейстер Эккарт, Винчи, Бетховен, Бах, Моцарт, Врубель, Кант, Шлегель, Шеллинг; лучи мысли, идущие от этих великих мертвецов, проходят через живых: Андрея Белого, Эллы, Вячеслава Иванова, Садовского, Нилендера, Вольфинга, Петровского, Блока, Сабашникову, Яковенко, Степпуна и т. д.»³⁸ Интересно отметить, что среди духовных предшественников мусажетцев не назван ни один француз, отсут-

³³ См.: Приложение, № 3, 2, 42 соответственно.

³⁴ Религиозно-философское общество (1907 — 1915 гг.) продолжило программу «Религиозно-философских собраний» (1901 — 1903 гг.) в Петербурге: «сближение интеллигенции с церковью».

³⁵ Существовал при «Мусажете» и издательстве М. К. Морозовой.

³⁶ Общество свободной эстетики — клуб ревнителей «нового искусства», образовавшийся в 1906 г. при Московском Литературно-художественном кружке и руководимый В. Я. Брюсовым.

³⁷ Метнер Э. К. Письмо к Б. Н. Бугаеву (Андрею Белому) от 26 июня 1911 г. <Копия> // ГБЛ, ф. 167, к. 5, ед. 24, л. 2.

³⁸ Там же, л. 4 об.

стует также ссылка на близких по духу современных зарубежных художников-символистов; в этом главное отличие мусагетского направления от скорпионовской ориентации на романскую культуру, на европейских модернистов.

Одной из причин разлада в «Мусагете» были расхождения его сотрудников в религиозно-философских вопросах. В 1911 г. Эллис, а за ним — в 1912 г. — и Андрей Белый стали фанатичными приверженцами антропософского учения Рудольфа Штейнера. Их стремление превратить «Мусагет» и журнал «Труды и дни» в органы новообретенной религии встретило непримиримый отпор Э. К. Метнера. Свой взгляд на отношение религии к культуре в связи с задачами культурного издательства он категорично выразил в письме к Эллису: «<...> Мусагет навсегда останется литературным органом культуры и никогда не станет прозелитистским органом оккультизма; без религии немислима культура, но насильно объединять всех членов „Мусагета“ в одну религиозную общину и проповедовать религиозное делание я никогда не позволю»³⁹. Помимо отворачивания к оккультизму штейнерианского толка и сектантству, Метнером руководила и тревога за талант Андрея Белого, более того — беспокойство за его душевное здоровье. Поэт находился в тяжелом психологическом кризисе, отдавал все время и силы занятиям по системе Штейнера и, как видно из его переписки с Метнером в 1912—1913 гг., был близок к нервному расстройству на религиозной почве.

Тем временем на положении дел «Мусагета» разрушительно сказывались

³⁹ Метнер Э. К. Письмо к Л. Л. Кобылинскому (Эллису) от 3 декабря 1911 г. <Копия> // Там же, к. 6, ед. 22, л. 3.

РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ ВИБЕЛУНГИ

Рихард Вагнер. Вибелунги. М., 1913.
Обложка

вались не только идейная полемика, но и долгие отлучки за границу сотрудников и самого редактора. Секретарь «Мусагета» А. М. Кожебаткин, на которого легла вся текущая работа по подготовке изданий, допускал, по мнению сотрудников, промахи в издании и оформлении книг⁴⁰. В декабре 1911 г. в письме к Эллису Метнер предложил заменить А. М. Кожебаткина В. Ф. Ахрамовичем, предварительно заслушав отчет секретаря за 2 $\frac{1}{3}$ года деятельности издательства⁴¹. Анд-

⁴⁰ См., например: Метнер Э. К. Письмо к А. М. Кожебаткину от 17 (30 н. ст.) сентября 1911 г. // Там же, к. 24, ед. 13, л. 5 — 5 об. (о просчетах в оформлении издания: Мейстер Экхарт. Проповеди и рассуждения).

⁴¹ См.: Метнер Э. К. Письмо к Л. Л. Кобылинскому (Эллису) от 13 (26 н. ст.) декабря 1911 г. // Там же, к. 6, ед. 23, л. 1 об.

рей Белый, уже сменивший к тому времени свое восхищение энергичным секретарем на глубокую неприязнь (помимо других мотивов, здесь сыграла роль небрежность Кожебаткина в высылке денег во время африканского путешествия поэта с супругой), еще ранее согласился на его удаление⁴². После отставки Кожебаткина выяснилось, что он запутал расчеты издательства с типографией «Русского товарищества», утверждая там, будто «Мусагета» и «Альциона» — одно издательство⁴³; неплатежеспособность Кожебаткина нанесла издательству, нуждавшемуся в кредите, существенный материальный ущерб, который ощущался на протяжении ряда последующих лет⁴⁴.

Не спасло положения и назначение в начале 1912 г. на должность секретаря издательства В. Ф. Ахрамовича. К середине 1913 г. выяснилась его некомпетентность и недостаточная работоспособность; к осени 1913 г. в издательстве накопилось несколько рукописей, не сданных в печать, либо застрявших в типографии. После тягостных объяснений с редактором В. Ф. Ахрамович решил уйти из «Мусагета»⁴⁵, а на его место в октябре 1913 г. был назначен Н. П. Киселев, по словам Э. К. Метнера, «идеальный секретарь»⁴⁶. Измученный раздорами, беспорядком и неудачами, гла-

ва «Мусагета» в раздражении заявил Эллису: «Некот. <орые> недостатки Мусагета неискоренимы, ибо Мусагет — русское книгоиздательство...»⁴⁷

Этой же осенью прозвучало первое предложение свернуть деятельность «Мусагета». А. С. Петровский в письме к редактору-издателю от 3 сентября 1913 г., трезво оценивая положение издательства и перспективы его дальнейшего существования, писал: «Я думаю, лучше будет сдать кому-нибудь весь наш склад, сложив с себя всякую заботу о распространении, а вместе с тем и всю массу накладных расходов, а на приход издавать без особого шума (знамен, редакций, центров и пр.) немного, что нам нужно. Тысячи три будем вырабатывать, а на это можно издать не мало, если не будет посторонних расходов. Я пишу это на худой конец»⁴⁸. В сущности, главе «Мусагета» ничего не оставалось, как последовать этому совету, так как и без того к этому времени редакция как идеологический центр прекратила свое существование.

Финансы некоммерческого, «идейного» книгоиздательства, целиком зависящего от субсидий меценатов (с осени 1910 г. они сократились до 15 000 р. в год, а в дальнейшем, по-видимому, до 10 000 р. в год)⁴⁹, а не от прибыли с продажи книг⁵⁰, были подорваны неоправданными авансами, которые получали из его кассы ведущие сотрудники «Мусагета» — Андрей Белый и Эллис. Так, в 1914 г., когда окончательно были прерваны отношения Андрея

⁴² См.: Андрей Белый. Письмо к Э. К. Метнеру от 5 декабря 1911 г. // Там же, к. 2, ед. 50.

⁴³ См.: Киселев Н. П. Письмо к Э. К. Метнеру от 5 (18 н. ст.) сентября 1913 г. // Там же, к. 14, ед. 18.

⁴⁴ См.: Метнер Э. К. Письмо к В. В. Пашуканису от 5 мая 1915 г. // Там же, к. 13, ед. 13, л. 9 — 10.

⁴⁵ См.: Ахрамович В. Ф. Письмо к Э. К. Метнеру от 5 августа 1913 г. // Там же, ед. 16, л. 13 — 13 об.

⁴⁶ Метнер Э. К. Письмо к Л. Л. Кобылинскому (Эллису) от 6 (19 н. ст.) октября 1913 г. // Там же, к. 6, ед. 24, л. 2.

⁴⁷ Там же, л. 3.

⁴⁸ Там же, к. 14, ед. 35, л. 23 об.

⁴⁹ См.: Метнер Э. К. Письмо к А. М. Кожебаткину от 17 августа 1910 г. // Там же, к. 24, ед. 13, л. 1 — 2.

⁵⁰ В том же письме Э. К. Метнер говорит, что доходы с изданий он считает лишь счастливой случайностью. См.: Там же, л. 2.

Белого с издательством, долг автора составлял внушительную (по масштабам предприятия) сумму — 3631 р. 50 к.⁵¹; за Эллисом же еще в конце 1911 г. числилось около 1500 р. долга. Авансы за перевод и составление не вышедших по разным причинам изданий получали и остальные сотрудники: Н. П. Киселев, Ф. А. Степпун и др.⁵² Редактирование, печатание, оформление и бумага также обходились издательству, стремившемуся к высокому качеству своих изданий, в крупные суммы. Чтобы наглядно представить, насколько убыточно было это издательское предприятие, приведем пример. За печатание 1000 экз. сборника статей Андрея Белого «Символизм» было уплачено: типографии — 1191 р. 76 к.; за бумагу для книги — 423 р. 05 к.; за бумагу для обложки — 14 р.; за клише для книги — 47 р. 18 к.; за проект рисунка обложки — 15 р.; гонорар автора составил 600 р.; итого 2290 р. 99 к.⁵³ При цене одного экземпляра в 3 р. и 40%-й скидке книгопродавцам продажная цена всего тиража составляла 1800 р., так что расходы не окупались бы даже при полной его распродаже. К 1 января 1912 г. было распродано лишь 247 экз. этого издания, вышедшего в свет в конце апреля — начале мая 1910 г.⁵⁴ Плохо расходились и другие издания «Мусагета», рассчитанные на довольно узкий круг высококультурных читателей.

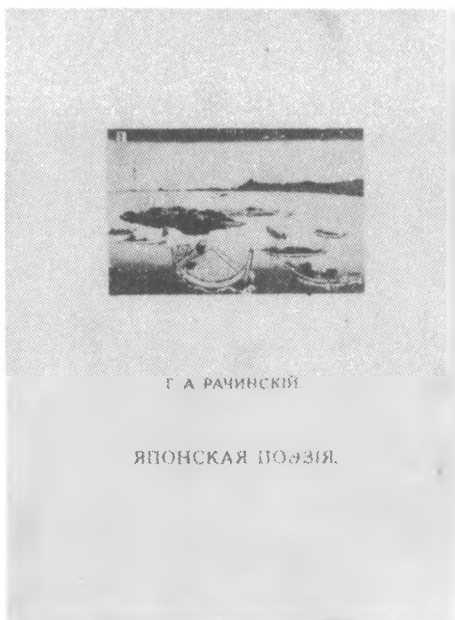
В письме к М. К. Морозовой от 13 ноября 1914 г. редактор-издатель

⁵¹ См.: Метнер Э. К. Письмо к Андрею Белому от 4 (17 н. ст.) января 1914 г. <Копия> // Там же, к. 5, ед. 31.

⁵² См.: Счета, гонорарные ведомости и др. финансовые документы кн-ва «Мусагет». 1909 — 1913 гг. // Там же, к. 17, ед. 19, л. 4.

⁵³ Там же, л. 10.

⁵⁴ Там же, л. 27 об.

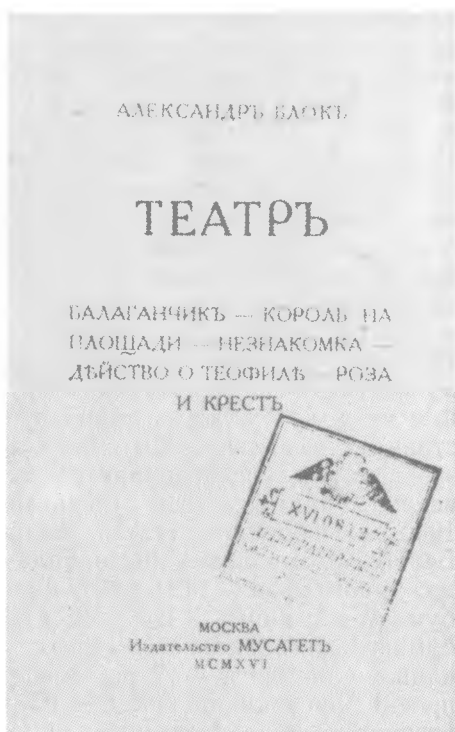
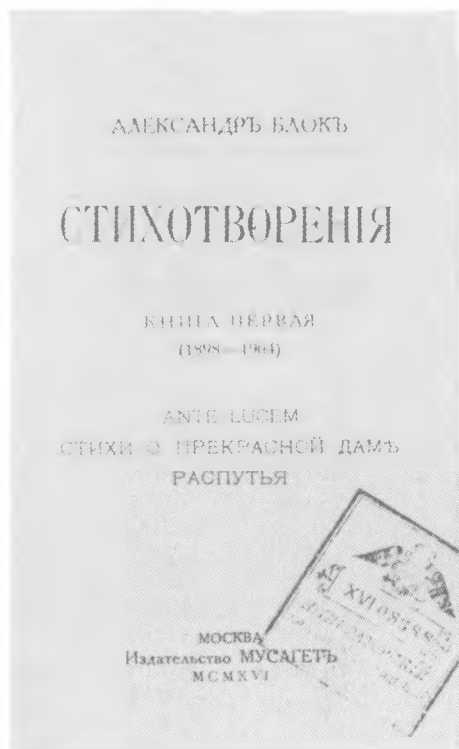

Г. А. Рачинский. Японская поэзия. М., 1914. Обложка

признавал, что «Мусагет оказался лишним, не то запоздавшим, не то слишком поторопившимся явлением»⁵⁵.

Первая мировая война нанесла последний удар по издательству. По инерции оно выпустило еще несколько книг, но трудности с бумагой, вздорожание стоимости печатания, отсутствие редактора (Э. К. Метнера война застала в Цюрихе, где он и проживал практически до конца своей жизни) сделали невозможным продолжение нормальной издательской деятельности «Мусагета», растерявшего к тому же основных своих «идейных вождей» и наиболее ценных сотрудников. В 1915 г. Э. К. Метнер получил предложение В. В. Пашуканиса, занимавшегося в то время делами «Мусагета», реорганизовать изда-

⁵⁵ Там же, ф. 171 (М. К. Морозова), к. 1, ед. 52 б., л. 46.

Александр Блок. «Стихотворения» и «Театр» (М., 1916)

тельство, превратив его в коммерческую фирму. Метнеру и его финансовой системе эта идея казалась малопривлекательной. В письме к В. В. Пашуканису он подчеркивал: «Мусагет был основан с целью поддержать ту группу „новых“ писателей, которая порвала с чистым эстетизмом (эстетством) и с символизмом как только художественным методом (виртуозностью), группу, которая шла навстречу проблемам религиозным и философским (не замыкая себя ни в сектантство, ни в доктринерство)»⁵⁶. Он утверждал, что, за исключением нескольких тактических отступлений, издания «Мусагета» соответствовали его программе. Намечая возможные (т. е.

приемлемые для издателей) условия существования «Мусагета» после реорганизации, Метнер настаивал на удалении Вяч. И. Иванова, Андрея Белого, протестовал против издания сочинений В. Я. Брюсова, абсолютно неприемлемого идейно; он был не согласен также на участие антропософов в издательстве, допускал издание (изредка) работ Эллиса⁵⁷. Все эти условия, как понимал сам Метнер, делали практически невозможным превращение «Мусагета» в прибыльное издательство, поэтому он заявил: «Если коммерческое благосостояние Мусагета должно быть куплено ценою измены идее, то издатели на это не пойдут <...>»⁵⁸.

⁵⁶ Метнер Э. К. Письмо к В. В. Пашуканису от 5 мая 1915 г. // Там же, ф. 167, к. 13, ед. 13, л. 1—2.

⁵⁷ Там же, л. 3—8.

⁵⁸ Там же, л. 11.

Предприятие было обречено. В 1917 г. вышла последняя книга под маркой «Мусагета»⁵⁹. Э. К. Метнер пытался возобновить работу издательства за границей⁶⁰, но эти намерения не привели к заметным результатам.

Всего «Мусагет» выпустил в свет 44 издания, не считая ежегодников «Логос», нескольких каталогов, а также философского трактата Лао-Си (см.: Приложение), вышедшего без марки издательства и названия фирмы в выходных данных; лишь на четвертой странице обложки этого издания было указано, что его склад находится в «Мусагете». Хронологически издания «Мусагета» распределяются следующим образом: в 1910 г. вышло 8 изданий, в 1911—7, в 1912—5, в 1913—8, в 1914—5, в 1915—4, в 1916—6, в 1917—1 издание. Наибольшая активность издательства приходится на 1910—1913 гг., в этот период были изданы книги, определившие профиль «Мусагета», который не претерпел изменений до конца деятельности фирмы. Некоторое оживление издательской активности в 1916 г. связано, главным образом, с переизданием четырех книг А. А. Блока — трехтомника «Стихотворений», который представлял собой переработанное и дополненное издание «Собрания стихотворений» 1911—1912 гг., и сборника лирических драм «Театр»⁶¹; это предприятие носило скорее коммерческий характер и не входило в стратегические планы издательства. Именно популярностью Блока у читающей публики объясняется то, что в «Му-

сагете» вышли восемь его изданий, а Андрей Белый — идейный вождь мусагетского кружка — напечатал лишь три свои книги, причем две из них — «Арабески» и «Символизм» — представляли собой сборники статей, опубликованных Белым в разное время в повременных изданиях и посвященных различным философским и эстетическим проблемам символизма. Сложные теоретические исследования и полемические выступления одного из лидеров символистской школы, объединенные в объемистые тома крупного формата, не нашли своего читателя, как и вышедшая в то же время в издательстве «Альциона» книга его статей «Луг зеленый» (М., 1910); выпуск нескольких близких по содержанию изданий свидетельствовал о том, что автор и издатель не учли законов книжного рынка. В настоящее время сборники статей Белого представляют первостепенный интерес для исследователей, изучающих сложные явления литературного процесса начала XX в.

Издатель Э. К. Метнер, брат известного композитора и пианиста Н. К. Метнера, выступил (под псевдонимом Вольфинг) в роли музыкального критика в сборнике статей «Модернизм и музыка»; вторая его книга — «Размышления о Гете» — была направлена против антропософского учения Рудольфа Штейнера, завладевшего умами друзей и коллег Метнера, однако она вышла в свет в августе 1914 г., в первые дни войны с Германией, и вследствие этого не имела ни малейшего шанса на успех.

Эллис напечатал в «Мусагете» четыре оригинальные и одну переводную книгу. Кроме монографии «Русские символисты», посвященной творчеству К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова и Андрея Белого, философского трактата «Vigilemus!», написанного после разрыва

⁵⁹ См.: Приложение, № 19.

⁶⁰ См.: Иванов В. И. Письма к Э. К. Метнеру от 4 мая 1925 г., от 6 июля 1929 г., от 22 ноября 1929 г. // ГБЛ, ф. 167, к. 14, ед. 10.

⁶¹ Доп. изд. кн.: Блок А. А. Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. СПб.: Шиповник, 1908.

Вячеслав Иванов. Борозды и Межи. М., 1916. Титульный лист

Эллиса со штейнерианцами, и упоминавшегося выше сборника переводов из Бодлера, здесь вышли его стихотворные сборники «Stigmata» и «Арго», первый из них — в обложке работы художницы А. А. Тургеновой, супруги Андрея Белого, второй — в обложке с превосходной гравюрой начинающего В. А. Фаворского.

Наибольшее значение в деятельности издательства имели переводные издания. В «Мусагете» вышло 14 переводов, 6 из них — с немецкого языка; соотношение русских и зарубежных авторов в репертуаре издательства близко к скорпионовскому, что указывает на определенное сходство культуртрегерских миссий обоих издательств, при явных — национальных, хронологических, идеологических — различиях

в их ориентации. Среди переводчиков «Мусагета» — А. С. Петровский, Эллис, В. О. Нилендер, М. И. Сизов, А. Н. Виноградов, В. А. Фаворский, М. В. Сабашникова и др.

Из переводных произведений составлена единственная в издательстве серия «Орфей». В нее вошли шесть книг мыслителей прошлого, представлявших, главным образом, мистическое направление в философии: Я. Бёме, Я. ван Рэйсбрука, Э. Сведенборга и др. (см.: Приложение, № 5, 20, 30, 32, 38, 40). К этой серии примыкает целый ряд изданий философской и исторической тематики (в целом они составляют 35% общей продукции издательства), литературоведческие и критические работы (20%), среди которых выделяются исследования по истории русской поэзии: сборники статей С. П. Боброва «Записки стихотворца» и «Новое в стихосложении Пушкина», Б. А. Садовского «Русская Камена» (см.: Приложение № 14, 15, 31). Издательство выпустило также несколько искусствоведческих монографий. В переводе одной из них — «Проблема формы в изобразительном искусстве» А. Гильдебранда — принимал участие В. А. Фаворский, ему же принадлежит авторство гравюры на обложке этого издания; очевидно, эстетические воззрения автора совпали с направлением поисков начинающего художника, будущего реформатора и теоретика искусства книги.

Именно издания «теоретического» плана определяли лицо «Мусагета», подводившего итоги символизма и искавшего новых путей в культуре.

Художественную прозу «Мусагет» не издавал. Поэзия же играла в его репертуаре столь же значительную роль, как в других символистских издательствах (40%). За небольшим исключением, это были

издания сборников современных русских поэтов символистской школы: А. А. Блока, В. В. Бородаевского, Ю. Н. Верховского, З. Н. Гиппиус, С. М. Соловьева и Эллиса. Единственный коллективный поэтический сборник «Muscageta» — «Антология»; здесь были опубликованы стихотворения многих талантливых молодых поэтов, начавших свой творческий путь в пору заката символистского направления.

Стиль оформления книг «Muscageta» строг, подчас аскетичен. В отличие от «Скорпиона» и «Грифа» муссагетские издания украшались почти исключительно художественно оформленной обложкой, виньетки в тексте не характерны для них. Зато особое внимание уделялось красоте и изяществу шрифтов, набора, качеству бумаги. Издатели никогда не использовали клише, созданных по заказу европейскими художниками, как это часто практиковалось в «Скорпионе». Предпочтение отдавалось художникам, близко стоящим к кружку «аргонавтов», связанным с сотрудниками издательства дружескими или родственными узами; основными иллюстраторами были М. В. Сабашникова, В. А. Фаворский, а также А. А. Арапов, В. В. Владимиров, А. А. Тургенева и некоторые др. Интересна судьба одной из работ Фаворского — обложки к сборнику стихов Валериана Бородаевского «На лоне родимой земли» (см.: Приложение № 17). Автор книги неожиданно отверг готовую гравюру, поставив издателя в неловкое положение, так как часть тиража, очевидно, была уже отпечатана с обложкой Фаворского; Э. К. Метнер, не желая наносить обиду талантливому художнику, решил на компромисс: под предлогом изменения названия сборника выпустил остальную часть его тиража в наборной обложке, украшенной лишь маркой издательства.

«Muscageta» практически не выпускал нарочито дорогих, «роскошных» и библиофильских изданий. Исключениями можно считать лишь три издания. Во-первых, это книга немецкого философа-пантеиста XVII в. Якоба Бёме «Аугога или Утренняя Заря в восхождении», 337 экз. которой из общего тиража 2012 экз. были выпущены в особой обложке и с портретом автора — гравюрой на стали середины XIX в., закупленной по случаю Метнером у антикваров в Германии (очевидно, находка издателя и послужила единственной причиной для превращения рядового издания в раритет); во-вторых, — это публикация принадлежавшей В. В. Пашуканису рукописи перевода трактата шведского естествоиспытателя и философа-мистика XVIII в. Эмануэля Сведенборга «Увселение премудрости о любви супружественной» — объемистый том очень крупного формата, заключенный в футляр, напечатанный ограниченным тиражом (выходу издания в свет предшествовала подписка, был выпущен специальный проспект, подписчикам выдавались именные экземпляры); в-третьих, — это издание тридцати трех нумерованных экземпляров поэмы Юлиуша Словацкого «Ангели» (из 2000 экз.) на плотной бумаге, предназначенных, предположительно, для ее переводчика Анатолия Виноградова (см.: Приложение № 5, 32 и 34).

Наименьший тираж муссагетских изданий — 201 экз. (сочинение Сведенборга), наибольший — 3000 экз. (книги Блока в 1916 г. и работа Г. А. Рачинского «Японская поэзия»⁶²), самым типичным был тираж 1000 экз., которым отпечатано 17 изданий. Средний тираж изданий «Muscageta» — 1460 экз. — немного

⁶² См.: Приложение, № 29.

ниже среднего тиража книг «Скорпиона», и расходились эти книги гораздо медленнее, чем издания С. А. Полякова, причем в некоторых случаях раздавалось бесплатно (дарилось) больше экземпляров, чем продавалось в книжных магазинах⁶³. Зато средняя цена мусажетских книг — 1 р. 90 к. — превышала среднюю цену продукции всех символистских фирм. Это отражало не только высокую себестоимость изданий «Мусажета», увеличенную непомерно большими авансами и гонорарами, но и их читательский адрес — очень ограниченный круг высокообразованной буржуазно-дворянской интеллигенции.

Подводя итоги деятельности «Мусажета», следует отметить его основные черты: принципиально не-

коммерческий характер предприятия; программность репертуара; дилетантизм в организации и ведении дел, парадоксально сочетавшийся с серьезной культурой редакционной подготовки изданий и высоким качеством их оформления и полиграфического исполнения. Его издания несут на себе отпечаток личного отношения, индивидуальных вкусов не только авторов, но и всех сотрудников — единомышленников, объединенных идеей служения культуре. Эти черты присущи всем издательствам, являвшимся органами различных символистских кружков и обреченным на упадок и прекращение издательской деятельности в период распада символизма как мировоззрения и литературной школы.

Приложение

Издания «Мусажета»

1. Антология. — 1911 [2—9 июня] (Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°). — [8], 271, [9] с.; 19×24 см. — Обл. работы А. А. Тургановой. — 2 р., [1 000 экз.].

2. Белый, Андрей. Арабески: Книга статей. — 1911 [2—9 марта] (Тип. Русского т-ва). — [4], III, [1], 501, [15] с.; 19×26 см. — 2 р. 50 к., [1 000 экз.].

3. Белый, Андрей. Символизм: Книга статей. — 1910 [27 апр. — 4 мая] (Тип. Русского т-ва). — [4], III, [3], 633, [7] с.; 20×28 см. — 3 р., [1 000 экз.].

4. Белый, Андрей. Трагедия творчества: Достоевский и Толстой. — [10—17 нояб. 1911] (Т-во Скоропеч. А. А. Левенсон). — 46, [8] с.; 13×19 см. — 40 к., [1 000 экз.].

5. Бёме Я. Аулога или Утренняя Заря в восхождении / Пер. Алексея Петров-

ского. — 1914 [31 июля — 7 авг.] (Тип. т-ва А. А. Левенсон). — XV, [1], 1 л. портр., 406, [10] с.; 18×22 см. — 337 номер. экз. из общего тир. в лучшей обл. по цене 4 р. с портр. авт., грав. на стали в середине XIX в. — (Орфей. Кн. 6). — 3 р. [без портр.], 2 012 экз. [общий тир.].

6. Блок А. А. Ночные часы: Четвертый сборник стихов (1908 — 1910). — 1911 [10—17 нояб.] (Тип. т-ва А. А. Левенсон). — 141, [3] с.; 12×18 см. — 1 р., [1 000 экз.].

7. Блок А. А. Собрание стихотворений. — 1911—1912 (Тип. Русского т-ва). — [1 300 экз.].

Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898 — 1904). 2-е изд., испр. и доп. 1911 [12—19 мая]. [8], 208, [24] с.; 15×22 см. 2 р.

8. Кн. 2. Нечаянная радость (1904 — 1906). 2-е изд., доп. 1912 [3—10 янв.]. [8], 152, [18] с.; 16×24 см. 1 р. 50 к.

9. Кн. 3. Снежная ночь (1907 — 1910). 2-е изд. 1912 [17—24 апр.]. [8], 194, [22] с.; 15×24 см. 1 р. 50 к.

⁶³ См.: Счета, гонорарные ведомости и другие финансовые документы кн-ва «Мусажет». 1909 — 1913 гг. // ГБЛ, ф. 167, к. 17, ед. 19, л. 27 об.

10. Блок А. А. Стихотворения.— 1916 (Тип. Русского т-ва).— 12×19 см.— Бум. для изд. изготовлена специально Т-вом М. Г. Кувшинова.— 3 000 экз.
- Кн. 1. (1898—1904). Ante Lucem; Стихи о Прекрасной Даме; Распутья. 1916 [10—17 мая]. 286, [2] с. 1 р. 75 к.
11. Кн. 2. (1904—1907). Вступление; Пузыри земли; Ночная Фиалка; Разные стихотворения; Город; Снежная Маска; Фанна; Вольные мысли. 3-е перераб. изд. 1916 [9—16 авг.]. 264 с. 2 р.
12. Кн. 3. (1905—1914). Страшный мир; Возмездие; Опять на родине; Итальянские стихи; Разные стихотворения; Арфы и скрипки; Кармен; Родина; О чем поет ветер. 2-е изд., перераб. и доп. 1916 [21 нояб.—6 дек.]. 272 с. 2 р. 25 к.
13. Блок А. А. Театр: Балаганчик; Король на площади; Незнакомка; Действо о Теофиле; Роза и Крест.— 1916 [10—17 мая] (Тип. Русского т-ва).— 312 с.; 12×19 см.— Бумага и оформление изд. идентичны бумаге и оформлению «Стихотворений» А. А. Блока (см.: № 10—12).— 2 р., 3 000 экз.
14. Бобров С. П. Записки стихотворца: Дерптские письма Н. М. Языкова; Любовь к Пушкину; Недалекое будущее; Учебник стихотворства; Рифма и ассонанс; Теория барона Гинцбурга; Две статьи по ритму; О трехдольном паузнике; Согласные в стихе.— 1916 [7—14 июня] (Тип. т-ва Рябушинских).— 92, [4] с.; 16×24 см.— 1 р., [800 экз.].
15. Бобров С. П. Новое о стихосложении Пушкина: Трехдольный паузник у Пушкина; Разбор статьи В. Я. Брюсова о технике Пушкина; Добавления; Объяснительные примечания.— 1915 [18—25 авг.] (Синодальная тип.).— 39, [1] с.; 18×24 см.— 50 к., [550 экз.].
16. Бодлер Ш. Стихотворения в прозе / Пер. Эллиса.— 1910 [17—24 сент.] (Тип. Русского т-ва).— 185, [7] с., 1 л. портр.; 14×20 см.— Портр. Бодлера работы К. Ф. Крахта. Обл. А. Арапова.— 1 р., [1 200 экз.].
17. Бородаевский В. В. На лоне родимой земли: Вторая книга стихов.— 1914 [29 мая—5 июля] (Тип. А. А. Левенсон).— [4], 141, [3] с.; 16×24 см.— Обл.— оригинальная грав. на дер. В. А. Фаворского.— 1 р. 50 к., [500 экз.].
- Вариант изд.: Бородаевский В. В. Уединенный дол: Вторая книга стихов.— Наборная обл. На вклеен. л.: «Книга „На лоне родимой земли“ при выходе переименована автором в „Уединенный Дол“. Издательство „Мусaget“». Под новым загл. изд. зарегистрировано в «Книжной летописи» 5—12 июня 1915 г.
18. Вагнер Р. Вибелунги: Всемирная история на основании сказания / Пер. с нем. С. Шенрока. Пояснит. статьи Эмилия Метнера и Макса Ценкера.— 1913 [19—26 нояб.] (Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон).— XVI, 78, [2] с.; 13×20 см.— 50 к., [2 000 экз.].
19. Верховский Ю. Н. Стихотворения Юрия Верховского: Т. 1. Сельские эпиграммы; Идиллии; Элегии.— 1917 (Без тип.).— 246, [2] с.; 11×18 см.— Т. 2 не вышел. Данное изд. является последним изданием «Мусаета» в России.— 2 р. 50 к.
20. Гераклит Ефесский. Фрагменты / Пер. Владимира Нилендера.— 1910 [1—7 окт.] (Тип. Г. Лисснера и Д. Собко).— VIII, 87, [3] с.— (Орфей. Кн. 2).— 1 р., [1 000 экз.].
21. Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве и Собрание статей / Пер. Н. Розенфельда и В. А. Фаворского.— [14—21 янв. 1915] (Тип. Русского т-ва печ. и изд. дела).— IX, [3] с., 2 л. портр., 193, [3] с.: ил.; 19×28 см.— В вых. данных год изд.: 1914.— Обл.— оригинальная грав. на дер. В. А. Фаворского.— 3 р., [1 500 экз.].
22. Гиппиус З. Н. Собрание стихов: Кн. вторая, 1903—1909.— 1910 [27 апр.—4 мая] (Тип. А. И. Мамонтова).— 119, [9] с.; 15×21 см.— Обл. работы В. С. Воронова.— 1 р., [1 000 экз.].
23. Дейссен П. Веданта и Платон в свете Кантовой философии / Пер. Михаила Сизова.— [10—17 нояб. 1911] (Тип. А. А. Левенсон).— 42, [8] с.; 13×20 см.— 40 к., [1 000 экз.].
24. Дурыйлин С. Н. Рихард Вагнер и Россия: О Вагнере и будущих путях искусства.— 1913 [6—13 мая] (Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон).— 191, [10] с.; 13×20 см.— 40 к., [1 000 экз.].

печати А. А. Левенсон) — 68 с.; 14×20 см. — 50 к., [3 000 экз.].

25. Иванов В. И. Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. — 1916 [19 — 26 апр.] (Т-во тип. А. И. Мамонтова). — [8], 351, [1] с.; 15×23 см. — 2 р. 75 к., [2 000 экз.].

26. [Метнер Э. К.] Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические, (1907 — 1910); Приложения (1911). — 1912 [19 июня — 2 июля] (Тип. Русского т-ва). — [6], V, [1], 446, [2], II, [2] с.; 17×22 см. — На кн. указ. псевд. авт.: Вольфинг. — Обл. В. В. Владимирова. — 2 р., [1 000 экз.].

27. Метнер Э. К. Размышления о Гете: Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. С 4 портр. Гете. — 1914 [7 — 14 авг.] (Тип. т-ва А. А. Левенсон). — 525, [2] с., 2 л. ил.; 14×20 см. — Надписи на обл. работы Б. В. Зворыкина. — 2 р., [1 200 экз.].

28. Орсье Ж. Ф. Агриппа Неттесгеймский, знаменитый авантюрист XVI в.; Критико-биогр. очерк Жозефа Орсье / Пер. Брониславы Рунт. Под ред., с введ. и примеч. Валерия Брюсова. С прил. трех статей редактора: «Оклеветанный ученый», «Легенда о Агриппе» и «Сочинения Агриппы и источники его биографии». — 1913 [29 окт. — 5 нояб.] (Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон). — 109, [3] с.; 13×19 см. — Загл. обл.: Агриппа Неттесгеймский. — Портр. Агриппы на обл. и с. 5 воспроизв. из изд. его соч. — 75 к., [2 000 экз.].

29. Рачинский Г. А. Японская поэзия. — 1914 [22 дек. 1914 — 1 янв. 1915] (Тип. А. И. Мамонтова). — 24 с.; 20×27 см. — Наклейка на обл. с воспроизв. цв. грав. Hokusai. — 40 к., [3 000 экз.].

30. Рэйсбрук Удивительный, Ян ван. Одевание духовного брака / Вступ. статья Мориса Метерлинка. Пер. Михаила Сизова. — 1910 [29 июня — 6 июля] (Тип. Русского т-ва). — 272, VIII, [8] с.; 15×20 см. — (Орфей. Кн. 1). — 2 р., [1 000 экз.].

31. Садовской Б. А. Русская Камена: Статьи. — 1910 [4 — 11 нояб.] (Т-во тип. А. И. Мамонтова). — [4], 159, [5] с., 8 л. портр.; 17×23 см. — Виньетки в тексте

и на обл. заимствованы из «Oeuvres complètes de Millevoye» (Paris, 1822). — 1 р. 50 к., [1 200 экз.].

32. Сведенборг Э. Увеселения премудрости о любви супружественной / Пер. автора неизвестного. Издал по рукописи 1850 года В. Пашуканис. — 1914 [13 — 20 марта] (Тип. Русского т-ва). — [8], 346, [2] с.; 23×27 см. — Бумага изготовлена фабрикой Т-ва М. Г. Кувшинова. — В футляре. — Подписчикам выдавались именные экз. — (Орфей. Кн. 5). — 15 р., 200 номер. экз. на бумаге верже и 1 нумер. экз. на бумаге Ватман.

33. [Сизов М. И.]. Цезарь Ломброзо и спиритизм: Исторический и критический очерк. — 1913 [24 сент. — 1 окт.] (Тип. Русского т-ва). — 60, [4] с., 2 л. вкл. с ил.; 21×28 см. — На кн. указ. псевд. авт.: Седлов М. — 85 к., [1 000 экз.].

34. Словацкий Ю. Ангелли: Поэма / Пер. с польск. Анатолия Виноградова. — 1913 [29 окт. — 5 нояб.] (Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон). — 95, [1] с.; 13×19 см. — Особая часть тиража: 33 номер. экз. на плотной бумаге, 14×21 см. — 50 к., [2 000 экз.].

35. Соловьев С. М. Апрель: Вторая книга стихов, 1906 — 1909. — 1910 [24 февр. — 3 марта] (Тип. Русского т-ва). — 173, [3] с.; 19×24 см. — Обл. работы А. А. Моргунова. — 2 р., [1 000 экз.].

36. Соловьев С. М. Цветник царевны: Третья книга стихов (1909 — 1912). Образ милый; Розы Афродиты; Песни; Поэмы; Посвящения и мадригалы; Благословение прошлого; У ног царевны. — 1913 [28 янв. — 4 февр.] (Тип. т-ва А. А. Левенсон). — XIV, [2], 157, [19] с.; 12×16 см. — Обл. А. А. Тургеневой. — 1 р. 25 к., [1 000 экз.].

37. Тэн И. Наполеон Бонапарт = (H. Taine. Les origines de la France contemporaine. Le regime moderne, tome 1, livre 1): С воспроизв. портр. генерала Бонапарта, писанного Гереном в 1798 г. / Пер. О. К. Синцовой. — 1912 [5 — 12 нояб.] [Тип. Русского т-ва]. — 107, [1] с., 1 л. портр.; 21×29 см. — 80 к., [2 000 экз.].

38. Франциск Ассизский. Цветочки святого Франциска Ассизского / Пер.

А. П. Печковского. Вступ. статья С. Н. Дурылина. — 1913 [13—20 мая] (Тип. Русского т-ва). — [6], XXXI, [1], 175, [1] с.; 13×20 см. — (Орфей. Кн. 4). — 75 к., [2 500 экз.].

39. Чемберлен Х. С. Арийское мирозерцание / Пер. с нем. О. К. Синцовой. — 1913 [29 окт. — 5 нояб.] (Т-во Ско-ропечатни А. А. Левенсон). — 38, [2] с.; 13×20 см. — 50 к., [2 000 экз.].

40. Экхарт, Мейстер. Проповеди и рассуждения / Пер. со средне-верхне-нем. и вступ. статья М. В. Сабашниковой. — 1912 [10—17 апр.] (Тип. Русского т-ва). — XLVII, [1], 184, [6] с.; 20×25 см. — Обл., фронт. и буквы работы М. В. Сабашниковой. — Загл. обл.: Духовные проповеди и рассуждения Мейстера Экхарта. — (Орфей. Кн. 3). — 3 р., [1 000 экз.].

41. Эллис. Арго: Арго; Забытые обеты; Мария: Две книги стихов и поэма. — 1914 [20—27 марта] (Тип. Русского т-ва печ. и изд. дела). — XI, [1], 193, [3] с.; 16××23 см. — Обл. В. А. Фаворского. — 2 р., [1 000 экз.].

42. Эллис. Русские символисты: Константин Бальмонт; Валерий Брюсов; Андрей Белый. — 1910 [6—13 июля] (Тип. Русского т-ва). — [8], 336, [6] с., 3 л. портр.: 20×28 см. — Автотипии работы О. Ренар. — 2 р., [1 000 экз.].

43. Эллис. Stigmata: Книга стихов. — 1911 [16—23 февр.] (Тип. Русского т-ва). — [6], 171, [1] с.; 18×24 см. — Обл. работы А. А. Тургеневой. — 2 р., [1 000 экз.].

44. Эллис. Vigilemus!: Трактат. — 1914 [22 дек. 1914—1 янв. 1915] (Тип. В. И. Воронова). — VII, [1], 105, [7] с.; 19×25 см. — 90 к., [1 300 экз.].

Издание, вышедшее в «Мусагете» без указания издательства.

Лао-си. [Лао-цзы]. Тао-те-кинг, или Писание о нравственности / Под ред. Л. Н. Толстого, пер. с кит. проф. ун-та в Киото Д. П. Конисси, примеч. снабдил С. Н. Дурылин. — 1913 [8—15 июля] (Тип. Т/Д «Печатное дело»). — 71, [1] с.; 14×20 см. — На с. 4 обл.: «Склад издания в книгоиздательстве „Мусагет“ <...>». — 25 к., [3 000 экз.].

А. Х. Горфункель

АЛЬД МАНУЦИЙ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Из более чем столетнего периода существования книгоиздательской династии Мануциев (1494—1597) преимущественное внимание исследователей неизменно (и вполне заслуженно) привлекало первое двадцатилетие, до смерти Альда Мануция Старшего¹. Именно его деятельность ознаменовала расцвет гуманистической книги в Италии эпохи Возрождения. «В его лице,— писал Манлио Дацци,— мы имеем дело с первым печатником, не являющимся механическим исполнителем, иначе говоря — с первым издателем, который обладал ясным осознанием своей роли и постоянно разрабатывал собственную программу, упорно и методически придерживаясь выработанного плана»². Оговорив некоторые преувеличения этой характеристики (наличие издательской программы и осознание своей миссии были при-

суши многим печатникам колывального периода, начиная с Гутенберга)³, нельзя не признать ее справедливой по существу: именно «Дом Альда» явился наиболее ярким и типологически наиболее полным выражением просветительски-гуманистических тенденций раннего европейского книгопечатания. Высокий научный уровень изданий в сочетании с выдающимися художественными достоинствами и безупречным техническим мастерством, сделавшие «альдины» предметом научного интереса и одновременно библиофильского коллекционирования, выделяют книжную продукцию Альда Пия Мануция Римлянина даже на фоне значительных успехов типографского и книгоиздательского искусства конца XV — начала XVI столетий.

Образцом для современников и продолжателей явился не только внешний вид «альдин» (вызвавший пиратские подделки-контрафакции), но превращение книгоиздательства в культурный и научный центр, объединявший вокруг дела подготовки изданий (поиска и сличения рукописей, филологического изучения текстов, их перевода и комментирования) многочислен-

¹ См.: Лазурский В. В. Альд и альдины. М., 1977; Renouard A. A. Annales de l'imprimerie des Alde ou histoire des trois Manuce et de leurs éditions. 3-ème éd. Paris, 1834; Firmin-Didot A. Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris, 1875; Scritti sopra Aldo Manuzio. Firenze, 1955; Lowry M. The world of Aldus Manutius: Buisness and scholarship in Renaissance Venice. Ithaca (N.-Y.), 1979; Rokosz M. Wenecka oficyna Alda Manuczjusza i Polska w orbicie tej wptywów. Wrocław, 1982.

² Dazzi M. Aldo Manuzio // Scritti sopra Aldo Manuzio. P. 117.

³ Варбанец Н. В. Печатники-просветители в XV в. // Федоровские чтения, 1979. М., 1982. С. 35 — 58.

Альд Мануций Старший

ных представителей общеевропейской «республики ученых». И пусть, как это показали новейшие исследования⁴, Альдова «Новая Академия» так и не была организационно оформлена, оставшись неосуществленной мечтой гуманиста-издателя и его друзей, пусть формула «в Академии Альда» употреблялась в колофонах его изданий на протяжении не более двух лет (1502—1504), пусть устав «Новой Академии» остался проектом, а надежды ее основателя на поддержку власть имущих в создании объединения ученых наподобие Платоновской академии в Медичейской Флоренции — иллюзорными. Важно другое — реальное существование на протяжении двух десятилетий сообщества гуманистов, сошедшихся ради издания книг. Важны были личные связи, тем более прочные, что не нуждались ни в правительственной санкции, ни в финансовом

⁴ Lawry M. J. C. The «New Academy» of Aldus Manutius: a Renaissance dream // Bulletin of the John Ryland university library of Manchester. V. 38. N 2. Spring 1976. P. 378 — 420.

поощрении. И этот круг был достаточно широк, хотя и непостоянен; более того, изменчивость состава сотрудников Альда придавала прочность его делу: по мере необходимости в работу по подготовке изданий включались новые люди, движимые стремлением к созданию новой культуры и закреплению ее достижений с помощью печатного станка.

Преимущественное внимание в многочисленных публикациях уделено собственным типографским и художественным особенностям изданий венецианского печатника. И это вполне оправдано, учитывая образцовый характер выпущенных им книг. Но нельзя забывать, что выдающиеся достижения Альда Мануция в типографском деле и в эстетике книги неразрывно связаны с содержанием его издательской программы.

Примыкая к традиции рукописной книги, выработанной поколениями гуманистов XIV—XV вв., гуманистическая печатная книга требовала определенных художественно-технических решений, прежде всего в подборе шрифтов. Известно знаковое, функциональное значение выбора антиквы или готики в первопечатных изданиях⁵. Антиква с самого своего возникновения применялась для печатания произведений античных авторов и сочинений писателей-гуманистов, в противовес набранным готическим шрифтом трактатам средневековых богословов, философов и ученых, в том числе и современных, но ориентированных на схоластическую ученость университетов и монашеских орденов, а также книг для народного чтения и повседневного обихода. При этом определяющую роль иг-

⁵ Люблинский В. С. На заре книгопечатания. Л., 1959. С. 93—94.

рала не формальная классификация, а именно принадлежность к определенной традиции: Библия, напечатанная готикой, — как правило, традиционный текст Вульгаты; антиквой печатались новые, гуманистами подготовленные тексты Священного Писания; готикой набирались традиционные средневековые переводы Аристотеля, представлявшие университетскую схоластическую науку и философию; для новых, созданных гуманистами переводов избиралась антиква; то же относится и к изданиям памятников патристики.

Характерно резко отрицательное отношение гуманистов к рукописям готического письма. Это было не проявлением эстетического снобизма, а прежде всего текстологическим принципом. Выбор более достоверного и внушающего доверие текста был связан с ориентацией на «подлинную», не извращенную средневековыми переписчиками античность (за которую принимали рукописи Каролингского Возрождения) и с предпочтением новых, созданных самими гуманистами на базе каролингского минускула рукописей античных текстов. Антиква рассматривалась не только как «ясная, пропорциональная, элегантная форма письма, которая представлялась образцом для подражания, но и как гарантия древности и орфографической корректности кодексов»⁶. Переписка готического текста антиквой означала вместе с тем «перевод» его в новую графическую культуру, «была сама по себе актом улучшения текста, первой ступенью в осуществлении программы филологической рефор-

мы»⁷. Именно такое отношение к проблеме выбора шрифта стало характерным для гуманистического книгопечатания XV в. Столь же отчетливо, как антиква, выражает знаковую принадлежность книги впервые употребленный Альдом Мануцием (исполненный по его заказу Франческо Гриффо) «канцелярский» шрифт, введивший в книгопечатание созданный гуманистами курсив. Соображения места (убористой печати) не были решающими: еще в первой четверти XVI в. в той же Венеции этим целям, при издании сочинений Аристотеля, Аверроэса и их университетских толкователей, вполне удовлетворял не менее убористый, благодаря обилию сокращений, мелкий готический шрифт.

Интересам развития гуманистической культуры отвечала последовательно осуществляемая Альдом издательская программа. Прежде всего она предусматривала филологически выверенные научные издания произведений древних авторов, греческих и латинских. Одновременно издавались (и создавались специально для издания, в том числе и самим издателем) пособия, необходимые для изучения древних языков и овладения духовным наследием античности. Печатались и латинские сочинения современников — писателей-гуманистов Джан-Джовиано Понтано, поэтов отца и сына Строчици, Анджело Полициано — крупнейшего писателя Медичейской Флоренции; среди изданных Альдом Мануцием книг: трактат «Против клеветников Платона» кардинала Виссарiona — реши-

⁶ Casamassima E. *Litterae gothicae // La Bibliofilia*, a. 62, 1960. P. 119 // *Idem: Lettere antiche: Note per la storia della riforma grafica umanistica // Gutenberg Jahrbuch*. 1964. S. 13 — 26.

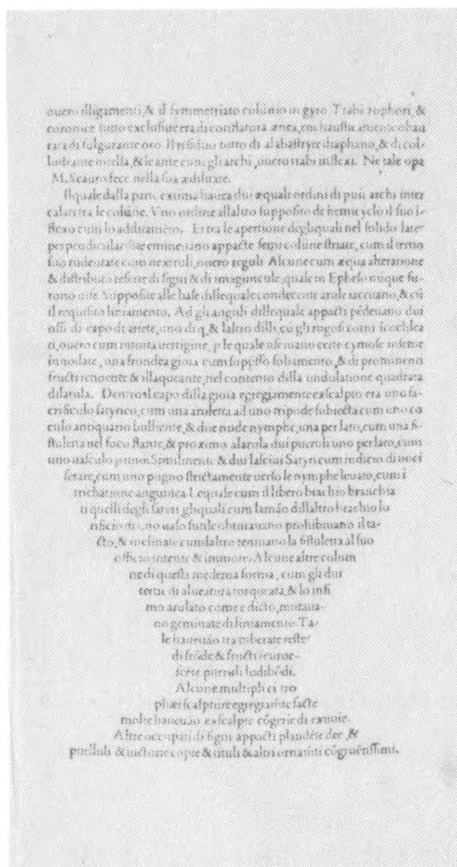
⁷ Feld M. D. *Constructed letters and illuminated texts. Regiomontam Leon Battista Alberti and the origins of Roman type // Harvard Library Bulletin*. V. 28. N 4. October 1980. Cambridge (Mass.), 1980. P. 357 — 379.

тельное выступление в защиту платонизма, подвергавшегося гонениям со стороны ревнителей ортодоксальной схоластической традиции; «Адагии» и «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского. Ограниченное число изданий на итальянском языке включало творения трех флорентийских «венцов» — Данте, Петрарки и Боккаччо (издание «Декамерона», подготовленное Альдом, вышло уже после его смерти), а из современников — Пьетро Бембо и Саннадзаро. Здесь же должна быть упомянута и «Гипнеротомахия Полифила» — напечатанная по заказу и не входившая в круг собственно издательских интересов Альда, она стяжала громкую славу едва ли не образцового по художественному оформлению ренессансного памятника книжной культуры; но и по содержанию своему она заслуживает внимания как яркое (и вызвавшее впоследствии опасения церковной цензуры) выражение языческого духа Итальянского Возрождения⁸.

Показательно полное отсутствие в изданиях Альда Старшего теологической литературы в ее средневековой схоластической традиции. Издание поэтических произведений латинских поэтов первых веков христианства и Григория Назианзина, «Гомилий» Оригена и творений Лактанция свидетельствовало об обращении — через голову современного официального богословия — к памятникам ранней патристики: гуманисты, как известно, возрождали не только языческую, но и христианскую античность⁹.

⁸ Donati L. Studio esegetico sul Polifilo // Scritti sopra Aldo Manuzio. P. 8 — 42 // Idem: Il mito di Francesco Colonna // La Bibliofilia, a. 64, 1962. P. 247 — 270.

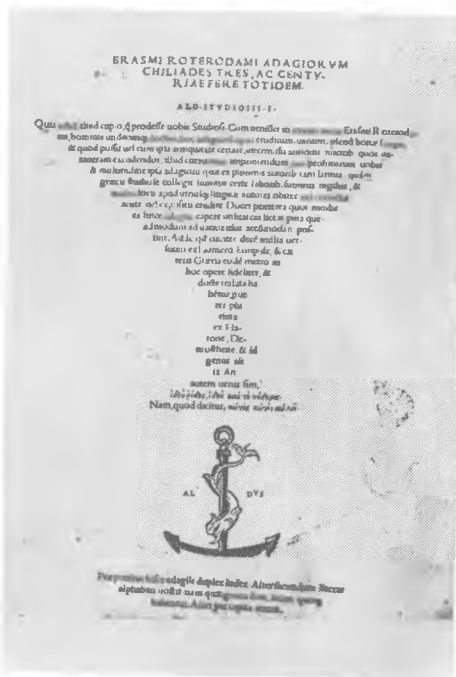
⁹ Черняк И. X. Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности // Античное наследие и культура Возрождения. М., 1984. С. 27 — 40.

Гипнеротомахия Полифила. 1499. Страница фигурного набора

Обращение к Лактанцию и его учению о богоравности человека связано с разработкой гуманистами учения о достоинстве человека¹⁰; что же касается Оригена, то попытка Джованни Пико делла Мирандола взять под защиту этого осужденного церковью автора была одной из причин инквизиционных преследований составителя «900 тезисов» и «Апологии»; интересно, что свое издание Оригена 1503 г.

¹⁰ Ревякина Н. В. Проблема человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977. С. 127.

Эразм Роттердамский. Адагии. Венеция: Альд Мануций, 1508 (экз. ГПБ)

Альд, помянув в предисловии Пико, посвятил кардиналу Эджидио да Витербо, философу-платонику, поклоннику Марсилио Фичино, провозглашавшему наступление «золотого века» возрожденных наук и искусств, в дальнейшем, предположительно, вдохновителю цикла фресок Рафаэля в Палате Подписей Ватиканского дворца¹¹.

Задуманное Альдом издание Библии — один лист из которой, напечатанный на древнееврейском, греческом и латинском языках, был обнародован не столько как реклама технических возможностей печатника, сколько как программа издателя-гуманиста — предвещало

¹¹ Горфункель А. Х. «Диспут» Рафаэля // Краткие тезисы докладов научной конференции «Рафаэль и его эпоха». Л., 1983. С. 23 — 25.

появление ученых многоязычных Библий¹². Осуществленное уже после смерти Альда его тестем Андре Торрезано в 1518 г. издание греческой Библии (посвященное, как представляется, не случайно тому же Эджидио да Витербо)¹³ явилось подготовленным текстологами-гуманистами научным изданием Септуагинты; в дальнейшем знаменитой «Альдине» суждено было стать одним из авторитетнейших источников греческого текста Библии; много десятилетий спустя она была использована при подготовке «Острожской Библии» Ивана Федорова¹⁴.

Воплощая в образцовых изданиях свою программу, снабжая их учеными комментариями и предисловиями-посвящениями, Альд Мануций немало способствовал утверждению гуманистической культуры итальянского и европейского Возрождения.

Отсвет славы и величия Альда Мануция Старшего падал и на его преемников, неизбежно искажая подлинный культурно-исторический характер их деятельности, проходившей в совершенно иных общественных условиях. «Младших» Мануциев — сына Павла и внука Альда — рассматривали прежде всего как прямых продолжателей дела основателя династии. «Его наследники с честью продолжали дело, просуществовавшее под знаком якоря и дельфина... почти целое столетие», — пишет В. В. Лазур-

¹² Горфункель А. Х. Историко-культурное значение первопечатных Библий // Федоровские чтения 1981. М., 1985. С. 66 — 76.

¹³ Botfield V. Prefaces to the first editions of the greek and roman classics and of the Sacred Scriptures. London, 1861. P. 39 — 40.

¹⁴ Алексеев А. А. «Песнь Песней» в древней славяно-русской письменности. М., 1980. Ч. 2. С. 39 — 40.

ский¹⁵. О «прочности» гуманистической традиции в книгоиздательской деятельности преемников Альда Мануция говорит и Н. В. Варбанец¹⁶. Правда, некоторые исследователи отмечают снижение технического уровня, небрежность печати, слабую корректуру, ухудшение качества бумаги и внешнего вида книг, упоминают и об изменениях в репертуаре — появлении книг «мистических и юридических»¹⁷. «Произдукция типографии становится более смешанной по содержанию, в нее все более проникают произведения современных писателей, современные политические документы и церковная литература — последняя особенно в тот период (1561—1570), когда Павел Мануций вел папскую типографию в Риме»¹⁸. Дело, однако, не сводилось к постепенному количественному и качественному снижению уровня «кальдин» на протяжении XVI столетия; действительные перемены носили более глубокий характер.

И в собственных глазах, и в мнении современников сын и внук основателя фирмы были достойными продолжателями гуманистической издательской деятельности Альда Старшего. Франческо Греко (Франческо Порто) в письме от 25 сентября 1547 г., обращаясь к Павлу Мануцию, подчеркивал заслуги его «благородного отца, ставшего могущественным орудием божественного промысла, в восстановлении, после веков «варварства», из тьмы забвения памятников древней словесности — «бесконечными усилиями, несравненным уме-

нием, невозполнимыми затратами» он, «благодаря книгопечатанию, привел их в такое состояние, что ни огонь, ни вода, ни войны, ни иные какие бедствия теперь им уже не страшны»¹⁹, и видел в деятельности самого Павла (в частности, в подготовке и издании им латинского перевода «Филиппик» Демосфена) достойное продолжение славных деяний его отца. Павел Мануций, сразу после рождения сына, с гордостью сообщал: «Я назвал его Альдом, что должно побудить его к деяниям, достойным этого имени»²⁰. Много лет спустя Альд Младший, в духе лучших гуманистических традиций, писал: «Слава моя зависит от меня и от моих предков, и я не ишу милости и помощи извне — этих жалких подпорок для благородных деяний», и напоминал, что благородные филологические занятия «всегда имели верное прибежище в нашей семье»²¹. Свои предисловия, посвящения и многие письма он, подчеркивая фамильную преемственность, подписывал: «Альд Мануций, сын Павла, внук Альда».

Как ученые-филологи, издатели, переводчики и комментаторы античных текстов ни Павел, ни Альд Младший не уступали своему отцу и деду. Павел получил образцовое гуманистическое воспитание, среди его наставников и старших друзей были выдающиеся ученые-гуманисты, филологи, историки, писатели, просвещенные кардиналы Римской курии. Ему принадлежат сборники писем на латинском и итальянском языках — образцы эпистолярного

¹⁵ Лазурский В. В. Указ. соч. С. 33—34.

¹⁶ Путеводитель по фондам отдела редких книг ГПБ. Л., 1961. С. 110.

¹⁷ Dazzi M. Op. cit. P. 145.

¹⁸ Путеводитель по фондам отдела редких книг ГПБ. С. 110.

¹⁹ Delle lettere volgari di diversi nobilissimi huomini: libri 1—3. Venezia, 1567: Libro 3. P. 141.

²⁰ Ceruti A. Lettere inedite dei Manuzi // Archivio Veneto, a. II (1881). T. 21. P. 270.

²¹ Manuzio A. Lettere volgari. Roma, 1592. P. 6.

Павел Мануций. Портрет в кн.: Цицерон. Речи. Венеция, 1578 (экз. ГПБ)

стиля для многих поколений образованных людей, он комментировал Цицерона и Вергилия, переводил Демосфена, написал несколько ученых трактатов о римских древностях. С точки зрения филологической культуры подготовленные им издания не уступают ранним «альдинам», с той лишь разницей, что в отличие от отца, крупного эллиниста²², Павел Мануций преимущественное внимание уделял изданиям латинских авторов. Все это позволило ему не без оснований говорить о своей репутации «первого гуманиста»²³.

Гуманистическое воспитание получил и его сын Альд Младший.

Едва успев окрестить своего первенца, Павел Мануций писал: «Я со своей стороны собираюсь наставить его с исключительной основательностью, чтобы дать ему то, чего он не сможет получить от обычных учителей»²⁴. И в этом отношении сын оправдал надежды отца: если не вполне верно говорить, что он «был больше ученым, чем издателем»²⁵, то еще менее справедлив упрек в том, что он «не был привержен к филологическим интересам»²⁶. С юных лет он восхищал ученых коллег отца отличным латинским языком своих писем и сочинений, уже в 1561 г. отец издает под именем 14-летнего сына трактат об орфографии, с 19 лет Альд Младший собирает и издает римские надписи, посвятив эпиграфике многие годы жизни, комментирует сочинения Саллюстия.

Что же до собственно типографского уровня изданий, то постепенное их снижение прослеживается достаточно определенно. И все же, не сохраняя высокого художественного совершенства первых «альдин» и отражая тем самым общий упадок типографского искусства в Италии второй половины XVI в., издания Павла и Альда Младшего выделяются на общем фоне заботой о точной корректуре, о качественном комментарии, о снабжении книг индексами — это постоянные мотивы переписки Павла Мануция с сыном, причем он вникает даже в такие детали, как оформление титульного листа, написание цифр и т. п., стараясь изо всех сил поддерживать высокую репутацию своей типографской и издательской марки. Все это позволило А. О. Ренуару назвать Павла Мануция «одним

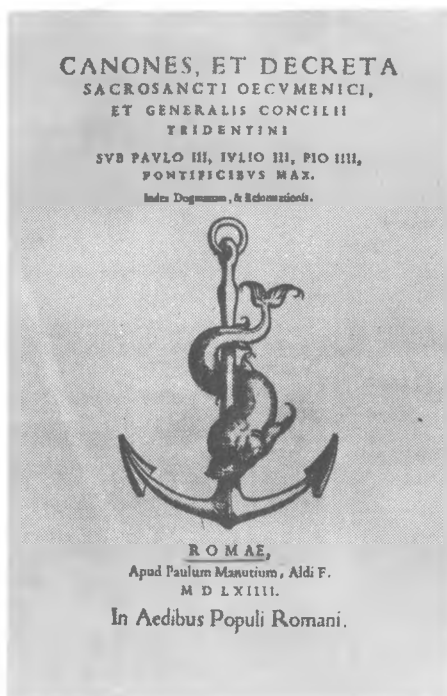
²² Firmin-Didot A. Op. cit.

²³ Manuzio P. Lettere di Paolo Manuzio copiate sugli autografi esistenti nella Biblioteca Ambrosiana. Paris, 1834. P. 301.

²⁴ Ceruti A. Op. cit. P. 270.

²⁵ Лазурский В. В. Указ. соч. С. 34.

²⁶ Путеводитель по фондам отдела редких книг ГПБ. С. 110.

Каноны и декреты Тридентского собора. Рим, 1564 (экз. ГПБ).

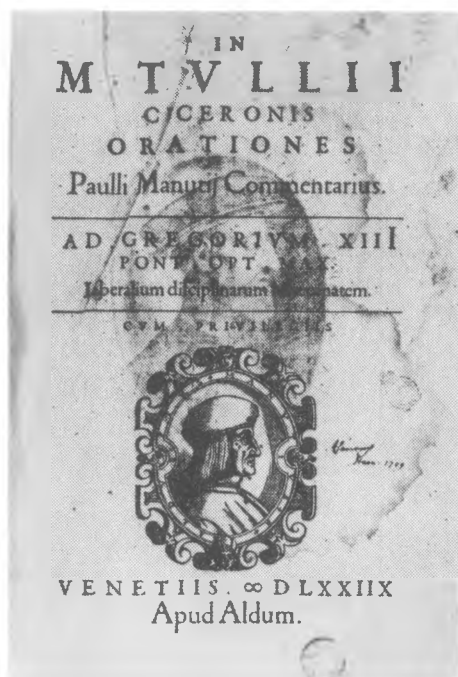
из самых ученых и выдающихся типографов» в истории европейского книгопечатания²⁷.

Верность марке «Дельфин на якоре» младшие Мануции сохраняли и в своих изданиях. Львиную их долю — до 70 и более процентов — составляли издания античных авторов, греческих и латинских, как в оригинале, так и в переводах, а также многочисленных пособий по классической филологии, грамматик, лексиконов, образцов «изящества» латинской речи, ученых трудов, посвященных изучению древних авторов и классических древностей вообще.

Одновременно происходит и расширение репертуара. Издаются сочинения современных писателей на итальянском языке — как мы зна-

ем, ими вовсе не пренебрегал и Альд Старший, поэтому видеть в этом серьезное отступление от его программы нет оснований. Дело в том, что произведения на народном языке все более уверенно входят в гуманистическую культуру эпохи, о чем свидетельствует, в частности, появление «двуязычных» (латинских и итальянских) грамматик. Да и сам подбор этих сочинений говорит о верности основным идеалам гуманистической литературы предшествующего периода. Среди них одно из первых мест принадлежит трактату Бальдассаре Кастильоне «Придворный» — этому этико-эстетическому кодексу Высокого Возрождения: в 1528—1547 гг. он был выпущен шестью изданиями. Интерес к литературному наследию Кватроченто проявился в издании стихотворений Лоренцо Медичи. Большим издательским успехом

²⁷ Renouard A. A. Op. cit. P. 457.

Цицерон. Речи. Венеция, 1578. Титульный лист с портретом Альда Старшего (экз. ГПБ)

пользовались «Диалоги о любви» Льва Еврея (Иегуды Абарбанеля), развивавшие неоплатонические философские идеи Флорентийской академии Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола. В издательстве Мануциев появляется «Неистовый Роланд» Ариосто, «Аркадия» Саннадзаро, трагедии Лодовико Дольчи. В эпоху необычайной популярности эпистолярного жанра неудивителен огромный успех «Писем благородных людей» (24 издания в 1542—1567 гг. у Павла Мануция и расширенное переиздание у Альда Младшего в 1574 г.). Издавал Павел Мануций и благочестивые религиозные сочинения «бича государей» и автора непрстойких сонетов и диалогов Пьетро Аретино; им были опубликованы и все главные произведения создателя политической теории и историче-

ской науки Итальянского Возрождения Никколо Макиавелли — его «История Флоренции», «Книга о военном искусстве», «Государь» и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» (9 изданий в 1540—1546 гг.). Альд Младший печатал стихи Аннибале Каро, стихи и прозу, а также «Аминту» Торквато Тассо; в его изданиях нашли отражение и новые, натурфилософские тенденции философской мысли: он напечатал трактат последователя Б. Телезио философа Антонио Персио «О человеческом разуме» и (трижды, в 1582—1590 гг.) сочинение испанского мыслителя Хуана Уарте «Исследование умов».

Но, оказывается, именно обращение к произведениям современных авторов, которое ставится в вину «младшим» Мануциям новейшими исследователями, вызывало тревогу и опасения у них самих. Павел Мануций в начале 70-х годов предупреждает сына: «Не позволяй себе сбиться с пути, оставив, ради современных сочинений, древних авторов, которые одни явятся основанием твоей славы к общей пользе», а позднее повторяет это предупреждение в тоне, еще более тревожном: «Скажу только на сей раз, что, если ты позволишь увлечь себя изданием современных книг, книгопечатание утратит то славное имя, которое я ему дал»²⁸.

Перелом в книгоиздательской деятельности Мануциев в 60-х годах XVI в. связан с наступлением католической реакции в Италии. Оказавшись в силу ряда частных причин в затруднительном положении в Венеции, нуждаясь в средствах и в покровительстве для продолжения дела своего отца, Павел Мануций в 1561 г. принимает предложение кардинала Мороне и папы Пия IV взять на себя руководство рим-

²⁸ Manuzio P. Op. cit. P. 257. 304.

ской типографией. Поначалу откровенно, как казалось, перед ним возможности вызвали у него прилив восторга. Гуманист мечтает об издании древних авторов, он с восхищением сообщает, что «полностью погрузился в просмотр книг папской библиотеки и нашел там такие вещи, которые принесли бы величайшую пользу тому, кто стал бы их печатать»²⁹. Он рассчитывает, что сможет еще в большей мере, чем прежде, осуществить издания классиков; к тому же и папа сказал ему, «что он знает о моих успехах в гуманистических занятиях и что он для того призвал меня, чтобы я прославил Рим не только священными книгами, но и книгами по моей специальности. А я ответил, что я очень этим дорожу, чтобы сохранилось мое доброе имя и чтобы не перешла в руки иноземцев та слава, которую мой отец стяжал для Италии и которую я хотел бы сохранить и возвеличить, так что печатать здесь необходимо разные книги»³⁰.

Начинать, однако, пришлось не с античных авторов. Одной из первых книг, напечатанных Павлом Мануцием в Риме, явился трактат кардинала Реджинальда Пола «О соборе». Принадлежавший в свое время к римскому гуманистическому кружку, придерживавшийся умеренно реформационных воззрений, Р. Пол впоследствии, в Англии, во времена Марии Кровавой, вызвал ненависть протестантов, а вернувшись в Рим, — подозрения со стороны ревнителей ортодоксального католицизма. Попытка Павла Мануция в предпосланном книге похвальном слове автору воздать должное его гуманистической образованности вызвала со стороны кардинала Дж. Серипандо суро-

вое напоминание о необходимости придерживаться контрреформационного духа Тридентского собора: одобрив издание книги, высокий цензор потребовал подчеркнуть, что она выходит в свет по распоряжению папы и «потому, что предмет ее отвечает нынешнему времени и деяниям теперешнего собора». В жизнеописании Пола его не устраивало напоминание о занятиях покойного кардинала философией и красноречием; требовалось показать, «что он всей душой перешел от человеческой философии к христианской и презрел человеческое красноречие, перенесшись духом к божественному, которое обращено не к слуху, а к сердцу и тем полезнее, чем менее услаждает слух»³¹. Заметим, что здесь «человеческий» есть синоним «гуманистического». Католическая церковь с самого возникновения гуманистической культуры враждебно относилась к занятиям языческой философией, к попыткам возрождения духовного содержания древней культуры³². Попытка соединить наследие античности с по-своему перетолкованным христианским благочестием, нашедшая выражение в деятельности Флорентийской Платоновской академии и воплощенная в Рафаэлевых фресках «Палаты Подписей» Ватиканского дворца, оказалась недолговечной³³; католическая реакция показала неосуществимость мифа о «золотом веке», взлелеянного ренессансной культурой, и поспешила положить конец гуманиз-

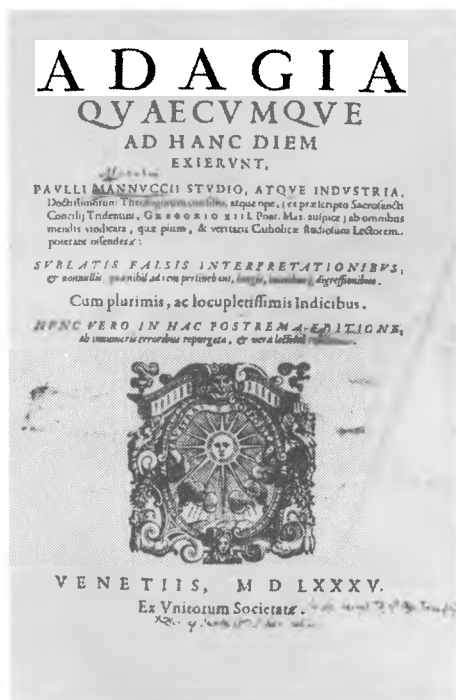
³¹ Renouard A. A. Op. cit. P. 529.

³² Горфункель А. Х. Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения // Античное наследие и культура Возрождения. С. 6 — 19.

³³ Горфункель А. Х. От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» (Философские проблемы культуры Возрождения) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 131 — 166.

²⁹ Ibid. P. 70 — 71.

³⁰ Ibid. P. 59.

«Адагии» Эразма Роттердамского в переработке Павла Мануция. Венеция, 1585 (экз. ГПБ)

му как самостоятельному духовному движению.

Правда, в первые годы деятельности римской типографии Павел Мануций печатает и в Риме творения древних авторов (часто параллельно с их венецианскими изданиями). В 1563 г. в Риме выходят в свет сочинения Саллюстия с учеными комментариями Альда Младшего. Сохраняя все внешние признаки образцовых «альдин» лучших времен (изысканная печать, удобный формат, тщательное исполнение и, конечно же, «дельфин на якорю»), издание это несет на себе печать компромисса гуманистической образованности с католической реакцией. Предпосланное книге посвящение адресовано юным Альдом Римской коллегии иезуитов, и главный пафос этого панегирика заключается в противопоставлении воп-

лощенного в деятельности коллегии христианского благочестия культу классической древности. Рассказав об осуществлении своей давней мечты посетить Рим и увидеть все то, о чем читал он у древних авторов, Альд Младший продолжает: «Но ни мраморные, ни бронзовые статуи, ни зрелище семи холмов, ни величественный облик Капитолия не вызвали в моей душе столь великой радости и восхищения, как достоинство и устройство вашей коллегии, в коей все устроено не ради суетного наслаждения или кратковременной пользы, но ради вечных плодов нерушимой славы, ради верного спасения души!»³⁴

³⁴ Мы пользовались повторным изданием: Sallustius Crispus C. Coniuratio Catilinae et Bellum Jugurthinum. Roma, 1567. F. (2) г.

Как видим, уроки, преподанные кардиналом Дж. Серипандо, пошли впрок. Провозглашенные гуманистами-издателями, отцом и сыном (Альд Младший прямо отмечает, что посвящение написано им по наставлению отца), верноподданнические чувства приверженности идеям Контрреформации, их готовность поставить не только печатный станок, но и филологическую ученость на службу церкви получили очень скорое и достаточно полное осуществление в их издательской практике.

Уже в первые годы деятельности римской типографии Павла Мануция в ее продукции преобладают издания сочинений отцов церкви (но это не прежние гуманистические издания полных собраний творений представителей патристики, а отдельные трактаты, отобранные на злобу дня), сочинения средневековых и современных теологов, необходимые для проведения антилютеранской, проповеднической и дисциплинарной программы Тридентского собора.

Очень скоро обнаружилась несостоятельность попытки совместить гуманистические занятия со служением Риму. Несколько первых изданий античных авторов в римской типографии Павла Мануция оказались последними. Новый папа, Пий V, сообщал он в письме к сыну в январе 1566 г., «не хочет, чтобы печаталось что-либо, кроме священных книг»³⁵. Даже его мечта издать Библию, продолжив дело, начатое «Альдиной» 1518 г., не суждено было осуществиться при его жизни; замыслу этого издания, возникшему у Павла Мануция сразу же по переезде в Рим, воспротивились «отцы» Тридентского собора: слишком свежи были впечатле-

ния от использования текста Священного Писания противниками католицизма³⁶. И в последующие годы подобные попытки наталкивались на непреодолимое сопротивление: «Все это, наверное, удалось бы осуществить,—писал Павел Мануций сыну в 1568 г.,—и в короткое время, если бы я не был связан по рукам»³⁷.

Это ощущение скованности в главном деле своей жизни не оставляет его на протяжении многих лет. «Не могу сообщить тебе все свои мысли, отчасти потому, что лучше сохранить их в моем сердце, отчасти потому, что час не настал... В книгопечатании я делал и делаю то, что вынужден делать; а то, что было бы лучше и что я постоянно храню в душе, я еще сделаю, когда время настанет... и когда мне не придется зависеть от помощи извне,—и хватит об этом»,—писал он сыну 27 мая 1570 г., а месяц спустя горько сетовал: «Если был когда человек, лишенный свободы воли в том, чтобы распоряжаться своей жизнью, то это я, ибо нахожусь в зависимости от государя, обладающего абсолютной властью не только надо мной, а над всем миром»³⁸.

Над издательской деятельностью нависает тень Индекса запрещенных книг. Оказываются под запретом выпущенные прежде в издании Мануциев сочинения Пьетро Аретино, Никколо Макиавелли, Эразма Роттердамского. Из каталога издательства, опубликованного Павлом Мануцием в 1563 г., исчезают опасные имена, правда, замененные таковыми описаниями: «Никколо Флорентийца сочинения» и «Некий северянин» (*Transalpinus quidam*)³⁹.

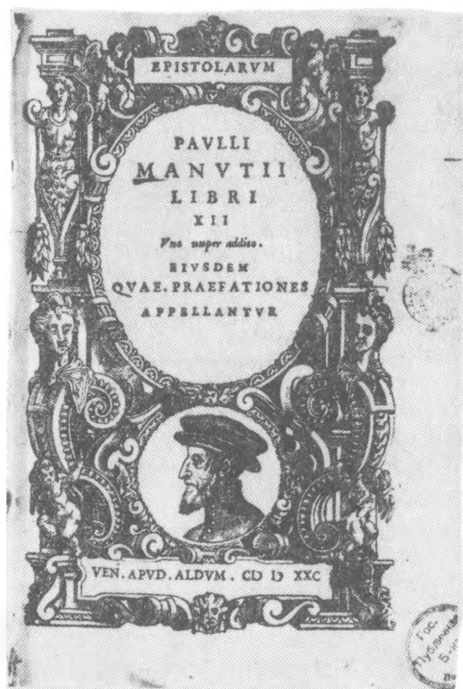
³⁶ Renouard A. A. Op. cit. P. 527.

³⁷ Manuzio P. Op. cit. P. 132.

³⁸ Ibid. P. 200—202.

³⁹ Renouard A. A. Op. cit. P. 340.

³⁵ Manuzio P. Op. cit. P. 78.

Павел Мануций. Письма. Венеция, 1590. Титульный лист с портретом Альда Мануция Младшего (экз. ГПБ)

После одного из заседаний Конгрегации Индекса Павел жалуется сыну: «У меня уже голова идет кругом, и не знаю, что из всего этого выйдет, столько препятствий вижу со всех сторон»⁴⁰.

Контроль инквизиторов распространялся не только на издания, но и на состав домашних библиотек. «Что до твоих книг,— пишет Павел Мануций сыну в 1570 г.,— то они в надежном месте, в упакованных ящиках, в том виде, как ты их оставил. Я не знаю, есть ли там что-либо запрещенное или подозрительное, и не хочу их ни трогать, ни видеть, чтобы не случилось со мной то, что произошло с одним из моих слуг, который провел несколько месяцев в тюрьме и отведал дыбы,

хотя безо всякой вины, только потому, что кто-то назвал его, сказав, будто читал у него здесь в доме какое-то сочинение Франко, одно имя которого способно довести до тюрьмы любого, кто не то что беседовал с ним, но хотя бы прочитал что-нибудь из его книг»⁴¹. Известный писатель-сатирик, не щадивший в своих произведениях пороков римской курии, Н. Франко был в это время казнен в Риме. Впрочем, спешит добавить Павел Мануций, явно опасаясь постороннего глаза, «трибунал суров, но и свят, и мы должны возносить хвалы всякому его деянию на благо сего Святого Престола, со всех сторон осаждаемого извращенным духом еретиков»⁴².

Узнав о намерении сына переиздать пользовавшийся успехом у читателей сборник писем разных лиц на итальянском языке, Павел Мануций не на шутку встревожился. Он предупреждает его о цензурных строгостях, о том, что письма многих авторов, изданные ранее, ныне запрещены, что не дозволяется публиковать письма неизвестных и не названных авторов, так как за анонимностью может скрываться опасный еретик, а равно и любовные письма, противные христианской нравственности; в конце концов он посылает Альду перечень писем из своего собственного издания 1567 г., подлежащих безусловному изъятию. Это письма бывшего епископа, впавшего в ересь Пьер-Паоло Верджеро, бывшего генерала францисканцев, бежавшего в кальвинистскую Женеву Бернардино Окино, любовное послание Аннибале Каро, письма Пьетро Аретино. Среди адресатов изъятых писем — благочестивая поэтесса Виттория Колонна, близкий друг

⁴¹ Ibid. P. 181.

⁴² Ibid.

⁴⁰ Manuzio P. Op. cit. P. 95.

Микеланджело, примыкавшая к умеренно реформационным кругам; ее воззрения уже посмертно привлекли внимание инквизиторов во время процесса бывшего папского протонотария Пьетро Карнесекки, казненного в том же 1570 г., что и Никколо Франко⁴³. Характерно, что среди подлежащих, по совету Павла Мануция, изъятию писем оказалось и адресованное ему самому письмо Франческо Греко, приведенное нами выше и содержащее похвалы издательской деятельности Альда Старшего и его сына: автор письма перешел в лагерь Реформации⁴⁴.

Между тем Павел Мануций с сыном превращаются в официальных печатников Римской курии, и это касается не только типографии в Риме, но и венецианских изданий, которые под руководством отца и самостоятельно осуществляет Альд Младший. В свет выходят богослужebные книги различного назначения — Бревиарии, Миссалы, Журналы. В Риме и Венеции выходят в свет с маркой «Дельфин на якоре» 18 изданий нового римского Катехизиса, 22 издания «Канонов и декретов Тридентского собора»; печатает Павел Мануций и Индекс запрещенных книг, включающий многие имена друзей и единомышленников его отца, да и его собственных, имена авторов опубликованных им ранее сочинений. К выполнению папских заказов «младшие» Мануции относятся с рвением не меньшим, чем к изданию античных авторов. Поручая сыну параллельно печатать «Римский катехизис» в Венеции, Павел Мануций озабочен получить на него допол-

нительно привилегию Венецианского сената, чтобы «его не печатали лица, которые поступали бы так против намерений Его Святейшества, который запретил это под угрозой отлучения»⁴⁵.

Но не только печатный станок — и свою гуманистическую эрудицию ставят младшие Мануции на службу католической реакции. Павел Мануций правил латинский язык «Римского катехизиса», предполагал написать официальную историю Тридентского собора. И когда при папе Григории XIII Павел Мануций получил поручение подготовить комментарий к сочинению Цицерона «Об обязанностях», он не скрывает, что удостоился этой чести в результате запрета кардиналами-инквизиторами другого комментария к Цицерону, принадлежавшего немецкому гуманисту реформатору Бетулию (Сиксту Брикену), и откровенно радуется запрету книги своего заальпийского коллеги и тому, что впредь «Его Святейшество запретит продавать и читать всякий иной комментарий, кроме моего»⁴⁶.

Альд Младший идет еще дальше — он включает в круг своих издательских интересов демонологическую литературу. Известно, что в Италии конца XV — начала XVI в. не вышло в свет ни одного издания «Молота ведьм» Инститориса и Шпренгера. Сто лет спустя последний представитель династии Мануциев трижды, в 1587—1592 гг., издает итальянский перевод «Демонномании» Жана Бодена — одного из самых яростных антиведовских трактатов XVI столетия. Трудно было бы отнести это издание к «оборотной» или «теневой» стороне ренессансной культуры, слишком очевидны здесь черты культу-

⁴³ Горфункель А. Х. Пьетро Аретино и Виттория Колонна // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983. С. 214—225.

⁴⁴ Manuzio P. Op. cit. P. 299—300.

⁴⁵ Ibid. P. 84.

⁴⁶ Ibid. P. 2677.

ры Контрреформации. Одновременно издаются и два других демонологических сочинения: «О природе демонов» Лоренцо Анания и «О колдовстве» Леонардо Вайро.

Именно Альду Младшему удалось осуществить мечту отца об издании Библии: в качестве управляющего Ватиканской типографией он дважды, в 1590 и 1592 гг., выпустил в свет Священное Писание. Но если «Альдина» 1518 г. была выдающимся достижением гуманистической библейской текстологии, то «Сикстина» восстановила и закрепила авторитет слегка подправленной Вульгаты и явилась последовательным выражением охранительных тенденций Контрреформации.

Но наиболее очевидным проявлением перемен, происшедших на протяжении XVI столетия в «Доме Альда», явилась судьба Эразмовых «Адагий». Одно из первых изданий «Адагий» Эразма Роттердамского, этого сборника толкований античных пословиц и крылатых выражений (в сущности — первое издание новой авторской редакции), было выпущено Альдом Мануцием в 1508 г. В дальнейшем книга многократно переиздавалась, вплоть до последнего прижизненного издания, вышедшего в свет в Базеле в 1536 г. Собственно филологические толкования были дополнены и расширены; в конечном итоге «Адагии» стали сводом гуманистической философии, этики, последовательным выражением Эразмовой «философии Христа» — этического истолкования христианства, противостоящего внешней и официальной религиозности католицизма. Неудивительно, что, наряду с другими сочинениями нидерландского гуманиста, «Адагии» были занесены в папский Индекс запрещенных книг. Однако, учитывая значение книги как филологического пособия при изучении древних языков и памятников

латинской и греческой письменности, Тридентский собор поручил Павлу Мануцию переработать книгу, «очистив ее от всего враждебного и опасного с точки зрения католической реакции: «Адагии» же в издании, которое предпримет Павел Мануций, разрешены. А пока что разрешаются все уже изданные после уничтожения подозрительных мест на основании суждения какого-либо теологического факультета католического университета, либо генерального инквизитора»⁴⁷. Известно, что, не дожидаясь завершения трудоемкой ревизии книги, предпринятой Павлом Мануцием, теологические факультеты, инквизиторы и монахи сами взялись за «очищение» «Адагий», как по собственному разумению, так и, впоследствии, на основе специальных «очистительных» индексов, которые стали издаваться в дополнение к Индексам запрещенных книг. Сохранились экземпляры, подвергнутые этой благочестивой операции, в результате которой из труда Эразма было вырвано, вычеркнуто, вымарано все, что выходило за пределы чисто историко-филологического толкования пословиц и содержало изложение религиозных, философских, этических, политических воззрений гуманиста, в особенности все, что носило антиклерикальный характер — от целых страниц до отдельных абзацев, строк и даже слов⁴⁸.

Параллельно с этой грубой кустарной работой шла высокоученая филологическая правка, потребо-

⁴⁷ *Canones et decreta Sacrosancti oecumenini Concilii Tridentini*. Dilingae, 1565. F. 19 v.

⁴⁸ Малаховская М. Л. Прижизненные издания Эразма Роттердамского в фондах ГПБ // Исследование памятников книжной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1985. С. 125 — 131.

вавшая немалых усилий от «первого гуманиста» своего времени, превратившегося в «гуманиста архикатолического»⁴⁹: «Весь труд пал на меня и одного теолога,— писал Павел Мануций сыну,— и мне была дана книга как моя работа, обещанная собором, как это будет видно из «*Motu proprio*» (частного определения папы) нашего государя... У меня в руках и «Апофтегматы» Эразма, которые также даны мне для просмотра»⁵⁰. Предупреждая Альда Младшего, также вознамерившегося издавать «Адагии» со своими учеными дополнениями, Павел Мануций писал в январе 1574 г.: «Все, что относится к «Пословицам» Эразма, должно быть просмотрено здесь и одобрено магистром Св. Дворца, и представлено им кардиналам из Конгрегации Индекса; все они дурного мнения об Эразме из-за его ересей, ... так что книга снова едва не была запрещена даже после просмотра... И если бы это была не моя работа, то эти «Пословицы» так бы никогда и не напечатали; но Сирлетти и Джустиниано, которые любят и ценят меня, зная о том, какого труда мне это стоило, не желают меня обижать, запретив печатание, предусмотренное постановлениями Собора»⁵¹.

Одобренная папой книга вышла в свет, но уже после смерти Павла Мануция; Альд Младший опубликовал ее со своим предисловием-посвящением папе Григорию XIII во Флоренции в 1575 г., у издателей Джунта, с которыми находился в родстве. Затем последовали переиздания в Венеции в 1578 и 1585 гг. Огромный том (более 700 страниц в первом издании ин-фолио, более

1000 — в двух других ин-кварто) включал не только пословицы и выражения, объясненные Эразмом, но и дополнения из других авторов, внесенные Павлом Мануцием. С другой стороны, он, по собственному признанию, «изъял» из «Адагий» Эразма не менее 200 статей. Смысл этой переработки (в которой имя Эразма даже не упоминалось) был четко сформулирован в заглавии книги, помещенном на титульном листе: «Адагии, тщанием и усилиями Павла Мануция, а равно и советами учнейших богословов очищенные от всех ошибок, которые могли оскорбить преданного католической истине читателя, а также с изъятием ложных толкований и некоторых многословных и пустых отступлений, не имеющих никакого касательства к делу»⁵².

Издание сопровождалось публикацией «*Motu proprio*» — частного определения папы Григория XIII, из него и были взяты формулировки титульного листа. Благословляя труд Павла Мануция по переработке «Адагий» (а также и маленького сборника изречений «Апофтегматы», опубликованного позднее, в 1577 г., Альдом Младшим в Венеции), папа запретил все другие издания под угрозой отлучения и передачи виновных в руки светских властей; документ этот подлежал обнародованию не только в составе книги, но на вратах Апостолической канцелярии и на Поле Цветов в Риме (Кампо ди Фьори), которое было излюбленным инквизицией местом для казни еретиков и куда другой папа, Климент VIII, отправил на костер Джордано Бруно (начало понтификата Климента VIII Альд Мануций Младший отметил специальным изданием восторженного панегирика).

⁴⁹ Rokosz M. Op. cit. S. 268.

⁵⁰ Manuzio P. Op. cit. P. 231 — 232.

⁵¹ Ibid. P. 314.

⁵² Adagia. Venezia, 1585. F. 1.

Любопытно, что друг и соратник Павла Мануция по научным занятиям Марк-Антуан Мюре не признал в новых «Адагиях» творения «князя гуманистов»: «Теперь кто-то нагромоздил эту грубую и неудобоваримую грудку, и никто не убедит меня, что это был Павел Мануций»⁵³. Не преуменьшая роли магистра Св. Дворца Томмазо Манрикеса у других богословов, мы все же не можем не считаться с ясными и определенными заявлениями самого «исправителя» «Адагий» и его сына.

Лишенная имени и духа Эразма переработка «Адагий» превратилась в чисто «археологическое» пособие для изучения древней словесности в прикладных целях; такая препарированная античность была вполне приемлема в иезуитских коллегиях и могла быть безболезненно включена в контрреформационную культуру иезуитского барокко.

«Очищенный» от своего духовного и идейного содержания гуманизм превращался тем самым в чи-

сто внешнюю классическую эрудицию — но при этом не мог не явить картины и профессионального упадка. Превращенный в «служанку богословия», как то было со «свободными искусствами» в системе ортодоксальной средневековой схоластики, он перестал быть гуманизмом в изначальном, широком смысле слова, несмотря на сохранение интереса к чтению и комментированию древних авторов и к изучению древних языков. Верность чисто филологической стороне гуманистической культуры в ущерб ее идеологической роли обернулась в деятельности «младших» Мануциев изменой подлинному содержанию культурной традиции, завещанной основателем династии. Как антиква стала уже во второй половине XVI в. общепринятым графическим языком всей латинской типографской культуры, утратив свой изначальный знаковый смысл, так и классическая образованность стала общим достоянием вне идеологических и конфессиональных различий, перестала быть знаменем новой культуры и была ассимилирована католической реакцией.

⁵³ Bibliographie des oeuvres d'Erasmus. I. Adagia. Gand, 1897. P. 172.

У. ДЕЙТЕЛИ КНИГИ

Н. Н. Блинов

ДАТЬ СВОЕМУ ВРЕМЕНИ

(воспоминания о Ф. Ф. Павленкове)

Николай Николаевич Блинов (1839 — 1917) — деятель народного образования, этнограф, исследователь быта инородцев. Он составил первую азбуку для удмуртских детей — «Лыдзон», книгу для начальной школы «Ученье-свет» и хрестоматию к ней — «Пчелка».

Будучи священником в Вятской губернии, Н. Н. Блинов в 70-х годах познакомился и близко сошелся с Ф. Ф. Павленковым, опальным издателем, сосланным в Вятку. Блинов помогал Павленкову в создании «Наглядной азбуки», взял на себя ее авторство, участвовал в издании «Вятской незабудки» — остросатирического сборника статей, характеризующих провинциальные порядки и нравы. Сотрудничество их продолжалось и после возвращения Павленкова из ссылки.

Воспоминания «Дань своему времени» написаны Блиновым в 1914 г. в Сарапуле, где он провел последние годы жизни. Две главы воспоминаний напечатаны в журнале «Урал» (1981, № 2). Рукопись хранится у внучки Н. Н. Блинова — Нины Ивановны Комаровой, живущей в Свердловске.

Публикуем отрывки из воспоминаний, повествующие о взаимоотношениях Н. Н. Блинова и Ф. Ф. Павленкова.

Публикация Н. И. Комаровой.
Предисловие и примечания Ю. А. Горбунова

Исполняя свое обещание, преосвященный Аполлос¹ решил менястроить на должность учителя в Нолинском духовном училище<...>

¹ Аполлос — епископ Вятский и Слободской. Мирское имя — Иван Беляев (1812 — 1885).

За лето состоялось назначение меня учителем географии, арифметики и чистописания; более 20 уроков в неделю, каждый по часу с четвертью<...>

Тем летом газеты получили особый интерес: печатался процесс об убийстве в Петровской академии².

Переписка с Ф. Ф. Павленковым продолжалась. Он послал мне для просмотра рукопись текста³. Место для рисунков отмечалось клетками.

В то же время я внес в губ<ернское> собрание предложение об устройстве земского кабинета наглядных пособий.

Собрание признало важное значение такого кабинета для успеха народного образования, избрало для выработки плана особую комиссию, в которую предложило пригласить меня. Получив извещение о времени собрания комиссии и билет на проезд за счет земства, я ездил в Вятку и, кажется, не один раз. В результате я составил ката-

² Речь идет о деле нечаевцев — судебном процессе над участниками подпольной организации С. Г. Нецаева «Народная расправа» (июль — сентябрь 1871 г.). В конце 1869 г. членами этой террористической организации был убит студент Московской земледельческой академии И. И. Иванов.

³ Рукопись «Наглядной азбуки для обучения и самообучения грамоте», над которой Павленков в это время работал.

лог кабинета наглядных пособий, напечатанный в приложении к книге «О способах обучения предметам нач^ального курса нач^ального народ^ных училищ»⁴.

Пользуясь случаем, в Вятке мы с Фл^аорентием Ф^едоровичем Павленковым обсуждали все, что касалось окончательной редакции «Наглядной азбуки», и обсуждали вопрос о печатании моей книги «Ученье-свет». Фл. Фед. соглашался напечатать ее и уплатить необходимую сумму художнику для изготовления рисунков книги.

Тогда же начинающий рисовальщик бывший гимназист Вас. Ив. Порфирьев⁵ взялся приготовить рисунки прямо на загрунтованном клише, кажется, 80—100 рисунков. Порфирьев, впоследствии карикатурист, еще когда был в Бахте⁶, начал делать наброски рисунков и теперь заинтересовался ими, выговорив некоторую плату за время работы.

Когда появилось известие об устройстве в Москве Политехнической выставки и проектированных при ней курсов для учителей из разных губерний⁷, мы с Фл. Федоровичем приняли план моей поездки на выставку. Я 1) согласился принять

авторство «Нагл^адной» азбуки» и уже от себя предложить редактору журнала «Семья и школа» напечатать ее бесплатным приложением. 2) Просить лекторов на курсах познакомиться учителей с новым методом обучения грамоте. Тогда «Азбука» еще не была напечатана. 3) Предложить учителям-курсистам дать свои адреса, по которым «Азбука» по отпечатании будет выслана бесплатно.

Я со своей стороны надеялся найти в Москве издателя уже готовой книги «Ученье-свет».

Само собой, мне, как учителю, полезно было посещение как самой выставки, так и кабинетов наглядных пособий, которые, предполагалось, будут устроены в более обширном виде.

Все устроилось благополучно. В Москву я поехал с учителями — с шурином (братом жены) Мих. В. Грачевым, учителем в с^еле Кырчаны, и с Вас. Ник. Лобовиковым — учителем в Нолинской школе.

Прежде всего я свел знакомство с Викт. Вас. Еропкиным⁸, у которого была устроена мастерская наглядных пособий — простых, дешевых, приспособленных для народных школ<...>

Кажется, именно он познакомил меня с Анат. Иванов. Мамонтовым⁹. Я обратился к нему с предложением об издании «Ученья-свет». Познакомил его с идеей книги и показал рисунки. Анат. Ив. сразу заинтересовался изданием. Условились о плате за него, и я получил чек на 100 и 200 р. Он

⁴ Блинов Н. Н. О способах обучения в семье и школе предметам учебного курса в начальных народных училищах. Спб.: Тип. А. М. Котомина, 1870. 76 с.

⁵ Порфирьев Василий Иванович (1853 — после 1909) — художник и беллетрист. Сотрудничал в журналах «Стрекоза» и «Осколки».

⁶ Село неподалеку от Вятки.

⁷ Первая в России Политехническая выставка, организованная по инициативе Общества любителей естествознания, состоялась в Москве в 1872 г. На ее основе возник Политехнический музей. О событиях, связанных с открытием выставки и педагогических лекций для народных учителей, в которых участвовал И. Н. Ульянов, рассказано в романе-хронике М. Шагинян «Первая Всероссийская».

⁸ Еропкин Виктор Васильевич (1850—1908) — педагог, деятель народной школы.

⁹ Мамонтов Анатолий Иванович (1840—1905) — основатель и владелец типографии Товарищества Мамонтова; в 1864 г. организовал первую женскую типографию на артельных началах.

просил познакомить <его> с художником, так как оказалось, что рисунки нужно перерисовывать заново. В. И. Порфирьев вскоре приехал в Москву, и мы отправились к Мамонтову, который и с ним условился о плате и тоже выдал чек. Вас. Ив. просто не верил случившемуся. Ехал на неизвестное и — сразу обеспеченное положение! Дальнейшая судьба Вас. Ив., усовершенствование в рисовании и в др <угом> устроились при поддержке Ан. Ивановича <Мамонтова>.

Я тоже был вполне доволен успехом дела, считал, что издание «Уч<енья>-св<ет>» передано в надежные руки.

Теперь скажу об учительских курсах.

Во время выставки в Москве открыты были курсы для учителей разных губерний. Лекторами приглашены: <Н. Ф.> Бунаков — по русскому языку, <В. А.> Евтушевский — по арифметике и <К. К.> Аль<брехт>¹⁰ — по пению.

Согласно уговору с Павленковым, я прежде всего вошел в соглашение с <Ю. И.> Симашко¹¹. Он охотно согласился принять бесплатно прекрасное приложение — «Нагл<ядную> азбуку», иллюстрированную 400 рисунками, и «Объяснение <к «Наглядной азбуке»>».

С Н. Фед. Бунаковым я здесь же познакомился и подружился. Его я познакомил как с «Наглядной азбукой», так и с «Ученьем-свет». Об этих новых книгах он со-

общил в своей лекции (напечатана)¹² и, кроме того, предложил присутствующим дать свои адреса, по которым потом высланы были экземпляры «Н<аглядной> азб<уки>» <...>

В Нолинске в 1872—73 гг. все свободное от занятий в дух <овном> училище <время> шло на работу — писание руководства для занятий по книге «Ученье-свет» и составление хрестоматии к ней — «Пчелки». Потом, при печатании книг в Москве, корректуру высылали, кажется, мне. Одно помню, что тогда шла усиленная почтовая переписка.

В то же время создавалась, зрела великая напасть на меня. «Наглядная азбука» вышла в свет и получила большое распространение благодаря принятым мерам: рассылке всем подписчикам журнала «Семья и школа», рекомендациям Бунакова, а потом — учителей, бывших на курсах, которые получили экземпляры «Азбуки». Фл. Фед. <Павленков> разослал циркуляры о выходе ее во многие земства. Некоторые из них пожелали ввести «Азбуку» в школах своего уезда, но для этого требовалось разрешение Ученого Комитета Мин<истерства> Нар<одного> Просвещения.

В Глазовском земстве у Фл. Фед. были знакомые земцы, и они настояли послать ходатайство об одобрении книги. Ходатайство пошло через губернатора, который представлял его попечителю округа¹³ <и> постарался изобразить

¹⁰ Альбрехт Константин Карлович (1836—1893) — деятель в области музыки, один из учредителей русского хорового общества.

¹¹ Симашко Юлиан Иванович (1821—1893) — издатель педагогического журнала «Семья и школа» (1871—1876), преподаватель математики и естествознания.

¹² Прочитанные Н. Ф. Бунаковым на Всероссийском учительском съезде лекции по обучению родному языку впервые были напечатаны в журнале «Семья и школа» (1872, № 8, кн. 2). В том же году они вышли отдельным изданием в Петербурге («Родной язык как предмет обучения в начальной школе»).

¹³ Казанского учебного округа, куда входили учебные заведения Вятской губернии.

автора (меня) с худшей стороны. Попечитель Шестаков в свою очередь в представлении Министру <народного просвещения Д. А.> Толстому сделал указания на <наи>более «ужасные» места; рядом поставлены рисунки: монах и пастух, налож и стойло, виселица и на той же странице царь, офицер. Фразы: «Барин: раздень меня, уложи меня, перекрести меня, а усну я сам»¹⁴, «Как приятно умирать за царя и отечество», — сказал солдат, убегая с поля сражения, и пр<о чее>.

А так как я уже раз подвергался подозрению, то, естественно, участь готовящегося мнения должна была явиться сугубо дурная. Но пока предписано было архиерею потребовать от меня объяснений. В Нолинск ко мне прислали требование ответить по нескольким вопросам относительно «Наглядной азбуки». Пока я раздумывал, Фл. Фед. <Павленков> поспешил прислать мне черновик ответа¹⁵.

Момент был решительный для меня. Я мог решительно заявить, что не я автор «Азбуки». И вообще не ответственен в допущенных промахах, некоторых рисунках и фразах, что было вполне справедливо. Дальнейшая история моей жизни могла бы сложиться много иначе, чем она затем пошла.

Следует принять во внимание важное обстоятельство. Как упомянуто, по настойчивому желанию Фл. Ф. я согласился, чтобы на книге стояла моя фамилия как автора. Но когда при выпуске книги в свет на титульной странице отпечатана была моя фамилия, он послал телеграмму снять с книги мою фами-

лию. Нравственный долг обязывал Фл. Ф. тогда же известить и меня. Этого он не сделал, оставив меня в убеждении бесповоротности признания моего авторства. Уверенный в том, что на книге стоит моя фамилия (я не имел еще в руках ни одной книжки), я считал себя вынужденным продолжать говорить ложь по брательнику, высланному мне Фл. Ф. Так велико было мое доверие и сердечное расположение к нему.

В результате получилось увольнение меня от должности учителя в дух<овном> училище и назначение в село Лекму Слободского уезда и в будущем возможность заключения в Суздальскую тюрьму.

Одновременно с тяжелым служебным положением я страдал и физически <...>

В таком-то положении, больной, без места, с дурной репутацией, с большой семьей я переселился в Вятку. Архиерею я представил удостоверение от врачебного инспектора, что к служению я не способен, не могу делать поклонов, становиться на колени и др. Не могу жить в селе без врача и просил оставить жить в Вятке без места. Просьба была удовлетворена. Первое, что мне нужно было, — лечиться. Доктор Витковский настоял, чтобы я ехал на воды в Старую Руссу. Фл. Ф. <Павленков> купил у меня второе издание книги «О способах обучения <в семье и школе> пр<едметам учебного курса в> нач<альных народных> уч<илищах>». Он дал всего 200 р. Половину я оставил семье, а с другой поехал лечиться. Тогда путешествие было несколько легче, но все же с большими расходами.

Из Старой Руссы я возвратился здоров и крепок <...>

Среди духовенства <я> стал как бы оглашенным. Со мной были

¹⁴ В «Наглядной азбуке» текст такой: «Прежний барин: — Петька! раздень меня, уложи меня, покрой меня, перекрести меня, перевороты меня; ну, теперь ступай: я сам засну».

¹⁵ См.: ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. 1865.

вежливы, но не считали возможным проявлять чувство признания или хотя бы сочувствия. Один такой я был на всю губернию. Я понимал причины сдержанного отношения ко мне, но, конечно, считал его несправедливым; однако должен был терпеливо, «не показывая вида» какого-либо неудовольствия, переносить равнодушно. Тем более, что дальнейшие обстоятельства усиливали видимую мою неблагонадежность. Однако никто не знал, в чем же собственно она проявилась? Раз при недомогании кого-то из детей пригласили доктора. Пришел Вал<ентин> Федос<еевич> Нагорский. С ним и его женой с этого времени завязалось знакомство, перешедшее в тесную дружбу. Я работал с ним в санитарной комиссии. Это был замечательно симпатичный человек. Вечно волнующийся, изобретающий что-либо. О нем мной написана особая статья, почему я и не буду много говорить здесь. Равно особая статья дается и о Фл. Ф. Павленкове¹⁶. Упоминаю только о том, что касается лично меня. Знакомство с семьей Нагорского скрашивало нашу жизнь в Вятке. Днем как у него, так и у меня было много дел. Зато вечером или мы у них, или они у нас проводили время. Вели нескончаемые беседы с обсуждением земских дел, необходимости тех или других мер. Женщины судили свои дела или тоже присоединялись к нам. Летом мы шли в Александровский сад, когда он пустел. По возвращении домой опять вместе пили чай. Так наша жизнь скрашивалась, пока Нагорские не переселились в Петербург<...>

О трех обысках и беседе с жандармским полковником я уже гово-

рил в воспоминаниях о Павленкове. Мог бы здесь и пополнить кое-что, но мне тяжело вызывать тени прошлого. Только тот, кто испытал впечатление от процесса обыска, может чувствовать глубину унижения человеческой личности. Ты, смотревший до этого на себя как на определенную ценность, недоступную для осквернения посторонними людьми, вдруг оказываешься втоптаным в грязь. Грязными руками совершенно чужие люди залезают в твою душу, барабаются в ней, пытаются тебя вопросами, требуя объяснения слов, поступков, о которых противно говорить с чужим человеком. Перебирают письма, заглядывают в вещи, даже разламывают их, распарывают одежду и проч.

И все это по прихоти, без следствия, без суда<...>

Дело о лицах, привлеченных к следствию о государственных преступлениях (или вроде того), закончилось благополучно для меня. А это было неприятно губернатору Н. А. Тройницкому. Причиной недовольства администрации было подозрение меня в писании корреспонденций в петербургские газеты, в частности в «Голос»¹⁷, где сотрудничал <М. Л.> Песковский, бывший преподаватель Вятск<ого> земск<ого> сель<скохозяйственного> училища¹⁸. Корреспонденции я писал, но, кроме моих, в газетах являлись письма и других лиц. Но я был на виду, и все приписывалось мне<...>

¹⁷ «Голос» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1863—1884 гг. Редактор-издатель А. А. Краевский. С 1871 г. соредатор В. А. Бильбасов.

¹⁸ Песковский Матвей Леонтьевич (1843—1903) — писатель, педагог. В биографической серии Ф. Павленкова вышли написанные им биографии Н. А. Корфа, К. Д. Ушинского, А. В. Суворова.

¹⁶ Воспоминания о Нагорском и Павленкове Н. Н. Блинова не обнаружены.

Кроме того, начали появляться статьи обличительного характера относительно служебных лиц. Администрация против печати была бессильна; но раздражение многих лиц было сильное. Губернатор надеялся, что меня как неблагонадежного удалят из губернии, но это не состоялось, и Троицкий принял «свои средства». Он стал давать дружеские советы тем лицам, с которыми я был знаком и имел какое-либо дело. Губернскому санитарному врачу Радакову, секретарю губ<ернского> стат<истического> комитета Караваяву и др<угим> он объяснял, что начальство смотрит на Б<линова> неблагонадежно, вполне понятно, что знакомство с ним небезопасно. В случае чего-либо неприятного для него могут потерпеть и люди, близкие к нему. Радаков, близкий знакомый мой, сам не решился прийти ко мне, а пригласил к себе и сообщил о неудовольствии губернатора. На это все же хватило храбрости. Тогда я сам пошел к губернатору и просил объяснить, что, собственно, он имеет против меня. Предположение о неудовольствии корреспонденциями подтвердилось. Я объяснил, что совершенно неосновательно все корреспонденции приписывать мне. «Ну, значит, вы сообщаете материал». Я удивился. «Вообще,— прибавил Троицкий,— я советовал бы вам переехать на службу в село». Я ответил, что при тех условиях, в какие я поставлен, жизнь в селе для меня была бы гражданской смертью; да я уже и не могу жить в селе. «Если не можете, то снимите сан». Я сказал, что это было бы неприятно для моего начальства; да и сам я не имею в том необходимости. «Тогда переезжайте в другую губернию»,— закончил он объяснение.

Для меня дело было ясное: в

Вятке оставаться более было бы небезопасно. Тем более, что впереди предстоял выпуск «Вятской незабудки»¹⁹.

Я написал письмо Нагорским с описанием обстоятельств, по которым нельзя было оставаться в Вятке, и просил приютить меня, пока где-либо не устроюсь в Питере. Вас. Федос. Нагорский радушно ответил предложением гостеприимства<...>

Главной заботой моей в столице было найти хоть сколько-нибудь обеспеченное место. И все старания сводились к этому. Много знакомств я свел, и немало ходатайств сделал, но, вероятно, моя репутация препятствовала успеху их.

Жизнь предъявляла свои права. Средства требовались значительные. Сын учился в Введенской гимназии. Дочь удалось было поместить в гимназию в Песках. Туда было далеко ходить с Петербургской стороны, и мы не могли завести костюм, приличный столичным барышням. Пришлось <дочери> оставить гимназию и заниматься с репетитором (за обед), что было много лучше.

На квартиру и пищу требовались расходы значительнее, чем в провинции. Без прислуги нельзя было обойтись. Средним числом не менее пяти рублей в день<...>

Раз мой знакомый Владимир Викторович Лесевич²⁰ в редакцион-

¹⁹ О сборнике «Вятская незабудка» см.: Изергина Н. П. Ф. Ф. Павленков и «Вятская незабудка» // Уч. зап. / Кировский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Каф. лит. Киров, 1965. Вып. 20. С. 183—247; Петряев Е. Д. Литературные находки. Киров, 1966. С. 18—24; Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976. С. 58—74.

²⁰ Лесевич Владимир Викторович (1837—1905) — философ-позитивист, друг П. Л. Лаврова. Пропагандировал «Наглядную азбуку» Ф. Ф. Павленкова, его наглядно-звуковой способ обучения грамоте

ном собрании сотрудников «Отечественных записок» упомянул, что в Петрограде живет, крайне нуждаюсь, такой-то священник, провинциальный писатель. Михаил Евграфович Салтыков на это сказал: «Пусть он обратится к Суворину, у него бюджет до 300 тысяч рублей».

Прошла неделя. На новом собрании Салтыков спросил: «Получили ли работу Блинов?» Лесевич ответил: «Я думаю, что у Суворина так много ищущих работу, что без рекомендации бесполезно обращаться. Почему я даже не сообщил о вашем совете». Салтыков сказал: «Пусть он скажет Суворину, что я прошу».

Суворина тогда не было в Петрограде. И я обратился к его компаньону. И получил обещание, что будут печатать мои статьи. После я был у самого Суворина. Знакомство с редакцией сохранялось некоторое время и по возвращении в Вятскую губернию.

Познакомившись с редактором журнала «Детское чтение»²¹ Виктором Петровичем Острогорским, я по его предложению обработал (сократил, упростил и пр.) рассказ Григоровича «Четыре времени года». Мой рассказ заслужил особенную любовь детей. Он напечатан был в журнале «Детское чтение», а потом издан отдельно несколько раз под названием «Трудовой крестьянский год»²². В начале 1878 года я получил от Острогорского предложение написать к мартовской книжке «Детского чтения» рассказ о страданиях Христовых. Я отве-

тил, что тема необъятна — миллионы лиц писали о страданиях, и если писать ныне для детей, то должно быть нечто оригинальное по трактовке событий. Не думаю, писал я, чтобы в столице кто-либо дал статью в такое короткое время и просил оставить тему за мной. Она сверлила мой мозг, <и я> не имел сил отказаться от нее. По мере составления статьи я читал написанное жене, она слушала и ужасалась: «Что ты, что ты! Мало тебе!» Но я не видел ничего, выходящего из границ сочинений о Христе; и потом рассказ <ведь> пойдет в журнал. Дело редакции печатать <его> или нет. Окончив, я принес <рукопись> в один из понедельников в редакцию «Детского чтения»²². Попросили почитать, а выслушав, восторженно похвалили, даже аван выдали 10 р. Считая дело оконченным, я занялся другими делами. Но раз в книжном магазине Вольфа я встретился с <М. П.> Надеиным²² (ему Павленков передал книжный магазин для иногородних при ссылке в Вятку). Он сразу поразил меня вопросом: «Почему цензор не пропустил мою статью?» А <так> как тогда в цензуре могли быть лишь «Страдания», то я понял, о чем идет речь.

В понедельник (через две недели) я пошел к Виктору Петровичу Острогорскому. После чаю, когда разделились на кружки, мы с хозяином пошли в его кабинет. Здесь он сказал о мнении цензора, что в «Страданиях» Христос представлен как учитель социалистов. Кроме того, в рассказе помещены стихи Никитина.

²¹ «Детское чтение» — ежемесячный иллюстрированный журнал, одно из наиболее прогрессивных изданий для детей. Выходил с 1869 по 1906 г. В журнале сотрудничали Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов, А. С. Серафимович и др. В. П. Острогорский был редактором журнала с 1877 по 1884 г.

²² Надеин Митрофан Петрович (1836—1916) — издатель и книгопродавец, сотрудник Павленкова в деле организации «Книжного магазина для иногородних».

Что же было делать? Я взял рукопись в карман. Она лежала дома несколько времени. Раз ко мне на Матвеевскую вечером приехал Павленков. Он предлагал сделать новое издание «Пчелки». Пользуясь массой клише, изготовляемых для «Наглядной азбуки»²³, он задумал книжку иллюстрировать. Мы занялись просмотром картинок, чтобы выбрать подходящие. Когда кончили, было уже поздно, и Фл. Ф. остался у нас ночевать. При этом он спросил: «О каком рассказе говорят, что его запретила читать цензура?» — «Страдания Великого Учителя», вот она», — показал я. «Прочитай ее». Я прочел. Фл. Ф. пришел в восторг. «Как ее напечатать?» — спросил он. «Нет ничего легче», — отвечал я, — «духовная цензура разрешит без затруднений. Мы в духовных сочинениях, в проповедях, говорим еще решительнее. Нужно найти кого-либо, кто бы представил рукопись, не вызывая подозрений». — «У меня есть такая», — сказал он, — «акушерка». На другой день унес рукопись с собой.

Через несколько дней узнаю, что разрешение печатать книжку получено. Акушерка отправилась к архимандриту, председателю комитета духовной цензуры, назвалась родственницей автора и просила о разрешении напечатать. Любезность ее не осталась не вознагражденной. Подпись на разрешение <была> дана. В благодарность она приглашала архимандрита к себе на кофе.

Видя такой успех, Фл. Ф. некоторым более туманным местам придал ясность, <так что> мне пришлось кое-что сглаживать, <например>, его «лозунг» заменить словом «завет» и т. д.

²³ Речь идет об очередном, видимо, пятом, издании «Наглядной азбуки» (Спб.: Тип. А. М. Котомина, 1880). Всего до 1910 г. вышло 22 издания «Азбуки».

Когда книжка была отпечатана²⁴ (перед Пасхой или еще ранее), Фл. Ф. напечатал много объявлений; можно было надеяться, что книга получит большое распространение. Но едва книжки «Страданий» поступили в общий цензурный комитет, там встревожились, вообразили, что это подпольное издание. Типография обозначена «<А. М.> Котомина»²⁵. Туда явился чиновник с допросом: «У вас печаталась эта книга?» Отвечают: «У нас». — «Откуда получено разрешение? У нас не давали». — «Из комитета духовной цензуры». Ныне и с цензурными книгами не церемонятся. Прежде дело обстояло сложнее. Если книга, получившая разрешение цензуры, оказывалась нежелательной, то для отобрания ее требовалось уплатить издателю стоимость нераспроданных экземпляров. А это служило препятствием к отобранию книги. Министерство <внутренних дел> заявило, что не имеет на это ассигнованных сумм. По этой же причине и «Наглядная азбука», собственно, не была запрещена. Так и здесь: от книгопродавцев отобрания были подписи о непродаже «Страданий»²⁶. Однако это было самое меньшее.

В другое время книга прошла бы

²⁴ Полное описание книги: Страдания Великого учителя господа и спасителя нашего Иисуса Христа. Для семейного чтения / Сост. Боримир Николанч. Спб.: Тип. А. М. Котомина, 1878. 32 с. 8 000 экз.

²⁵ В 70-х годах типография А. М. Котомина располагалась на Невском пр., 18. Павленков часто пользовался ее услугами.

²⁶ По другим источникам, книга по распоряжению министерства внутренних дел и обер-прокурора Синода запрещена 13 мая 1878 г. за то, что она «проникнута духом рационализма, вместе с тем направлена к пропаганде социалистического учения». Конфисковано и уничтожено около 300 экз. (См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. М., 1971. Ч. 3. С. 422).

в публике незамеченной, но в 70-х годах подозрительность и репрессии дошли до последних, казалось, границ. Была эпоха «из слез и крови слитая». Н. К. Михайловский часто говорил в последние годы своей жизни: «Семидесятые годы — это аллея, на каждом дереве которой висит повешенный».

Раз я получил повестку о том, что должен явиться в канцелярию оберпрокурора св<ятейшего> синода, захватив с собой паспорт. Встревожился очень. Являюсь. Принимал управляющий канцелярией Чистович у себя в кабинете. Посадил. Перед ним на столе лежит книга Свода Законов, раскрытая. Одновременно входит чиновник и докладывает: паспорт у них (у меня) прописан в канцелярии тогда-то. Видимо, они предположили, что <я> нахожусь в Петрограде самовольно. Чистович спросил: «Как же вы проживаете в столице, когда вот в 3 т. Свода Законов значится, что заштатным не дозволяется длительное пребывание в столицах?» — «Я живу по необходимости, — говорю. — Куда мне деваться? Я получил возможность переселиться в другую епархию, но кто меня примет без солидной рекомендации? А если и пустят к себе, то на плохое место в село. Не могу же я поехать в глушь. Посоветуйте меня какому-либо пресвященному». — «Да как рекомендовать, а вдруг там появится какая-либо «звездочка»?» Говорю: «Вы имеете в виду «Вятскую незабудку»?» Но я не ответственен за издание ее». — «А вот новая книга — «Страдания Великого Учителя!» Возражаю: «Тут указан автор — Боримир Николаич».

Тогда в обществе интересовались всем славянским. Боримир то же, что Николай. Нужно отметить, что Фл. Фед. <Павленков> допустил непростительную вещь. Увлечшись

мыслью большого распространения книжек «Чтение и письмо по картинкам» (то же, что «Наглядная азбука») ²⁷, он на задней странице обертки книжки «Страданий» напечатал объявление именно о «Чтении и письме» и еще о чем-то. Синоду <же> официально было заявлено, что автор «Наглядной азбуки» именно я. Не предвидя возможности причинить мне неприятности, он сделал на меня косвенный донос как на автора «Страданий». Конечно, мы не думали, что с «Страданиями» произойдет переполох, чуть ли не уголовное дело. Руководствуясь объявлениями на книге как бы указующим перстом, в Синоде, в министерстве вн<утренних> дел и в жандармском управлении сразу обратили внимание на меня. Убедились в моем авторстве <еще и потому>, что в типографии Котомина указали на Ф. Ф. Павленкова как на заказчика, издателя «Страданий».

Люди, занимающиеся конспирацией, никогда не проявили бы такой «простоты». Мы же, мирные труженики, поступая во всем легально, не думали о последствиях, в какие попадем в ту смутную эпоху. Книга «Страданий» производила прекрасное впечатление на каждого читающего ее, верующий тот человек или философ, отрицающий многое, интеллигентный или простой человек без образования, русский или еврей. Правда, книгу «Страданий» находили при обыске у лиц, привлекаемых по политическим делам, но это только <еще раз> свидетельствует, что она многим нравилась.

²⁷ Об истории издания «Наглядной азбуки» и «Чтения и письма по картинкам» см.: Горбунов Ю. А. «Наглядная азбука» Ф. Павленкова // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. Л., 1986. Вып. 2. С. 30—43.

Но возвращаюсь к разговору с Чистовичем. Он говорил, что должно же найти выход из положения, в котором я нахожусь. Говоря о трудности переселения в другую губернию, я упомянул, что «возвратиться в Вятскую губернию я не могу». «А вы поехали бы снова туда?» — спросил он. «Конечно, с радостью возвратился бы на свою родину», — ответил я.

На том наш разговор и кончился.

Вновь настали тяжелые дни для меня и моей семьи. <Только> создались было успокоительные признаки более определенного, обеспеченного положения, <появилось> много полезных знакомств, и вдруг все рушилось. Впереди — полная неизвестность.

Когда, по частным сведениям, можно было опасаться очень неприятных событий, я еще раз пошел к Чистовичу. Он принял в приемной — мрачной комнате. Говорили стоя. Разговора я теперь не помню, но впечатление было тяжелое.

Наконец, дело вырешилось распоряжением с <всвятейшего> Синода: возвратить меня на службу в Вятскую губернию, а преосвященному Аполлосу послать указ — дать Б<лино>ву место в епархии, кроме города Вятки.

Было время поздней осени, а в декабре у жены предстояли роды, в распутицу ехать было невозможно. Железной дороги в Вятку не было. Поэтому я <по>просил об отсрочке выезда; на что я получил разрешение.

Собственно, требовалось найти средства на переселение семьи — семеро детей, заготовить теплой одеждой и обеспечить жену на квартире у акушерки Рикке<...>

Возвращусь еще к пребыванию в Петрограде. Кроме сравнительно небольших литературных занятий, у меня на руках была большая,

важная работа — сочинение книги «Жизнь Робинзона»²⁸. Но подробно об этом я буду говорить в особом очерке — о Фл. Ф. Павленкове.

Средства для обеспечения всех детей одеждой и расходов на дорогу, а также на содержание жены, остающейся в Петрограде, найдены. Фл. Ф. Павленков взял у меня второе издание «Пчелки», уплатив кажется, 200 р.<...>

Благополучно приехали в Орловский уезд в Желтопесковскую волость на хутор в пустой дом. Все здоровы. Как могли, устроились<...>

Отдохнув от длинного пути, я поехал в Вятку. Преосвященному я решительно сказал, что останусь без должности, но не поеду в село. Он хотя и указывал на трудность в данное время — свободных мест в городе не было, — но я настаивал: буду ждать. В Петрограде прожил благополучно, а на родине легче будет. Добрый владыка обещал сделать, что возможно<...>

Спустя несколько недель из села приехал дьякон, привез указ консистории о назначении меня сверхштатным священником в сарапульский Вознесенский собор. А через шесть недель после моего выезда из Петрограда приехала и моя жена с новым сыном Петром <...>

В Сарапул приехал я на 17-е число марта месяца 1879 года<...>

Устроились мы в старом доме, принадлежащем протоиерею, выстроенном на усадьбе, прежде принадлежавшей Дуровым. Порядком мы не осмотрелись на новом месте, как к нам явился с обыском исправник с надзирателем. Они осматривали книги, а в письменном столе, кажется, не рылись.

²⁸ Жизнь Робинзона. С 125 картинками / Сост. Н. Блинов. Детские изд. Ф. Павленкова. Спб., 1879; 125 картинок. — 1 р.

Это была новая обида на меня, оскорбление, унижение перед всеми городскими жителями. Но тяжелее всего огорчение для жены. Она задавалась вопросами: за что, чего им нужно? Перебирая в уме, нет ли чего у нас, что вызывает сомнение, <я> вдруг вспомнил. Когда в Петрограде была запрещена продажа «Страданий», Павленков предложил мне взять <книги> с собой в ожидании лучших цензурных условий. Книга вышла с разрешения духовной цензуры, значит, безопасная. В Сарапул <был> привезен и лежал в чулане чемодан с книжками «Страданий Учителя». Вот жена и встревожилась: может

быть, эти книжки искали? А донес Вас. Афанасьевич, крестьянин из села Кырчаны, который складывал наши вещи. Конечно, она ошибалась. Но я настаивать не решался. Мне было жаль прекрасно изданной книги, но еще больше было жаль пострадавшей жены. Она сама затопила в кабинете печь и, когда дрова разгорелись, носила охапками книжки «Страданий» и бросала их в печь. Выходила во двор, чтобы убедиться, что нет большого дыма, что бумагой не пахнет. Она воображала, что обеспечивает спокойствие семьи в будущем <...>

З. А. Покровская

О СИБИРСКОЙ ПЕРЕПЕЧАТКЕ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА «К ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЕ»

Несмотря на огромное количество исследований, посвященных как идейной стороне ленинского творческого наследия, так и истории издания и распространения его трудов, полной библиографии прижизненных изданий ленинских работ до сих пор не существует. Сейчас широкий круг специалистов — сотрудников библиотек, архивов и музеев страны — работает над созданием «Сводного каталога прижизненных изданий произведений В. И. Ленина». В результате этой работы перечень отдельных изданий ленинских работ (ныне наиболее полным сводом таких данных является «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина», М., 1959—1962, ч. 1—2) пополнится довольно значительным количеством неизвестных ранее или известных лишь по литературным источникам изданий, большей частью выпущенных местными партийными организациями России. Пример тому — перепечатанная в Сибири ленинская брошюра «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы».

Как известно, эта работа, написанная в первой половине марта 1903 г. и представляющая собой популярное изложение аграрной программы РСДРП в целях укрепления союза рабочего класса и кре-

стьянства, привлечения последнего на сторону пролетарской партии, вышла в свет в Женеве в первой половине мая того же года. «Вышла на днях популярная брошюра Ленина для крестьян, — писала Н. К. Крупская 15 (28) мая 1903 г. А. У. Залоге в Новгородскую губернию, — называется: «К деревенской бедноте», заключает в себе популярное изложение социал-демократического учения вообще и аграрной программы в частности»¹. Практически весь тираж был отправлен в Россию, партийным комитетам.

Откликов было множество. С мест сообщали об огромном впечатлении, которое произвела брошюра, сетовали на малое количество присланного (конечно, для многомиллионного русского крестьянства несколько тысяч экземпляров, — а большим тираж зарубежных изданий революционной печати почти никогда не бывал, — это была капля в океане). Об этом писали в редакцию «Искры» В. А. Носков из Либавы («Масса требований на брошюру Ленина»), А. И. Гусев и Ц. С. Зеликсон-Бобровская из Твери, Е. Д. Стасова из Петербурга,

¹ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900—1903 гг. М., 1970. Т. 3. С. 383.

А. В. Шотман из Костромы, Мюллер из Одессы, члены Тульского комитета РСДРП и многие другие². «Даша (Восточное бюро ЦК РСДРП.—З. П.) получила и уже месяц как распространяла заграничного издания брошюры, в том числе ...«К деревенской бедноте»,—говорилось в письме И. Ф. Дубровинского из Самары от 8 (21) октября 1903 г.—Последняя всюду вызывает огромный интерес, настоятельная потребность—дать ее в тысячах экземпляров. Считаю очень важным приглядеться, как действует она в той среде, куда прямо адресована, и кое-что на сей конец предпринято. Пущена в крестьянство, скоро соберем несколько отзывов»³.

Нехватку «тысяч экземпляров» необходимо было восполнить. В конце 1903 г. брошюра была перепечатана в нелегальной типографии ЦК РСДРП в Баку (в знаменитой «Нине») ⁴; об этом бакинцы сообщали редакции «Искры», а Н. К. Крупская—местным комитетам в Риге, Киеве и т. д.⁵.

Попытку перепечатать брошюру в нелегальной типографии предпринял и Сибирский союз РСДРП—в Сибирь попало всего около 30 экз. заграничного издания. О томском издании работы В. И. Ленина «К деревенской бедноте» современные исследователи упоминали неоднократно⁶, однако ника-

ких подробностей о нем не сообщали, поскольку опирались лишь на литературные данные. Так же—по источникам—описано издание в «Хронологическом указателе произведений В. И. Ленина»⁷.

Документальное подтверждение тому, что брошюра печаталась, имеется в переписке редакции «Искры» с Сибирским союзом. Во второй половине апреля 1903 г. Союз сообщал о наличии у него печатной техники («В Красноярском и Томском комитетах—типографии, в Иркутском—ремингтон через мимеограф, в Читинском—гектограф»⁸). В письме от 11 (24) сентября говорилось: «Союз предлагает «Искре» свои типографии и ждет от нее и Организационного комитета заказов»⁹. В октябре того же года Союз повторил свое предложение: «Неоднократно предлагаем свою типографию в полное распоряжение или «Искры», или Организационного комитета—ни ответа, ни привета. Если бы «Искра» согласилась сделать ее своей, следовательно, обеспечила бы нас заказами и дала бы право подписи «Издание типографии «Искры», мы бы с облегчением вздохнули. Фирма Сибирского со-

ков Б. В. Издание и распространение произведений В. И. Ленина в Сибири накануне и в годы первой русской революции // В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.). Пермь, 1970. С. 483; Кофман Я. М. Ленинская «Искра» и борьба социал-демократов Восточной Сибири за демократические массы // Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1978. Вып. 8. С. 92—93; Тофорова Г. С. Из истории Томской организации РСДРП накануне первой русской революции // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке (1903—1917 гг.). Томск, 1980. С. 57 и др.

⁷ Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. М., 1959. Ч. 1. № 756.

⁸ Переписка... 1900—1903 гг. Т. 3. С. 324.

⁹ Переписка... 1903—1905 гг. Т. 1. С. 107.

² См.: Там же. С. 409, 413, 455, 471; Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями: 1903—1905. М., 1974. Т. 1. С. 71, 203, 212, 304—305.

³ Переписка... 1903—1905. Т. 1. С. 221.

⁴ См.: Самедов В. Ю. Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане. Баку, 1962. [Ч. 1]. С. 569.

⁵ См.: Переписка... 1903—1905. Т. 2. С. 117, 203, 245.

⁶ См., напр.: Ханинсон Я. Ленинское слово в дореволюционной Сибири. Новосибирск, 1966. С. 52—53; Кондри-

юза режет глаза, а хорошая техника слишком долго привлекает внимание охраны, в Красноярске провалилась одна наша типография. Правда, она была на износе, но работников страшно жаль. Если бы «Искра» прислала нам своего шрифта пуда два—три, мы постарались бы устроить для нее новую специальную...»¹⁰. Других сообщений об этом в переписке нет, но 15 (28) февраля 1904 г. Крупская писала в Москву: «В Томске две типографии, собственность Сибирского союза, напечатали 5 тысяч «Деревенской бедноты», просят разрешения оставить на брошюрах фирму ЦК. Мы разрешили»¹¹. 15 мая того же года в № 66 «Искры» было напечатано: «Томск. Несмотря на огромный провал в Томске и Иркутске (в Томске взята союзная типография, 16 пудов шрифта и 5000 экземпляров немного не доконченной брошюры Ленина «К деревенской бедноте». Заведующий успел бежать), 18 апреля [1 мая.—З. П.] было поддержано двумя прокламациями...» В жандармских документах также есть сведения о том, что «в ночь на 5 марта <1904 г.> в Томске при аресте типографии Томского комитета РСДРП и Сибирского союза РСДРП и при обыске у лиц, связанных с ней, была найдена брошюра «Письмо в редакцию «Искры» — Ленина и приготовленные к отправке 1296 экз. первых восьми страниц брошюры «К деревенской бедноте», сложенных и приготовленных к брошировке, 541 экз. этой же брошюры, но сложенной лишь

вдвое, и 1221 экз. еще не сложенных, тюк этой же брошюры от 9 до 16 стр. в количестве 4096 лл. и целая брошюра, с которой делался набор страницы 32-й...»¹² Следовательно, при обыске в типографии были взяты 4524 экз. страниц 1—8, 4096 экз. страниц 9—16 и набор страниц 17—32, т. е. практически весь известный редакции «Искры» пятитысячный тираж сибирского издания.

Таким образом, документальные источники подтверждают, что томская перепечатка брошюры существовала; лишь в «Сводном каталоге прижизненных изданий произведений В. И. Ленина» она впервые будет описана de visu — единственный известный пока экземпляр этого издания найден в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР: он состоит из 16 страниц, без титульного листа и обложки, размер — 17,5×10,5 см.

Находка еще одного издания ленинской работы превратила ее из легенды в реальность. Но она же заставляет усомниться в правомерности утверждения некоторых исследователей о широком распространении ее в Сибири¹³. Видимо, следует еще раз просмотреть упомянутые ими архивные дела и точно определить, какие именно издания работы В. И. Ленина «К деревенской бедноте» были захвачены полицией в те годы.

¹² Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России // Красный архив. 1941. № 1 (104). С. 28.

¹³ См. указанные выше работы Я. Г. Ханинсона и Б. В. Кондрикова.

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 160.

РУССКИЕ МОРЯКИ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ А. Ф. СМИРДИНА

Выдающийся книжник пушкинского времени Александр Филиппович Смирдин воплощал в себе все книжные ипостаси. Он был крупнейший в России того времени книгопродавец и издатель, владел самой большой частной библиотекой для чтения и очень хорошей типографией, в которой печатал многие из своих изданий, был замечательным библиографом. Главнейшие заслуги у него — перед русской литературой. Ему принадлежат знаменитые слова: «...не умру, пока не напечатаю всех русских классиков». Он издавал произведения Пушкина, Крылова, Жуковского, Гоголя и многих, многих других отечественных писателей, предпринял выпуск массовой серии «Полное собрание сочинений русских авторов», причем издавал книги большими тиражами и продавал по невысоким ценам. Человек необыкновенно добрый, видящий призвание и долг в искреннем служении русской культуре, он стремился помочь буквально любому автору издать или распространить его литературный или научный труд. К сожалению, деятельность Смирдина изучена еще очень плохо, и мы имеем слабое представление о богатстве его издательского и книготоргового репертуара. В общих словах скажу, что Смирдин издавал не только произведения русских писателей, но и

многие произведения зарубежной литературы, труды по истории, географии, философии, филологии, медицине и т. д. Как книгопродавец он был еще более универсален: в его книжной лавке можно было купить практически любую книгу, изданную в то время на русском языке. И все же поначалу показалось несколько необычным, когда при знакомстве с литературой и архивными документами, связанными с жизнью и деятельностью Смирдина, встретилось немало имен, причем самых знаменитых, русских моряков. Этой неизвестной теме — личным и деловым связям замечательного книжника с моряками — и посвящено настоящее сообщение, построенное в основном на неопубликованных архивных материалах.

В Пушкинском Доме, среди материалов, имеющих отношение к Смирдину, хранится коротенькая записочка, полученная им от неизвестного корреспондента. Подпись неразборчива, и можно только разобрать инициал имени — «В» и первую букву фамилии — «Г». Архивисты, занося сведения об авторе записки на каталожную карточку, так и записали его под криптонимом «В.Г.».

«Посылаю вам, Александр Филиппович, — говорилось в записке, — шесть [зачеркнуто: семь] полных

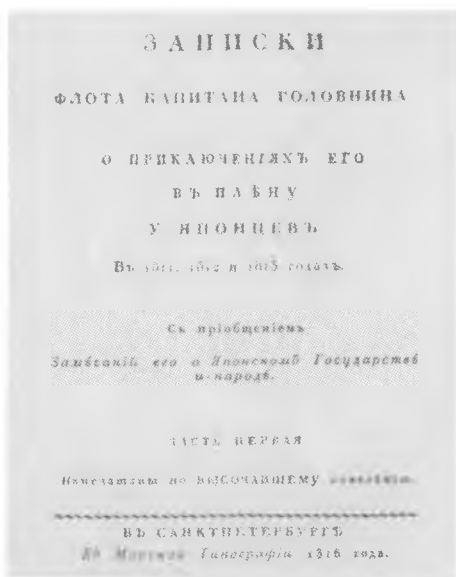
Обед у А. Ф. Смирдина. 19 февраля 1832 г. Гравюра С. Ф. Галактионова по рисунку А. П. Брюллова. На этом обеде присутствовал писатель-моряк В. Н. Берх

экземпляров *Записок о моих нещ. приключениях*. Далее — подпись и дата: «Мая 23 дн<я> 1830 г.»¹

Записка, видимо, писалась наскоро, и последние два слова («*неш. приключениях*») были мною прочтены предположительно, но именно в этих словах содержался ключ к разгадке имени автора, предлагавшего для продажи в книжный магазин Смирдина несколько экземпляров своей книги. «*Неш.*» — конечно же, сокращенное «*несчастливых*». И условное название

книги: «*Записки о моих несчастных приключениях*», и криптоним «В.Г.», и дата письма — все это наводило на мысль, не принадлежит ли записка одному из самых славных русских моряков вице-адмиралу Василию Михайловичу Головнину, попавшему во время совершения кругосветного плавания в плен к японцам, пробывшему в нем несколько лет и оставившему записки об этом горестном событии своей жизни? Оставалось проверить эту догадку, что также было делом простым: в рукописном отделе Пушкинского Дома есть несколько автографов Головнина. Сравнение с ними подтвердило, что записка

¹ ИРЛИ. Из арх. А. Ф. Смирдина. Р. 1, оп. 25, № 211, л. 1. Автор записки установлен в 1976 г.

В. М. Головнин и первое издание его «Записок» (СПб., 1816)

Смирдину действительно написана В. М. Головниным.

Книга, которую он прислал для продажи, называлась так: «Записки Флота Капитана Головнина оключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах». Все четыре части «Записок» вышли впервые в 1816 г. в виде больших томов (в 4-ю долю листа), и ко времени написания записки это издание было единственным. Очевидно, у Головнина хранилась часть тиража (что было обычным для того времени), которую он постепенно реализовывал через петербургских книгопродавцев. А то, что он исправил число посылаемых книг с семи на шесть, скорее всего, свидетельствует о том, что запас книг, предназначенных для распродажи, был этой комиссией исчерпан.

Близкий друг Пушкина поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер читал «Записки» Головнина в одиночном заключении в Свеаборгской крепости. Светом в окошке для него были книги, которые ему обычно при-

сылали Пушкин и родные. И не исключено, что записки Головнина были приобретены для Кюхельбекера именно в магазине Смирдина, с которым у Пушкина в тот период были самые тесные дружеские и деловые отношения. 24 мая 1832 г. Кюхельбекер записал в своем дневнике: «...целый день читал «Записки» В. Головнина; впрочем, должно признаться, что и книга такова, что трудно от нее оторваться...». Еще через день, 26 мая 1832 г.: «Сегодня день рождения Пушкина», и далее: «Записки» В. Головнина, без сомнения, одни из лучших и умнейших на русском языке и по слогу, и по содержанию»². Так книга Головнина и имя верного друга соединились в дневнике политического узника воедино.

Головнин был не только прекрасным моряком, но и даровитым писателем-маринистом. Он любил и собирал книги, имел неплохую биб-

² Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929. С. 53 — 54.

П. И. Рикорд

лиотеку. Несомненно (о чем можно судить и по тону записки, свидетельствующему о давнем знакомстве Головнина со Смирдиным), он часто бывал в этой книжной лавке, находившейся тогда на Мойке, у Синего моста, рядом с домом Российско-Американской компании.

Частым гостем лавки Смирдина был и ближайший друг Головнина адмирал Петр Иванович Рикорд. Именно он выручил Головнина из плена. Прославленный моряк, он совершил кругосветное путешествие, несколько лет управлял Камчаткой, принимал участие в освобождении Греции от турецкого владычества, а во время Крымской войны командовал флотскими дивизиями по обороне Кронштадта. Смирдин хранил записку, оставленную Рикордом в магазине, и подаренный адмиралом автограф знаменитого итальянского лингвиста кардинала Джузеппе Меццофанти³. Меццофанти знал, по ут-

верждению одних,—50, а по утверждению других,—114 языков. Он был живой легендой, и многие русские, бывая в Италии, не упускали случая встретиться с ним. Встретился с ним и Рикорд, которому кардинал-полиглот собственноручно написал четыре стиха по-русски. И этот автограф Рикорд передал Смирдину.

Лишь отдельные материалы из довольно большого архива Смирдина ныне известны исследователям. Затерялся и автограф Меццофанти. Однако, как мне кажется, именно текст этого автографа был опубликован в свое время литератором П. В. Анненковым, автором первой научной биографии Пушкина, другом Белинского и Тургенева. Спустя пять лет после кончины Гоголя, Анненков напечатал свои воспоминания об этом писателе, и в частности припомнил рассказ Гоголя о знакомстве с кардиналом Меццофанти. Гоголь очень любил этого кардинала-полиглота, маленького, сухощавого и живого старичка, который при первой встрече с Гоголем заговорил по-русски. И Анненков, комментируя «степень познания нашего языка у Меццофанти», привел его стихотворную записку, списанную им «с оригинала»:

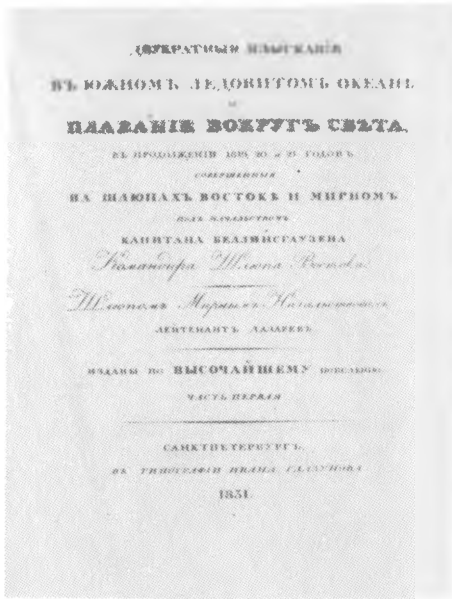
Любя Российских Муз я голос их внимаю
И некие слова их часто повторяю,
Как дальний Отзв, я не ясно говорю:
Кто ж может мне сказать что я стихи
творю.

*И. Меззофанти*⁴.

ф. 696. Далее все основные сведения этой работы, кроме специально оговоренных, приводятся из «Описи».

⁴ Цит. по ст.: Анненков П. Воспоминания о Гоголе // Библиотека для чтения. 1857. Т. 146, № 11. Разд. «Науки». С. 18. Меццофанти подписал свое имя инициалом «И.» (Иосиф), русифицировав имя Джузеппе. Фамилия Меццофанти приводится в его собственной транскрипции.

³ Смирдия А. Ф. Опись бумаг Смирдина. Копия, датированная 1857 г. // ГПБ,

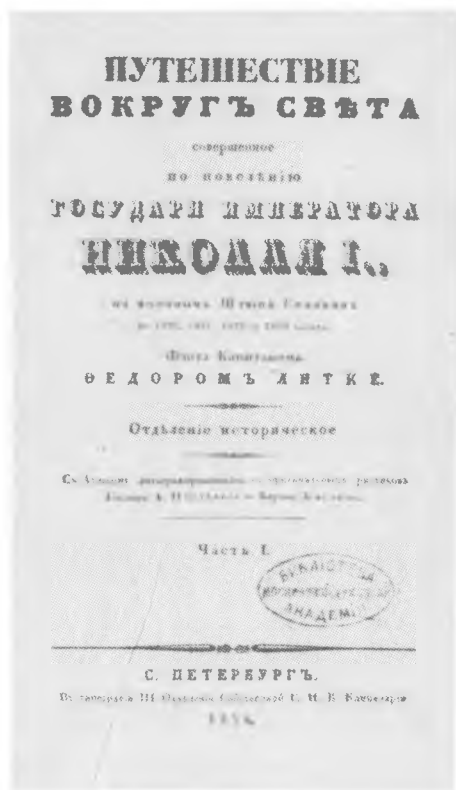
Ф. Ф. Беллинсгаузен и первое издание его книги «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов» (СПб., 1831)

Анненков бывал у Смирдина, собирая материалы о Пушкине. Можно даже утверждать, что большая часть сведений об издательских делах поэта в книге Анненкова была сообщена ему именно Смирдиным. Так что вполне вероятно, что во время бесед со старым книжником Анненков узнал, что у того есть автограф Меццофанти, и переписал его.

В 1832—1833 гг. Смирдин приобретает у знаменитого мореплавателя Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена 100 экз. его труда «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах Востоке и Мирном...»⁵. Участник первого русского кругосветного

плавания под командованием И. Ф. Крузенштерна, Беллинсгаузен возглавил русскую экспедицию в южно-полярные моря, которой посчастливилось открыть в январе 1820 г. Антарктиду. Описание этого выдающегося по результату плавания было напечатано в 1831 г. «по высочайшему повелению» на государственный счет в пользу автора, и Беллинсгаузену надо было самому с помощью книгопродавцев заниматься распродажей своего труда. В архиве Смирдина хранился еще один документ, связанный с Беллинсгаузенем, но относящийся к более позднему времени, скорее всего, к концу 1830-х гг. В «Описи бумаг Смирдина» он записан так: «Библиотека Кронштадтская флотская. Отношение Беллинсгаузена о книге: Рассказы о преступлениях». В 1830-е годы Беллинсгаузен командовал дивизией Балтийского флота, а в 1839 г. был

⁵ Реестр книг, печатаемым на собственное иждивение книгопродавца Смирдина в 1833 г. // ГПБ. ф. 595, ед. 144, л. 2.

Ф. П. Литке и первое издание его книги «Путешествие вокруг света, совершенное... в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах» (СПб., 1834)

назначен военным губернатором Кронштадта. Кронштадтская флотская библиотека находилась в его ведении. По краткой записи удалось определить и книгу, которую Беллинсгаузен, очевидно, просил достать у Смирдина. Это — «Рассказы о преступлениях и невинности. [Перевел и издал Бутович-Бутовский]. Процесс I. Мирваль Жан. Убийство Фюальдеса» (СПб., 1837). Возможно, адмирал просил ее для собственного чтения.

Любопытно, что у соратника Беллинсгаузена, вместе с ним разделившего славу первооткрывателя Антарктиды, адмирала Михаила Петровича Лазарева в личной библиотеке русские классики были представлены в смирдинских изда-

ниях⁶. В 30—40-е годы Лазарев был командиром Черноморского флота, жил в Севастополе и русские книги вполне мог выписывать из Петербурга, непосредственно от Смирдина.

В середине 1830-х гг. установились деловые отношения у Смирдина с известным мореплавателем и географом Федором Петровичем Литке, будущим президентом Академии наук, основателем Русского географического общества. Свое первое кругосветное плавание Литке совершил на шлюпке «Камчатка» под командой В. М. Голов-

⁶ См.: Шибанов П. П. Полвека со старой книгой и ее друзьями: Воспоминания // ГБЛ, ф. 342, карт. 54, ед. 1.

нина. Впоследствии он исследовал Северный Ледовитый океан, в 1826—1829 гг. руководил кругосветной экспедицией на шлюпе «Сенявин», оказавшейся чрезвычайно успешной по своим научным результатам. Описание этого путешествия, подготовленное Литке и его товарищами, вышло в свет в середине 1830-х гг. Оно было удостоено полной Демидовской премии. Продавалось же оно в основном через магазин Смирдина, что было определено особым условием автора и книгопродавца. Тогда же Литке прислал Смирдину для продажи 20 экз. другой книги — «Наблюдения над наклоном и степенью силы магнитной стрелки, произведенные в путешествии вокруг света на шлюпе Сенявине...».

Близким знакомым Смирдина был известный историк русского флота, участник первой русской экспедиции вокруг света Василий Николаевич Берх. Ему было поручено разобрать дела адмиралтейского архива, и на их основе он составил целый ряд трудов: «Хронологическая история главных путешествий в северные полярные страны», «Письма императора Петра I», «Жизнеописания первых российских адмиралов». 300 экз. последнего труда Смирдин сразу же после выхода приобрел у автора. Берх был среди гостей знаменитого обеда, устроенного Смирдиным для петербургских литераторов в 1832 г. по случаю «новоселья» — перевода его книжного магазина и библиотеки для чтения в новый дом на Невском проспекте. Моряк и морской писатель Логгин Иванович Голенищев-Кутузов, председатель ученого комитета морского министерства, находился в постоянных и тесных отношениях со Смирдиным: отдавал ему на комиссию ранее выпущенные свои труды (среди них — переводы мор-

В. Н. Берх. Жизнеописания первых российских адмиралов... (Ч. 1. Спб., 1831)

ских путешествий Кука и Лаперуза), сам покупал в лавке Смирдина книги. Автор многих работ по морскому делу Николай Михайлович Соковнин напечатал в типографии Смирдина свои «Записки о Балтийском море» (1831). Историк русского флота, будущий редактор «Морского сборника» Ростислав Карлович Скаловский перевел для Смирдина роман популярного английского писателя Фредерика Марриэта («Капитана Марриэта») «Морской офицер, или приключения Франка Мильдмея» (1837).

Конечно, круг моряков из окружения Смирдина не ограничивался только выдающимися и известными

людьми. Среди авторов и переводчиков его книг были и совершенно рядовые моряки, так сказать, не оставившие следа в истории. Напр., в 1836 г. Смирдин издал повести французского писателя Наполеона д'Абрантеса. Переводчик на книге был указан, для маскировки, с сокращенной фамилией Н. С...в (псевдоним не раскрыт в словаре И. Ф. Масанова). И только запись в «Описи бумаг Смирдина» помогла выяснить, кто он такой. Это — некий Н. Семиков, лейтенант флота.

Как можно судить даже по приведенным выше сведениям, доля маринистики значительна и в изданиях, которые печатал и издавал Смирдин. Упомяну к тому же, что в 1832 г. он дал деньги переводчику В. Волжскому на издание «сцен на море» Эжена Сю «Плик и Плок» — первого французского морского романа. В том же году в типографии Смирдина были напечатаны переводы морских романов Фенимора Купера «Красный морской разбойник» и «Лоцман». Немало морских сюжетов найдем и в произведениях

писателя-декабриста Александра Александровича Бестужева-Марлинского, которые Смирдин публиковал и в своем журнале «Библиотека для чтения», и в составе собрания сочинений писателя: «Фрегат «Надежда»», «Лейтенант Белозор», «Мореход Никитин» (кстати, автограф последнего рассказа, где в авторском отступлении упоминается и сам Смирдин, издатель хранил до конца своих дней среди бумаг личного архива).

Список этот можно еще и еще продолжать...

Моряки были заметной частью тогдашней русской интеллигенции, причем многие из них отличались самыми прогрессивными воззрениями (вспомним хотя бы, как много моряков было среди декабристов). Они активно участвовали в общественно-культурной жизни страны. Поэтому и нет ничего удивительного в их теснейших контактах с книжниками, и в первую очередь — с наиболее крупным в то время книгопродавцем и издателем А. Ф. Смирдиным.

МОСКОВСКИЙ КНИЖНИК 60-х ГОДОВ XIX В. А. С. УШАКОВ*

Разнообразной была деятельность Александра Сергеевича Ушакова (1836 — 1902), одного из представителей московских книжников 1860 — 1870-х гг. Владелец библиотеки-читальни и книжного магазина, издатель, журналист, пишущий на экономические темы, литератор, автор романов, очерков и пьес из жизни купечества, театрал и актер-любитель — даже это перечисление не дает достаточно полного представления о многогранности его занятий и интересов.

А. С. Ушаков родился в купеческой семье, не чуждой культурных запросов. Его дядя А. Ф. Ушаков был автором известного в свое время романа «Чужой птенец». Другим его дядей, со стороны матери, был книгопродавец и издатель В. В. Логинов.

Василий Васильевич Логинов (1797 — 1847), которому принадлежали книжная лавка, библиотека для чтения, типография, литография и гравировальня, издавал в основном лубочную литературу (и в том числе переиздал знаменитый лубок петровского времени «Как мыши Кота погребают»), сказки, сонники, песенники. На него работало более пятисот книгонош, кото-

рые доставляли его продукцию во все концы России.

Логинов, по воспоминаниям А. С. Ушакова, был близок с Н. А. Полевым, вел «барский образ жизни». «Он по большей части занимался только до часу дня, и к этому времени к его завтраку сходились его знакомые, между которыми были П. С. Мочалов и В. И. Живокини...»¹ Логинов возил племянника в театр, пробудив в нем любовь к этому виду искусства.

В первой своей молодости, после окончания Московского коммерческого училища, Ушакову «пришлось несколько лет, прямо по нужде, прослужить в немецких торговых домах»².

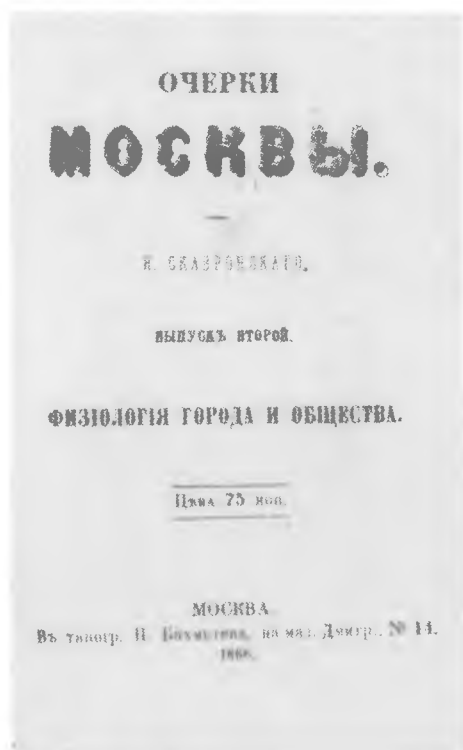
Затем, в начале 1860-х гг., он работал в библиотеке А. Ф. Черенина — видного представителя демократического книжного дела, известного также своей связью с Ишутинским кружком³. В 1864 г. Черенин уступил Ушакову помещение и

¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 2, оп. 1, ед. 282, л. 15 об.

² Там же, л. 18 об.

³ Об А. Ф. Черенине см.: Баренбаум И. Е. А. Ф. Черенин и его журнал «Книжник» // Книга: Исслед. и материалы. 1969. Сб. 19. Полиновская Л. Д. 1) Один из московских книжников // В мире книг. 1985. № 2; 2) Московский книжник // Куранты: Ист.-краеведческий альманах. М., 1987. Вып. 2.

* Автор приносит благодарность Виктору Васильевичу Сорокину за помощь в работе над этой статьей.

Н. Скавронский (псевд. А. С. Ушакова). Очерки Москвы. Вып. 2. М.: издание А. С. Ушакова, 1866

оборудование филиала своей библиотеки в доме Михалковой на Волхонке.

В библиотеке и открытом затем магазине Ушакову помогала его жена Фелицата Ивановна, происходившая из среды старообрядцев. Поскольку Ушаков всю жизнь нуждался, ему приходилось служить. В середине 60-х годов он занимал должность помощника городского секретаря в Московской думе, позднее был присяжным стряпчим.

В 1888 г., незадолго до кончины, Фелицата Ивановна получила наследство. Согласно ее завещанию, А. С. Ушаков передал 85 тыс. р. на строительство Фундаментальной библиотеки Московского университета. Закладка здания состоялась

8 июля 1897 г. «В толщу стены фундамента была замурована бронзовая доска с текстом о том, что здание библиотеки строится на средства, пожертвованные М. И. Муравьевым-Апостолом, Ф. И. Ушаковой и М. И. Павловой, по проекту архитектора К. М. Быковского и под наблюдением З. И. Иванова»⁴.

Абонементы библиотеки Ушаковых стоили от 2 до 16 р. в год. В залог бралось от 2 до 10 р. Артисты императорских театров и чиновники Городской думы могли брать книги без залога. Получив по месту работы ручательство, без залога могли обойтись и служащие других ведомств.

Сотрудник и компаньон А. С. Ушакова И. К. Разумов писал в 1865 г. редактору «Книжного вестника» П. А. Ефремову: «Мы Вас будем просить помещать в Вашем «Вестнике», что наша фирма имеет все книги, помещавшиеся у Вас в «Вестнике»⁵.

Особенностью библиотеки Ушаковых было функционирование при ней бесплатной народной читальни. Для содержания читальни и в других благотворительных целях при библиотеке устраивались литературные вечера.

В письме П. А. Ефремову от 19 февраля 1865 г. И. К. Разумов сообщал: «У нас устроились чтения, во-первых, для народной читальни, а во-вторых, для снабжения учебниками беднейших воспитанников. Также предполагаются чтения для возобновления в Симбирске Карамзинской библиотеки». Для объявления в «Книжном вестнике» Разумов предлагает следующие све-

⁴ Сорокин В. В. История библиотеки Московского университета (1800—1917). М., 1980. С. 153.

⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 191, оп. 1, ед. 325, л. 5.

дения: «По окончании формирования народной библиотеки учредители имеют в виду открыть ряд еще более дешевых чтений по цене по 10, по 15 (к.—Л. П.), чтоб окупить только необходимые расходы — стулья, освещение и т. п., в состав которых войдут География, История, Техника, очерки характера и условий русской торговли и промышленности и т. п.». Очевидно, что с «очерками» должен был выступать Ушаков, лекции по географии, скорее всего, собирался читать сам Разумов. Предполагалось также чтение отрывков из произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова, В. Ф. Одоевского. Чтения предназначались «для мелких торговцев, ремесленников и т. д.»⁶.

Последний в том сезоне литературный вечер был посвящен памяти М. В. Ломоносова. Он состоялся 2 мая 1865 г., и доход от него пошел «в пользу русских народных школ Западного края».

В литературных чтениях неоднократно участвовал великий русский актер П. М. Садовский. 6 марта 1866 г. на литературном вечере в пользу бесплатной читальни С. А. Юрьев читал свой перевод одной из драм Кальдерона. Дважды по просьбе Ушакова в чтениях принял участие Ф. М. Достоевский.

Эти вечера продолжались в течение нескольких лет. Так, из объявлений в «Московских ведомостях» следует, что в феврале 1867 г. билеты на литературный вечер Ушаковых продавались в библиотеке Черенина.

В 1870 г. библиотека Ушаковых переехала в дом Скворцова на углу Воздвиженки и Моховой (ныне дом 22 по проспекту Маркса, здание перестроено). В 1879 г. библиотека была продана М. Вивьен.

Между 3 сентября и 18 октября 1865 г. Ушаков и К^о открыли свою книжную торговлю. Об этом Разумов пишет Ефремову: «...наконец у нас дешевый и полный разноязычный магазин». «Да это благо для сонливой Москвы», — считает он. Разумов замечает, что прежде фирме приходилось переплачивать за книги петербургским книгопродавцам, «да еще вооружались терпением для получения чего-либо интересного»⁷.

В одном из объявлений, помещенных в «Московских ведомостях», Ушаков сообщает: «Находясь в прямых сношениях с иностранными торговыми домами, мы имеем возможность продавать дешевле других». В другом его объявлении говорится, что для студентов, приобретающих учебники, делается скидка от 5 до 10%. При магазине находился склад книг товарищества «Общественная польза», а также существовала контора для перевода с французского, немецкого, английского, польского и других языков. Можно предположить, что Ушаков сам знал иностранные языки, поскольку, как упоминалось выше, служил у немецких торговцев, кроме того, больше года провел за границей, в основном в Англии и Франции.

Из объявлений же видно, что в магазине Ушаковых продавались сочинения Д. И. Писарева, все издания демократического издателя В. О. Ковалевского.

Ушаков имел склады книг и своих изданий в Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде, на Нижегородской и Украинской ярмарках.

Занимался Ушаков и издательской деятельностью. Еще в 1864 г. он предпринял издание собрания сочинений Т. Н. Грановского. В сво-

⁶ Там же, л. 5 об., 6.

⁷ Там же, л. 9 об.

Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М.: издание А. С. Ушакова, 1865

ем письме Ефремову от 27 января 1865 г. Разумов от имени фирмы просит его переслать Брокгаузу портрет Грановского и отпечатать 1 200 экз., «доску предоставить в наше пользование»⁸. «Во втором № вашего «Вестника», — пишет Разумов в другом письме, — заявлено о намерении издавать Милля «О свободе»; не можете ли вы сообщить, кто именно пускается в это предприятие, потому что мы со своей стороны теперь заявили желание на это же самое издание. Цензурный комитет не допускает печатание несмотря на то, что книга допущена для ввозу и, как вам изве-

стно, переведена в экономике Вернадского»⁹. Книгу Д. С. Милля фирма Ушакова выпустила в 1867 г.

А. С. Ушаков, следуя в этом Черенину, собирався издавать в 1865 г. библиографический «Листок», но издание не было разрешено цензурой. Корректуру «Листка» Разумов послал Ефремову.

Ушаков издавал пользовавшуюся в 60-е годы повышенным спросом научную и научно-популярную литературу, например книгу К. Нэгели «Происхождение естественно-исторического вида и понятие о нем» (1866), «Лечение душевных болезней при первом их появлении» А. Эрленмейера, сочинение Р. Вирхова «О воспитании женщины сообразно ее призванию» со статьей Д. И. Писарева «Мысли Вирхова о воспитании женщины» (совместно с А. И. Мамонтовым).

И конечно, Ушаков издавал собственные произведения: составленный и отредактированный им сборник «Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны», который был посвящен «изучению исторического и современного положения купечества и торговли» и соединял в себе три отдела — «научный, биографический и литературный» (1865—1867); свои «Очерки и повести», а также комедийные пьесы: «Рискнул — да и закаялся», «Война белой и алой розы», «Комиссионер» и др. Известный исследователь 1860-х гг. писатель В. Е. Чехихин-Ветринский считал Ушакова «прекрасным знатоком купеческого быта».

Ушаков выступал в печати и под псевдонимом Н. Скавронский. Под этим псевдонимом вышли в свет его «Очерки Москвы». Первый выпуск был издан в 1862 г. А. Ф. Че-

⁹ Там же, л. 5, 5 об. И. В. Вернадский — экономист, либерал.

⁸ Там же, л. 3.

рениным, второй и третий Ушаков издал сам в 1866 и 1868 гг.

«Очерки Москвы» могут привлечь внимание и сегодня. В них описаны «нравы» и «физиология» города и общества», много колоритных зарисовок, интересных фактов и наблюдений.

Так, Ушаков чутко различает признаки развивающегося капитализма: «...еще мало замечается правильный ход общественной машины — чувствуешь, как-будто живешь на стройке...»¹⁰. Он пишет о бесправном положении нового класса — пролетариата: «Фабрикант... стыдится быть братом работника и становится его *хозяином*, в полном значении этого слова; он берет его в руки и заставляет и писать, и кричать, и повертываться, как ему взбредет в голову; постоянный долг рабочего за *канторою* дает к этому самые удобные средства фабриканту — это своего рода крепостное право, это самые темные стороны нашего фабричного быта, из которого работнику почти нет дорог для выхода»¹¹.

«Беллетрист и экономист»¹² — характеризовал А. С. Ушакова-литератора Чехихин-Ветринский. Под псевдонимом Тарыкин Ушаков печатался в «Современнике», под псевдонимом Верзилин — в «Библиотеке для чтения», а кроме того в «Светоче», «Дне», «Русском мире», «Санкт-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша; в 60-е годы Ушаков был сотрудником «Вестника промышленности» и «Акционера», издававшихся Ф. В. Чижовым и И. К. Бабстом, вел торговое обозрение в «Москве» (затем — «Москвиче»). Его перу принадлежат ро-

Р. Вирхов. О воспитании женщины... М.: издание А. и Ф. Ушаковых, 1865

маны «Коммерческая аристократия» и «Люди русской реакции», драмы «Старообрядка» и «Вероломы», пьеса «Два момента» и другие произведения. В 1879 г. Ушаков направил Суворину перечень своих произведений, желая, чтобы тот издал собрание его сочинений¹³.

А. С. Ушаков переписывался с А. С. Сувориным в течение ряда лет. В 1879 г. он предлагал Суворину встретиться и обсудить возможность открытия московского отделения «Нового времени». В числе доводов был и тот факт, что жена Ушакова, Фелицата Ивановна, занималась библиотекой и знает кни-

¹⁰ Скавронский Н. Очерки Москвы. М., 1862. Вып. 1. С. 16.

¹¹ Там же. С. 236.

¹² ЦГАЛИ СССР, ф. 553, оп. 1, ед. 257, л. 138.

¹³ Там же, ф. 459, оп. 1, ед. 4 368, л. 28.

гоиздательство. В своей конторе у Ильинских ворот он предполагал открыть подписку на газету и при- ем объявлений¹⁴.

В 1867 г. Ушаков переделал для сцены «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского с согласия автора. Известны четыре письма Ушакова Достоевскому. Ф. М. Достоевский по крайней мере дважды (в том числе 22 декабря 1864 г.) писал Ушакову, но письма не сохранились¹⁵.

Еще одной важной и интересной для нас стороной жизни Ушаковых было их участие в кружке любителей драматического искусства. Членами кружка были также будущий известный актер М. И. Писарев, литераторы В. П. Ключников (впоследствии, с 1870 г. он был редактором «Нивы») и А. И. Кронеберг; режиссировал Н. Л. Шаповалов. В репетициях принимали участие А. Н. Островский и А. Н. Плещеев. Пьеса Ушакова «Страшен сон, да милостив бог» несколько раз давалась в Секретаревском театре. Одну из ролей первоначально должен был исполнять С. В. Шумский, но потом она была передана Ключникову.

Спектакли ставились и в доме Шепелева (сейчас Интернациональная улица, 11, больница имени «Медсантруд»). «...Мы теперь, по опыту, можем сказать,— писал Ушаков в «Очерках Москвы»,— что любительские спектакли на короткое время весьма оживленно действовали на местность за Яузским мостом и большая часть зала Шепелевых была постоянно полна...»¹⁶.

¹⁴ Там же, л. 3.

¹⁵ См. об этом: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1985. Т. 28(2). С. 601.

¹⁶ Скавронский Н. Указ. соч. 1866. Вып. 2. С. 107.

В 1894 г. А. С. Ушаков послал в редакцию журнала «Русское обозрение» свои «Литературные и театральные воспоминания». Они содержат весьма примечательный и познавательный материал о многих русских писателях и актерах.

«На первом плане по продолжительности знакомства, силе, полноте впечатлений и благотворному влиянию» стоял для Ушакова видный писатель и деятель книги Владимир Федорович Одоевский.

«Познакомился я с ним очень просто,— пишет Ушаков,— и знакомство это продолжалось несколько лет, почти до самой смерти князя» (В. Ф. Одоевский умер в 1869 г. — Л. П.)

Одоевский служил в VII департаменте Сената, а жил на Смоленском бульваре (сейчас дом 17, строение во дворе), путь его на службу и домой лежал мимо библиотеки Ушаковых. «Князь был долгое время подписчиком нашей библиотеки, получая из нее журналы, а из магазина брал для просмотра вновь выходящие книги, немалую часть которых он и покупал»¹⁷.

«...Князь в самом магазине постоянно заставлял меня за литературной работой,— пишет далее Ушаков,— которой и интересовался, приобретая все, что в то время издавал наш магазин: «Жизнь животных» Перти, «Лечение душевных болезней» Эрленмейера и проч. Князь довольно продолжительное время почти каждый раз оставался в магазине и в библиотеке, заходил в наш обширный читальный зал, в даровую народную читальню, бывшую в то время по большей части пустою; по всему видно было, что книги библиотеки — его

¹⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 2, оп. 1, ед. 282, л. 5.

обычный, привычный мир, без которого он не мог существовать. И что за краткое, всегда осмысленное, рассудочное выражение принимало его лицо в то время, когда он даже не читал, а только просматривал то или другое сочинение. Даже тогдашняя разнообразная, по большей части шумливая публика нашей библиотеки становилась как бы более сдержанной при нем, — узнавши его вследствие частых его посещений; становилось как бы более сдержанной и почтительной»¹⁸.

А. С. Ушаков вспоминает А. Н. Плещеева и «людей его кружка» — В. А. Слепцова и А. И. Левитова.

Отдельные воспоминания Ушаков посвятил С. А. Юрьеву, известному театральному деятелю и литератору, председателю Общества любителей российской словесности, а затем, после смерти А. Н. Островского, возглавившему и Общество русских драматических писателей.

Человек, страстно увлеченный театром, автор многочисленных пьес, Ушаков был знаком чуть ли не со всеми актерами-москвичами.

Интересные и трогательные эпизоды воспоминаний посвящены им великому русскому актеру М. С. Щепкину. Будучи членом-наблюдателем библиотеки Купеческого собрания, Ушаков неоднократно встречал в ней В. И. Живокини, а также Д. Т. Ленского: «...тот все свое время проводил в читальной комнате, помещавшейся вверху, — его также буквально каждый вечер можно было встретить там за журналом или газетой»¹⁹.

В воспоминаниях Ушакова встречаются имена С. В. Шумского, П. М. Садовского, Н. Н. Никифорова, К. Н. Полтавцева, Н. А. Вильде, И. В. Самарина, Е. Н. Васильевой, Г. Н. Федотовой, Н. А. Никулиной, П. Г. Степанова, С. П. Акимовой, А. И. Колосовой, Н. В. Рыкаловой, Л. П. Косицкой-Никулиной, М. Н. Ермоловой, И. Ф. Горбунова, петербургского актера В. В. Самойлова...

Умер Ушаков 22 марта 1902 г. в Москве. Несомненно, он был яркой и интересной личностью, заметной в истории русского книжного дела, русской культуры второй половины XIX в.

¹⁸ Там же, л. 5 об.

¹⁹ Там же, л. 20 об.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. СЕРАФИМОВИЧА
НА УКРАИНЕ В 1917—1941 ГГ.

(к 125-летию со дня рождения писателя)

Важную роль в пропаганде идей и образов русской советской литературы на Украине сыграли произведения Александра Серафимовича, одного из старейших пролетарских писателей, признанного мастера искусства слова.

Уже в годы гражданской войны на Украине издавались его произведения. Наиболее ранняя публикация — рассказ-быль «Как он умер», воскрешающий издевательства над солдатом в царской армии,— появилась на страницах газеты «Порыв», органа харьковского кружка рабочих художников, 8 марта 1918 г., спустя три месяца после того, как он был напечатан в газете «Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов». 4 сентября 1921 г. в «Известиях Елизаветградского исполкома и уездкома КП(б)У» был опубликован очерк «Дети» — о беспризорных и голодных детях, о борьбе против последствий разрухи и неурожая. В довоенные годы в газетах и журналах Советской Украины на языке подлинника и в переводе на украинский язык напечатаны: «В семье адвоката» (Известия. Одесса. 1923. 1 июля); «С чего начиналось» (Известия. Одесса 1925. 30 апр.); Геть неписьменність. 1924. № 5—6. С. 50—52); «Похоронный марш» (Известия. Одесса 1925. 19 дек.; Кочегарка. 1926.

7 февр.); «Граф Строганов и рабочий Демид» (Кочегарка. 1924. 22 июня); «Под землей» (Молода гвардія. 1939. 8 квітня); «История одной забастовки» (Коммунарка Украины. 1926. № 23. С. 16—20; Більшовиченята. 1930. № 23. С. 8—11), «Чудо» (Майбутня зміна. 1925. 30 грудня); «Маленький раб» (Молода гвардія. 1940. 15 жовтня); «Что ты наделала, бабочка?» (Безбожник. 1939. 29 янв.); «Що я бачив» (Молодий більшовик. 1930. 10 лютого); «Помолелствовал» (Глобус. 1924. № 10—11. С. 1—5); отрывки из «Железного потока» (Молодая гвардия. 1928. 11 февр.; Красная Армия. 1930. 20 февр.; Трактор. 1933. № 2. С. 8—9; Червоний боець. 1933. № 2. С. 13—14; Більшовицька зброя. 1938. 18 січня; Молодий більшовик (Винница). 1938. 14 лютого) и романа «Борьба» (Шквал. 1928. № 2 (135). С. 1—3). В примечаниях кратко характеризовались идейно-художественные особенности произведений Серафимовича, заслуги писателя перед рабочим классом. Иногда перепечатывались отрывки из газет и журналов, выходивших в РСФСР (например, в «Шквале» был перепечатан из «Нового мира» отрывок из романа «Борьба» — «Дора»). В других случаях писатель по просьбе редакции присылал соответствующий отрывок. 25 декабря

1936 г. редакция донецкой газеты «Сталинский рабочий» обратилась к Серафимовичу с просьбой «дать небольшой отрывок (5—6 страниц на машинке) из сценария „Железный поток“... В январе мы будем отмечать Ваш юбилейный „день“»¹. Отрывок был опубликован в газете 19 мая 1937 г. Это свидетельствует о прямых контактах А. С. Серафимовича с редакциями газет и журналов, выходивших в УССР.

Произведения выдающегося советского писателя помещались и в литературно-художественных альманахах. Так, в тематический сборник «1905 год» был включен рассказ «Мертвые на улицах»². Рассказы и очерки А. Серафимовича «Чей сад?», «Слесарь», «История одной забастовки» изучались в общеобразовательных школах Советской Украины³.

Общественные организации, издательства УССР проявляли особую заботу о выпуске в свет и распространении его произведений. Немало их было издано в 1922 г. Центральной комиссией помощи голодающим при ВУЦИКе. Десяти тысячным тиражом вышли: «В камышах. Астрономия», «Живая тюрьма (рассказ). На Пресне (рассказ 1905 года)», «Ледоход. Под праздник», «На заводе», «Под землей» — небольшие книжки карманного формата, вся выручка от продажи которых шла в фонд помощи голодающим.

С самого начала своей деятельности кооперативное издательство

«Пролетарий» стремилось сделать произведения Серафимовича достоянием трудящихся УССР. В 1925 г. в серии «Библиотека молодого рабочего» появился его рассказ «Заяц», выпущенный тиражом 10 тыс. экз. В 1926 г. были изданы пятнадцатитысячным тиражом «Зарева» («Крестьянская библиотека»). В 1927 г. тиражом 5 тыс. экз. вышла книга «Две смерти», в составе которой — семь произведений писателя («В горах», «Митька», «Год», «Две смерти», «Галчонок», «Железный поток», «Мишка Упырь»). В книгу включены автобиография А. Серафимовича и критическая статья о нем Г. Якубовского, облегчающие читателю восприятие произведений старейшего пролетарского писателя. Красочную обложку выполнил А. Страхов, впоследствии народный художник УССР.

Книги автора «Железного потока» выпускало Государственное издательство Украины («ГИУ»). Уже в 1922 г. здесь был издан рассказ «Живая тюрьма» (тиражом 10 тыс. экз.). 12 сентября 1923 г. издательство приняло решение выпустить сборник рассказов Серафимовича в серии «Юный Спартак» на русском языке «при условии согласования этого вопроса составителем сборника с автором — Серафимовичем»⁴. Обращаясь к изданию произведений замечательного советского писателя, ведущее книгоиздательство Советской Украины стремилось в максимальной степени учесть волю автора. В дальнейшем Госиздат Украины выпускал произведения Серафимовича в переводе на украинский язык, постоянно поддерживал творческие и деловые контакты с писателем. 30 июня 1927 г. А. Серафимовичу было направлено следующее письмо: «Госиздат Украин-

¹ ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 487, л. 35.
² 1905 год. Харьков, 1925. Вып. 1. С. 160—167.

³ Наше слово: Кн. для чт. в третьей гр. трудовой школы / Под общ. ред. В. Арнаутова. Харьков, 1926. С. 5—52; Освобожденный труд: Обществ.-лит. хрестоматия для школ и самообразования. Харьков, 1924. Ч. 1. С. 149—151; Два світи: Кн. для чит. в школах малописьменних. Харків, 1934. С. 41—45.

⁴ ЦГАОР УССР, ф. 177, оп. 1, д. 345, л. 26 об.

ны просит Вас взять на себя составление сборника Ваших детских рассказов на 10—15 печатных листов для издания на украинском языке. Сборнику желательно предпослать короткую автобиографию (из напечатанных)⁵. В 1927 г. в этом издательстве вышел «Железный поток» в переводе М. Щербака (тираж 5 тыс. экз.). В 1927 и 1930 гг. была издана книга «На крижині» тиражом соответственно 10 и 15 тыс. экз. В 1928 г. появились «Стрілочник» (тираж 10 тыс. экз.) и «Помолився (Піп чи агроном?)» (тираж 20 тыс. экз.), в 1930 г.— «На волі» (тираж 7 тыс. экз.) и «Під землею» (тираж 10 тыс. экз.).

Произведения Серафимовича издавала также «Книгоспілка». В 1929 г. был выпущен рассказ «Чудо», в 1930— «Гавеня. Митька», «Дві смерті. [У горах]», «Помолебствував», «На кризі» (тираж каждой книги 20 тыс. экз.). Издательство «Червоний шлях» выпустило книги Серафимовича в серии «Бібліотека малописьменного» (тиражом 15 тыс. экз.): в 1924 г. «Баб'ячий хутір», «В огні», «Граф Строганов та робітник Демид», «Помолився. (Піп чи агроном?)», «Як він помер. (Бувальщина)», в 1925 г. «Квиток». «Молодий більшовик» издал «Горобину ніч» (1932, 7 тыс. экз.), «Залізний потік» (1937, 15 175 экз.). К изданию произведений Серафимовича обратилась и «Український робітник». «Червона преса» в 1929 г. сообщила: «Український робітник» проводит переговоры с русскими писателями Никифоровым и Серафимовичем об издании их последних романов («Борьба» Серафимовича и «Бунт» Никифорова) в серии «Романы и

повести»⁶. Однако в 1929 г. «Український робітник» выпустил другое произведение Серафимовича — «Помолився» тиражом 40 810 экз. «Література і мистецтво», «Держлітвидав» сосредоточили свои усилия на выпуске украинского перевода «Железного потока». Второе издание «Железного потока» в переводе М. Щербака издательство «Література і мистецтво» осуществило в 1930 г. (тираж 5 тыс. экз.)⁷, третье — в 1932 г. (тираж тот же). В следующем году произведение издали массовым тиражом (50 тыс. экз.) в серии «Бібліотека колгоспника».

Как видим, основное внимание украинские издательства уделяли «Железному потоку». Значение этого произведения особенно возросло в 30-е годы в связи с усилением угрозы новой мировой войны и необходимостью героико-патриотического воспитания народа. В 1935 г. украинский перевод эпопеи Серафимовича вышел в Гослитиздате УССР (тираж 30 тыс. экз.), в 1936 г. в Детиздате УССР (тираж 20 тыс. экз.), в 1937 г.— в издательстве «Молодий більшовик» (тираж 15 175 экз.). Всего в 1927—1937 гг. было осуществлено 7 изданий «Железного потока» на украинском языке общим тиражом 130 175 экз. Общественность Советской Украины осознавала политическое и культурное значение этого начинания. «Перевод этой книги на украинский язык (кстати, очень удачный) своевременен, особенно сейчас, когда мы собираемся праздновать десятилетие Октября и вспоминаем минувшие дни борьбы», — отмечалось

⁶ Червона преса. 1929. № 7. С. 63.

⁷ Так обозначено в выходных данных. Приложение к журналу «Радянський книгар» № 3(32) за 1931 г. (Книжкові новини УССР. С. 20) позволяет уточнить дату выпуска книги — с 15 по 25 января 1931 г.

⁵ Там же, д. 1156, л. 229.

в херсонской газете «Рабочий»⁸. Орган ЦК КП(б)У газета «Комуніст» сообщала: «„ДВУ“, издав произведения Серафимовича на украинском языке, оказало большую помощь украинской литературе. Наша литература еще не так богата художественными произведениями, которые бы отразили гражданскую войну... Перевод М. Щербака безукоризненный»⁹. Высоко оценивались и художественные достоинства перевода. Рецензент журнала «Життя і революція» указывал, что перевод «...не только выполнен тщательно, но и целиком передает напряженно-динамический характер стиля «Железного потока»»¹⁰.

Всего в 1918—1941 гг. в УССР осуществлено 45 изданий произве-

дений выдающегося русского советского писателя на 6 языках общим тиражом 596 835 экз.¹¹. Выпущено 11 отдельных изданий произведений Серафимовича на языке подлинника общим тиражом 115 тыс. экз., 26 изданий на украинском языке общим тиражом 429 985 экз. (переводчики — В. Дашкевич, С. Карабай, М. Щербак, Н. Щербина и др.).

Издание произведений Серафимовича на Украине, несомненно, имело важное значение для укрепления дружбы между русским и украинским народами, для коммунистического воспитания трудящихся Советской Украины.

⁸ Рабочий. 1927. 5 окт.

⁹ Комуніст. 1927. 12 июля.

¹⁰ Життя і революція. 1933. № 2. С. 188.

¹¹ Подсчитано по кн.: Співдружність літератур: Бібліогр. покажчик (1917—1966). Харьков. 1969. С. 243—244. Мы не считали возможным учитывать тиражность довоенных крымских изданий.

А. С. ГРИН И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»

Особое место среди литературно-художественных издательств на рубеже 20 — 30-х годов занимала «Федерация»¹. В трудных условиях борьбы различных организаций и группировок она настойчиво проводила идею консолидации писательских сил во имя плодотворного развития советской литературы.

В 1930 г. в «Федерации» вышло 150 изданий и среди них две книги одного из признанных советских писателей того времени Александра Грина — роман «Дорога никуда» и сборник рассказов «Огонь и вода».

В дальнейшем издательство предпринимало ряд попыток выпустить и другие произведения писателя, к сожалению, оставшихся безуспешными.

В декабре 1930 г. в состав «Федерации» вошло издательство «Никитинские субботники». Среди 38 рукописей, находившихся в это время в портфеле «Никитинских субботников»², было и «Фанданго» А. С. Грина. Ранее повесть была опубликована в альманахе приключений «Война золотом» (1927) с обилием обесмысливающих текст

опечаток³. В ответ на предложение писателя издать эту повесть редактор «Федерации» А. Н. Зуев извещал А. С. Грина (письмом от 8 февраля 1931 г.): «Уважаемый Александр Степанович. Редсовет издательства «Федерация» постановил заключить договор на издание какой-либо из Ваших книг (возможно переиздание). Желательно получить от Вас книгу, наилучше принятую нашей критикой и читателями (Вы, вероятно, отзывы собираете). Что касается получения через „Никитинские субботники“ рукописи „Фанданго“, то редсовет воздерживается от ее издания...»⁴ 14 февраля 1931 г. А. С. Грин отвечал: «Уважаемый Александр Ефимович! (Ошибка, следует: Александр Никанорович.— М. Э.). На всякий случай я посылаю Вам 3 книги: „Корабли в Лиссе“, „Джесси и Моргиана“ и „Бегущая по волнам“, т. к. Вы можете встретить затруднения при розыске их. Вот и выбирайте, что более подойдет, хотя бы все три. С своей стороны, я предлагаю „Бегущую по волнам“. Хотя я не только не собираю отзывов, но даже не знаю, где они и в каком роде напечатаны, тем не менее слышал от литературных лю-

¹ Подробнее об этом см.: Эльзон М. Д. Издательство «Федерация» // Книга: Исслед. и материалы. 1980. Сб. 40. С. 133 — 151.

² Там же. С. 142.

³ См.: Грин А. С. Собр. соч. М., 1965. Т. 5. С. 477.

⁴ ЦГАЛИ. ф. 625, оп. 1, № 34, л. 171.

дей, что как критика, так и читатель это произведение особенно одобряют. Могу также повторить предложение «Блистающего мира», который пошел бы сейчас как новая книга и даже еще быстрее. Но этой книги у меня нет⁵. Нет также новой рукописи: хотя я и пишу роман «Недотрога», но пока написано 2 листа. По миновании надобности прошу оба (так в автографе. — М. Э.) романа мне вернуть, сохранить их, т. к. это мои единственные экземпляры. Соболаговолите также произвести расчет по 200 р. минимум с листа и препроводить совместно с имеющим быть составленным договором 60% общей суммы. Так вот, решайте, что издать из предложенного лично Вам, в ответ на Ваше предложение от 8-го февраля с. г. 1931»⁶.

17 марта неожиданно для автора А. Н. Зуев сообщил: «К сожалению, редсовет не нашел возможным переиздать какую-либо из них. Однако не отказываемся от принятого решения издать Вашу книгу и высылаем Вам договор на книгу рассказов в 10 п. л.». В этом же письме говорилось, что отбор должен произвести кто-либо из членов редсовета⁷. Последний из сохранившихся документов — недатированное письмо А. С. Грина к А. Н. Зуеву, содержащее, в частности, следующие строки: «Начало реализа-

ции договорных отношений в высшей степени озадачивает меня. Издание моей книги — инициатива издательства; я сделал все от меня зависящее, признал даже лучшим из своих произведений не то, что посылал вначале лучшего, а то, что хотело признать лучшим само издательство; согласился на вашу цену листа — и вправе был ожидать, что после назначенного самим издательством срока уплаты гонорара — 8 апреля — мне окажут хотя бы скромное внимание, выражаемое точностью исполнения обещаний»⁸. На этом отношения писателя с издательством (поведшим себя достаточно некорректно) прервались. Год спустя А. С. Грин умер. В начале 1933 г. с предложением издать однотомник Александра Грина обратились в «Советскую литературу» (переименованная «Федерация») А. А. Фадеев и Ю. Н. Либединский. И хотя письмо было поддержано отзывами Н. Н. Асеева, Э. Г. Багрицкого, Вс. Иванова, В. П. Катаева, Л. М. Леонова, А. Г. Малышкина, Н. Огнева, Ю. К. Олеси, М. А. Светлова, Л. Н. Сейфуллиной⁹, издание «Избранного» не состоялось. Возможно, этим однотомником были «Фантастические новеллы», выпущенные в 1934 г. «Советским писателем».

⁵ ЦГАЛИ, ф. 625, оп. 1, № 34, л. 177 об.

⁶ См.: Вихров В. Рыцарь мечты // Грин А. С. Собр. соч. Т. 1. С. 22. См. также опубликованное Е. А. Динерштейном письмо Э. Г. Багрицкого к Г. Е. Цылину (начало марта 1933 г.) в кн.: Из творческого наследия советских писателей. М., 1965. С. 462. (Лит. наследство. Т. 74).

⁵ Имеется в виду единственное прижизненное издание «ЗИФа» (1924).

⁶ ЦГАЛИ, ф. 625, оп. 1, № 34, л. 172 — 173 об.

⁷ Там же, л. 175.

Эптон Синклер

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ КНИГИ*

Один из крупнейших представителей американской прогрессивной литературы Эптон Синклер (1878—1968) прожил долгую и сложную жизнь. Он известен как прозаик, драматург, публицист. В 10—20-е годы Э. Синклер в своих произведениях выступал активным пропагандистом идей социализма, обличал представителей монополистических кругов, писал об ужасающих условиях работы и жизни американских трудящихся, призывал их к борьбе за свои права. Э. Синклер не был последовательным социалистом. В. И. Ленин в 1915 г. охарактеризовал его как «социалиста чувства, без теоретического образования»¹, косвенно указал на таящиеся в этом опасные тенденции.

После второй мировой войны во взглядах Э. Синклера произошел поворот: от осуждения буржуазного общества писатель перешел к его апологии, к идеализации американской демократии. По отношению к Советскому Союзу Э. Синклер стал выражать официальную точку зрения американского правительства. Однако в 60-е годы Э. Синклер сообщал в письме советскому журналисту, что с надеждой всматривается в прогресс Советского Союза.

Э. Синклер считал главным средством борьбы убеждение, пропаганду своих взглядов, просвещение людей. По его мнению, достаточно пробудить общественное

сознание, как будет достигнута победа. В своих произведениях писатель предпочитал действовать в духе шиллеровского «ру-пора идей».

В Советском Союзе Синклер был очень популярен в 20-е годы. Его книги расходились в десятках тысяч экземпляров. Лучшие романы Синклера, такие, как «Дельцы», «Автомобильный король», переиздаются в нашей стране до сих пор.

Творчество Э. Синклера носит ярко выраженный социальный характер. Моральные, психологические, эстетические и другие проблемы, о которых он писал в те годы, всегда превращались в проблемы социальные. Особенностью манеры Э. Синклера является, с одной стороны, стремление к всестороннему освещению темы, а с другой — преломление рассматриваемого вопроса под определенным углом зрения, с классовых позиций. Эта особенность творчества проявляется в публикуемом ниже очерке «Для чего нужны книги», написанном Э. Синклером в 1927 г. Очерк представляет, на наш взгляд, значительный интерес, так как этот сравнительно небольшой по объему текст дает полное представление об отношении Э. Синклера к книге и чтению, а также о том лучшем, что есть в творчестве этого писателя, поскольку в нем звучат основные темы и проблемы, волновавшие Э. Синклера на протяжении нескольких десятилетий и нашедшие отражение в его произведениях.

Э. Синклер предстает перед нами как человек, влюбленный в книгу и чтение и не мыслящий без них своей жизни; как

* Перевод с английского и предисловие С. Н. Артамоновой.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 270.

политический агитатор, страстно желающий убедить рабочих в необходимости читать книги и вооружиться знаниями для борьбы за свое освобождение; как писатель-разоблачитель, энергично протестующий против эксплуатации, осуждающий войны, обличающий праздную жизнь богатей, продажность рекламной печати и бездуховность интересов обывателей; как писатель-социалист, доказывающий особую роль книги в борьбе трудящихся за освобождение от эксплуатации, всей душой сочувствующий тяжелой жизни рабочих, относящийся к людям, по его собственным словам, с «огромным запасом человечности, любви и жалости».

Характеризуя книгу как источник знания с точки зрения ее содержания, духовного богатства, воздействия на ум и душу человека, Э. Синклер в то же время с некоторой прямолинейностью и американским

практицизмом стремится доказать «полезность» книг с прагматической точки зрения.

Творческую манеру Э. Синклера отличают простота, ясность и высокая эмоциональность изложения. Очерк предназначен для чтения рабочими, поэтому написан языком, доступным трудящимся людям. Писатель старается заразить их своей любовью к книгам и чтению. Многие вопросы Э. Синклер разъясняет подробно и терпеливо, приводя примеры из своей жизни.

В очерке «Для чего нужны книги» поднят много проблем, звучащих злободневно и в наши дни. Строки Э. Синклера дышат такой страстностью, энергией, искренностью, таким желанием помочь обездоленным людям, что не могут оставить читателя равнодушным даже спустя шестьдесят лет со дня их написания. Публикуемый ниже очерк переведен на русский язык впервые.

Я хочу рассказать вам одну историю. Она настолько необычна, что похожа на сказку. Единственное отличие этой истории от сказки в том, что она произошла всего три-четыре года назад и именно так, как я ее рассказываю.

Жил-был молодой человек, родившийся в роскоши. У него было все, что только можно пожелать. Когда ему исполнилось двадцать лет, умер его родственник и оставил ему миллион долларов. Спросите у большинства американцев, чего бы они хотели больше всего на свете, и они ответят, что, если бы у них умер родственник и оставил им миллион долларов, — их это прекрасно бы устроило. Но по какой-то непонятной причине такая ситуация не устраивала нашего богатого молодого человека. Его тревожило то, что называют совестью. На этот счет у него были странные взгляды: до того, как тратить деньги, нужно их заработать. Юноша заявил, что не заработал этот миллион долларов и поэтому не собирает его брать.

Из тысяч молодых людей, получивших в США богатое наследство, он был первым, кому пришла в голову подобная сумасшедшая мысль. По крайней мере, он был первым, кто имел мужество поступить согласно такой идее. Газеты сделали из этого большую сенсацию, и таким образом я узнал о необычном юноше.

Все это меня совершенно не касалось, но я пришел в беспокойство, думая о миллионе долларов и о том, на что его можно было бы употребить. Подумать только — эти деньги лежат в каком-то банке на Уолл-стрит, сумма постоянно растет и, как теперь принято, их дают взаем спекулянтам и крупным дельцам! Другими словами, используются эти деньги на цели, прямо противоположные идеям нашего юноши. Я сел и написал ему письмо, в котором указывал на это обстоятельство и убеждал его взять деньги и употребить их на распространение идей социальной справедливости или, если у него недостаточно веры в свои собственные

идеи, передать деньги группе самых верных борцов за социальную справедливость. Многие другие люди писали молодому человеку о том же. В результате возникло издательство «Авангард». Оно имеет в своем распоряжении, как по волшебству, сто тысяч долларов из упомянутой суммы, хранящейся на Уолл-стрит, и обязалось употреблять эти деньги на отбор, редактирование, издание и продажу по самым низким ценам тех книг, которые больше всего нужны простым людям США. И вот издательство «Авангард» обратилось ко мне с просьбой написать очерк, предваряющий каталог книг, чтобы убедить людей покупать их. Не раздумывая, я ответил согласием.

Вот что для начала я хочу сказать: *все, что у меня есть в жизни — все мои способности, дарования, все знания и интересы; все, о чем я знаю и что мог бы иметь, все это — каждое в отдельности и взятое вместе — я отдал бы за чтение хорошей книги.* Любовь к хорошим книгам и знание того, как их найти, я считаю самым ценным жизненным даром (кроме здоровья). Думаю, что это справедливо и для вас, читатель, независимо от того, кто вы и чем занимаетесь, мужчина вы или женщина, стары вы или молоды, богаты или бедны, белый вы или черный. Книги — ключ ко всем другим жизненным ценностям. Книжки раскрывают вам внутреннюю суть вещей, а когда вы проникнете туда, вам будет принадлежать все. Я пишу это для того, чтобы вложить в ваши руки ключ и убедить вас воспользоваться им.

Задумайтесь на секунду: в книгах зафиксировано все, чего достигло человечество к настоящему моменту. Все великие открытия, все неразгаданные тайны природы, все виды искусства и области науки, величайшие мысли, подлинные радо-

сти, страхи и приключения миллионов людей, которые жили на свете и оставили нам об этом что-то вроде письменного свидетельства. Дж. Мильтон сказал: *«Хорошая книга — драгоценный источник духовной жизненной силы, сохраненный от забвения и сберегаемый для потомков как сокровище».* И все это бесплатно — в буквальном смысле слова бесплатно, потому что, если вы слишком бедны, чтобы купить книгу, вы можете взять ее в библиотеке или одолжить у кого-нибудь, если вы действительно хотите ее достать.

Если вы любите хорошие книги и знаете, как их найти, вы никогда не будете скучать; у вас всегда будут самые лучшие собеседники, какие только существовали в мире. Величайшие мудрецы, крупнейшие остроумцы, великие творцы всех времен бесплатно предлагают вам самое лучшее, что они создали за свою жизнь. Как личности, многие из них были робкими и замкнутыми. Жизнь вынуждала их быть такими. Из-за своей занятости они не стали бы приглашать вас в свои рабочие кабинеты. Но они постарались вложить все лучшее, что у них было, в свои книги, и эти книги — ваши, вы можете обращаться к ним в любое время дня и ночи. Вам надо только включить свет, устроиться в кресле, и книги придут к вам.

Мы, американцы, — деловые люди и любим все подсчитывать в долларах и центах. Тем не менее я утверждаю, что и в этом смысле от книг вы можете получить больше пользы, чем от любой другой формы развлечений или обучения. Если вы заплатите деньги за билет в театр, то развлечение может быть очень хорошим, пока оно длится, но через два-три часа спектакль закончится и канет в вечность. Если же вы вложите то же количество денег в стоящую книгу, то не только

чение будет продолжаться значительно дольше, но у вас останется к тому же книга. Вы сможете в любой момент получить удовольствие от чтения этой книги, а также пригласить ваших друзей разделить его с вами — *и все это за деньги, заплаченные за книгу один раз.*

Мы очень любим ходить в кино. И я признаю, что в кино мы можем увидеть много интересного и познавательного. Но фильмы, которые мы смотрим, являются, к сожалению, скудной пищей для ума взрослого человека. Много ли я помню из просмотренных год назад фильмов? Сколько героев фильмов будут жить в моей памяти? В лучшем случае, двое-трое. А как обстоит дело с книгами, которые я прочитал? Мой ум переполняют разнообразные воспоминания обо всем, прочитанном за мою жизнь. Это целый мир событий, гамма чувств и цветов, огромное количество персонажей, многие из которых так же реальны для меня, как члены моей семьи. Я даже представить себе не могу, какая у меня была бы жизнь без этой волшебной силы, способной оживить в душе картины прошлого и настоящего человечества. Без чтения я был бы подобен червю и не стал бы таким, каков я сейчас. Я смотрю вокруг и вижу людей, которые не знают, куда себя деть, и начинают поэтому развлекаться не самым лучшим образом. Эти бедняги занимаются азартными играми, тайной торговлей спиртным, пустым хвастовством драгоценностями и шелковыми чулками, потому что они не подозревают о волшебном мире радости, который достался им в наследство. Я вспоминаю дворец богача, где я однажды оказался. Там была прекрасная библиотека с великолепными застекленными полками книг. При ближайшем рассмотрении книги оказались... нарисованными! Я помню

дома других богачей, где могло бы встретиться то же самое, потому что ни владельцы, ни гости никогда книгами не пользовались.

Я часто слышу, что люди говорят: «У меня нет времени читать». А потом я наблюдаю за их жизнью и вижу, что у женщин есть время готовить огромное количество еды, что вредно для здоровья, и без конца наряжаться, что вредно для хорошего вкуса. Я вижу, что у мужчин есть время играть в карты и следить за новостями на бегах; у них есть время курить табак, за который они платят за всю жизнь столько же, сколько стоит хорошая библиотека. Я мог бы перечислить еще очень много других бесполезных дел. У людей есть время читать воскресные приложения, переполненные сенсационным вздором, грубыми шутками и сплетнями, — дело это пустое, если не порочное. А тем временем произведения великих мастеров слова пылятся в ожидании на полках.

Я пишу все это для рабочих и фермеров, их жен и детей, которые составляют большинство населения и делают в нашей стране очень тяжелую работу. У большинства этих людей есть только одно оправдание, если они не читают: у них слишком много тяжелой работы, поэтому к вечеру они так устают, что не в состоянии не только думать, но даже бодрствовать. Однако даже самые измученные работой люди могут выкроить время для чтения — если им подсказать эту мысль и указать хорошую недорогую книгу.

Послушай, мой друг. Может быть, нам не удастся договориться о частностях и о том, как сделать мир справедливым, но каждый рабочий должен осознать, что мир серьезно болен. Народ много работает, производит огромные богатства, но не получает их. Те, кто пользуются

этим богатством, — в основном бездельники, которые никогда ничего не делали и не собираются делать; или крупные воры, игроки и преступники, дельцы с фондовых бирж, промышленники, наживающие миллионы на войне и производстве оружия. Неужели мы и дальше будем умножать богатства кучки людей, чтобы потом увидеть, как мир будет уничтожен чудовищными войнами?

Я посвятил всю мою жизнь тому, чтобы убедить рабочих в необходимости развивать свое собственное мышление. Я говорю им, что если мир будет когда-нибудь избавлен от существующей системы эксплуатации труда, то это произойдет только в том случае, если сами рабочие уничтожат эту систему; никто кроме самих рабочих этого не сделает. Ниже я привожу список книг, выпускаемых издательством «Авангард», чтобы дать трудовому народу знания, необходимые для борьбы за свое освобождение. Я уговариваю вас прочитать эти книги не потому, что я на этом сделаю деньги или кто-нибудь из моих друзей получит от этого прибыль, а потому, что я не могу быть счастлив, пока мир таков, как он есть, где *«правда всегда на эшафоте, а зло всегда на троне»*.

Есть такая современная наука — психология. Это наука о человеческом разуме и о том, как он проявляется. Жаль, что ее название образовано из греческих слов, непонятных простым людям. Я восторгаюсь тем, что у немцев принято для обозначения новых понятий брать слова из своего родного языка. Они называют перчатку «ботинком для руки», телефон — «дальнеговорителем» и так далее. Я скорее предпочел бы слово «умознание» вместо «психологии». Но как бы то ни было, эта новая наука теперь используется всевозможными дельцами, состоящими на службе у биз-

несменов и старающимися назначить баснословно высокие цены за предлагаемый ими товар. Их цель — заставить вас потратить как можно больше денег. В наши дни, какой бы журнал вы ни открыли, эти рекламные вымогатели уже ждут вас, при помощи великолепных цветных иллюстраций ловко атакуя ваш кошелек. Они вас так любят, так заботятся о вашем благополучии, они точно скажут, что вам нужно и почему; они играют на самых глубоких чувствах — вашей гордости, чувстве собственного достоинства, ваших амбициях, любви к родине, матери, дому и богу. *Для вас расставлены тысячи ловушек — как же вам избежать их?*

Точно так же каждая наука и искусство используются сегодня врагами рабочего класса для того, чтобы ограбить массы и держать их в подчинении. Как же вы сможете защитить себя, если также не вооружитесь знаниями? Взгляните на громадного быка. Он подчиняется ребенку, держащему в руке ивовый прут. А почему? *Потому, что у ребенка есть знания, которых нет у бессловесного животного*. Именно так в современном мире обстоит дело с рабочими. Вы должны учиться, чтобы у вас были свои собственные мысли, а не мысли ваших эксплуататоров.

Книги для трудящихся. Я применяю слово «трудящиеся», как вы понимаете, в широком смысле, для обозначения большой группы людей, которые производят материальные ценности, в отличие от тех, кто живет своими капиталами. *Издательство «Авангард» публикует список книг, которые необходимы рабочему классу и которые чаще всего не издаются обычными коммерческими издательствами*. Эти книги предлагаются вам по самым низким ценам.

Я упоминал психологию. Издательство «Авангард» рекомендует вам очень простой учебник по этой науке, рассказывающий о том, что известно в настоящее время о человеческом разуме — этом великолепном инструменте мышления; о его возникновении, развитии, возможностях и пределах. Существует также учебник по физиологии, который дает сведения о человеческом теле. В учебнике приводится список для дополнительного чтения, если вы заинтересуетесь этим предметом. Обычный человек, когда он в первый раз неуверенно входит в библиотеку, сначала теряется. Но именно в библиотеке начинается дорога к знаниям. В библиотеке есть простые книги, как раз для среднего человека, например о растениях — ботаника, о земле — геология, о животных — зоология, о звездах и вселенной — астрономия.

У меня есть перед вами некоторое преимущество — девять лет в колледжах и университетах. Может быть, многие из вас этому позавидуют. К сожалению, должен сказать, что эти годы были совсем не такими, как вы думаете. Преподавание большей частью было слабым, и скоро я сделал открытие, что самые ценные знания содержатся в книгах. Поэтому я стал делать так: начинал ходить на занятия, посещал их до тех пор, пока не выяснял, какими книгами пользуется преподаватель. Затем я бросал занятия и самостоятельно читал книги в библиотеке. Как видите, вы все сможете «ходить в колледж» таким образом — в любое время дня и ночи. Вот, например, весь мир спорит об эволюции (по крайней мере, вся Америка). Населению всех штатов предложено высказывать свои соображения по этому вопросу. Это одно из самых захватывающих исследований, одно из величайших достижений человеческого разума.

Вы можете начать изучение данного вопроса, взяв учебник по эволюции, выпущенный издательством «Авангард».

Существуют также различные общественно-политические теории. Я очень люблю эту область и мог бы написать на эту тему целую книгу (по правде говоря, я уже это сделал, только обещал об этом не говорить). Издательство «Авангард» привлекло лучших специалистов для подготовки серии книг, посвященных различным общественно-политическим течениям. Капиталистическая пресса и политические ораторы валят в кучу коммунистов, анархистов и социалистов. Чтобы разобраться в данных вопросах, вам надо изучить небольшие брошюры «Что такое коммунизм?», «Что такое социализм?», «Что такое анархизм?», «Что такое кооперация?». Когда вы их прочтете, вы будете знать по этому вопросу больше, чем редакторы всех капиталистических газет вместе со всеми членами сената и палаты представителей. И у вас еще останется много других тем для изучения!

Еще издательство «Авангард» выпускает сокращенные изложения содержания некоторых наиболее известных книг по науке и истории. В своем первоначальном виде эти книги, несмотря на их большую ценность, слишком велики по объему для большинства рабочих, поэтому пришлось их сократить. Так, мы постарались выбрать самое лучшее из «Истории цивилизации» Г. Бокля, «Происхождения человека» Ч. Дарвина, «Истории столкновения религии с наукою» Дж. Дрэпера, «Мировых загадок» Э. Геккеля, «Истории нравственности в Европе» В. Лекки.

Также переиздано довольно много классических работ, посвященных движению за социальную справедливость, как американских, так

и иностранных авторов. Авторы этих книг — очень компетентные люди.

В приводящемся ниже списке книг издательства «Авангард» около шестидесяти названий. Все описания снабжены аннотациями. Стоимость каждой из этих книг не больше, чем стоимость билета в кино или порции спиртного. *Поверьте, что это стоящие книги; ведь знать эти книги — мое дело, и я их действительно знаю.* Посмотрите список и выберите несколько книг, которые покажутся вам лучше других, которые больше других соответствуют вашим вкусам и интересам. И тогда беритесь за дело и читайте, читайте, читайте! Поверьте мне также, что начало — всегда самое трудное дело.

Установите для чтения определенное время, даже если это будет всего 15 минут в день, и затем читайте. Думайте о том, что вы прочитали, и старайтесь это запомнить. Продолжайте думать о прочитанном, когда держите в руках рабочий инструмент, с помощью которого вы зарабатываете на жизнь. В молодости я учил французские и немецкие слова, когда одевался, шел по улице или ехал в транспорте. *Если вы действительно хотите приобрести знания, вы с удивлением обнаружите, как много можно найти свободного времени для своего развития. Насколько интересное станет ваша жизнь, когда вы будете развивать свое мышление и узнаете безграничные возможности своего ума.*

Затем следует аннотированный каталог книг, выпускаемых издательством «Авангард». Каталог включает около шестидесяти названий книг. Наше внимание привлек-

ли аннотации к книгам К. Маркса, В. И. Ленина и Л. Н. Толстого. (С. А).

«ОСНОВЫ МАРКСИЗМА». Под ред. и с предисл. О. Ли.

Дж. Б. Шоу признавался: «Карл Маркс сделал из меня человека». Смелые и оригинальные идеи К. Маркса влияют на мысли и поступки миллионов людей во всем мире. Кто был К. Маркс? Каковы его главные идеи? Прочитав эту книгу, вы познакомитесь и с интересной жизнью К. Маркса, и с его революционной философией. Книга содержит оригинальный текст основных работ К. Маркса.

«ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ» В. И. Ленина.

Советизм — большевизм — ленинизм — коммунизм. Как часто мы встречаемся с этими словами! Так называют социальное учение, одержавшее победу на одной шестой территории земного шара, — в России. Кто сформулировал эту революционную философию? Кто возглавил это победившее движение? В. И. Ленин. Одобряете вы это учение или нет, но вы должны знать, как его излагает В. И. Ленин в своей книге.

«ВОЙНА, ПАТРИОТИЗМ, МИР» Л. Н. Толстого. Под ред. и с предисл. С. Ниеринга.

Л. Толстой умер. Войны продолжаются. Л. Толстой предупреждал мир об этой угрозе. Militarисты веселятся, а народ расплачивается своей кровью и имуществом. Обратит ли сейчас мир внимание на предупреждения Л. Толстого? В этой книге вы можете прочитать сильные произведения Л. Толстого, направленные против милитаризма — этого «великого сумасшествия».

ШЕСТАЯ МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА

С 8 по 14 сентября 1987 г. в Москве проходила шестая Международная книжная выставка-ярмарка — один из крупнейших форумов книгоиздателей всего мира. Авторитет, престижность, популярность ММКВЯ растут год от года. Если в первой Московской книжной выставке-ярмарке в 1977 г. участвовали 1535 фирм и организаций из 67 стран и 3 международных организации, то на шестой ярмарке свою продукцию показывали более 3 тыс. фирм из 103 стран, а также 13 международных и 3 национальные организации. Впервые участие в ярмарке принимали ряд стран Африки, Международный институт системного анализа, штаб-квартира которого находится в Вене, союзы финских бумажных, картонных и целлюлозных фабрик. Впервые в Москву на форум книги приезжали представители информационного агентства США — ЮСИА. Особенно представительный состав ММКВЯ-87 во многом объясняется тем огромным интересом, который вызывают в мире процессы перестройки, происходящие в нашей стране.

На стендах выставки-ярмарки демонстрировались десятки тысяч изданий. Это вышедшие за два года книги, альбомы, брошюры, журналы и другая печатная продукция на разных языках народов мира.

По традиции советская экспозиция была самой крупной на выставке — около 20 тыс. названий.

Выставка-ярмарка проходила в канун 70-летия Великой Октябрьской революции, поэтому тема «Октябрь и книга» стала основной в советском разделе. Ей была посвящена специальная экспозиция «Ленин. Октябрь. Мир», включавшая 500 экспонатов. Среди них — том из первого собрания сочинений Ленина, предпринятого Государственным издательством в 1920 г., книги и плакаты, побывавшие в 1922 г. на международной книжной выставке во Флоренции, книги «Народной библиотеки», вышедшей в 1919—1921 гг., книга «Русская революция 1917 года: как это было?» («Прогресс»), выполненная в манере Окон РОСТА, серия «История КПСС в воспоминаниях современников», факсимильные издания «Первых декретов Советской власти» («Книга»).

Широкий интерес вызвало третье, дополненное и исправленное, издание энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», в которое включены, в отличие от предыдущих изданий, партийная статистика того времени, биографии ряда революционеров, имена которых ранее замалчивались.

«Советский писатель» демонстрировал прекрасно оформленное и полиграфически исполненное издание — сборник «Год 1917. Очерки, статьи, воспоминания», а «Художественная литература» — два тома антологии прозы и поэзии «Революцией призванные».

Издательство «Современник» подготовило к юбилею Октября книги серии «Память»: «Октябрь в Петрограде» и «Сказания о гражданской», составленные из воспоминаний очевидцев великих событий.

Большой интерес проявили посетители выставки к книгам, раскрывающим смысл преобразований, проводимых в нашей стране. Среди них — сборник «Перестройка: проблемы, поиски» и «Идет перестройка» (Политиздат), «СССР — время перемен», «Советская панорама-87» («Прогресс»).

Почетное место на стендах советских издательств было отведено лучшим произведениям отечественной художественной литературы, книгам для детей и юношества. В литературе, представленной в советской экспозиции, нашли отражение все отрасли и направления советской науки.

Специальный стенд Всесоюзного общества любителей книги знакомил с деятельностью советских пропагандистов и общественных распространителей книги. В экспозиции ВОК «Пушкиниана революции» демонстрировались 50 редких книг А. С. Пушкина и работ о поэте, выпущенных в первые годы Советской власти. Новинкой стенда ВОК были голографические изображения уникальных изданий, элементов украшения древних книг, личных вещей известных писателей.

Свыше 2 тыс. книг было представлено в экспозиции союзных республик. «Радостные чувства вызывают стенды советских союзных республик, — отметил заместитель

министра культуры ПНР К. Молек. — Поражает широта тематики, трогает высокая полиграфическая культура, заботливо хранящая народные традиции».

На Московской международной книжной выставке-ярмарке широко была представлена литература, выпущенная издательствами социалистических стран. Одной из представительнейших на ярмарке была экспозиция ГДР. В ней участвовали все 78 книжных издательств республики, которые привезли свыше 4 тыс. наименований печатной продукции. Центральное место среди них занимали издания, посвященные 750-летию Берлина и 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В третий раз участвовал в ММКВЯ Китай. Его экспозиция включала около 3 тыс. книг и альбомов, выпущенных за 2 года. Среди изданий, пользовавшихся особым интересом посетителей выставки, — «Старинная столица. Пекин», «Красота Китая».

Характерно, что на стендах многих социалистических стран были переводы произведений русских и советских авторов. Многие из этих изданий были приурочены к 70-летней годовщине Октябрьской революции. В разделе Венгрии, например, были представлены книга о Н. К. Крупской (из серии «Женщины в революции») — совместное издание, предпринятое издательствами имени Кошута и «Карпаты»; книга А. Блока «Последние дни императорской власти»; иллюстрированная история для детей «Великий Октябрь».

Свою продукцию демонстрировали ведущие книгоиздательские фирмы США, Англии, Японии, ФРГ, Франции, Италии, Латинской Америки и ряда других стран.

Каждый раз на Московской книжной выставке-ярмарке органи-

зается специальная международная экспозиция; на этот раз она была посвящена теме «Книга и технический прогресс». Издатели из 20 стран и 4 международных организации: ООН, ЮНЕСКО, СЭВ и ВОЗ продемонстрировали здесь более тысячи книг по проблемам мирного использования достижений науки и техники.

Обширной и разнообразной была программа мероприятий, проведенных в рамках ММКВЯ-87. Журнал «Советская женщина» по традиции провел международный конкурс детского рисунка «Герой моей любимой книжки».

По инициативе Советского комитета защиты мира, Госкомиздата СССР и Всесоюзного общества любителей книги была организована академическая, как охарактеризовал ее академик И. В. Петрянов-Соколов, международная встреча издателей, писателей, ученых, журналистов, библиотекарей, библиофилов «Книга и человек в современном мире». Деятели культуры разных стран в свободной дискуссии сопоставляли свои точки зрения на судьбу и роль книги в современном обществе. Участники встречи приняли обращение к писателям и деятелям книги всех стран, в котором отмечалось, что «в век интенсивного развития средств массовой информации книга остается главным источником формирования фундаментальных знаний у всех народов мира». В обращении прозвучал призыв писать, издавать и распространять книги, обогащающие культуру и объединяющие людей в стремлении к миру.

На встрече президиум Центрального правления ВОК вручил памятные подарки и дипломы за лучшие издания текущего года. Это — книга «Европа на пороге третьего тысячелетия. За мир, природу и человека», созданная под эгидой Советского комитета за европейскую

безопасность и сотрудничество и Рейнско-Вестфальского иностранного общества. Были отмечены также «Советско-индийская библиотека. Век XX», состоящая из выпускаемых на языке хинди 20 томов произведений советских и 20 томов произведений индийских писателей на русском языке, и двухтомное издание «Память» польского издательства «Интерпресс».

В рамках выставки-ярмарки ВОК провел День книголюбия, состоялся «круглый стол» книголюбов «Книга и революция», в котором приняли участие известные писатели, ученые, издатели.

Шестая Московская международная книжная выставка-ярмарка бесспорно стала шагом вперед в развитии контактов с издателями США. Председатель Госкомиздата СССР М. Ф. Ненашев и посол США Джек Ф. Мэтлок подписали первое в истории наших стран соглашение об обмене национальными книжными выставками.

Были проведены четыре советско-американских семинара: университетских издателей, полиграфистов, библиотекарей и по совместным изданиям, благодаря которым советские и американские специалисты получили возможность лучше познакомиться с книжной отраслью обеих стран и обсудить пути развития связей в области книжного дела.

Отличительной особенностью выставки-ярмарки 1987 г. было то, что она преследовала в основном коммерческие цели. Предыдущие ММКВЯ были все-таки больше выставками, чем ярмарками, и это вызывало недовольство у зарубежных участников. Впервые на Московской выставке-ярмарке работал Советский коммерческий центр. Ему было предоставлено право выходить на прямые связи с зарубежными партнерами.

Экспозиция Коммерческого центра включала около 7 500 названий печатной продукции — издания на русском и иностранном языках по всем основным видам литературы. Коммерческие книжные фонды ярмарки составляли более 16 млн экз. Помимо книг, здесь были представлены журнальные издания, грампластинки, почтовые марки и репродукции. Все это предназначалось для продажи.

Кроме того, при Коммерческом центре работала импортная группа «Международной книги» и «Союзкниги». Совместно с представителями книготоргов, центральных библиотек и крупных научных центров она занималась закупкой для советских читателей книг на иностранных языках.

Функции Коммерческого центра не ограничиваются покупкой и продажей книг. В интервью газете «Советская культура» директор Центра Ю. Сапожников отметил: «Если раньше наши интересы на мировом рынке представляла «Международная книга» и технологическая цепочка «зарубежный читатель—советский издатель» была очень длинной, мало мобильной, то теперь все — от идеи книги до ее продажи за рубеж — в наших руках. Есть возможность изучать конъюнктуру рынка, влиять на него, реагировать на его малейшие колебания».

За все дни работы выставки-ярмарки было заключено в общей сложности более 9 000 различных контрактов — больше, чем когда-либо.

Выставка-ярмарка открыла новые возможности для расширения сотрудничества советских книгоиздателей с зарубежными партнерами. Намечены самые разнообразные его формы, в том числе создание смешанных авторских и редакционных коллективов. Подписаны соглашения о прямых связях изда-

тельств «Прогресс», «Художественная литература», «Транспорт» и других с коллегами из Болгарии, ГДР, Польши. Наши основные экспортные издательства — «Прогресс», «Радуга», «Мир», «Русский язык» и «Аврора» подписали 264 соглашения о совместных изданиях книг тиражом свыше 5 млн экз.

Постоянным участником Московских книжных выставок-ярмарок является издательство «Шпрингер-Ферлаг» (ФРГ). Его сотрудничество с советскими издательствами началось еще в 20-е годы. С того времени западногерманская фирма выпустила более 150 наименований книг советских авторов. За большие заслуги в укреплении советско-западногерманских деловых связей в области книгоиздательского дела и книжной торговли «Шпрингер-Ферлаг» награждено почетной грамотой Госкомиздата СССР. На ММКВЯ-87 представители советских научных учреждений и фирма «Шпрингер-Ферлаг» подписали договор о совместном выпуске «Математической энциклопедии» в 60 томах, которая будет крупнейшей в мире отраслевой энциклопедией.

Китайская компания международной книжной торговли заключила договор с издательством «Медицина» о совместном выпуске пособия по основам иглотерапии, а с Агропромиздатом — о выпуске кулинарной книги, содержащей рецепты блюд китайской кухни. Политиздат Украины и Партиздат НРБ договорились о совместном издании в СССР и НРБ, соответственно на русском и болгарском языках, сборника «Дорогами дружбы». Издательство «Русский язык» и польская фирма «Ведза повшехна» будут выпускать совместное издание «Русский язык — детям» (учебник для школьников). Впервые это наше издательство совместно с фирмами — финской «Амер групп» и сирийской

«Майсалун» — подготовит курс «Русский язык с компьютером», состоящий из дискеты, компакт-кассеты и методического руководства.

Представители 85 иностранных фирм, ведущих закупку и продажу книг, приобрели в общей сложности книг, брошюр, альбомов на 7,9 млн р. Это значительно больше, чем на предыдущей выставке-ярмарке.

Многие зарубежные фирмы в первую очередь заинтересовались литературой, посвященной ходу перестройки в нашей стране. В мире сейчас значительно повысился интерес к советской общественно-политической литературе. По данным ВААП, на шестой Московской выставке-ярмарке такой литературы, увидевшей свет в различных советских издательствах, закуплено в 2,5 раза больше, чем на пятой Московской книжной выставке-ярмарке.

Почти на треть увеличилось число экспортных контрактов на книги современных советских писателей. По сравнению с прошлой ярмаркой более чем в два раза возрос экспорт наших научно-технических изданий. Многого вырос советский экспорт полиграфической продукции.

Заключены многочисленные импортные контракты на издание в СССР произведений зарубежных авторов. Так, например, с французской фирмой «Фламарион» достигнута договоренность о выпуске в нашей стране собрания сочинений Э. Базена. Издательство «Радуга» выпустит сборник «Антониони об Антониони». Среди приобретений издательства «Искусство» — иллюстрированный альбом «История стекла», выпущенный в Великобритании «Орбисом», книга В. Слесинского «Техника живописи», напечатанная польским издательством «Аркады».

Издательства «Прогресс», «Художественная литература», «Транспорт» договорились о прямых производственных связях с издателями Болгарии, ГДР и Польши. Заключено соглашение об обмене книжными выставками с КНР. Подписаны протоколы о сотрудничестве с национальными ассоциациями книгоиздателей Финляндии, Испании, Великобритании, Бельгии.

Большинство участников ММКВЯ-87 остались довольны ее результатами, дали ей высокую оценку. Зарубежные книгоиздатели с удовлетворением отмечали, что на выставке сказались веяния перестройки, она приобрела более деловой характер. «Нынешняя ярмарка, — заявил Стюарт Ричардсон, директор издательства «Ричардсон энд Стирмэн» (США), — гораздо более открытая, свободная, чем прежние. Это как свежий воздух. Я думаю, что перестройка — это очень хорошо».

Представители многих зарубежных издательств высказывали недовольство теснотой помещений, предоставленных им для экспозиций. Слишком много времени тратили участники ярмарки на разного рода согласования при подписании контрактов. По мнению директора Франкфуртской ярмарки Петера Вайдхааса, «повысить эффективность участия в ярмарке можно путем упрощения процессов подписания и реализации контрактов».

Но, несмотря на отдельные недостатки, Московская книжная выставка-ярмарка признана весьма эффективной формой культурного обмена. Выставки в советской столице, как об этом неоднократно говорили участники ММКВЯ-87, выделяются широкими возможностями общения и расширения личных контактов.

И. Н. Тарасенко

СОВЕЩАНИЕ ПО РАЗРАБОТКЕ ПРОГНОЗА РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

Организованное Всесоюзной книжной палатой совещание, состоявшееся 24 февраля 1987 г., было посвящено проблеме прогноза развития советского книгоиздания, разработка которого во многом поможет наметить пути перестройки в отрасли и будет способствовать созданию научного механизма управления. Прогноз развития советского книгоиздания разрабатывается Всесоюзной книжной палатой при участии ряда научно-исследовательских учреждений, крупнейших библиотек страны, а также Всесоюзного добровольного общества книголюбов.

В совещании принимали участие представители Госкомиздата СССР, Министерства культуры СССР, научных учреждений, специалисты отрасли, ученые-обществоведы.

Во вступительном слове генеральный директор НПО «Всесоюзная книжная палата» Ю. В. Торсуев отметил, что Всесоюзная книжная палата и ряд других организаций отрасли и ранее вели работу по прогнозированию. Но в настоящий момент появляется возможность более серьезных и основательных разработок, более глубокого теоретического осмысления проблемы. Предварительная концепция, на базе которой следует строить прогноз, — это единство двух сторон проблемы: с одной стороны, — потребности народа, с

другой — возможности производительных сил. При этом необходимо в первую очередь выяснить, что такое потребность, определяется ли она спросом, каковы ее критерии. Следует учитывать интересы различных социально-демографических групп населения, его дифференциацию, различия между городом и деревней и т. д.

Особый вопрос — развитие производительных сил. (Сколько и какой нужно бумаги, полиграфических мощностей?) В результате прогноза должна быть выстроена определенная структура книгоиздания, структура механизма обратной связи.

С сообщением о сегодняшнем состоянии книгоиздания и задачах прогноза выступил Е. А. Динерштейн (Всесоюзная книжная палата). Он обратил внимание на тот факт, что сами по себе цифры, характеризующие средний выпуск книг на душу населения, не раскрывают истинного положения вещей. Необходимы конкретные исследования спроса с учетом различных регионов страны. Поэтому при планировании книгоиздания нужны более гибкие методы. Уже принят целый ряд решений, направленных на улучшение современного положения дел, в частности на ускорение выпуска книжной продукции. Однако существует еще много проблем, ко-

торые стоят перед обществом и должны быть учтены при разработке прогноза.

Так, для увеличения возможностей удовлетворения спроса решено частично сократить репертуар книгоиздания. За счет экономии бумаги планируется увеличить тиражи книг, пользующихся наибольшим спросом. С одной стороны, это хорошо, но есть опасность сокращения национального репертуара, его обеднения. Кроме того, будет устаревать научная информация, сокращаться книгооборот, неизбежно неоправданное омертвление средств и ресурсов.

Не решает это и проблему сокращения остатков. Известно, что не всегда выпускается то, что нужно, в результате чего очень быстро реализовать продукцию не удается.

Остро стоит проблема тиражирования. В настоящее время тиражи определяют не издательства, а Союзкнига, то есть книготорговые организации. Это в корне неверно, так как только издательство знает книгу, ее читательский адрес, может предугадать ее восприятие читателем, ее эффективность.

Еще одна проблема связана с расширением издательской сети, в частности с созданием зональных издательств. Предполагается организовать филиалы центральных издательств в Сибири и на Дальнем Востоке. Насколько целесообразно это делать? Данная проблема совершенно не исследована. Докладчик подчеркнул, что задача зональных издательств заключается не в расширении тематики выпускаемой литературы, а в увеличении выпуска произведений местных авторов. Пока неизвестно, будут ли эти издательства выпускать научную и популярную литературу.

Составление прогноза, отметил Е. А. Динерштейн, будет способствовать совершенствованию практи-

ки руководства отраслью, объективной оценке ситуации в книгоиздании, определению тенденции развития книгоиздания в соответствии с задачами ускорения развития народного хозяйства, экономики, науки, культуры, повороту в социальной политике. Будут предложены меры, способствующие наиболее полному удовлетворению потребностей нашего общества в книге, разработаны рекомендации по рациональной структуре выпуска книжной продукции.

В выступлении А. П. Марина (заместителя главного редактора ежегодника «Книжная торговля») основное внимание было уделено проблеме спроса и его удовлетворения. А. П. Марин проанализировал, как учитывается спрос издательствами и как рынок формирует покупательский спрос. Были приведены примеры того, как книги, выпущенные повышенными тиражами, остаются нераспроданными.

Докладчик отметил также, что в общем выпуске невысок удельный вес переизданий. Если бы издательства начали выпускать по 50 наименований книг широкого спроса, в том числе и переизданий, то проблема его удовлетворения была бы во многом решена.

Выступающий отметил тревожное положение, создавшееся с рядом видов литературы, спрос на которые не удовлетворяется. В частности, речь шла о научно-популярной, справочной литературе, отрывных календарях и др. Для успешного удовлетворения спроса необходимо, по его мнению, составлять тематические планы с учетом мнения как библиотекарей, так и читателей. Поэтому для составления прогноза необходимо сформировать механизм изучения спроса, нужен центр, который будет заниматься выявлением этого спроса и будет непосредственно связан с издательствами.

Г. П. Ф о н о т о в (Министерство культуры СССР) отметил, что упорядочение и рост фондов библиотек является одним из звеньев прогноза развития советского книгоиздания.

В своем выступлении он остановился на некоторых моментах выпуска литературы, которые необходимо учитывать (увеличение доли выпуска справочной литературы в соответствии с потребностями библиотек, соотношение выпуска литературы на русском и национальном языках). Необходимо прогнозировать развитие культуры населения различных национальностей, учитывать уровень рождаемости по республикам для определения оптимального объема выпуска литературы на национальных языках для разных слоев и возрастных групп.

Г. П. Ф о н о т о в затронул еще одну проблему — выделение из имеющегося основного культурного богатства той массы литературы, которая должна систематически переиздаваться, с определением сроков переиздания.

А. Г. Р а е в (Государственная публичная научно-техническая библиотека) рассказал о том, как в ГПНТБ составляется прогноз спроса на научно-техническую литературу. Была разработана система факторов, влияющих на спрос. Одним из важнейших из них является «индекс тематики».

При этом докладчик отметил, что прогноз только по тематике не будет точен, так как внутри тематических рядов возможна большая дифференциация. Таким образом, необходимо «отсчитывать спрос» на каждое издание, нужна статистика учета. Подобную работу с художественной литературой, кроме ГПНТБ, а также библиотек Латвии и Армении, проводит Библиотека им. В. И. Ленина.

Е. А. Т и м о ш е н к о (Государственная публичная историческая библиотека) пояснил, что при изучении тематического спроса учитываются укрупненные блоки тем, а не конкретные книги. Как разукрупнить эти блоки? Если библиотека заказывает литературу по конкретному тематическому плану, то читатель выбирает определенную тему, и библиотека в своем запросе указывает количество экземпляров по данной теме. Таким образом выявляются дробные тематические ряды, дающие представление о том, какая тема интересует читателей, а какая нет. Задача состоит в том, чтобы дать характеристику спроса за год, за два года. В Государственной публичной исторической библиотеке использовали сведения из ряда библиотек, группировали их, получая матрицы спроса.

По мнению Е. А. Тимошенко, нужно, чтобы Госкомиздат СССР был заинтересован в удовлетворении всех требований библиотек, выявленных на основе изучения читательского спроса. Учет тематического спроса поможет качественно улучшить фонды библиотек.

Докладчик выделил еще одну важную проблему — качество полиграфического оформления книги. Сколько может послужить конкретная книга читателю? Этот вопрос связан со сроками и необходимостью переиздания книг и формирования фондов библиотек, как общественных, так и личных. Поэтому данный аспект книгоиздания также должен быть заложен в прогнозе.

Г. С. М и х а й л о в (ЦНИИ бумаги) отметил, что прогнозирование должно вестись с учетом потребности в бумаге и даже более того — прогноз должен определять эту потребность в какой-то мере. Пока не существует модели для определения этой будущей потребности. Такие

исследования сейчас только начинаются. С 1986 г. в план института включена тема «Изучение спроса и потребностей до 2005 года». Одна из трудностей составления подобного прогноза заключается в определении его достоверности.

В настоящее время, отметил Михайлов, предпринимается попытка обосновать потребность в бумаге в пределах 107 кг на душу населения.

В. М. Петров (ВНИИ искусствознания) подчеркнул, что прогноз должен носить поисковый характер, учитывая те проблемы, которые будут иметь место в будущем. Нельзя отрицать связей прогноза с долгосрочным и краткосрочным планированием. В настоящее время, заметил он, отсутствует научное обоснование пропорций планирования, хотя необходимые для этого методы есть. В. М. Петров рассказал о работе, которая ведется в секторе прогнозирования ВНИИ искусствознания.

Был разработан метод опережающих социальных групп, исходящий из формирования потребностей в рамках учреждений Министерства культуры СССР. Выделяются наиболее общественно развитые группы населения, определяется потребность в видах культурных благ. Затем определяется коэффициент по разным группам и категориям и в соответствии с этим коэффициентом и учетом ресурсов происходит процесс оптимального планирования.

Д. В. Евсеев (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) выделил в своем выступлении ряд моментов, которые необходимо учитывать при разработке прогноза. Следует использовать опыт исследований в области прогнозирования библиотечных фондов. В крупнейших библиотеках страны ведутся разработка книжного ядра фонда массовых библиотек, а также работы по оп-

ределению типового тематического профиля библиотечных фондов. При этом учитываются как «конкретные отказы», так и «тематические отказы». Из полученных сведений создается банк данных на неудовлетворенный читательский спрос.

Особое внимание выступавший обратил на роль издательств и библиотечных коллекторов в формировании фондов массовых библиотек.

В заключение Д. В. Евсеев остановился на таком ненормальном явлении, как списание части литературы, которая в силу определенных обстоятельств не нужна в данный момент библиотеке. Ежегодно списывается около 8 млн книг. В результате, отметил докладчик, мы можем оказаться перед лицом дефицита не только старой дореволюционной литературы, но и советской.

А. И. Рейтблат (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина) присоединился к мнению выступавших, что прогноз наиболее тесно связан с планированием.

Сейчас накоплен значительный объем информации о читателе, о спросе и потребностях. Как ее использовать? По мнению докладчика, необходимо выявить, какую ценность имеет та или иная литература для определенного читателя, что позволит прогнозировать ее спрос. Очень трудно фиксировать спрос массового читателя, ибо чаще всего он не знает, что именно ему хотелось бы прочитать. Не всегда книга может дойти до читателя в библиотеке. Минимальный тираж, позволяющий найти ее на библиотечных полках, — 150—200 тыс. экз.

Малотиражные издания необходимы таким категориям читателей, как ученые, исследователи и др. Докладчик отметил при этом ошибочность политики сокращения репертуара за счет увеличения массо-

вых тиражей, поскольку это ведет к снижению научного потенциала страны.

А. С. А х и е з е р (Институт мирового рабочего движения), продолжая разговор об изучении спроса, отметил, что издательства не имеют устойчивых критериев деятельности, в силу чего определенный книжный дефицит сохраняется постоянно. Поэтому речь не может идти просто о прогнозировании, необходим новый подход, связанный с изменением системы управления. Необходимо подумать, почему читатель покупает книгу, какие мотивы руководят им. Следует учитывать специфические интересы различных социальных, культурных групп.

Важно, чтобы различные социальные группы располагали широкой информацией о процессах, происходящих в развитии общества, и здесь издательства играют большую роль, это одна из их функций.

А. С. Ахиезер остановился также на проблеме изучения социальной функции книги в обществе.

Докладчик еще раз отметил, что политика, направленная на сокращение названий выпускаемых книг, отрицательно сказывается в первую очередь на развитии науки. Научная работа может быть успешной только при наличии расширенного репертуара научной литературы. Разные исследователи подходят к рассмотрению одного и того же предмета с различных точек зрения и с разных сторон, именно это и позволяет добиться объективности в его изучении, служит стимулом для дальнейшей работы.

Подводя итоги совещания, председатель, Ю. В. Торсуев, под-

черкнул, что возникшие проблемы и выявленные мнения позволяют определить направление будущей работы. Поэтому состоявшаяся встреча была полезной и необходимой.

Ю. В. Торсуев обратил внимание участников совещания на необходимость уточнить понимание терминов «планирование» и «прогнозирование». По его мнению, правомерно использовать оба термина. Следует уточнить понятия «спрос» и «потребность». В основе спроса так или иначе присутствует потребность, ее механизм надо изучать в первую очередь.

В книгоиздании, отметил Ю. В. Торсуев, должна быть определенная ориентация на существующие потребности развитых групп. Но этот процесс нельзя абсолютизировать. Развитые группы — это наиболее активная часть читателей. Если подходить к изучению таких групп аналитически, с учетом их дифференциации, указал докладчик, можно выработать хотя и частные, но достоверные критерии изучения потребностей. Однако не следует забывать, что необходим масштабный, всесторонний подход к явлению, необходимо говорить о потребностях всего общества. Надо учитывать реальный спрос как в библиотеках, так и в торговле.

В заключение Ю. В. Торсуев сообщил участникам совещания о заседании на базе Всесоюзной книжной палаты отраслевого центра социологических исследований, деятельность которого в конечном итоге будет способствовать максимальному удовлетворению потребностей нашего народа в книге.

В. П. Ефимова

ПРОБЛЕМЫ КНИГОВЕДЕНИЯ

(по поводу книги А. А. Беловицкой «Общее книговедение»*)

Выход учебного пособия А. А. Беловицкой «Общее книговедение», несомненно, — значительное событие для всех учебных заведений, где изучается этот предмет, поскольку это первое в истории преподавания данного курса издание, выпущенное центральным издательством и достаточным для обеспечения потребностей обучения тиражом. Значимость его выхода в свет определяется еще тем, что оно раскрывает содержание одного из фундаментальных (если не самого фундаментального) курсов, составляющего основу общенсторической, общеметодологической и общетеоретической подготовки книговедов и практиков книжного дела.

Обычно учебники и учебные пособия представляют собой высший уровень обобщения вопросов, раскрытых ранее в соответствующих монографиях и статьях различных авторов. И в тех случаях, когда таких публикаций достаточно, учебное пособие представляет собой, строго говоря, не более чем доброжелательную компиляцию имеющихся работ. Задача автора сводится главным образом к тому, чтобы систематизировать имеющийся материал, выбрать из него главное, устоявшееся (т. е. недискуссионное) и

изложить его в соответствии с учебной программой, стремясь делать это по возможности простым, доступным студентам языком.

Качественно иной, более сложной становится эта задача, когда исходный материал отсутствует, или его недостаточно, или он противоречив. Здесь автору приходится выступать в роли главного теоретика, главного разработчика освещаемой дисциплины. Отсутствующие разделы ему приходится разрабатывать самому, в спорных случаях выступать, так сказать, верховным судьей и притом не уходить от последовательности изложения, диктуемой программой курса, не забывать о четкости и ясности языка. А. А. Беловицкая создавала свое пособие именно в этой, гораздо более трудной ситуации, что объективно обусловило ряд его качественных отличий от пособий, пишущихся в обычных условиях: оно оригинально по содержанию, мало того, несет на себе яркий отпечаток авторской индивидуальности, его собственной интерпретации тех или иных теоретических концепций, положений, тезисов. Его отличают дискуссионность ряда высказываемых мыслей; неравномерная степень полноты и проработанности освещаемых вопросов и т. д.

Все эти качества свойственны научной монографии. Таким обра-

* Беловицкая А. А. Общее книговедение. М.: Книга. 1987. 246 с.

зом, есть объективное основание рассматривать рецензируемое пособие и в этом качестве, что и предпринято в данном случае.

В первых главах суммированы и систематизированы взгляды основоположников марксизма-ленинизма о книге, освещена история книговедения в нашей стране с момента его возникновения до наших дней. Затем раскрывается авторское представление о сущности книги как общественного феномена и форм ее материального воплощения. В особой главе излагается трактовка объекта, предмета и структуры книговедения как науки. Следующая глава — о связях книговедения со смежными дисциплинами — читателеведением, искусством книги, статистикой печати. Заканчивается книга систематическим изложением книговедческого метода, каким он видится А. А. Беловицкой. Таким образом, автор осветил все наиболее важные аспекты книговедения, действительно имеющие общее значение для всех его частных разделов. Не считая себя достаточно компетентным в существе каждого из этих аспектов применительно к книговедению, полагаю возможным поделиться своими суждениями лишь по некоторым общим и частным вопросам, отчетливо сознавая их фрагментарность.

Прежде всего заслуживает всемерного одобрения сама попытка комплексного освещения вопросов истории, теории и методологии книговедения, тем более, что это самые трудные и самые ответственные разделы любой науки. С точки зрения учебного процесса это привлекает своей компактностью при достаточно высокой информативности изложения, отсутствием повторов, неоправданного дублирования учебного материала. В большинстве случаев (в практике институтов культуры, например) курсы

истории и теории спецпредметов отделяются друг от друга, а вопрос о методе, в силу его сложности, авторы предпочитают вообще не освещать.

Чтобы лучше оттенить это достоинство рецензируемой работы, вначале приведу поучительные уроки одной бесплодной дискуссии, имевшей место в библиотекведении в 60—70-е годы. Предметом ее был вопрос о соотношении истории библиотечного дела и библиотекведения как научных дисциплин. Суть спора сводилась к попыткам одних доказать, что история библиотечного дела включает в себя библиотекведение на правах рядовой части — а именно истории развития библиотекведческой мысли наряду с историей развития библиотечной сети, библиотечного законодательства и т. д. Другие утверждали, что это две разные дисциплины: история изучает, во-первых, лишь прошлое состояние, а во-вторых, только практику (дело) и связана с библиотекведением лишь постольку, поскольку практика воплощает в себе теоретические установки; наука же имеет собственный предмет, и история библиотечного дела, наряду с его современным состоянием, является для нее всего лишь эмпирическим материалом для обобщений.

На вопрос «чистых» библиотекведов, в какой момент кончается история и начинается современность, историки отвечали: история охватывает собой не только прошлое, но и настоящее и даже будущее! И поскольку она в равной мере охватывает как практику, так и теорию, то является, в сущности, самой широкой, то есть и общей, и особенной теорией библиотечного дела. Естественно, сторонников понимания библиотекведения как библиотечной теории это убедить не могло. Им казалось очевидным,

что утверждается невероятное, но контраргументов на эти притязания историков они найти не смогли. И ведь действительно, в философии имеет место точка зрения, в соответствии с которой историческое знание «может выступать в трех видах: синхронное современности..., ретроспективное..., прогностическое»¹.

Короче, каждый из участников дискуссии остался при своем мнении, и единственным ее итогом стала, наверное, внутренняя досада каждой из сторон от бессилия доказать совершенно ясную, казалось бы, мысль.

А в рецензируемом пособии вопрос о соотношении истории и теории науки поставлен и решен методологически корректно: А. А. Беловицкая безупречно показала диалектичность (а не механистичность, как в приведенном примере) их связи: история (научная, а не эмпирическая) не может быть написана без опоры на логику развития процесса, изучаемую наукой, а наука есть не что иное, как история, из которой оставлено лишь общее, что остается в результате пространственно-временного движения изучаемого процесса или явления (с. 14).

Иными словами, предмет истории — время, в течение которого развивается процесс, в данном случае — книжное дело. Предмет теории — логика развития этого же самого процесса. Именно поэтому они должны рассматриваться в единстве. И попытка такого рассмотрения осуществлена ею самой. Следовательно, историко-теоретический анализ книговедения — не просто удачно найденный методический прием, но результат совершенно правильной методологичес-

кой концепции. Ее выбор и обоснование относятся к числу несомненных достоинств данного пособия.

Иной вопрос — насколько удалось А. А. Беловицкой реализовать собственный методологический подход.

Во Введении (в целом достаточно убедительном по изложению замысла работы) после нескольких страниц, может быть, правильных самих по себе, но отвлеченных от книговедения рассуждений о науке в целом как производительной силе общества, интеграционных процессах в ней, ее «диалектизации» и т. п. (с. 9—17) проведена среди прочих мысль о неразрывной связи исторического и логического в исследовании и утверждается, что «в научном познании логическое (теоретическое) опережает историческое, потому что к изучению истории объекта рационально подойти с уровня хотя бы гипотетической теории, т. е. представляя, что и зачем изучать и к каким результатам можно прийти» (с. 14). Не ограничиваясь этим, автор повторяет: «Теоретическое мышление готовит почву для исторического изучения объекта» (там же).

Казалось бы, после этого вывода в пособии должен начаться теоретический раздел. Однако, в противоречии с собственной методологической установкой, автор излагает сначала все-таки историю книговедения. Видимо, поэтому теоретическая и методологическая части пособия производят впечатление совершенно обособленных от исторической — в них почти нет апелляции к исследованиям прошлых лет. Из-за этого неясно, являются ли теоретико-методологические постулаты пособия синтезом и развитием прежних достижений или плодом собственного умозрения автора. Объективно вышло так, что исторический раздел получился более demonstra-

¹ Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 145.

цией высокой научной эрудиции автора, нежели действительным «источником обоснования теории», эта роль совершенно справедливо отведена ему во Введении (с. 14).

Определенной удачей можно считать содержание первой главы — «Основоположники марксизма-ленинизма о книге». Их высказывания о социальной сущности книги, значении ее изобретения для человечества, классовости в издании и распространении книги и т. д. — все это представлено в пособии четко систематизированными формулировками.

Несколько слабее на этом фоне выглядит представление «принципов советской книги» (это не единственное стилистически неудачное выражение в тексте пособия). Не вполне вразумительно утверждение о том, что принципы стали признаками (с. 34), сами принципы обоснованы недостаточно убедительно. Коммунистическая партийность, народность, научность противопоставлены друг другу, хотя это вообще не рядоположенные принципы. К тому же содержание партийности и народности в одном случае совпадает, они раскрываются через один и тот же постулат — отражение интересов всех трудящихся Советского государства (см. с. 24 и 35). Столь же неправомерно отделять классовый подход от принципа коммунистической партийности, ибо партийность, по В. И. Ленину, и «есть результат и политическое выражение высокоразвитых классовых противоположностей» (т. 13, с. 274). Здесь автор некритично повторяет некоторые поверхностные суждения и тезисы наших обществоведов, на которых лежит главная ответственность за глубокую разработку ленинского учения о партийности.

В целом положительной оценки заслуживают и собственно историко-книговедческие главы. В них до-

вольно полно и емко представлен процесс развития общекниговедческой мысли в России, а затем в СССР. Последовательно раскрыты и проанализированы взгляды наиболее видных книговедов. Автор относится к этим взглядам требовательно, но уважительно, бережно доносит до современного читателя все позитивное из их наследия, убедительно поясняет объективные и субъективные причины их научных заблуждений.

Вместе с тем и к этому разделу имеется ряд замечаний.

Первым теоретиком книговедения автор называет М. Дениса (Австрия). Из других зарубежных книговедов в пособии повезло Э. Пенью (Франция). Тут возникает сразу несколько вопросов. Почему опущена история зарубежного книговедения? То ли она не представляет интереса (но это явно не так), то ли мы ее не знаем (но ведь известны, оказывается, даже специалисты XVIII—XIX вв.), то ли это предмет отдельного разговора (но тогда почему) и т. д. — остается домысливать самому читателю.

Первым теоретиком книговедения считают Дениса, которому принадлежит «первая книговедческая монография» 1774 г. издания. А «первым профессиональным русским книговедом следует считать Андрея Ивановича Богданова», основной труд которого вышел, как сообщается несколькими строками ниже, в 1755 г., т. е. на 20 лет раньше, чем монография М. Дениса.

Но на каком основании начало книговедения датируется работами названных авторов?

Разве не правомернее отнести его на несколько веков раньше, связав с именем, скажем, Ричарда де Бёри (1287—1345), автора «Филобилона» (1345), где содержится непревзойденный гимн книге как сокровищнице мудрости и имеется самый

полный для своего времени свод суждений о ее ценности, классификации по содержанию, источниках приобретения, требованиях к сохранности и т. д. А еще одним веком раньше вышла «Библиономия» Ришара де Фурниваля. При желании начатки книговедческого знания можно найти еще в трудах античных авторов. Да и из российских книговедов у А. И. Богданова был более могучий предшественник (хотя и современник) — В. Н. Тащев. Этот факт стал достоянием советского книговедения хотя и недавно, но все же до подписания рецензируемого пособия в печать.

Почему эти и другие авторы не отмечены в пособии? Ответ на этот вопрос, думается, найти можно, но согласиться с ним — вряд ли. Денис признан пионером за то, что он ввел термин «книговедение». Богданов — за то, что расположил в своем списке описания книг «по типографиям, т. е. по книговедческому признаку» (с. 39).

Однако наука может разрабатываться, не будучи поначалу терминологически обозначенной; имея не современное название; может иметь термин, но долгое время не развиваться; автор может быть примечателен не научными обобщениями, а лишь предложением удачного термина и т. д., так что факт предложения термина — не главный для квалификации автора как родоначальника науки.

Второе соображение весьма примечательно в ином отношении. Оно проливает свет на внутренние, может быть, неотчетливо представляемые самой А. А. Беловицкой (если не всех книговедов!) противоречия в ее отношении к библиографоведению и библиотековедению. Значит, расположение книг по типографиям — это книговедческий признак, а иные признаки выводят списки из сферы книговедения? Вот и уве-

рятьте после этого, что библиографоведение — часть книговедения. В том, что высказанная фраза — не случайная оговорка, убеждает предыдущее пособие автора, где эта мысль выражена еще более отчетливо: «...книги систематизированы не по алфавиту имен авторов или заглавий, как в предшествующих библиографических трудах, а по типографиям, то есть по книговедческому признаку»².

Из исторического обзора выпали имена ряда деятелей, сыгравших заметную роль в становлении и развитии общекниговедческих взглядов, в том числе таких крупных, как М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин. О некоторых говорится слишком лаконично. Так, Н. А. Рубакин показан в параграфе о 20—30-х годах главным образом как автор библиопсихологии, причем суть его позитивного вклада раскрыта недостаточно. Между тем у Рубакина была цельная общекниговедческая концепция, еще до революции довольно детально разработаны отдельные ее аспекты. Его взгляды заслуживают такой же четкой систематизации, которая классически осуществлена автором по отношению, например, к А. М. Ловягину.

Библиотековеды, как известно, редко рассматривают вопрос о соотношении библиотековедения и книговедения. Тем интереснее было бы подробнее осветить взгляды Л. Б. Хавкиной, которая дополнила Н. М. Лисовского, предложив соотносить книгораспространение только с книжной торговлей. Библиотечное же дело, по ее мнению, следует отнести в сферу книгоиспользования. «Книготорговля, — замечала она, — *распсылает* книги,

² Беловицкая А. А. Основные этапы развития книговедения в СССР. М., 1983. С. 6.

тогда как библиотека их *собирает*, и не будь библиотеки, вся существовавшая книжная продукция распалась бы, пролетела бы сквозь глубь времен, словно комета, и от нее остался бы в лучшем случае лишь след в виде библиографического описания этой продукции. Но без самих книг, собираемых библиотекой для целей пользования ими, ценность такого описания равнялась бы лишь надгробной эпитафии»³.

Высказанное соображение имеет методологическое значение для дальнейших теоретических построений А. А. Беловицкой, поскольку область книгоиспользования, реализующаяся в библиотечном деле при работе с читателем, почему-то ее не интересует. Библиотечное фактически отождествляется в подобии только с библиотечным фондоведением, да и из того выпадает проблематика, связанная с хранением, сохранностью и охраной книги. Оставляются без внимания многочисленные другие концепции библиотеки как многоэлементной системы.

Заслуживают более подробного рассмотрения и взгляды Е. И. Шамурина — не только как библиотечного, но и как собственно книговеда. Его «Словарь книговедческих терминов» (1958) — лишь номинально может считаться составительской работой. Фактически это работа авторская, в ней впервые в советском книговедении сведен воедино тезаурус этой науки, дефинированы основные понятия. Современный великолепный энциклопедический словарь «Книговедение» (1982) продолжает традицию, начатую именно Е. И. Шамуриным. Ха-

рактерно и то, что его коллеги — библиотечные и библиографы — как до, так и после 1958 г. создавали словари только по библиотечному делу. Словарь Е. И. Шамурина дает прекрасную возможность для всестороннего анализа его книговедческих взглядов. Его значение видится и в том, что он составлялся в период спада общекниговедческих исследований, для чего требовалось известное научное и гражданское мужество, а время его выхода в свет по праву может считаться датой «второго рождения» книговедения.

При описании современного этапа, что в целом сделано довольно обстоятельно и столь же квалифицированно, как и освещение предыдущей истории, много места уделено функционально-типологическому подходу к интерпретации книги. Однако было бы полезно пояснить, в чем суть этого подхода. Особенно важно это для студента, которому предстоит изучать данный вопрос. Отношение автора к данному подходу весьма критично: подчеркивается его ограниченность, односторонность, негарантированность выхода через знание функций на сущность явления (с. 110). В последнем отношении автор не совсем последователен: на с. 116 утверждается, что основная социальная — коммуникативная, информационная — функция является «субстанциональным, существенным признаком книги». Отсюда выводится необходимость коммуникационного, т. е. именно функционального, аспекта в подходе к анализу сущности книги.

В то же время сам по себе тезис о коммуникативной функции книги представляется верным вдвойне. Верно и то, что сущность книги состоит в распределении и перераспределении семиотической социальной информации, обмене ею, а так-

³ Хавкина Л. Б. Научная разработка вопросов библиотечного: (Доклад) // Тр. Первой конф. науч. б-к РСФСР. М., 1926. С. 30.

же что изучение этой функции и есть познание сущности книги. Собственно, это положение хотелось бы считать главным вкладом А. А. Беловицкой в книговедение.

Далее, правда, утверждается (без каких-либо доказательств), что книга есть способ фиксирования и форма существования не только семиотической, но также аудиовизуальной информации. С этим положением тоже можно было бы согласиться, если бы оно... не запоздало лет на тридцать. А за это время появился термин «документ» как собирательный для всех форм фиксирования социальной информации. А. А. Беловицкая сообщает и об этом термине, и об изучающем его документоведении (документалистике), а также информатике, но почему-то не раскрывает своего представления о взаимоотношении категорий «книга» и «документ» и построенных на них наук.

Не вполне ясно, какой смысл вкладывается в выражения типа «теория книговедения», «теория библиотекведения». Ведь книговедение — это, попросту говоря, наука о книге. В этом свете теория книговедения — это теория науки о книге. Но что она собой представляет в отличие от самой теории книги? Автор наполняет эти понятия разным содержанием. Это видно из того, например, что он различает понятия объекта книговедения (книги) и объекта теории книговедения (мыслительной модели книги) (с. 168). Думается, что в данном случае мы имеем дело не с упрощением знаний, к чему призвана каждая наука, а, напротив, с их неоправданным усложнением.

Не входя в оценку сути вопроса, замечу лишь, что не вполне последовательно и убедительно раскрыто соотношение объекта и предмета книговедения. «Если объект отвечает на вопрос, что изучает данная

наука, то обоснование предмета должно ответить на вопрос, каким именно образом, зачем, с какой целью, для чего нужно изучать объект, а через него и самое объективную действительность» (с. 180). Тут, во-первых, неясно, как соотносятся между собой объект и объективная действительность. Во-вторых, предмет подменяется методом («каким именно образом») и целью («зачем») науки одновременно. Достаточно было бы ограничиться только следующим разъяснением: «Предмет — это снятый средствами научного мышления реальный, действительный объект» (с. 181).

Еще одно замечание по вопросу о предмете: коль скоро пособие посвящено общему книговедению, правомерно было бы подробно раскрыть только его предмет. Рассуждения о предмете частных книговедческих разделов (с. 182—187) выбиваются из общей структуры пособия (тогда следовало бы раскрыть и их историю и т. д.) и, кроме того, способны вызывать большие возражения со стороны адептов этих разделов; здесь эти возражения не приводятся, поскольку имеют косвенное отношение к главному предмету рецензируемого труда. Сказанное относится и к структуре книговедческого знания.

В соответствии с замыслом автора его работа оканчивается рассмотрением системы книговедческого метода. Специально этим вопросом до сего времени никто не занимался. А. А. Беловицкая рассматривает исходные, самые методологически трудные вопросы, в которых существует наибольшая путаница. Это общее понятие о методе, его соотношение с теорией, основание теории самого метода. На этой мощной методологической базе рассматривается система типологического книговедческого метода.

Казалось бы, такой капитальный подход должен привести автора к бесспорным выводам. Тем не менее им допущено одно противоречие, на котором есть смысл остановиться.

Во Введении (с. 12) содержится правильная мысль о том, что «в развитой науке (думается, не только в развитой. — Ю. С.) метод и теория диалектически взаимосвязаны, на разных этапах развития данной науки превращаются друг в друга». Эту мысль необходимо подчеркнуть потому, что обычно во всем комплексе наших родственных наук метод и теория механистически противопоставляются друг другу. В итоге такого противопоставления оказывается невозможно найти ответ на вполне естественные вопросы: с чего начинается развитие науки — с теории или с методологии? В каком пункте кончается теория и начинается методология? Или наоборот: где кончается методология и начинается теория? Изучение собственной методологии — задача данной науки или область некоей мета-науки? И т. п.

В главе восьмой пособия А. А. Беловицкой мысль о диалектическом взаимоотношении теории и метода убедительно обосновывается и неоднократно варьируется. Но после того, как читатель окончательно согласился с автором и ожидает лишь разъяснений на конкретных примерах, как это получается, что одно и то же положение выступает то в теоретическом, то в методологическом облики, автор вдруг отходит от собственного, нелегким трудом давшегося вывода и вслед за своими предшественниками начинает искусственно конструировать «систему книговедческого метода» в противовес «системе книговедческого знания». Ситуация осложняется еще тем, что у этого метода автор выделяет три уровня (всеобщее, осо-

бенное, единичное) и под каждый из них стремится непременно найти сферу приложения. Тут необходимо уточнить, что всеобщему противостоит не особенное, а общее. При этом всеобщее — прерогатива только философии, и то не всей, а лишь диалектического материализма. Строго говоря, наука состоит в отыскании только общего. Это подчеркивал еще Д. И. Менделеев. Да и через рецензируемую работу эта мысль проходит красной нитью.

Единичное реализуется, как сказано в пособии, через частное. Но ведь частное — разновидность особенного, это особая, относительно самостоятельная часть целого. А единичное — элемент части. Специальное — тоже разновидность особенного. Из сказанного следует, что общему книговедению соответствует общий же методологический уровень, а составляющим его специальным дисциплинам — специальные, частные и т. п. уровни. Войти в раскрытие их содержания жанр рецензии не позволяет — это превратило бы ее в самостоятельную работу, в свою очередь ожидающую рецензии.

Иными словами, заслуга А. А. Беловицкой состоит в преодолении традиционного метафизического взгляда на соотношение теории и методологии. Но окончательно этот вопрос она не решила, поскольку не учла, что метод — понятие полисемичное. Им обозначают и тип научно-познавательной деятельности, и способ познания действительности, и всю сумму таких способов (книговедческий метод в собирательном смысле слова), и путь достижения некоторой цели, и, наконец, исходную основу исследования. Перескоки в ходе рассуждений с одного значения термина на другое неизбежно запутывают вопрос вместо его прояснения.

И еще. Прорыва только в одном месте нашего традиционного порочного круга недостаточно. Надо перейти еще один Рубикон, признав и следующее положение, которое, как и первое, кажется парадоксальным, но лишь на первый взгляд. В философии существует положение: «Иследуя свой объект, каждая наука использует знания остальных наук в качестве метода (курсив мой. — Ю. С.), инструмента анализа»⁴. Из этого положения следует ряд существенных выводов. Раз каждая наука при исследовании своих вопросов имеет возможность пользоваться только методами других наук, значит, своего собственного метода (в значении «специфический для данной науки способ») у нее нет, ему просто неоткуда взяться. Она привлекает его, повторяя, со стороны, — сколь бы неожиданным, может быть, для кого-то этот тезис ни был. Между тем очевидно, например, что в данном случае для доказательства книговедческих положений как А. А. Беловицкая, так и рецензент ее работы равно обращаются за аргументами в области не книговедения, а философии. Для убедительности сошлюсь на философское положение еще раз: «...Абсолютно специфических частных методов (методов, в которых бы ни в какой доле не присутствовали элементы познания, приемы, применяемые в других методах, в методах иного рода исследования) нет и в принципе быть не может... Ни в одной науке нет каких-то абсолютно своих, неповторимых методов»⁵. И

если бы, как говорится, директором был я, то попросту наложил бы veto на поиски таких методов, как оно наложено на перпетуум-мобиле.

Так что же, книговедческого (библиотекведческого и др.) метода нет?! Метод (в последних значениях термина) исчез из всей науки вообще?!

Диалектичность ситуации состоит в том, что в том смысле, который вкладывается в это слово в философии, он действительно отсутствует. Но вместе с тем он есть и, более того, функционирует в нескольких ипостасях. Во-первых, как сумма всех частных методов, применяющихся в данной науке (в собирательном смысле). Во-вторых, и это главное, — о наличии собственно книговедческого (библиотекведческого или иного) метода правомерно вести речь лишь за пределами самой этой науки. Книговедческим он является для других наук, когда они используют факты, постулаты, идеи, законы книговедения для своих целей. Равно как и книговедение оперирует понятием социологических, исторических и прочих методов, когда использует аналогичные субстраты из соответствующих наук. В-третьих, и об этом прекрасно сказано А. А. Беловицкой, метод появляется внутри самого книговедческого знания, когда добытые книговедческой теорией результаты служат не в качестве объяснения реальной действительности, а в качестве средства решения книговедческих же задач. Если, положим, теоретически доказана правомерность расширительной трактовки понятия «книга» (как формы фиксирования информации), то этот вывод служит методологическим основанием для включения в состав понятия «книга» всех без исключения видов, подвидов, разновидностей и индивидуностей документа. И, соответственно, если, до-

⁴ Йорданов И. Наука как логическая и общественная система: (Познавательные и прикладные функции современной науки) / Пер. с болг. Киев, 1979. С. 83.

⁵ Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании / Под ред. В. А. Асеева и Г. А. Подкорытова. Л., 1980. С. 41.

пустим, теоретически доказано, что книга — синоним произведения печати, то это положение служит методологическим основанием для исключения из понятия «книга» не только видеофильмов и магнитофонных кассет, но и манускриптов.

Для того чтобы высказанные идеи были убедительны прежде всего для самой А. А. Беловицкой, сошлюсь на того же философа, который авторитетен и для нее (в пособии есть на него ссылки): «Всякое объективное знание служит людям дважды — сначала как объяснение окружающей реальной действительности, а затем в качестве средства, метода при решении тех или иных проблем. Фактически любая науч-

ная теория выполняет методологические функции, когда она используется за пределами ее собственно предмета...»⁶.

В целом учебное пособие А. А. Беловицкой представляет научный интерес, оно в ряде отношений заметно продвигает книговедение вперед. Полезны даже содержащиеся в нем спорные и сомнительные моменты — они будут новым стимулом для продолжения научной дискуссии по ключевым проблемам этой отрасли научного знания.

⁶ Юдин Э. Методологический анализ, его основные задачи и формы // Полит. самообразование, 1975. № 8. С. 47.

Ю. Н. Столяров

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ РУКОПИСНОЙ И ПЕЧАТНОЙ КНИГИ*

Вопрос о соотношении и взаимосвязях рукописного и типографского способов книгопроизводства, занимающий важное место в зарубежной и отечественной историографии истории книги, в последние полтора-два десятилетия все более вызывает к себе научный интерес¹. Однако в силу сложившихся традиций развитие рукописной и печатной книги в значительной мере продолжает изучаться по отдельности, а монографические труды по комплексному рассмотрению темы до последнего времени отсутствовали. Рассматриваемое исследование восполнило этот пробел.

Автор монографии — зав. отделом редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, кандидат исторических наук Л. И. Киселева — уже давно и успешно занимается изучением истории рукописной и печатной книги периода феодализма. Не считая значительного числа статей и рецензий, ею на протяжении 1974—1980 гг. были опубликованы четыре работы, посвященные научному описанию средневековых ру-

кописей и особенностям развития рукописной книги в странах зарубежной Европы². В процессе работы с латинскими рукописями Библиотеки Академии наук и Матенадарана, а также с инкунабулами этих хранилищ и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Л. И. Киселевой удалось обнаружить фрагменты инкунабул, не зарегистрированных в библиографических указателях, редкие издания XVI в. и некоторые другие материалы. Все это явилось базой для создания новой монографии Л. И. Киселевой. Основная источниковая оснащенность исследования постоянно ощущается при чтении этой книги. В равной мере следует подчеркнуть и превосходное знание автором историографии темы — наряду с работами советских ученых Л. И. Киселева использует наблюдения и выводы многих зарубежных авторов, критически оценивает и проверяет выработанную ими методику.

* Киселева Л. И. Западновропейская рукописная и печатная книга XIV—XV вв.: Кодикологический и книговедческий аспекты. Л.: Наука, 1985. 304 с.

¹ Книга: Исслед. и материалы. М., 1964. Сб. 9; Рукописная и печатная книга. М., 1975; Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976 и др.

² Киселева Л. И. 1) Готический курсив XIII—XV вв. Л., 1974; 2) Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978; 3) Латинские рукописи Матенадарана: Каталог рукописей и фрагментов латинского алфавита, хранящихся в Матенадаране. Ереван, 1980; 4) О чем рассказывают средневековые рукописи. Л., 1978.

Прежде чем обратиться к рассмотрению проблематики и методологической значимости монографии, напомним вкратце ее композицию. Основное содержание изложено в четырех главах. В первой («Кодикология — книговедение. Изготовление рукописной книги XIV—XV вв. и производство печатной книги») охарактеризованы теоретические, методические и практические вопросы создания корпуса книги, подготовки тетрадей и размещения текста на материале письма, формирования и функций вспомогательного аппарата, переплета; особое место уделено соотношению кодикологии и текстологии. Вторая глава («Письмо и шрифты») посвящена анализу эволюции письма рукописной книги XIV—XV вв. и шрифтов инкунабул. В связи с этим Л. И. Киселева останавливается на такой недостаточно разработанной проблеме, как индивидуальный почерк исследуемой эпохи. Третья глава («Украшение и иллюстрация книги XIV—XV вв.») касается художественного оформления рукописных и печатных книг. Наконец, последняя глава содержит наблюдения относительно типов книг и библиотек зарубежной Европы XIV—XV вв. Уже из приведенного обзора содержания монографии можно сделать вывод о широте и оригинальности подхода автора к исследуемой теме. И действительно, работа Л. И. Киселевой обладает рядом особенностей, о которых нельзя не сказать.

Во-первых, Л. И. Киселева исследует западноевропейскую рукописную и печатную книгу позднего средневековья и эпохи Возрождения комплексно, в сравнительно-сопоставительном плане. Такой подход, как мы уже отмечали выше, реализуется в советском книговедении на материале истории зарубежной книги XIV—XV вв. впервые.

Поэтому он представляет не только конкретно-научный, но и более общий интерес и, несомненно, привлечет к себе внимание специалистов, занимающихся историей книги других эпох и регионов.

Во-вторых, комплексный подход к предмету исследования сочетается в монографии Л. И. Киселевой с рассмотрением европейской рукописной и печатной книги в широком культурно-историческом контексте. «Глубокие изменения жизненного уклада европейского общества в XIV—XV вв., — специально отмечает в «Предисловии» автор, — выразившиеся в ломке феодальных и зарождении капиталистических отношений, в появлении буржуазных слоев общества, в критике церкви, наложили отпечаток на характер европейской культуры — двойственной и противоречивой. Появление новых факторов культуры в европейском обществе приходится на новый период, вошедший в историю под названием Возрождения» (с. 3). Четко сформулированные социальные и культурные параметры изучаемой эпохи не только позволили автору полно раскрыть общественную роль рукописной и печатной книги того времени, но и открыли дополнительные условия для проведения необходимых сравнительно-типологических сопоставлений.

Это обеспечивается оптимально выбранными методическими приемами анализа фактического материала. Высоко оценивая возможности функционального метода, Л. И. Киселева последовательно использует его при интерпретации источников. «В отличие от общепринятого деления репертуара средневековых книг на религиозные и светские, — подчеркивается в «Предисловии», — проведена типология книг XIV—XV вв., основным критерием которой является целевое назначение и использование книг в

обществе. Такой подход лучше раскрывает социальную роль книги в обществе того времени, учитывает многообразие ее функций в реальной жизни» (с. 7). Такой подход к историко-книжному материалу, уже прочно вошедший в практику советского книговедения, сам по себе чрезвычайно плодотворен прежде всего потому, что помогает преодолеть существовавшее в прошлом перенесение современных критериев типологии книги на более ранние эпохи. Известно, например, что в эпоху феодализма многие книги (такие, скажем, как «Псалтырь») воспринимались не только как религиозные, но и как учебные — так было не только в странах зарубежной Европы, но, на определенном этапе, и в России. Игнорирование подобной особенности — а примеры такого рода достаточно известны — искажало реальную историческую перспективу, а тем самым затрудняло достоверную реконструкцию духовной атмосферы прошлого.

Вообще, в монографии Л. И. Киселевой методическим аспектам уделено значительное внимание. Автор указывает, что «ставится и реализуется на практике ряд задач методического характера: 1) предложены методы датировки и локализации рукописных книг; 2) атрибуции памятников письменности XIV—XV вв. по украшениям и миниатюрам; 3) впервые использован метод математической статистики (в том числе и многомерной) для идентификации каллиграфических почерков и выявления автографов» (с. 7). Эти аспекты монографии представляются особенно интересными и принципиально значимыми.

В подтверждение сказанного сошлемся на несколько примеров такого рода. Обращаясь к реконструкции технологических приемов изготовления рукописных кодексов XIV—XV вв. и инкунабул, Л. И. Ки-

селева отмечает, что «писцы и печатники постоянно продолжали поиски лучших соотношений между полем (полосой) текста, внешними полями, строками, столбцами, колонтитулом, инициалами и другими элементами страницы и целого листа в разворот» (с. 33). В этой связи автор монографии задается вопросом, к которому неоднократно обращались многие специалисты, — о способах измерения и деления страницы книги и о принятой в то время единице такого измерения. Напоминая о выводах, сформулированных аргентинским математиком Р. Розариво (1947), швейцарским художником Я. Чихольдом (1953) и бельгийским кодикологом Л. Жилиссеном (1977), Л. И. Киселева использует математические приемы анализа исторического материала (с. 34—49). Интересны ее наблюдения, касающиеся различий, существовавших в технике разлиновки рукописных книг в Италии, Франции, Англии и других странах Европы. Наблюдения такого рода, существенные сами по себе, представляют и несомненный практический интерес при атрибуции и научном описании соответствующих материалов. Столь же продуктивны выводы Л. И. Киселевой, касающиеся эволюции элементов вспомогательного аппарата рукописной, а затем, параллельно с ней, и печатной книги изучаемого периода. «Таким образом, — заключает она свои наблюдения, — сравнительное изучение рукописной и печатной книги приводит к выводу, что печатники, заимствовав из рукописей возникший в них вспомогательный аппарат, дополнили его и создали строгую систему, которая почти целиком и лишь с незначительными изменениями сохранилась в современных книгах» (с. 62). Нельзя не согласиться с тем, что кодикологические приемы изучения книги, зна-

ние процессов ее изготовления и приемов редакционно-корректирующей обработки текста представляют практическую значимость и для решения спорных текстологических проблем (с. 62).

Не имея возможности остановиться на многих ценных наблюдениях такого рода, хотелось бы обратить внимание на предложенные пути разработки такого сложнейшего вопроса, как характер индивидуальных почерков в памятниках средневековой письменности. Л. И. Киселева справедливо отмечает теоретическую сложность определения авторского своеобразия письма. «Если исследования современных индивидуальных почерков, — подчеркивает она, — представляют большие трудности в силу их многообразия (хотя современный исследователь имеет дело с выработанными формами почерков), то изучение средневековых... почерков осложняется еще и тем, что они находились тогда в процессе формирования и в тесной зависимости от установленных каллиграфических норм» (с. 118). Отсутствие в палеографии точного или, по крайней мере, общепризнанного представления о причинах возникновения и изменения индивидуальных почерков в средневековых рукописях (теоретический аспект проблемы) сочетается с крайне ограниченным, в сущности, фондом автобиографических источников, которыми обычно располагают ученые (практический аспект проблемы). Принимая во внимание то и другое, Л. И. Киселева обращает внимание на возможности, которые открывает применение междисциплинарного подхода, в частности использование данных криминалистики, психологии, физиологии и даже космической медицины и биологии. Последнее для кодикологических и историко-книговедческих исследований яв-

ляется неожиданной, но весьма заманчивой новацией. Конкретизируя свою мысль, Л. И. Киселева считает, что работы физиологов, проведенные в связи с пребыванием человека в космосе, способны оказать помощь палеографам. Исходя из положений, выдвинутых Л. В. Чхидзе и Н. А. Бернштейном, она приходит к мысли, что «главное в выработке почерка заключается не в изменениях обстановки (положения тела, руки, позы, орудий письма), к которым человек быстро приспосабливается, а в том, что «командной матрицей верховного центра управления» для него является динамический стереотип письма, т. е. система определенных навыков, выработанных при обучении и связанных с высшей нервной деятельностью человека, его индивидуальными особенностями. Именно динамический стереотип должен стать предметом исследования» (с. 120).

Неоднократно подчеркивая необходимость исторического подхода к анализу источников (например, имеющее место отличие почерков рукописей XIV—XV вв. от автографов более позднего времени), Л. И. Киселева предлагает новые методы исследования на междисциплинарной основе. Она вводит количественные признаки исследуемых объектов (букв), выявляет интерпретационные возможности характеристик, обработанных с помощью ЭВМ, для изучения текстов и их классификации с использованием приемов математической статистики (с. 121—158). Основы намеченной методики имеют не только теоретический, но и практический интерес. Они заслуживают дальнейшего обсуждения и проверки с привлечением письменных источников других регионов.

Методологическая значимость монографии существенно повышается благодаря широкому культурно-ис-

торическому подходу Л. И. Киселевой к трактовке эволюции рукописной и печатной книги XIV—XV вв. Наиболее полно это раскрыто в заключительной главе. В ней рассмотрены такие вопросы, как целевая и социальная обусловленность книги (зачем и для каких классов, слоев и групп она переписывалась и печаталась), зависимость от этого ее внешнего вида, типы рукописной книги и инкунабул, влияние на книжный репертуар эпохи типографского способа книгопроизводства, типы библиотек (монастырские, университетские, личные и др.), и ряд других вопросов, тесно связанных с общественной ролью книги той эпохи. Эта проблематика получила удачную разработку с позиций историко-культурного подхода и в разделах, посвященных искусству книги XIV—XV вв. При этом автор последовательно использует для пояснения изложения богатейшие западноевропейские собрания советских хранилищ, вводя в научный оборот мало известные или вообще ранее не привлекавшиеся материалы. Это представляет самостоятельный интерес во многих отношениях. Во-первых, для поэземплярного изучения памятников книжной культуры, собранных и береженных многими поколениями отечественных библиотекарей и ученых. В самом деле, если любая рукописная книга неповторима, то во многих случаях редки, а порой и уникальны и печатные книги, особенно инкунабулы. Прежде всего благодаря инициалам и другим элементам декора, наносившимся от руки, а равно разного рода пометам и владельческим записям. Заметим, что последнее сохраняет ценность в книговедческом отношении и при изучении книги нового и новейшего времени. Во-вторых, описание памятников рукописной и первопечатной книги из собраний соответству-

ющих хранилищ способствует раскрытию ареала и динамики международных книжных контактов, всегда игравших в истории культуры и обмене духовным опытом заметную роль. Наблюдения Л. И. Киселевой, например над распространением в оригиналах и переводах гуманистической книги в Европе XV в., убедительно подтверждают сказанное.

Дополнительно к конкретным фактам, приводимым в монографии, укажем лишь на один пример, подтверждающий, какими богатствами располагают советские хранилища. Недавно старший библиотекарь иностранного фонда Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина М. П. Дубянская обратила наше внимание на книгу из коллекции «Полиграфия». Это—перевод на чешский язык произведений великого итальянского гуманиста XIV в. Ф. Петрарки «Две книги о лекарстве против счастья и несчастья». Книга была выпущена в Праге в 1501 г. известным чешским типографом Яном Северином из Кали Горы. Перевод принадлежал видному представителю народно-гуманистического течения в Чехии конца XV — начала XVI в. Ржегоржу Грубому из Елени³. Сама по себе эта книга достаточно хорошо известна в науке⁴ и учтена в сводных каталогах⁵. Однако ленинградский экземпляр не зарегистрирован в библиографических указателях. Между тем он обладает рядом индивидуальных особенностей, представляющих для книговедов интерес. Так, страницы частично пронумерованы от руки (начало в книге

³ *Dějiny české literatury*. Praha, 1959. Т. 1. С. 301.

⁴ *Tobolka Z. Dějiny československého knihtisků*. Praha, 1930. S. 33.

⁵ *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. st.* Praha, 1953. Т. 2. č. 6. № 7049.

отсутствует); от руки же раскрашены инициалы, на разделах текста, показавшихся владельцу особенно важными, проставлены графические знаки (указующий перст). На обороте верхней обложки имеется запись, датированная 1739 г. На форзаце по-латыни обозначено: «Петрарка. Книга диалогов. Переведено с латинского на чешский язык». В конце книги сохранилась владельческая запись и росчерк почерком XVI—XVII вв. В целом, этот экземпляр заслуживал бы более внимательного изучения с точки зрения не только истории книжного оформления, но и истории самого экземпляра в контексте международных культурных связей.

Возвращаясь к рассмотрению монографии Л. И. Киселевой, хотелось бы отметить, что она содержит ряд важных наблюдений, имеющих отношение к этнокультурным процессам, протекавшим у народов зарубежной Европы. Это, в частности, касается разделов, где освещается процесс постепенного перехода от латинского языка к соответствующим народным языкам (с. 258 и след.). Этот процесс отражал глубинные сдвиги в сфере книжного дела и создание основ для перехода у части европейских народов от феодальных народностей к более высоким этносоциальным общностям — нациям. Многие наблюдения Л. И. Киселевой по поводу местных — локальных, государственных, региональных — особенностей письма, структуры и оформления рукописной и печатной книги, ее типологии и т. д. имеют к сказанному прямое отношение.

Так, рассматривая разновидности бастарды, Л. И. Киселева указывает, что Э. Крус и И. Кирхнер различают региональные типы этого письма (парижский, флорентийский, кельнский, баварский, швабский, нидерландский), и останавли-

вается на особенностях чешской и польской бастарды XIV—XV вв. (с. 103—104). Отмечая это, не следует, разумеется, жестко привязывать эволюцию типов и видов письма к этническим процессам, протекавшим в тех странах, где оно развивалось. Нужно учитывать не только этнодифференцировавшие, но и этноинтегрировавшие факторы, о чем, кстати, справедливо говорится в монографии на примере гуманистического письма. Возникши в Италии, оно оказало влияние на практику «всех стран, пользовавшихся латинским алфавитом» (с. 104), — другое дело, что влияние это было разновременным и порой затягивалось на длительный период (например, переход от швабаха к антикве в Германии, Чехии и ряде сопредельных стран). Но и игнорировать отмеченные выше различия как подспудную тенденцию этнокультурной дифференциации нет оснований, в особенности, если смотреть на нее в более широкой исторической перспективе.

Можно, в частности, сослаться на результаты исследования Т. Н. Таценко⁶ палеографии немецкой деловой письменности XVI—XVIII вв. Один из предложенных ею выводов заключается в том, что появление локальных особенностей письма документов (с одной стороны, Пруссии, а с другой стороны, Австрии) с наибольшей ясностью прослеживается уже по материалам XVIII в. Возникновение «пруссских» и «австрийских» черт неоготического письма можно, на наш взгляд, рассматривать наряду с возникновени-

⁶ Таценко Т. Н. 1) Палеография немецких документов XV—XVIII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1979; 2) Палеография немецких документов XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 286—311; 3) Палеография немецких документов XVII в. // Там же. 1981. Т. 12. С. 313—334.

ем других компонентов, свидетельствующих, что истоки становления австрийской нации, сформировавшейся только в нашем столетии, восходят к XVIII в.⁷ Наблюдения Т. Н. Таценко и Л. И. Киселевой, сделанные независимо друг от друга, основанные на изучении различных и хронологически не совпадающих материалов, сами по себе красноречивы. Тем более, что выход результатов палеографических и кодицилогических исследований в сферу не только истории культуры, но и теории этноса до сих пор не осознан как книговедами, так и представителями соответствующих исторических дисциплин. Поэтому факты возникновения локальных и этнорегиональных различий элементов рукописной и печатной книги XIV—XV вв., собранные в монографии Л. И. Киселевой, заслуживают особого внимания.

Высоко оценивая труд ленинградского книговеда, нельзя не обратить внимание на некоторые, на наш взгляд, спорные вопросы и встречающиеся неточности. Представляется, прежде всего, что название монографии несколько уже ее содержания. В самом деле, она названа «Западноевропейская книга», в то время как Л. И. Киселева широко использует данные истории чешской, а отчасти и польской книги. По принятой в советской исторической науке традиции народы Чехословакии и Польши относятся к региону Центральной Европы. Поэтому, во избежание терминологического разнобоя, монографию следовало бы назвать, например, «Книга XIV—XV вв. в зарубежной Европе».

Далее, при показе этнокультурной специфики рукописной книги и инкунабул — а это, как отмечалось выше, следует отнести к числу достоинств работы — используется термин «национальный». Поскольку нации у большей части народов Европы в XV в., а тем более столетием ранее еще не сложились, целесообразно было бы при выборе формулировки подчеркнуть, что процесс этот находился еще в начальной стадии, что он выступал не столько как данность, сколько как перспектива. Поэтому точнее говорить о зарождавшихся национальных формах книги.

Требуют большей четкости (или разъяснения) отдельные формулировки. Так, касаясь палеографических особенностей рукописей XIV в., Л. И. Киселева замечает: «Интересно отметить еще одно обстоятельство: среди датированных книг большой процент занимают книги, написанные беглым курсивом, особенно в таких странах, как Германия, Чехия, Швеция, что можно объяснить отсутствием там должного числа профессиональных писцов» (с. 92). Если это наблюдение заслуживает внимания, то объяснение его причин не представляется убедительным: в Чехии, например, к XVI в. книгопечатание достигло одного из наиболее высоких в Европе уровней, однако рукописная книга не утратила общественной роли, а чешские переписчики в XIV—XV вв. отличались высокой квалификацией. По-видимому, ответ на поставленный вопрос надо искать в ином — в расширении потребности в книге. Традиционный рукописный способ ее производства уже не мог удовлетворять повышавшийся спрос на рынке.

Вообще, международное значение чешской книги следовало бы раскрыть полнее. По мнению Л. И. Киселевой, в первой половине

⁷ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980. С. 284 — 289.

XIV в. на оформление английских рукописей оказывала влияние французская, а во второй половине того же столетия — итальянская практика (с. 170). Не отрицая этого, нельзя не добавить, что на рубеже XIV—XV вв. искусство чешской книги оказало на английскую книжную миниатюру не меньшее влияние — к такому выводу пришли не только чешские, но и английские исследователи⁸.

Из мелких неточностей отметим, что упоминаемые на с. 171 рукописи хранятся в Праге не в Народном, а в Национальном музее. Обращаем внимание на это, поскольку неправильный русский перевод официального названия этого научного учреждения по непонятным причинам часто встречается в нашей спе-

циальной литературе, в том числе и в таком выдающемся труде, как «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв.» (М., 1984). Попутно исправим досадную опечатку: видный деятель чешской культуры XIV в. Ян из Стршеды был канцлером императора Карла IV, а не Карла V (с. 171).

Впрочем, указанные спорные места и отдельные недочеты носят, в конечном счете, частный характер. Монография Л. И. Киселевой должна быть оценена как крупный вклад в отечественное книговедение, как труд, в котором история зарубежной европейской книги XIV—XV вв. рассматривается в контексте социально-экономического и культурно-политического развития своего времени. Хотелось бы также отметить высокий уровень художественного оформления и полиграфического исполнения книги.

⁸ Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. Книга. Культура. Общество. М., 1971. С. 17.

А. С. Мыльников

КНИГОВЕДЕНИЕ

Указатель литературы за 1985 г.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин
и книга

К. Маркс и Ф. Энгельс

1. Белков А. К. К. Маркс и Ф. Энгельс — основоположники пролетарской печати // Средства массовой информации и пропаганда: Учеб.-метод. пособие. М., 1985. Вып. 4. С. 3—23.

2. Билинкис Я. Чем была литература для Маркса? // Звезда. 1985. № 10. С. 175—180.

3. Конюшая Р. П. Замечания и пометки на русских книгах // Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. С. 120—130.

В. И. Ленин

4. Ленин В. И. О печати: [Сборник. Пер. с 3-го доп. рус. изд.] Ереван: Айастан, 1985. 689 с. — Арм.

5. Ленинский сборник, 40 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1985. 511 с.: ил.

См. рубрики темат. указателя: Библиография; Библиотеки и библиотечное дело в Советской России; Выписки и замечания на книги, статьи, брошюры других авторов; Печать; Произведения В. И. Ленина, их написание и издание.

6. Абрамов К. В. И. Ленин и красноармейские библиотеки //

Библиотекарь. 1985. № 2. С. 23—25.

7. Абрамов К. И. В. И. Ленин и становление национальной библиотеки СССР // Сов. библиотекосведение. 1985. № 4. С. 56—66.

8. Беников Д. С. Ильич и книга // Трибуна лектора. 1985. № 6. С. 17—18. — Укр.

9. Воробьев В. Ф. Литература в духовном мире Ильича // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1985. № 4. С. 25—29.

10. Гнедич Э. Ленин — читатель // Моск. правда. 1985. 20 янв.

11. Деордиев Н. Н. Новые данные о книгах издательств Дона и Северного Кавказа в библиотеке В. И. Ленина в Кремле // Становление и развитие местной печати России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 108—116.

12. Ерохин А. Армянская книга в личной библиотеке Ленина // Коммунист. Ереван. 1984. 4 нояб.

13. Ерохин А. В вихре революции: [О кн. из личной б-ки В. И. Ленина в Кремле «Братская могила: Биогр. словарь умерших и погибших членов Моск. орг. РКП(б)» М., 1922. Вып. 1] // Огонек. 1984. № 17. С. 16—17.

14. Ерохин А. Закаленные в восстании: По страницам кн. о революционерах-железнодорожниках в лич. б-ке В. И. Ленина в Кремле // Гудок. 1985. 25 июня.

15. Звягельская И. Из круга чтения В. Ульянова: [О В. И. Ленине — читателе Нем. гос. б-ки] // В мире книг. 1985. № 4. С. 49—50.
16. Иезуитов А. Н. В. И. Ленин и русская литература. М.: Современник, 1985. 240 с.
17. Кагарлицкий Ю. В. И. Ленин и книги Герберта Уэллса // Вопр. лит. 1985. № 11. С. 189—192.
18. Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Работа Ленина в библиотеках Женевы // Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Женеве: Памятные места. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1985. С. 239—272.
19. Кунецкая Л. И. Нотная библиотека семьи Ульяновых: Каталог-справочник. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Сов. композитор, 1985. 127 с., 8 л. ил.
20. Кунницын Е. Нам дорогое имя: [О работе В. И. Ленина в Корол. б-ке в Копенгагене в авг. 1910 г.] // Аврора. 1984. № 4. С. 3—6.
21. Кусов В. С. Ленинские автографы в атласе Ильина // Геодезия и картография. 1985. № 3. С. 45—47.
22. Левин Л. А. В. И. Ленин — исследователь и пропагандист трудов К. Маркса и Ф. Энгельса: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1985. 34 с.
23. Матонина Э. Великие спутники // Студенты Ульяновы. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 186—219.
24. Меликянц Г. Г. Через всю жизнь: [В. И. Ленин — читатель период. печати] // Меликянц Г. Г. Годы и люди. М.: Известия, 1984. С. 104—107.
25. Миндубаев Ж. Книга в семье Ульяновых // Неделя. 1984. № 16. С. 8—9.
26. Ножина Р. Из библиотеки Ильича // Известия. 1985. 23 янв., Моск. веч. вып. С. 6.
27. Сергеев А. И. В. И. Ленин об отношении к контрреволюционной прессе в период социалистической революции // Из исторического опыта борьбы КПСС против оппортунизма. Смоленск, 1984. С. 91—97.
28. Сергеев А. И. В. И. Ленин — основатель печати нового типа // Героический путь КПСС — путь борьбы и побед. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 179—184 (Учен. зап. каф. обществ. наук вузов Ленинграда. История КПСС; Вып. 24).
29. Синцов В. Книга, которую читал Ленин: [О кн. А. В. Гузеева «Сысертские горные заводы, их прошлое, настоящее и летопись событий (1702—1896 гг.)» Пермь, 1896] // Известия. 1985. 12 марта, Моск. вып. С. 6.
30. Трофимов Ж. А. Чтение — вот лучшее учение // Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбир. страницы биографии В. И. Ленина. М.: Политиздат, 1985. С. 109—118.
31. Тушевская И. А. Книга в семье Ульяновых: Симбир. период // Актуальные проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся средствами культуры и искусства: Тез. к Всесоюз. конф. Казань, 1985. С. 114—115.
32. Хепфнер К., Шуберт И. В Королевской библиотеке // Хепфнер К., Шуберт И. Ленин в Германии. М.: Политиздат, 1985. С. 30—39.
33. Худаев В. В. И. Ленин и периодическая печать // Распространение печати. 1985. № 1. С. 2—4.
34. Черняк А. В. Ленин и печать // Черняк А. В. Учиться у Ленина. М.: Сов. Россия, 1983. С. 154—172.
35. Черняк А. Я. Ленинские принципы популяризации науки и

техники // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 4. С. 3—12.

36. Ш а н ш и е в Г. Н. Из истории публикаций протоколов и материалов II съезда РСДРП: [О роли В. И. Ленина в подготовке и издании протоколов II съезда РСДРП] // Героический путь борьбы и исторических свершений. М.: Политиздат, 1984. С. 136—143.

37. Ш а р а п о в Ю. П. Искусство быть читателем: [О работе В. И. Ленина с кн.] // Учит. газ. 1985. 11 апр.

38. Я к о в л е в Е. В. Склонившись над газетной страницей // Яковлев Е. В. Сквозь время и настоящее. М.: Известия, 1984. С. 40—46.

См. № 236, 237, 449, 454.

История издания и распространения произведений классиков марксизма-ленинизма

39. Г е р а с и м о в В. Массовыми тиражами: [Об издании в Венгрии произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина] // Правда. 1985. 6 янв. С. 5.

40. К у з н я е в А. А. Оружие революционного преобразования мира: Распространение произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в Белоруссии в доокт. период. Минск: Беларусь, 1985. 48 с.

41. М е р к в и л а д з е В. Н. Перевод и издание произведений классиков марксизма-ленинизма на грузинском языке // Мерквиладзе В. Н. Республиканский центр историко-партийной науки. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. С. 182—196.

42. Ш и п и л и н В. Д. Распространение марксистской литературы в селах Западной Сибири в 1907—1914 гг. // Революция 1905—1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: Тез. науч. конф., посвящ. 80-летию революции 1905—1907 гг. в России. Омск, 1985. С. 99—104.

См. № 551.

Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса

43. В о л о д и н А. И. Страницы из биографии «Анти-Дюринга»: [Распространение «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса в России в XIX в.] // К. Маркс и Ф. Энгельс о вопросах социальной диалектики. Фрунзе, 1983. С. 151—161.

44. В ы г о д с к и й В. С., М и с ь к е в и ч Л. Р. Произведения К. Маркса в библиотеке Британского музея // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 132—137.

45. Е р е с ь к о В. И. Распространение произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и первые социал-демократические организации на Украине // Исторические исследования: Отеч. история. 1985. Вып. 11. С. 21—25. — Укр.

46. Л ю б а р с к и й А. Брошюра в зеленой обложке: [Об истории кн. К. Маркса «Наемный труд и капитал», изд. на эст. яз. в 1906 г. в Петербурге изд-вом «Эдази»] // Любарский А. Одного кремня искры. Таллин: Ээсти раамат, 1983. С. 221—228.

47. Х о р е в а О. [Рец. на кн.: Bibliografie českyn vydaní K. Marxe i F. Engelse [Библиография чешских изданий произведений К. Маркса и Ф. Энгельса] Praha, 1983] // Сов. славяноведение. 1985. № 2. С. 103—104.

48. Ш а й м е р д е н о в Р. К. Из истории переводов произведений основоположников марксизма на казахский язык // Вопр. истории Компартии Казахстана. 1984. Вып. 17. С. 239—246.

См. № 22, 205, 449.

Произведения В. И. Ленина

49. А г а м и р о в М. Идеюное наследие В. И. Ленина: [Об издании

произведений В. И. Ленина в Азербайджане в советский период] // Коммунист Азербайджана. 1985. № 5. С. 34—41.

50. Буточникова С. «Читается нарасхват...»: [О кн. В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции»] // В мире книг. 1985. № 6. С. 65—66.

51. Володин А. И. «Бой абсолютно неизбежен»: Ист.-филос. очерки о кн. В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 237 с.

52. Воробей Н. А. Издание и распространение произведений В. И. Ленина в Германии во времена фашизма // Актуальные проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся средствами культуры и искусства: Тез. к Всесоюз. конф. Казань, 1985. С. 113.

53. Глизь И. И. Произведения В. И. Ленина на Украине в 1905—1907 гг. // Укр. ист. журн. 1985. № 4. С. 96—100. — Укр.

54. Григорьев В. К., Ульман А. И. Пламенное ленинское слово: Публ. произведений В. И. Ленина на страницах казахст. газет в 1918—1924 гг. // Простор. 1985. № 4. С. 3—9.

55. Иванов Н. Здесь печатают произведения В. И. Ленина: [Об изд. произведений В. И. Ленина тип. «Красный пролетарий» (Москва)] // Полиграфия. 1985. № 4. С. 6—7.

56. Казанджян В. В. Из истории четвертого издания Сочинений В. И. Ленина на армянском языке // Тр. / Ин-т истории партии ЦК КП Армении — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1985. № 9. С. 129—138. — Арм. Рез. рус.

57. Крейдлина Л. М. «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты „Искра“ с социал-демократическими организациями в России»

как источник изучения распространения трудов В. И. Ленина в период подготовки Второго съезда РСДРП // Героический путь КПСС — путь борьбы и побед. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 87—93 (Учен. зап. каф. обществ. наук вузов Ленинграда. История КПСС; Вып. 24).

58. Кулегин А. Год издания 1924-й: [Об изд. работы В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи»] // Аврора. 1984. № 7. С. 140—141.

59. Саблин И. В преддверии века: О ранних произведениях В. И. Ленина на Алтае [конец XIX — начало XX в.] // Алт. правда. 1985. 21 апр.

60. Саркисян С. У. Труды В. И. Ленина в армянской большевистской периодической печати (1903—1920 гг.) // Тр. / Ин-т истории партии ЦК КП Армении — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1985. № 9. С. 139—147. — Арм. Рез. рус.

61. Сивокин А. Работа над ленинским наследием продолжается // Наука и жизнь. 1985. № 4. С. 16—19.

62. Тупицын Н. Н. Прижизненные издания В. И. Ленина в собрании Ярославского музея-заповедника // Краевед. зап. / Яросл. ист.-архит. музей-заповедник. 1984. Вып. 5/6. С. 57—65.

63. Яровой И. В. Распространение произведений В. И. Ленина на Дону в годы первой российской революции // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1985. № 2. С. 15—19.

См. № 205, 563, 802.

Общие вопросы теории печати и книгоиздательского дела

64. Аспекты библиотековедения: [Сб. ст.] / Гос. б-ка ЛатвССР им. В. Лациса; [Отв. ред. И. Микельсон]. Рига: Авотс, 1985. 120 с.: ил. — Латыш., рус. Рез. ст.: англ., нем., латыш., рус.

65. Бакаев А. К. Роль книги в нравственном воспитании молодежи: (В помощь книголюбу) / О-во любителей кн. КиргССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. 20 с. Кирг.
66. Баренбаум И. Е. Книговедение в системе наук // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 72—83.
67. Вилноните В. Конференция книговедов Прибалтики (Рига. Окт. 1985 г.) // Библиотеку дарбас. 1985. № 12. С. 18—19. — Литов.
68. Волкова В. Н. Задачи книговедческих исследований в Сибири и некоторые проблемы современного сибирского книгоиздания // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 157—165.
69. Вопросы книговедения и истории казахской книги: Сб. науч. ст. / Гос. б-ка КазССР им. А. С. Пушкина; [Гл. ред. В. С. Досумбаева]. Алма-Ата, 1985. 60 с.
70. Глядя с высоты эпохи: Литов. печать 1940—1941 гг. о книгах, библиотеках и чтении // Библиотеку дарбас. 1985. № 7. С. 6—7. — Литов.
71. Говоров А. А. Место и роль книговедения в решении актуальных задач совершенствования советской книжной торговли // Кн. торговля: Опыт, пробл., исслед. 1985. Вып. 16. С. 214—221.
72. Гречихин А. А. Истоки формирования типологических знаний о книге в дореволюционной России (XI—XVII вв.) // Соврем. пробл. книговедения, кн. торговли и пропаганды кн. 1985. Вып. 3. С. 24—57.
73. Гречихин А. А. О путях и возможностях типологического моделирования школьного учебника // Пробл. школ. учебника. 1985. Вып. 15. С. 12—32.
74. Гречихин А. А. Типология учебно-педагогической книги: Учеб. пособие по курсу «Учеб.-пед. кн.» для спец. 1727 «Книговедение и орг. кн. торговли» / Моск. полигр. ин-т. М., 1985. 60 с.
- 75-76. Громов Г. Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации. М.: Наука, 1984. 240 с.
- Рец.: Васильева Т. С. Информационные ресурсы и проблемы их использования // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 197—201.
77. Досумбаева Б. С., Ключева В. К. Некоторые актуальные проблемы подготовки квалифицированных кадров библиотечных работников, изучающих книговедение и историю книги // Вопросы книговедения и истории казахской книги. Алма-Ата, 1985. С. 46—58.
78. Ельников М. П. Нормативная литература: Типология и классификация изданий // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 12—28.
79. Жагаришкис К. Первые Мажвидовские чтения // Библиотеку дарбас. 1985. № 2. С. 22—23. — Литов.
80. Закутина Г. П., Кедровская Л. Г. Проблемы обучения информационных работников по стандартизации в области НТИ, библиотечного и издательского дела // Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации информационных работников: Тез. докл. и сообщ. IV Всесоюз. совещ. Москва, ВДНХ СССР, 9—11 окт. 1985 г. М., 1985. С. 131—133.
81. Ильичева Л. С. Проблемы типологии общественно-политической литературы // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 101—108 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).
82. Кирлите С. Великая сила книги // Коммунист. Вильнюс, 1985. № 2. С. 98—100.

83-84. Книга: Исслед. и материалы / Всесоюз. кн. палата; [Гл. ред. Н. М. Сикорский]. М.: Книга, 1985.

Сб. 50. 240 с.: ил.

Сб. 51. 224 с.: ил.

85. «Книга и социальный прогресс»: Пятая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения: / Москва, апр. 1984. Обзор работы // Книга: Исслед. и материалы. Сб. 50. С. 175—187.

86. Книга — твой друг / Правл. Добр. о-ва любителей кн. Тадж. ССР. Душанбе, 1985. 13 с. — Тадж.

87—89. Книговедение: [Сб. ст.] Вильнюс, 1985. (Учен. зап. вузов ЛитССР). — Литов., рус.

№ 10, т. 1. Литовский читатель XIX—XX веков и социологическое изучение обеспечения его интересов. 1985 [вып. дан. 1982]. 92 с.

№ 11, т. 2. Современные проблемы библиографическо-информационного обеспечения. 1985 [вып. дан. 1983]. 98 с.

№ 12, т. 1. Типы и функции библиотек в Литве в XIX—XX вв. 1985 [вып. дан. 1984]. 116 с.

90. Кодак Н. Ф. К теории советской книги: жизнь художественного произведения во времени // Теория и история советской книги на Украине. Киев: Наук. думка, 1983. С. 46—56. — Укр. Рез. рус.

91. Кравченко В. Ф. Актуальные проблемы современного книгоиздания: (Опыт систем. исслед.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. полигр. ин-т. М., 1985. 21 с.

92. Кравченко В. Ф. Концепция современной книги. Система. Структура. Модель // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 50—71.

93. Летувишкайте Н. На пути книговедения: [Опыт работы 6-ки Каунас. политехн. ин-та им. А. Снечкуса] // Библиотеку дарбас. 1985. № 8. С. 26. — Литов.

94. Михлина И. И. К вопросу об отличительных признаках крае-

ведческой литературы // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 47—54 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

95. Омилянчук С. П. К определению категории «книга» // Соврем. пробл. книговедения, кн. торговли и пропаганды кн. 1985. Вып. 3. С. 5—24.

96. Подмазова Т. А. Типология общественно-политической книги: Конспект лекции по курсу «Обществ.-полит. книга» для спец. 1727 «Книговедение и орг. кн. торговли» / Моск. полигр. ин-т. М., 1985. 48 с.

97. Полиграфия и издательское дело: Респ. межвед. науч.-техн. сб. / Львов. полигр. ин-т им. Ивана Федорова; [Отв. ред. Г. Д. Толстой]. Львов: Вища шк., Изд-во Львов. унта, 1985. № 21. 135 с. — Укр. Рез. рус.

98. Проблемы книговедения и истории книги / [Науч. ред. А. А. Сбитнева, А. Я. Черняк]. М., 1985. 158 с. (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

99. Рудь Н. П. Проблемы книговедения в трудах ученых Украины // Теория и история советской книги на Украине. Киев: Наук. думка, 1983. С. 5—29. Укр. Рез. рус.

100. Сикорский Н. М., Немировский Е. Л. Книга и социальный прогресс // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 5—30.

101. Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги: Междувед. сб. науч. тр. / Моск. полигр. ин-т; [Сост., отв. ред. и авт. предисл. Р. А. Симонов]. М., 1985. Вып. 3. 156 с.

102. Соминский В. Электроника и книга: [О назначении кн. в соврем. мире] // Библиотекарь. 1985. № 1. С. 45—46.

103. Стельмах В. Д. Международный семинар «Роль книги и чтения в культурном развитии»:

[Москва, май 1984] // Библиотекосведение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 103. С. 84—98.

104. Стрельникова Г. И. Научная деятельность Всесоюзной книжной палаты в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся средствами культуры и искусства: Тез. к Всесоюз. конф. Казань, 1985. С. 133—134.

105. Францкевич В. Н. Всесоюзная книжная палата в годы Великой Отечественной войны // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 19—24.

106. Чирва А. Н. Книга в твоих руках: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1985. 144 с.: ил.

107. Что такое книга? / Всесоюз. добр. о-во любителей кн., Центр. правл.; [Авт.-сост. Е. Л. Немировский]. М., 1985. 30 с.

108. Что такое книжное дело? / Всесоюз. добр. о-во любителей кн., Центр. правл.; [Авт.-сост. Е. Л. Немировский]. М., 1985. 47 с.

109. Швецова-Водка Г. Н. Об основных понятиях типологии книги (итоги и проблемы) // Теория и история советской книги на Украине. Киев: Наук. думка, 1983. С. 29—41. — Укр. Рез. рус.

* * *

109а. Книга // Афоризмы: По иностр. источникам / Сост. П. П. Петров, Я. В. Берлин, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс, 1985. С. 184—187.

110. Лихачев Д., Прохоров Г. Напоминание о чуде: [Рец. на кн.: Слово о книге: афоризмы, изречения, лит. цитаты / [Сост., авт. предисл. и введ. к главам Е. С. Лихтенштейн] М.: Книга, 1984] // Известия. 1985. 11 февр. Моск. веч. вып. С. 3.

111. Человек и книга, о библиотеках // В мире мудрых мыслей: Афо-

ризмы, изречения, лит. цитаты. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. С. 206—213.

* * *

112. Арнаткявичюте Л. Книжной палате Литовской ССР — 40 лет // Пяргалс. 1985. № 3. С. 182—183. — Литов.

113. Беспалова Э. К. Теоретические вопросы изучения истории библиографоведения // Вопр. библиографоведения и библиотекосведения. 1985. Вып. 6. С. 84—96.

114. Библиографоведение в СССР (1981—1985 гг.) / Г. Л. Левин, В. А. Фокеев, Т. Я. Кузнецова; Науч. ред. В. И. Гульчинский. М., 1985. 32 с. (Библ. дело и библиогр.: Обзор. информ. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина: Вып. 3).

115. Библиотекосведение и библиография: Респ. межвед. науч.-метод. сб. / [Отв. ред. Е. П. Тамм]. Харьков: Вища шк., Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1985. Вып. 25. 120 с.— Укр.

116. Воверене О. Библиометрия — структурная часть методологии информатики // НТИ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 1985. № 7. С. 1—5.

117. Вопросы библиографоведения и библиотекосведения: Межвед. сб. / Мин. ин-т культуры; [Гл. ред. В. А. Фомин]. Минск: изд-во «Университетское», 1985. Вып. 6. 167 с.

118. Гиляревский Р. С. Перспективные виды научно-информационной деятельности // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1985. № 1. С. 1—8.

119. Горькова В. И. Социальные задачи информатики и информационной деятельности // НТИ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 1985. № 11. С. 1—5.

120. Дородницын А. А. Информатика: предмет и задачи: [Докл. на I Всесоюз. конф. по ин-

форматике. Москва, 1984] // Вестн. АН СССР. 1985. № 2. С. 85—89.

121. Из закров библиографии: Материалы к науч.-практ. конф. «Развитие и перспективы гос. библиогр. в Сов. Литве» (Вильнюс, апр. 1985 г.) [Кн. палата ЛитССР]; Редкол.: А. Лукошюнас (пред.) и др. / Вильнюс, 1985. 182 с.—Литов.

122. Йонайтис В. Книжной палате [Литовской ССР]—40 лет // Библиотеку дарбас. 1985. № 5. С. 17.—Литов.

123. Кедров Б. М. Размышления о библиографической работе // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 67—71.

124. Ковалевская Е. С телеэкрана—о книге // В мире книг. 1985. № 11. С. 52—53.

125. Коган Е. «Ценнее тысячи томов»: [Рец. на кн.: Библиография в моей жизни: Ученый, писатель, рабочий, инженер о роли библиогр. в их работе и творчестве / Сост. А. Г. Глухов / М.: Книга, 1984] // Веч. Челябинск. 1985. 30 янв.

126. Коршунов О. П. Библиографическая информация как научное понятие // Сов. библиогр. 1985. № 3. С. 31—41.

127. Крупская Н. К. О библиотечном деле: Сб. тр. М.: Книга, 1985. Т. 4. 1934—1935. 557 с.

128. Кузьмин Г. К. Библиотековедение как полидисциплинарный комплекс в системе наук // Науковедение и информатика. 1985. Вып. 26. С. 44—53.

129. Лукошюнас А. А. Книжная палата Литовской ССР в системе культуры и науки республики // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 5—12.—Литов.

130. Лукошюнас А. А. Новые рубежи: К 40-летию Книжной палаты ЛитССР // Сов. библиогр. 1985. № 5. С. 23—26.

131. Ляль Л. Общество библиотечарей Эстонии // Исследования по истории библиотековедения

Эстонии. Таллин, 1985. С. 45—65.—Эст. Рез. рус., с. 144—146.

132. Моргенштерн И. Г. Свойства библиографической информации в динамике их проявления // Сов. библиогр. 1985. № 5. С. 47—53.

133. Новосельская Ю. И. Взаимосвязь информатики и библиографоведения // Актуальные направления исследований в научно-технической информации. М., 1985. С. 28—34.

134. Пашкова В. С. Из истории библиографической деятельности Общества сельского хозяйства юга России (1828—1918 гг.) // Библиотековедение и библиогр. 1985. Вып. 25. С. 108—112.—Укр.

135. Симонов Р. А. О роли библиографии в работе и творчестве: [Рец. на кн.: см. № 125] // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 189—193.

136. Соблис Ю. Лоция в книжном океане: [К 40-летию Кн. палаты ЛитССР] // Сов. Литва. 1985. 11 апр.

137. Современные проблемы библиографии и библиотековедения / [Науч. ред. Э. К. Беспалова]. М., 1985. 160 с. (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 66).

Из содерж.: Клапик В. Т. Методология и логика теоретического исследования библиографии как целостной системы. С. 7—15; Янович О. В. О теории библиографии. С. 15—25; Чяпите Ю. А. Вопросы сущности библиографии в библиотековедении. С. 26—36; Галиуллина Г. С. Исследования сущности библиографии как общественного явления на страницах «Советской библиографии». С. 36—43; Беспалова Э. К. Практика вторичного библиографирования как исток теории библиографии. С. 67—85; Деликова Н. К. У истоков создания советской теории библиографии: (Опыт постановки вопр. о преемственности теорет. исслед.).

С. 85—94; Левин Г. Л. Состояние и проблемы изучения библиографоведения: (К вопр. о библиогр. науковедении). С. 95—105.

138. Соколов А. В. Система информационно-коммуникационных наук // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1985. № 4. С. 1—9.

139. Соколов А. В. Социальная и экономическая эффективность государственной библиографии: Методол. подход // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 25—33.

140. Фрумин И. М. О социальных функциях библиотечно-библиографических систем: Мысли в связи с дискус. [в журн. «Науч. и техн. б-ки СССР»] // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 9. С. 8—14.

141. Чяпите Ю. А. [Рец. на кн.: Жукас В. История литовской библиографии. Вильнюс: Моклас, 1983. Т. 1] // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 75—78.

142. Чяпите Ю. А. [Рец. на кн.: Янонис О. Библиографоведение в Литовской ССР, 1976—1982 гг. Вильнюс, 1983] // Сов. библиогр. 1985. № 2. С. 80—81.

143. Шамаков А. [Рец. на кн.: см. № 125] // Челяб. рабочий. 1985. 13 февр.

144. Яковкина З. Семнадцать ответов на один вопрос: [Рец. на кн.: см. № 125] // В мире книг. 1985. № 11. С. 87—88.

145. Янонис О. Понятие теории библиографии // Библиотеку дарбас. 1985. № 11. С. 15.—Литов.

146. Яцко В. А. Вопросы теории библиографии в работах Дж. Х. Ширры // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1985. Сб. 101. С. 68—77.

147. Яцко В. А. Понятие «библиография» в англо-американском библиографоведении // Теория, история и организация библиографии за рубежом. М., 1985. С. 38—46. (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 63).

См. № 168, 171, 782, 1109.

Социология, психология и история чтения

148. Баренбаум И. Е. Читатель в СССР: (Вопр. методики и практики социол. исслед.) / Науч. ред. Е. С. Цыганкова. М.: Книга, 1985. 48 с. (Кн. торговля: Обзор информ. по основным направлениям развития отрасли / Всесоюз. кн. палата, Информпечать; Вып. 6).

149. Бородина В. А., Бородин С. М. Учим... читать: Уроки динам. чтения. Л.: Лениздат, 1985. 191 с.: ил. (Б-ка молодого рабочего).

150. Вайтекайтене Л. Рабочий-читатель // Библиотеку дарбас. 1985. № 9. С. 4—5.—Литов.

151. Ванеев А. Н. Принятие решений в системе руководства чтением // Актуальные вопросы библиотечной работы: Теория и практика, 1985. М.: Книга, 1985. С. 62—73.

152. Горелов А. Тропую Дон-Кихота: {О судьбе рукописи А. М. Левидова «Руководство к чтению художественной литературы»} // Нева. 1985. № 12. С. 136—145.

153. Гречихин А., Рахманалиев Р. В Ошской области и во всей республике... // В мире книг. 1985. № 4. С. 65—66.

154. Гринвалде И. Чтение советской многонациональной литературы в поселках городского типа Латвийской ССР // Аспекты библиотекосведения. Рига, 1985. С. 53—59.—Латыш. Рез. рус.

155. Добрынина Н. Е. Литература о Великой Отечественной войне в массовом чтении // Сов. библиотекосведение. 1985. № 3. С. 30—37.

156. Добрынина Н. Е. Процесс интернационализации чтения (проблемы методологии исследования) // Сов. библиотекосведение. 1985. № 1. С. 43—52.

157. Добрынина Н. Е. Теоретические и практические основы интернационализации чтения в мас-

совых библиотеках СССР: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1985. 31 с.

158. Дьяконова Е. М. Текст и интерпретация текста. Психология и социология чтения в Японии // Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. М.: Наука, 1985. С. 92—103.

159. Засухина Н. А. Современная советская проза в восприятии читателя // Системно-типологическое описание языков и литературы. М., 1985. С. 218—227.

160. Ильина В. В. О чтении учащихся профессионально-технических училищ // Сов. библиотковедение. 1985. № 4. С. 94—100.

161. Инфанте С. О необходимости учета социально-психологических факторов при издании книг как аспекте развития чтения // Библиотковедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 104. С. 6—9.

162. Камараш И., Надь А. Исследования чтения в Венгрии // Библиотковедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 102. С. 37—47.

163. Канцлерис А. Интегрированное исследование чтения в Литовской ССР // Библиотечное дело Эстонской ССР на современном этапе: Тез. докл. науч. конф. Таллин, 12—13 нояб. 1985 г. Таллин, 1985. С. 34—35.

164. Ключев В. Умеете ли вы читать?: [Рец. на кн.: Смородинская М. Д., Маркова Ю. П. О культуре чтения: Что нужно знать каждому. М.: Книга, 1984] // В мире книг. 1985. № 3. С. 85—86.

165. Книга в социалистическом обществе: По материалам 5-го Междунар. совещ. экспертов соц. стран в обл. исслед. чтения [11—15 окт. 1983 г.]: Сб. науч. тр. [В 2-х ч. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина и др.; Гл. ред. Н. Карташов]. Таллин, 1985.—Часть текста парал.: рус., англ.

Ч. 1. 144 с.

Ч. 2. 136 с.

166. Колганова А. Герой читающий: [О круге чтения героев соврем. прозы] // В мире книг. 1985. № 1. С. 46—48.

167. Комаров А. Что читает Сережа К.?: [О руководстве чтением учащихся ПТУ] // Проф.-техн. образование. 1985. № 2. С. 46—48.

168. Комплексный подход к руководству чтением и пропаганде литературы / [Науч. ред. Б. В. Банк, В. С. Крейденко]. Л., 1985. 176 с. (Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской; Сб. 101).

Содерж.: От редакции. С. 5—6. Разд. I. Теория и практика комплексного подхода к руководству чтением и пропаганде литературы: Фирсов В. Р. Теория культуры и руководства чтением. Вопросы взаимодействия. С. 7—14; Ванеев А. Н. Руководство чтением в библиотеке как комплексная проблема. С. 15—32; Вандыш Е. Л., Липницкая Н. Н. Профконсультационная работа в условиях библиотеки. С. 33—51; Мальцева Г. Е. Факторы формирования социальной группы рабочих-интеллигентов. С. 52—64; Зыков О. П., Ордина Т. А. Кольцевые выставки как комплексный метод пропаганды актуальной книги в ЦБС. С. 65—69; Горева Г. Н. Литературно-художественный вкус библиотекаря — важное — условие эффективности комплексной пропаганды художественной литературы. С. 70—76; Лаврушко Л. Г. Библиотеки в системе культурных комплексов и формирование социалистического образа жизни сельского населения: К постановке вопроса. С. 77—87; Гаккель М. М. О дифференцированном подходе к читателям технической литературы. С. 88—100; Гутковский П. П. Читатель поэзии как объект изучения. С. 101—107;

- Разд. II. Методология изучения комплексного подхода к руководству чтением и пропаганде литературы: Вохрыщева М. Г. Библиографический метод в библиотековедческих исследованиях. С. 108—117; Крейденко В. С. Тесты в библиотековедческих исследованиях: К постановке вопроса. С. 118—133; Павлова А. С. Изучение самообразовательного чтения в условиях массовой библиотеки: На примере молодых рабочих, окончивших ПТУ. С. 134—149; Бородина В. А. Изучение продуктивности читательской деятельности как комплексная проблема. С. 150—163; Горбенко И. В. Применение комплексного подхода в пропаганде биографических произведений. С. 164—170; Ванеев А. Н., Крейденко В. С. Б. В. Банк: Биогр. справка. С. 171—175.
169. Кошелева С. Умеете ли вы читать?: [Рец. на кн.: Левидов А. М. Автор — образ — читатель. 2-е изд., доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983] // Ленингр. правда. 1985. 22 янв.
170. Кто, где, почему...: Кн. и чтение в зеркале социологии: [Беседа с В. Д. Стельмах и др. / Записал М. Гуревич] // Лит. обозрение. 1985. № 1. С. 91—98.
171. Левина О. И. Что нужно знать о культуре чтения: [Рец. на кн.: см. № 164] // Сов. библиотековедение. 1985. № 4. С. 112—115.
172. Левшина И. А. в сутках все те же 24 часа...: [О специфике чтения в соврем. городе. Конкрет.-социол. исслед.] // Лит. обозрение. 1985. № 6. С. 104—110.
173. Малкина М. Как читать?: [Рец. на кн.: Гецов Г. Г. Работа с книгой: рациональные приемы. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1984] // Распространение печати. 1985. № 6. С. 31.
174. Матлина С. Г., Дворкина М. Я. Пути совершенствования методики руководства чтением // Сов. библиотековедение. 1985. № 6. С. 49—58.
175. Мясникова Н. О. Современная книга в читательском интересе: Из изучения интересов книголюбив Минского р-на г. Киева // Рад. літературознавство. 1985. № 8. С. 25—31.— Укр.
176. Неценко Г. А. О развитии читательской квалификации с позиции психологии умственной активности // Вопр. библиографоведения и библиотековедения. 1985. Вып. 6. С. 73—83.
177. Нуньес Паула И. А. О некоторых организационных и технических аспектах развития чтения: [Ст. из Кубы] // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 104. С. 9—14.
178. Олешко В. Ф. Студент как читатель молодежных изданий // Журналистика развитого социализма: пути совершенствования работы журналиста. Свердловск, 1984. С. 105—113.
179. Пономарева Н. В. Проблемы лидерства в чтении юношества // Актуальные вопросы библиотечно-библиографического обслуживания юношества в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи»: Тез. докл. и сообщ. к краев. науч.-практ. конф. Барнаул, 1985. С. 37—38.
180. Рагуотене Г. Читают ли подростки «свою» литературу? // Новые книги. Вильнюс, 1985. № 2. С. 27—29.— Литов.
181. Сетьен Кесада Э. О месте библиотек в развитии чтения: [Ст. из Кубы] // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 104. С. 17—20.
182. Солоухина О. В. Концепции «читателя» в современном западном литературоведении //

Теории, школы, концепции: Крит. анализы: Худож. рецепция и герменевтика. М.: Наука, 1985. С. 212—239.

183. Солоухина О. В. Позиция читателя в организации художественного целого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1985. 18 с.

184. Стельмах В. Д. I симпозиум по развитию чтения в Республике Куба: Байамо (Куба), нояб. 1984: Обзор работы // Библиотекосведение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 104. С. 3—6.

185. Стельмах В. Д. С точки зрения социологии: [Беседа с зав. сектором кн. и чтения Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина В. Д. Стельмах / Записал О. Мраморнов] // В мире книг. 1985. № 2. С. 47—49.

186. Типология читателей и ее отражение в рекомендательной библиографии: Пед. пробл. рекомендат. библиогр.: Сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; Ред. Ю. М. Тугов. М., 1985. 159 с.

187. Федотова Л., Капелюш Я., Сазонов В. Читатель в небольшом городе // Библиотекарь. 1985. № 11. С. 23—25.

188. Чирва А. Читательская культура // Семья и шк. 1985. № 5. С. 37—39.

189. Чтение: Проблемы и разработки: Сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1985. 175 с.

Содерж.: Стельмах В. Д. Предисловие. С. 3—7; Добрынина Н. Е., Жукова Л. Г., Троицкая Е. Е. Повышение социальной роли массовых библиотек и перспективы научно-исследовательской работы. С. 8—33; Добрынина Н. Е. К методологии исследования процесса интернационализации чтения. С. 34—48; Афанасьев М. Д. Эволюция социальных функций массовой библиотеки. С. 49—62; Левин-

сон А. Г. Макулатура и книги: анализ спроса и предложения в одной из сфер современной книготорговли. С. 63—88; Рейтблат А. И. Предыстория массового чтения в России (конец XIX—нач. XX в.). С. 89—111 Чудакова М. О. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов: (На прим. лит. позиции писателей-прозаиков первых послереволюционных лет). С. 112—137; Зоркая Н. А. Предполагаемый читатель, структуры текста и восприятия: (Теорет. истоки, пробл. и разработки школы рецептивной эстетики в Констанце). С. 138—175.

140. Чтение специалистов сельского хозяйства: (По материалам социолог. исслед., провед. в ЛитССР) / Сост. С. Бушмене, К. Вайткевичюс. М., 1985. 7 с. (Культура и искусство СССР. Сер.: Библ. дело и библиогр.: Экспресс-информ. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; Вып. 5).

141. Шведов С. С. Массовый читатель: некоторые методы изучения читательского спроса // Сов. библиотекосведение. 1985. № 5. С. 48—57.

142. Шведов С. С. Новое издание Международной ассоциации чтения: [Рец. на кн.: A Dictionary of reading and related terms / Ed. by Th. L. Harris and R. E. Hodges. London, 1983] // Библиотекосведение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 104. С. 80—83.

143. Ярве М. Характеристика форм культурной деятельности. I. ТВ и чтение // Ярве М. Культурная деятельность населения (по материалам Эстонской ССР). Таллин: Ээсти раамат, 1985. С. 64—73.

* * *

144. Бауск О. В. Круг чтения ссыльных тобольских декабристов // Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 117—126.

145. Воронович О. Русский читатель конца XIX века в творческом сознании В. Г. Короленко: (К постановке вопр.) // Современные проблемы русской филологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 43—46.
146. Воронович О. Ф. Читатель-«простец» у Щедрина и В. Г. Короленко // «Шестидесятые годы» в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Калинин, 1985. С. 102—106.
147. Дмитриева Е. Е. Письма Пушкина в восприятии читателей XIX века // Проблемы интерпретации художественных произведений. М., 1985. С. 72—79.
148. Загоруйко В., Швецов Л. Свидетели их бед и дум: [О кн., которыми пользовались декабристы в Шлиссельбург. тюрем. б-ке] // Аврора. 1985. № 12. С. 126—130.
149. Ковба Ж. Н. Из истории изучения проблем читателя и руководства чтением на Украине (1945—1980) // Теория и история советской книги на Украине. Киев: Наук. думка, 1983. С. 56—65.— Укр. Рез. рус.
150. Меркис В. Библиотечки литовских крестьян в конце XIX — начале XX в. // Из истории библиотек Литвы. Вильнюс, 1985. С. 82—98.— Литов.
151. Морозова Т. Г. Творчество В. Г. Короленко в восприятии читателей // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 120—133.
152. Перкаускас Ч. Книги, оставшиеся в сердце: [Роль чтения в жизни советских солдат в годы Великой Отеч. войны] // Културос барай. 1985. № 3. С. 11—13.— Литов.
153. Родионова В. М. Л. Н. Толстой и А. П. Чехов и их читатели из народа // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 147—164.
154. Сдобнов В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и его читательское восприятие в 1880—1890-х годах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1985. 16 с.
155. Сдобнов В. В. Читатель в творческом сознании Пушкина и Достоевского // А. С. Пушкин и русская литература. Калинин, 1983. С. 87—95.
156. Тименчик Р. Д. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1985. Вып. 680. Блоковский сб. № 6. С. 101—116.
157. Титова Л. В. Записи владельческие, писцовые и читательские на списках «Беседы отца с сыном о женской злобе» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск: Наука, 1985. С. 123—134.
158. Цуприк Р. И. Круг чтения ссыльных декабристов в Сибири: Ист. лит.: [Из фондов б-к декабристов] // Ссыл. революционеры в Сибири. 1985. Вып. 9. С. 157—176.
159. Цуприк Р. И. О роли книги в научной и краеведческой деятельности декабристов в Сибири // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 104—117.
160. Юргутис В. О читателях библиотеки Вильнюсского университета в начале XIX в. // Из истории библиотек Литвы. Вильнюс, 1985. С. 52—65.— Литов.
См. № 103, 212, 367, 371, 383, 453, 467, 519, 565, 581, 721, 723, 737, 752, 766, 779, 795, 822, 825, 842, 843, 850, 856, 859, 865, 866, 868, 873, 886, 894.

Книговедческая периодика

161. Алексеева Г. А. «Приносить пользу общественному развитию»: [О библиогр. журн. «Книжный вестник»] // Сов. библиогр. 1985. № 5. С. 64.

162. Басков В. Как «Летопись» писалась: Из истории отеч. библиогр. периодики // В мире книг. 1985. № 3. С. 67—68.

163. Бугрова О. Л. «Казанский библиофил» // Сов. библиогр. 1985. № 2. С. 65—71.

164. Бугрова О. Л. Становление и развитие советской библиографической журналистики в Поволжье // Краеведческие библиотечно-библиографические ресурсы Куйбышевской области и их рациональное использование: Тез. докл. обл. науч. конф. (окт. 1985 г.). Куйбышев, 1985. С. 54—59.

165. Зента и П. Друг венгерских читателей — «Кеньввилаг»: [Беседа с гл. ред. венгер. журн. / Записал А. Басов] // Кн. обозрение. 1985. 6 сент. С. 2.

166. «Книжное обозрение»: есть 1000 номеров! // Библиотекарь. 1985. № 7. С. 46.

167. Куманова А. Бюллетень «Нови книги» (НРБ) // Сов. библиогр. 1985. № 6. С. 79—83.

168. Моряков Е. Н., Боголюбов М. Н. Книжный лозман: [О газ. «Книжное обозрение». Диалог чл. Центр. правл. ВОК Е. Н. Морозова и пред. правл. Ленингр. орг. О-ва любителей кн. М. Н. Боголюбова / Записал А. Бедеров] // В мире книг. 1985. № 6. С. 28—30.

169. Петраускене Н. «Летопись советской литуаники» в системе государственной библиографии // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 55—65. — Литов.

170. Петров Б. Этот огромный книжный мир: [К выходу в свет сотого номера сб. «Библиотекведение и библиогр. за рубежом»] // Библиотекарь. 1985. № 6. С. 53.

171. Сикорский Н. М. Главный сборник книговедов: [Книга: Исслед. и материалы] // В мире книг. 1985. № 3. С. 65—67.

172. Суетнов А. «Книжный вестник» на рубеже идей: Из истории отеч. библиогр. периодики // В мире книг. 1985. № 10. С. 70—71.

173. Тамре М. Х. Сравнительный анализ периодических изданий библиотечной и библиографической тематики // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 3. С. 7—10.

174. Щербатова А. К., Кобзева Л. В., Маркова Л. И. Система периодических и продолжающихся изданий по информатике (анализ по состоянию на 1983 год) // НТИ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 1985. № 12. С. 27—32. См. № 137.

Указатели литературы по книговедению

175. Библиографоведение: Указ. лит. за 1984 г. / Сост. Л. И. Фурсенко // Сов. библиогр. 1985. № 5. С. 82—96.

176. Зарубежные периодические и продолжающиеся издания по книжному делу в фондах библиотек АН УССР: Аннот. указ. / Центр. науч. б-ка; [Сост. Н. И. Малолетова и др.]. Киев, 1985. 106 с.

177. Издательское дело и проблемы книговедения: Ретросп. библиогр. указ., 1980—1983 гг.: [В 2 ч. / Сост. Л. И. Фурсенко]. М.: Книга, 1985. Ч. 1. 33 с. (Изд. дело: Библиогр. информ. / Всесоюз. кн. палата, Информпечать).

178. Стандарты и технические условия в издательском деле: (По сост. на 1 янв. 1985 г.) / Сост. Б. А. Семеновкер // Изд. дело: Экспресс-информ.: Отеч. произв. опыт. 1985. Вып. 5. С. 1—11.

179. Стандарты СИБИД — в практику!: Библиогр. указ. (1977—1984 гг.) / АН СССР, Б-ка по естеств. наукам. М., 1985. Ч. 1. Государственные стандарты СССР. Стандарты СЭВ. Инструктивно-методические материалы / [Сост. А. В. Маслов, Л. А. Ярцева]. 74 с.

180. Фурсенко Л. И. Книговедение: Указ. лит. за 1982 г. // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 188—231; Сб. 51. С. 211—231.

Терминология

181. Бахтурина Т. Новый технологический стандарт: К внедрению ГОСТ 7.0—84 «Библиографическая деятельность. Основные термины и определения» // Библиотекар. 1985. № 11. С. 58—59.

182. Библиотечные и библиографические термины / Гос. б-ка ЛатвССР им. В. Лациса; [Сост. С. Линия, А. Маулиня]. Рига, 1985. 23 с.—Текст парал.: латыш., рус.

183. Библиотечные и библиографические термины / Гос. б-ка ЛатвССР им. В. Лациса; [Сост. А. Маулиня]. Рига, 1985. 14 с.—Текст парал.: латыш., рус.

184. Веревкина А. Н. Об объеме понятия и термине «Всемирное библиографическое пособие» // Вопр. библиографоведения и библиотекведения. 1985. Вып. 6. С. 97—104.

185. Вихма Х. О русских библиотечных терминах // Библиотека: Методика и информ., 1985, juuli. Таллин. 1985. С. 36—43.—Эст. Рез. рус.: с. 67—69.

186. ГОСТ 7.0—84. Библиографическая деятельность. Взамен ГОСТ 7.0—77. Введ. № 701.86. М.: Изд-во стандартов, 1985. 24 с. (Система стандартов по информ., библ. и издат. делу).

187. Грабова А. З. Новый ГОСТ на библиографическую терминологию // Сов. библиогр. 1985. № 6. С. 39—48.

188. Коршунов О. П., Грабова А. З. Новый государственный стандарт на библиографическую терминологию: Консультация // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 9. С. 26—30.

189. Русско-армянский термино-

логический словарь по информатике / [Сост. Е. А. Шахназарян и др.]. Ереван: Айастан, 1985. 385 с.

190. Сонкина Ф. С. Актуальные проблемы терминологии книговедения и книжного дела // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 84—96.

191. Сулименко С. И., Борисова К. Л., Петрова З. М. Опыт внедрения стандартов системы СИБИБ и проблемы их использования // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 7. С. 12—16.

192. Суслова И. М., Уланова Л. Н. Отражение проблем терминологии в новом издании словаря [«Библиотечное дело: Терминологический словарь»] // Сов. библиотекведение. 1985. № 2. С. 60—67.

193. Черняк А. Я. К вопросу о термине «библиографоведение» // НТИ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. 1985. № 8. С. 7—11.

194. Юрман Х. О терминах и выражениях библиотечных работников // Библиотека: Методика и информ., 1985, juuli. Таллин, 1985. С. 43—46.—Эст. Рез. рус. С. 69—70.

История письменности, печати и книгоиздательского дела Работы общего характера

195. Ахунджанов Э. Проблемы изучения истории рукописной книги и книжного дела Средней Азии // Лит. наследие. Ташкент, 1984. № 1. С. 78—82.

196. Ахунджанов Э. Состояние историографии истории рукописной книги и книжного дела в Средней Азии // Лит. наследие. Ташкент, 1985. № 1. С. 85—93.

197. Бирюков С. [Рец. на кн.: Паль Р. В. Человек придумал книгу. М.: Сов. Россия, 1983] // Урал. 1985. № 4. С. 187.

198. В. Ч. Археографические экспедиции 1983 г. // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 339—342.

199. Збралевич Л. И. Использование фондов и коллекций отдела редких книг и рукописей [ЦНБ АН БССР] // Централизованная библиотечная система Академии наук БССР. Минск, 1985. С. 142—151.

200. Кедров Б. Свет книги: [Рец. на кн.: Памятные книжные даты, 1981—1985. М.: Книга, 1981—1985] // Коммунист. 1985. № 13. С. 126—128.

201. Кузьмина С. Рассказы о великих книгах: [Рец. на кн.: Книги, открывающие мир. М.: Книга, 1984] // В мире книг. 1985. № 6. С. 87.

202. Лихачев Д. С. Соседство книг: [Из истории кн.] // В мире книг. 1985. № 1. С. 79—81.

203. Люблинский С. Б. Новое издание учебника по истории книги: [Рец. на кн.: Баренбаум И. Е. История книги. 3-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1984] // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 194—196.

204. Мыльников А. С. О советской концепции всеобщей истории книги: К постановке вопр. // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 127—135.

205. Памятные книжные даты, 1985 / Сост. Р. К. Баландин и др. М.: Книга, 1985. 287 с.: ил.

Из содерж.: Маслов Н. Н. [80 лет со дня публикации работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции»]. С. 7—9; Горбунов В. [80 лет изданию статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»]. С. 9—11; Итенберг Б. [100 лет изданию второго тома «Капитала» К. Маркса]. С. 14—16; Тютюкин С. В. [70 лет со дня публикации статьи В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»]. С. 16—18; Эймонтова Р. [100 лет мемуаров Н. В. Шелгунова «Из прошлого и настоящего»]. С. 21—23; Тютюкин С. В. 100 лет изданию книги

Г. В. Плеханова «Наши разногласия». / С. 24—26; Антонов В. С. [100 лет изданию речи И. Н. Мышкина]. С. 26—28; Ушаков А. [90 лет статье В. И. Ленина «О чем думают наши министры»]. С. 29—32; Мироненко С. В. 60 лет со дня выхода I тома «Восстания декабристов». С. 35—38; Баландин Р. [400 лет книгам Д. Бруно «Тайна Пегаса, с приложением Килленского осла» и «Героический энтузиазм»]. С. 44—46; Крейнович В. Я. [375 лет изданию книги Г. Галилея «Звездный вестник»]. С. 46—48; Крейнович В. Я. [350 лет изданию «Геометрии Кавальери»]. С. 51—52; Музрукова Е. [250 лет изданию «Системы природы» К. Линнея]. С. 55—57; Баландин Р. [200 лет книге И. Канта «Основы метафизики нравственности»]. С. 57—60; Крейнович В. Я. [150 лет изданию труда Н. И. Лобачевского «Воображаемая геометрия»]. С. 61—63; Галушкин А. [150 лет книге Д. Штрауса «Жизнь Иисуса»]. С. 65—66; Черняк А. Я. [100 лет со дня завершения многотомного труда И. А. Тима «Основы машиностроения»]. С. 69; Бабков В. [50 лет книге Н. И. Вавилова «Ботанико-географические основы селекции»]. С. 74—75; Найденова К. [50 лет книге И. В. Курчатова «Расщепление атомного ядра»]. С. 76—77; Баландин Р. [50 лет изданию книги Н. Н. Ладыгиной-Коте «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах...»]. С. 78; Ильин-Томич А. [150 лет изданию «Стихотворений» Е. А. Баратынского]. С. 87—89; Немзер А. [150 лет изданию «Арабесок» Н. В. Гоголя]. С. 90—93; Немзер А. [150 лет со дня издания мистерии В. К. Кюхельбекера «Ижорский»]. С. 95—97; Проскурина В. Ю. [150 лет роману И. И. Лажечникова «Ледяной дом»]. С. 97—99; Еремина С. [400 лет первому изданию романа

- Сервантеса «Галатея». С. 118—119; Михайлова Т. [200 лет книге Э. Распе «Повествования барона Мюнхаузена...»]. С. 134—135; Мильчина В. А. [175 лет изданию книги Жермены де Сталь «О Германии»]. С. 136—139; Смиренская И. [150 лет изданию «Сказок, рассказанных детям» Х. К. Андерсена]. С. 144—147; Зенкин С. [150 лет роману Готье «Мадемуазель де Мопен»]. С. 148—150; Азадовский К. М. [75 лет изданию романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге»]. С. 156—158; Азадовский К. М. [50 лет изданию романа Г. Манна «Молодые годы короля Генриха IV»]. С. 158—160; Пилева Т. [40 лет роману А. А. Фадеева «Молодая гвардия»]. С. 209—210; Круминг А. [500 лет изданию басен Эзопа]. С. 213—214; Т. Г. [200 лет со дня рождения Ж. Одибона]. С. 216—218; Бахтурина Г. И. В 1835 году родился Михаил Константинович Элпидин. С. 221—222; Бахтурина Г. И. [100 лет со дня рождения Л. Н. Троповского]. С. 225—226; Белов С. В. [100 лет издательству П. П. Сойкина]. С. 227—229; Павлов А. [100 лет изданию «Обзоров жизни и трудов покойных русских писателей»]. С. 231—233; Дрюбин Г. [75 лет издательству «Альциона»]. С. 233—235; Александрова А. А. [75 лет издательству «Мусaget»]. С. 235—237; Кириллова Л. В. 60 лет Советской энциклопедии. С. 237—240; Молок Ю. [50 лет изданию юбилейного девяти томного собрания сочинений А. С. Пушкина (изд-во «Academia»)]. С. 262—268; Молок Ю. [50 лет изданию книги Р. Роллана «Кола Брюньон» с автолитографиями Е. А. Кибрика (изд-во «Художественная литература»)]. С. 268—273; Молок Ю. [50 лет изданию «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина с автолитографиями А. Н. Самохвалова (изд-во «Academia»)]. С. 274—279; Молок Ю. [50 лет сборнику «Немецкая романтическая повесть» с иллюстрациями А. В. Фонвизина (изд-во «Academia»)]. С. 279—282; Ю. М. [25 лет альманahu «Искусство книги»]. С. 283—287.
206. Плющ А. Какие бывают книги: [Рец. на кн.: Рат-Вег И. Комедия книги. М.: Книга, 1982] // Неделя XXV: Двадцать пять лет спустя. М.: Известия, 1985. С. 247—250.
207. Работа с редкими и ценными изданиями: Метод. рекомендации / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; [Сост. Н. И. Бабурина и др.]. М., 1985. 43 с.
208. Ремейките Е. История русской книги: [Рец. на кн.: см. № 203] // Библиотеку дарбас. 1985. № 9. С. 35.—Литов.
209. Самородов Б. Из истории мирового книгопечатания: [Окончание] // Полиграфия. 1985. № 1. С. 36—39; № 2. С. 37—38; № 5. С. 32—35; № 7. С. 36—39; № 8. С. 37—39; № 9. С. 35—38.
210. Севастьянова А. А. Археографические экспедиции в Ярославской области в 1981—1982 годах // Краевед. зап. / Яросл. ист.-арх. музей-заповедник. 1984. Вып. 5/6. С. 88—93.
211. Сиротина И. Редкие находки: [О рукопис. и старопечат. кн., обнаруж. в Сибири] // Коммунист Таджикистана. 1985. 8 авг.
212. Ситников Л. А. Книжные сокровища Сибири: Век восемнадцатый: По следам старин. сиб. б-к и их читателей. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 112 с., 4 л. ил.
213. Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: Сб. науч. тр. / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит.; [Отв. ред. Н. В. Котрелев]. М., 1985. 134 с.
214. Турков А. Судьбы и лица: [Рец. на кн.: см. № 201] // Известия. 1985. 30 янв. Моск. веч. вып.

215. Федоровские чтения, 1981: Сборник / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, Всесоюз. кн. палата, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; [Отв. ред. Е. Л. Немировский]. М.: Наука, 1985. 247 с.: ил.

216. Юнивергл. Первый в стране: [Бережан. межобласт. метод. центр по пропаганде кн.] // В мире книг. 1985. № 10. С. 68—69.

* * *

217. Абрамов А. Там, где зажглась «Искра»: [О музее газ. «Искра». Лейпциг] // Полит. самообразование. 1985. № 12. С. 102—106.

218. Гайдучок М. Вехи рассказывают: [О гос. музее кн. и книгопечатания УССР] // Соц. культура. 1985. № 11. С. 18.—Укр.

219. Кондакова Т. И. Вестники истории: [Беседа с зав. отд. редких и особо ценных кн. ГБЛ Т. И. Кондаковой / Записал Е. Гильманов] // Сов. культура. 1985. 27 авг. С. 6.

220. Константинов И. Сокровищница человеческого разума: [О Музее кн. в ГБЛ] // Моск. комсомолец. 1985. 8 февр.

221. Хромов А. Золотой фонд библиотеки: [Выст. ред. кн. из фондов Центр. науч. б-ки им. Индиры Ганди АН ТаджССР. Душанбе] // Коммунист Таджикистана. 1985. 17 июля.

222. Чеботарева В. Встреча с редкой книгой: [О выст. редкой кн. в Гос. респ. б-ке им. Ахундова] // Бакин. рабочий. 1985. 22 нояб.

См. № 75-76, 229.

Книжные фонды библиотек

223. Абрамов К. Начало: Нелегал. б-ки ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» // Библиотекарь. 1985. № 11. С. 14—16.

224. Арайс Э. Библиотека Ми-

синьша за сто лет // Книги и книголюбь: К 100-летию б-ки Мисиньша, 1885—1985. Рига: Зинатне, 1985. С. 10—30. — Латыш. Рез. рус. С. 212—215.

225. Аристов В. В., Ермолаева Н. В. История Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (1804—1850). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. 151 с.

226. Бегимбаева К. Ш. К вопросу истории казахской книги: (Ред. кн. о Казахстане и рукописи в фондах ЦНБ АН КазССР) // Вопросы книговедения и истории казахской книги. Алма-Ата, 1985. С. 28—36.

227. Букантайте Я. Научная библиотека книговедения: ее история и перспективы // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 88—95.—Литов.

228. Виттенбург Е. П. К истории библиотеки «Академии трех знатнейших художеств» // Наука и культура России XVIII в. Л., 1984. С. 89—112.

229. Выдащенко М. Б., Мыцко И. З. Коллекция старопечатных изданий кирилловского шрифта в Музее Ивана Федорова во Львове // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 208—215.

230. Зольникова Н. Д. Описание книг кирилловской печати XVI—XVII вв.: (Собр. ИИФиФ СО АН СССР) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск: Наука, 1985. С. 183—232.

231. Исаевич Я. Д. [Рец. на кн.: Ojtozi E. A. A moriapocsi barilitak cirillbetus konyuei. (Ойтези Э. Книги кирилловской печати мариявповчанских базилян)]. Debrecen, 1982] // Сов. славяноведение. 1985. № 2. С. 106—108.

232. Кашутина Е. С., Сапрыкина Н. Г. Экслибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета:

Альбом-каталог. М.: Изд-во МГУ, 1985. 222 с.: ил.

233. Киселева В. Библиотека им. Ф. Ф. Павленкова [в Белоруссии] // Памятники истории и культуры Белоруссии. 1985. № 1. С. 36.— Белорус.

234. Коваль Л. Часть общепролетарского дела: [О кн., поступивших в Румянцевский музей в 1905—1907 гг.] // Библиотекарь. 1985. № 8. С. 55—58.

235. Люблинский С. Сокровища библиотеки: [Рец. на кн.: Горфункель А. Х., Николаев Н. И. Неотчуждаемая ценность: Рассказы о кн. редкостях унив. б-ки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984] // В мире книг. 1985. № 3. С. 84—85.

236. Мороко В. Н. Документы о взаимодействии библиотеки и архива РСДРП с зарубежными большевистскими организациями // Историкографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуал. пробл. источниковедения и спец. ист. дисциплин. Днепропетровск, 1985. С. 49—54.

237. Некоз Н. Д. Заграничные партийные библиотеки и архивы в период реакции и нового революционного подъема // Историкографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуал. пробл. источниковедения и спец. ист. дисциплин. Днепропетровск, 1985. С. 44—49.

238. Николаев Н. Облик средневековой библиотеки: [О кн. собрания магнатского рода Сапегов. XVI—XVIII вв.] // Мастацтва Беларусі. 1985. № 7. С. 64—67.— Белорус.

239. Новые поступления в отдел рукописей и редких книг (1979—1983): Кат. // Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Сост. Л. С. Георгиева. Л., 1985. 147 с.

240. Парфентьев Н. П. Памятники древнерусского певческого искусства в собраниях Урала // Тр.

Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 440—447.

241. Садовский А. Первая большевистская библиотека: [Женева, 1904—1905 гг.] // Полюмя. 1985. № 3. С. 159—163.— Белорус.

242. Сироткина М. А. Рукописи и старопечатные издания в научных библиотеках ПНР и их изучение // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 105. С. 53—66.

243. Сотниченко П. А. К истории библиотеки Острожской школы // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 148—151.

244. Ухова Т. Б. «Книгохранительница» Успенского собора в XVII веке // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исслед. М.: Наука, 1985. С. 235—245.

245. Хромов А. Хранятся в фонде: [Об индол. фонде отд. иностр. лит. б-ки им. Фирдоуси. Душанбе] // Коммунист Таджикистана. 1985. 5 сент.

246. Цыбуля В. Библиотека в Щорсах: [Из цикла ст. о старин. б-ках Белоруссии] // Неман. 1985. № 3. С. 169—170.

247. Эндзинас А. Библиотека [Петербургской] императорской римско-католической духовной академии // Книговедение. 1985. № 10, т. 1. С. 52—62.— Литов. Рез. рус.

* * *

248. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков Псковского музея-заповедника. 2-е изд., доп. Псков, 1985. 127 с.: ил.

249. Новые издания в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Рус. муз. фольклор. Отд. изд. (1917—1975 гг.): Каталог / [Сост. А. С. Баракчеева]. М., 1985. 108 с.

250. Нотные издания в фондах Государственной Публичной биб-

лиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Каталог. Л., 1985. Вып. 1, ч. 1. Отечественные нотные издания XVIII века / Сост. Н. В. Таланкина и др. 85 с.

251-252. Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель / БАН СССР и др.; Под общ. ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1985.

Ч. 2, вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575—1825 гг.) / Сост. В. В. Морозов и др. 179 с.: ил.

Ч. 3, вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709—1825 гг.) / Сост. Н. Н. Малкина. 208 с.: ил.

253. Славянские книги кирилловской печати XVI—XX вв.: Кат. кн., хранящихся в Гос. ист. б-ке УССР / Гос. ист. б-ка УССР; Сост. Г. Е. Варварич. Киев, 1985. 138 с.

254. Старопечатные книги кирилловской печати в музеях Белоруссии: Каталог / Гос. музей БССР; Сост. Л. Д. Клок. Минск: Польшья, 1985. 56 с.: ил.

См. № 359, 369, 374, 377, 384, 399, 727, 912, 919, 925, 927, 932, 938, 956, 958.

История письменности

255. Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия: Ее ист. и культ. значение. М.: Наука, 1985. С. 174—195.

256. Иванова Т. А. [Рец. на кн.: Бернштейн С. Б. Константин-философ и Мефодий. М.: Изд-во МГУ, 1984] // Рус. яз. в шк. 1985. № 5. С. 103—106.

257. Лисненко Л. П. Эволюция миштекской письменности // Пробл. археологии и этнографии. 1985. Вып. 3. С. 146—157.

258. Малов В. Н. Итальянская школа латинской палеографии и теория Маллона — Маришали // Вспом. ист. дисциплины. 1985. Т. 17. С. 321—342.

259. Медынцева А. У истоков славянской письменности // Наука и жизнь. 1985. № 12. С. 91—96.

260. Муравьев С. Тайна Месропа Маштоца // Лит. Армения. 1985. № 2. С. 83—102.

261. Мурьянов М. Ф. Мефодий Солунский и создание славянской письменности // Вестн. АН СССР. 1985. № 9. С. 114—119.

262. Ртвеладзе Э. В., Лившиц В. А. Памятники древней письменности / О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1985. 38 с.: ил.

263. Утевская П. В. Слов драгоценные клады: Рассказы о письменности / [Предисл. и науч. ред. Р. И. Рубинштейн]. М.: Дет. лит. 1985. 191 с.: ил.

264. Флоря Б. Н. К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии // Великая Моравия: Ее ист. и культ. значение. М.: Наука, 1985. С. 195—217.

265. Флоря Б. Н. Славянская письменность и европейская культура раннего Средневековья // Сов. славяноведение. 1985. № 2. С. 66—70.

266. Янин В. Л. Новгородские азбуки XI—XIV вв. // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 74—80.

Рукописная книга

267. Алексеев А. А. П. К. Славюлюбов и его «Исторические рассуждения о славянской Библии» // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 195—197.

268. Амалян Г. [Рец. на кн.: Генеральный каталог армянских рукописей Матенадарана имени Маштоца. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984. Т. 1] // Вестн. обществ. наук. 1985. № 6. С. 86—89.— Арм.

269. Амосов А. А. К проблеме точной датировки Лицевого свода XVI века: (Филигрань «Двойная ли-

лия» и ее происхождение) // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 7—13.

270. Афиани В. Ю. Деятельность археографической комиссии в 1983 г. // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 327—336.

271. Бакиш К. Н. Судьба и камень: Эссе. Ереван: Советакан грох, 1985. 400 с., 8 л. ил.—Арм.

272. Бибииков М. В. Конференция балканистов-археографов // Вопр. истории. 1985. № 8. С. 151—152.

273. Бобров А. Г. Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 10—16.

274. Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А. Северодвинская экспедиция 1983 г. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 417—428.

275. Богданов А. П., Пентковский А. М. Житие Николая в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 92—107.

276. Бубнов Н. Ю. Ответ протопопа Аввакума духовному сыну (1676 г.) и его иллюстрированный протограф // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 260—266. (Тр. Отд. древнерус. лит. АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Т. 38).

277. Бубнов Н. Ю. Работа древнерусских книжников в монастырской библиотеке: (Источники соловец. «Сказания... о новых книгах» 1667 г.) // Книга и ее распростране-

ние в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 37—58.

278. Бубнов Н. Ю. Спиридон Потемкин и его «Книга» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 345—363.

279. Бударагин В. П. Две экспедиции в Псковскую область // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 423—425.

280. Бударагин В. П. О новых списках сочинений Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 417—422.

281. Бударагин В. П., Иаркелов Г. В. Орнаментака крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв. // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 476—502. (Тр. Отд. древнерус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР; Т. 38).

282. Бударагин В. П. Поездка за рукописями в Новгородскую область // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 414—416.

283. Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 3—17.

284. Бутир Л. М. Авторский рукописный сборник кантов XVIII в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 34—45.

285. Варжапетян В. Еще одно открытие Сибири: [Рец. на кн.: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М.: Книга, 1984] // Лит. обозрение. 1985. № 8. С. 61—63.

286. Васильева О. В. Списки сочинений Алишера Навои XV—XVI вв. в ОРиРК ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 16—25.

287. Викторова А. З. [Рец. на кн.: Моисеева Г. Н. Спассо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л.: Наука, 1984] // Вопр. истории. 1985. № 9. С. 137.

288. Власов А. Н. Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XVI—XVII вв.: (На материале рукописей и цикла лит. памятников Великоустюж. и Сольвычегод. происхождения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1985. 14 с.

289. Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей Южного Урала / Ин-т истории, яз. и лит. Башк. фил. АН СССР, Юж.-Урал. отд-ние Археогр. комис. АН СССР; [Под ред. Р. М. Булгакова, Р. Г. Кузеева]. Уфа, 1985. 106 с.

Из содерж.: Кузеев Р. Г. О задачах археографических и текстологических исследований памятников восточной письменности в Башкирии. С. 5—13; Урунбаев А. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР: опыт описания рукописей, их каталогизация и изучение. С. 14—19; Абдуллин И. А. Схема описания листов, воззваний и брошюр. С. 29—41; Шарипова З. Я. Башкирская рукопись и некоторые аспекты ее научного описания. С. 42—47; Булгаков Р. М. Письменные памятники Башкирии и некоторые вопросы кодологии. С. 48—63; Булгакова С. Г. Принципиальная схема описания региональных арабских и персидских рукописей. С. 64—71.

290. Воронова Т. П. Рукопис-

ное наследие Дидро в ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 58—68.

291. Гаврюшин Н. К. Шукинская рукопись «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 393—404.

292. Гисцова Л. З. [Рец. на кн.: Апанович Е. М. Рукописная светская книга XVIII в. на Украине: Ист. сб. Киев: Наук. думка, 1983] // Архивы Украины. 1985. № 5. С. 73—74. — Укр.

293-294. Глухов А. Г. Приключения книг. М.: Сов. Россия, 1985. 240 с.: ил.

Рец.: Яшин Б. Судьбы великих книг // Кн. обозрение. 1985. 20 сент. С. 16.

295. Градова Б. А. Первые переводы Антиоха Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 46—57.

296. Грачева А. М., Евсеева И. А., Захарова Е. Д. Археографические экспедиции на Северную Двину 1981 и 1982 гг. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 444—449.

297. Джурова А. Типологическое сопоставление орнамента византийских и древнеболгарских рукописей X—XII вв. // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы междунар. науч. конф. ЮНЕСКО. Минск: Наука и техника, 1985. С. 134—137.

298. Древнерусская книжность: По материалам Пушкин. Дома: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1985. 348 с.: ил.

- Содерж.: Бударагин В. П., Маркелов Г. В. Новые поступления в Древлехранилище Пушкинского Дома (1976—1980). С. 5—15; Охотникова В. И. Пространная редакция повести о Михаиле Тверском. С. 16; 27; Белоброва О. А. «Итталианских градов похвала англичанина Фомы Едворда» в рукописном сборнике конца XVII—начала XVIII в. С. 28—35; Троицкая Т. С. Повесть о динаре в редакции И. С. Миндина. С. 36—47; Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. V. «Жалобница» поморских старцев против самосожжений (1691 г.). С. 48—61; Брошинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции: (Тексты). С. 62—107; Степанов В. П. К агиографии Чупятова: (Неизвестная повесть о раскавшемся старообрядце). С. 108—173; Понырко Н. В., Бударагин В. П. Автографы выговских писателей. С. 174—200; Звегинцева О. В. Новый памятник книжного искусства XV в. в собрании Древлехранилища Пушкинского Дома. С. 201—219; Буланин Д. М. Послание патриарха Фотия архиепископу Аквилейскому в древнерусском переводе. С. 220—229; Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский. С. 230—242; Понырко Н. В. Узники пустозерской земляной тюрьмы. С. 243—253; Николаев Н. И., Николаев С. И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I. С. 254—261; Лихачев Д. С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве: (Вступ. слово к «Малышев. чтениям» 3 мая 1978 г.). С. 262—264; Панченко А. М. О Владимире Ивановиче Малышеве. С. 265—276; Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни Протопопа Аввакума». С. 277—322. Малышев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Миндин. С. 323—337; Программы «Малышевских чтений» (1977—1984 гг.). С. 338—339; Список печатных работ В. И. Малышева: (Продолжение) / Сост. Н. Ф. Дробленкова. С. 340—345.
299. Жуковская Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 68—125.
300. Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: [Сб. науч. тр.] / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; [Науч. ред. Г. П. Енин] Л., 1985. 154 с.: ил.
301. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 18—277.
302. Итальянские гуманистические рукописи в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград): (Описание): [Продолжение] / Сост. Е. В. Бернадская // Сред. века. 1985. Вып. 48. С. 270—299.
303. Клосс Б. М. Об истории Лицевого свода, хранящегося в Публичной библиотеке // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 109—115.
- 304-305. Козлов В. П. Коломбы российских древностей / Отв. ред. В. И. Буганов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1985. 174 с. (Сер. «Страницы истории нашей Родины» / АН СССР).
- Рец.: Добрушкин Е. М. // Сов. архивы. 1985. № 6. С. 76—78.
306. Корхмазян Э. М. Одно из новых приобретений Матенадарана — рукопись конца XVI в., иллюстрированная Арашелом Геламеци // Памятники культуры: Новые откры-

тия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1983. Л.: Наука, 1985. С. 7—13.

307. Костюченко Н. Дворцовые и частные книжные собрания Китая VI—X вв. // Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки. Л., 1985. С. 6—13.

308. Крамко И. И., Мальдзанс А. И. Сокровища нашей древней письменности // Памятники культуры: Новые открытия. Минск: Наука и техника, 1985. С. 128—132.— Белорус.

309. Лаврентьев А. В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 323—334.

310. Левочкин И. В. Изборник Святослава и русские сборники XV—XVII вв. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 373—378.

311. Левочкин И. В. Кодикологическая характеристика Геннадиевской Библии // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 90—96.

312. Левочкин И. В. «Отеческие книги» и Изборник Святослава 1073 года // Сов. славяноведение. 1985. № 6. С. 76—80.

313. Лихачев Д. С. [Рец. на кн.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указ. М., 1983. Т. 1. Вып. 1] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 3. С. 273—274.

314. Лихоткин Г. Судьба великого памятника: [Рец. на кн.: См. № 287] // Нева. 1985. № 8. С. 158—159.

315. Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Тр.

Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 190—205.

316. Маркелов Г. В. Латгальские рукописные находки 1981 и 1982 гг. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 426—443.

317. Маркелов Г. В. Рукописи из Латгалии // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 429—439.

318. Машулия Л. И. Арабская грамматическая литература в восточном фонде Института рукописей АН ГССР (К, L, Ld коллекции) // Семитол. студия. 1985. 2. С. 41—50.

319. Мраморнов О. По книжной Сибири: [Рец. на кн.: см. № 285] // В мире книг. 1985. № 8. С. 62—64.

320. Мурьянов М. Ф. Минья как тип средневековой книги // Сов. славяноведение. 1985. № 5. С. 64—78.

321. Нестеров А. Г. Берестяные рукописи Свердловского историко-революционного музея // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск: Наука, 1985. С. 233—236.

322. Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В. Пинежская экспедиция 1981 г. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 450—454.

323. Нурматова Р. Описание рукописных тазира // Лит. наследие. Ташкент, 1985. № 3. С. 44—49.

324. Панина И. В. К вопросу о соотношении восточнославянских и южнославянских особенностей в письме пергаментной рукописи начала XV в.: (Апостол из собр. ГБЛ) // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 49—52.

325. Петросян Ю. А., Темкин Э. Н. Изучение собрания восточных рукописей Института востоковедения.

ния АН СССР: Описание фондов, издание и исслед. текстов // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 27—36.

326. Петросян Ю. А. Коллекция восточных рукописей Института востоковедения АН СССР и ее изучение // Вестн. АН СССР. 1985. № 7. С. 49—59.

327. Пиотровская Е. К. Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 379—384.

328. Писатели и книжники XI—XVII вв.: Исслед. материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 31—189.

329. Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерус. перевод. лит. XI—XII вв. / АН СССР; Б-ка; Подгот. текста, исслед. и коммент. И. И. Лебедевой; Отв. ред. О. В. Творогов. Л.: Наука, 1985. 296 с.: ил.

Из содерж.: Повесть в русской рукописной и печатной книжности. С. 34—48; Археографический обзор списков древнерусского перевода Повести. С. 103—107.

330. Пуцко В. Г. Славянская письменность и развитие книжного искусства домонгольской Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 65—73.

331. Рахматуллаева М. Научное описание поэмы «Юсуф и Зулейха» // Лит. наследие. Ташкент, 1985. № 3. С. 40—43.

332. Рахматуллаева М. Одно рукописное издание поэта Шавки, [хранящееся в Институте рукописей АН УзССР] // Лит. наследие. Ташкент, 1983. № 2. С. 67—73.— Узб.

333. Рождественская М. В. Чтения памяти В. И. Малышева // Рус. лит. 1985. № 1. С. 244—246.

334. Розов Н. Н. Об особенностях художественного оформления литургических и певческих рукописных книг // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 424—433 (Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Т. 38).

335. Розов Н. Н. Остромирово евангелие как памятник истории русского искусства // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1985. С. 5—10.

336. Ромадановская Е. К. Археографический обзор списков Повести о царе Аггее // Ромадановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск: Наука, 1985. С. 245—279.

337. Русинев В. Н. Рукопись из села Валки Горьковской области // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький, 1985. С. 68—71.

338. Семеновкер Б. А. Греческие списки истинных и ложных книг и их рецепция на Руси // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 206—228.

339. Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 39. С. 278—284.

340. Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 260—344.

341. Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г.: (К истории европ. связей моск. культуры послед. трети XVII в.) // Проблемы изучения куль-

турного наследия. М.: Наука, 1985. С. 201—208.

342. Филькина Е. Ю. История описания частных [рукописных] коллекций во второй половине XIX в. // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984. С. 43—52.

343. Фрис В. Я. Собрание рукописей Музея Ивана Федорова во Львове // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 215—219.

344. Фролова О. Б., Каменев Ю. А. Рукописное сочинение по истории арабов из хранилищ Ленинграда // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. № 9. История, яз., лит. Вып. 2. С. 30—34.

345. Фурнина В. От олей к печатному станку: [О рукоп. кн. Индии] // В мире книг. 1985. № 4. С. 59—61.

346. Халимов Н. Б. Историко-культурное значение восточных рукописей Академии наук Туркменской ССР // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 6. С. 48—53.

347. Хамидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985. 304 с., 4 л. ил. (Культура народов Востока. Материалы и исслед. / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т востоковедения).

348. Чекунова А. Е. [Рец. на кн.: Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1982] // Сов. арх. 1985. № 2. С. 82—83.

349. Черняк О. П. Западноевропейские словари и учебники русского языка (XVI—XVII вв.) // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 25—36.

350. Чирков С. В. Некоторые проблемы развития русской археологии в начале XX века // Археологический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 12—26.

351. Чукасян Б. Л. В мире рукописей: [Очерки] / О-во любите-

телей кн. АрмССР. Ереван: Советакан грох, 1985. 144 с., 4 л. ил.— Арм.

352. Шайдакова М. Я. Рукописный сборник XVIII века из собрания Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький, 1985. С. 55—62.

353. Шварц Е. М. Кодикологическое исследование рукописей XV века Софийско-Новгородского собрания ГПБ: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т истории СССР. Л., 1984. 15 с.

354. Шмидт С. О. Международная конференция по изучению памятников средневековой книжности: [Ленинград, март 1985] // Вестн. АН СССР. 1985. № 12. С. 62—68.

355. Шмидт С. Сводный каталог рукописных книг // Кн. обозрение. 1985. 22 марта. С. 16.

356. Якунина С. А. К изучению списков «Повести о Тверском Отроче монастыре» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 1985. Т. 40. С. 410—413.

* * *

357. Описание грузинских рукописей: Коллекция (А) б. церков. музея / АН ГССР, Ин-т рукописей им. К. Кекелидзе; Под ред. Е. Метревели. Тбилиси: Мецниереба.— Груз. Т. 14 / Сост. и подгот. к печати Т. Брегадзе и др. 1985. 238 с. См. № 363, 383, 522, 750, 808, 848, 877, 926.

История книги и книгоиздательского дела СССР (1564 — октябрь 1917 г.)

358. Аверина Н. Ф. Проблемы воссоздания истории провинциальной книги: (Из истории изд. перм. кн.) // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 133—140

(Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

359. Авриль М. Фонды русской литературы в национальной библиотеке в Париже // Библиотечковедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 101. С. 9—12.

360. Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о кн. и прессе пушкин. поры [2-е изд., доп.] М.: Книга, 1986. 382 с.: ил.

361. Володкович А. Ф. Архивные материалы Западной Сибири XIX в. как книговедческий источник // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 26—43.

362. Горшков Ю. А. Промышленный переворот в полиграфической промышленности России (конец 1850-х — середина 1880-х гг.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук / Моск. ин-т нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова. М., 1985. 23 с.

363. Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Обществ. настроения) / Отв. ред. О. А. Державина. М.: Наука, 1985. 358 с.

364. Ермакова Н. Путь печатного слова на Алтае // Молодежь Алтая. 1984. 22 янв.

365. Дмитриев С. С. Книжное дело. Печать // Дмитриев С. С. Очерки истории русской культуры начала XX века: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1985. С. 65—109.

366. Жебрак Е. Е. Книга в развитии культуры Дальнего Востока (XVII — середина XIX в.) // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 149—156 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

367. Зайцева А. А. Оптовые закупки изданий Академии наук книготорговцами в последнем десятилетии XVIII века как свидетельство читательского спроса // Книга и ее

распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 127—131.

368. Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв.: Сб. науч. тр. / БАН СССР; [Отв. ред. С. П. Луппов]. Л., 1985. 172 с.

369. Костин А. Марксистские библиотеки Поволжья: [80—90-е гг. XIX в.] // Библиотекарь. 1985. № 4. С. 56—58.

370. Косых Е. Н. О роли печати в идейной борьбе политических партий Сибири в 1917 г. // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 72—86.

371. Ласунский О. Г. Круг чтения. Книжная торговля. Библиотеки как фактор местной литературной жизни // Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции: (Воронеж. край в «эпоху Чернышевского»). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 153—173.

372. Луппов С. П. Основные направления изучения истории русской книги эпохи феодализма // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 136—141.

373. Львова Е. [Рец. на кн.: Герчук Ю. Я. Эпоха политепажей: Рус. типогр. искусство первой трети XIX века. М.: Книга, 1982] // Советская графика. 1985. Сб. 9. С. 300—304.

374. Мосин А. Г. Новые источники по истории культуры и общественной мысли вятского крестьянства XVIII—XIX вв. // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 82—96.

375. Пайчадзе С. А. Книгоиздание Дальнего Востока в дооктябрьский период // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 43—63.

376. Пайчадзе С. А. Некоторые итоги изучения регионального книж-

ного дела // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 140—148 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

377. Перегудова З. И. Библиотека революционных изданий Департамента полиции // Государственные учреждения и общественные организации СССР: История и современность. М., 1985. С. 108—114.

378. Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. науч. тр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, ГПНТБ; [Отв. ред. А. Л. Посадков]. Новосибирск, 1985. 168 с.

379. Ройтман И. Б. Издательская деятельность революционных кружков Москвы в 80-х гг. XIX в. // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научно-исследовательской работы Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 1984 г. (22 апр. 1985 г.) и конференции молодых специалистов библиотеки (15 апр. 1985 г.). М., 1985. С. 108—110.

380. Сапунов Б. В. Социальная база московского барокко: (По описям б-к и владел. припискам на кн. XVII в.) // Книга и ее распространение в России в XVI—XVII вв. Л., 1985. С. 59—78.

381. Светленко С. И. Достоверность судебно-следственных материалов как исторического источника: (На опыте изуч. типографий общерос. рев. подполья на Украине в буржуаз.-демокр. период освобод. движения) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуал. пробл. источниковедения и спец. ист. дисциплин. Днепропетровск, 1985. С. 65—70.

382. Травушкин Н. С. Источники изучения действительности произведений вольной русской печати // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX —

начала XX века. Казань, 1985. С. 22—29.

383. 3-я всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века», Ленинград, 2—4 окт. 1985 г.: Тез. докл. / АН СССР, Науч. совет по комплекс. пробл. «История мировой культуры», Б-ка АН СССР. Л., 1985. 151 с.

Содерж.: Предисловие. С. 3—4; I. Книга и культура: Мыльников А. С. Международные культурные связи России конца XVII — начала XIX в. как фактор книгораспространения. С. 5—6; Кукушкина М. В. Репертуар памятников письменности в библиотеках XVI в. на Руси: (Пробл. распространения и соц.-культ. значения книг). С. 6—7; Исачевич Я. Д. Книжная торговля на Украине в XV—XVIII вв. С. 7—8; Зайцева А. А. Книжная торговля в Петербурге в конце XVIII в. С. 9—11; Покровский Н. Н. Книги тарского восстания 1722 г. С. 11—12; Степанов В. П. Русские подписчики на издания второй половины XVIII в. С. 13—14; II. Рукописная и старопечатная книга: Книга и общество в XI—XVIII вв.: Пуцко В. Г. Иллюминованная книга в жизни русского общества XI—XIII вв. С. 15—16; Розов Н. Н. Отражение исторической действительности, труда и быта русских мастеров книги в их творчестве. С. 16—18; Кобяк Н. А. Индекс ложных и отреченных книг как источник для выяснения круга читательских интересов. С. 18—20; Амосов А. А. Иерархия цвета в миниатюре как отражение этикетных воззрений художников XVI в.: (По материалам Лицевого летописного свода). С. 20—21; Бубнов Н. Ю. Рукописная и печатная книга в России в середине XVII в.: (К пробл. взаимодействия). С. 22—23; Николаев С. И. Польская книга в России в XVII в. С. 23—24; Калугин В. В. Сюжетные средники Московского печатного двора:

- (Отражение символики в книж. переплете). С. 25—26; Севастьянова А. А. Влияние рукописно-книжной традиции края на деятельность ярославских книжников последней четверти XVIII в. С. 26—28; Зайцев В. Ф., Щепановская Е. М. Русская рукописная книга как объект исследования методами математической статистики. С. 28—29; Пути распространения книги в XV—XVIII вв.: Збралевич Л. И., Евженко И. Е. Инкунабулы в Белоруссии и Литве в XV—XVII вв. С. 29—31; Немировский Е. Л. Распространение изданий Франциска Скорины в Московском государстве. С. 31—32; Сапунов Б. В. Пути распространения книги в России в XVII в. С. 32—34; Росовецкая Т. Н. Распространение изданий львовского типографа Михаила Слезки на Украине в XVII — первой половине XIX в.: (На материале книгохранилищ Киева и Львова). С. 34—35; Боянивская М. Б. Записи в рукописных книгах как источник изучения истории их распространения: (По материалам собр. ПНР). С. 36—37; Черная Л. А. Переписка книг при первых публичных библиотеках в России: (К вопросу распространения рукоп. кн. в XVIII в.). С. 37—39; Апанович Е. М. Распространение рукописной книги на Украине в XVIII в. С. 39—40; Афанасьева Т. А. Распространение и чтение кириллической книги в России XVIII в. как элемент культуры того времени. С. 40—42; Паскаль А. Д. Распространение старообрядческих изданий в конце XVIII — начале XIX в.: (На примере Клинцов. типографии). С. 42—43; Типология и жанры книжности в XVI—XVIII вв.: Колосова В. П. Роль эпистолярного жанра в формировании и распространении книжной продукции на Украине в XVI—начале XVII в.: (К полемике с Эдвардом Кинаном). С. 44—45; Солодкин Я. Г. «История» Авраамия Палицына в рукописной традиции XVII—XVIII вв. С. 45—46; Волкова Т. Ф. Сказания об основании северорусских монастырей в рукописной традиции XVII—XIX вв.: (Житие Диодора Юрьегорского). С. 46—47; Власов А. Н. Типы Устюжской четьей книги в XVII в. С. 47—48; Ясиновский Ю. П. Украинские певческие ирмологии и их создатели. С. 48—49; Демкова Н. С., Шухтина Н. В. Типы и разновидности исторических сочинений первых писателей-старообрядцев на фоне историко-биографического повествования второй половины XVII в. С. 50—51; Петрова Л. А. Стихотворные тексты в изданиях «Повести о Варлааме и Иоасафе». С. 51—52; Беляева О. К. Памятники древнерусской письменности в старообрядческой полемической литературе начала XVIII в. С. 53—54; Савельева Е. А. Переводные исторические труды в России в первой половине XVIII в. С. 54—55; Градова Б. А. Рукописное тиражирование сочинений А. Д. Кантемира в XVIII в. С. 56—57; Библиотеки и книжные собрания в XVI—XIX вв.: Левочкин И. В. Крестьянские записи на рукописных книгах XVI — первой половины XIX в.: (По материалам Музейн. собр. ГИМ). С. 57—59; Мудрова Н. А. Состав книжных собраний Строгановых второй половины XVI — начала XVIII в. С. 59—60; Шашков А. Т. Две сибирские библиотеки XVII в. С. 60—62; Мосин А. Г. Крестьянские библиотеки на Вятке в XVII — первой половине XIX в. С. 62—63; Синицына Е. В. Складывание рукописной библиотеки Ростовского архиерейского дома и ее состав в XVIII в. С. 63—64; Гриненко А. А. Источники по изучению среды бытования старопечатной и рукописной книги на Урале в первой половине XIX в. С. 65—66; Вялова С. О. Глаголи-

- ческая книга в собраниях ученых-славистов. С. 66—67; Якерсон С. М. Еврейские инкунабулы и их путь в Россию: (По материалам коллекции Ленингр. отд-ния Ин-та востоковедения АН СССР). С. 68—69; Панич Т. В., Титова Л. В. Рукописные и старопечатные книги Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. С. 69—70; Веселова Л. Ф. Коллекция книг XVI—XVII вв. Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. С. 70—71; Мысько З. З. Экземпляры изданий «Слова о полку Игореве» первой половины XIX в. в отделе редкой книги Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника АН УССР. С. 71—73; III. Пути и формы распространения книги в XVIII—первой половине XIX в. Книгопечатание и книготорговля: Кодак Н. Ф. Книгоиздание — книгораспространение — книговедение: к вопросу об историко-типологических соответствиях. С. 74—75; Тюличев Д. В. Книгоиздательская и книготорговая деятельность Петербургской академии наук в 40—60-е гг. XVIII в.: Новые стат. материалы. С. 75—77; Долгова С. Р. Историк и распространитель книг Александр Иванович Фомин. С. 77—78; Федоровская Л. А. И. Д. Герстенберг и его издательская деятельность в России в конце XVIII в. С. 78—79; Владимиров Л. И. Эдукационная комиссия и ее вклад в развитие издательского дела в Литве. С. 79—80; Ситников Л. А. Книга в русской Америке в конце XVIII — начале XIX в. С. 80—82; Дагите И. Л. Роль Вильнюсского университета в распространении научной и технической книги в Литве в начале XIX в. (1800—1832 гг.). С. 82. Янсон Э. Ю. Печатаение русских книг в Тарту в первой половине XIX в. С. 83—84; Парамонова Н. Б. А. Г. Мясников—представитель провинциальной книготорговли в середине XIX в. С. 84—85; Умецкая Е. С. Распространение книги в Белоруссии в первой половине XIX в. С. 86—87; Круг чтения: темы и жанры: Шимкунайте Э. «Предкинига» в литовской народной медицине. С. 87—88; Чернышева Н. Ф. Детская русская книга исторической тематики в конце XVIII—начале XIX в.: (На материале коллекции дет. лит. отд. редких книг Гос. публ. инст. б-ки). С. 88—90; Севастьянов А. Н. Книга, читатель и литература во второй половине XVIII в. в России: (К вопр. о методике исслед.). С. 90—91; Космолинская Г. А. Морально-дидактическое чтение русского юношества второй половины XVIII в. С. 92—93; Фундаминский М. И. Детские энциклопедии в России второй половины XVIII в. С. 93—95; Слуту К. Я. Перевод на русский язык, издание и распространение юридических книг Молдавии. С. 95—96; Грама Д. К. Проникновение русских юридических книг в Молдавию и их распространение. С. 97—98; Смагина Г. И. Из истории создания и распространения учебных книг в России во второй половине XVIII в. С. 98—99; Зубков Н. Н. Проблема обозначения авторства в русской печати XVIII в. С. 99—100; Беляев А. С. Историческая книга XVIII — первой половины XIX в. и ее распространение в России. С. 100—102; Острой О. С. Русские иконографические издания в первой четверти XIX в. С. 102—103; Раскин Д. И. Документы по истории издания и распространения русской учебной книги в первой половине XIX в. С. 104—105; Ельницкая Л. М. Поэтический сборник писателей пушкинского круга как вид издания. С. 105—106; Рахманалиев Р. Книговедческие аспекты культуры чтения в трудах книговедов и литературных критиков России (1750—1850). С. 106—107; Клекере И. А.

Издание и распространение поэзии в латышском обществе с конца XVIII до середины XIX в. С. 108—109; Белоножко Ю. А. Распространение сельскохозяйственной литературы в Сибири в первой половине XIX в. С. 109—110; Иностранная книга в России: Некрасов Г. А. Шведская книга в частных библиотеках России в XVIII в. С. 111—112; Киселева Л. И. Естественнонаучная литература на иностранных языках в русских библиотеках XVIII в. С. 113; Баренбаум И. Е. Французская (переводная) художественная литература в России во второй половине XVIII в. С. 114—115; Копанев Н. А. А. К. Бриассон — книготорговый комиссионер Русской академии наук. С. 115—116; Сомов В. А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и русское общество: (Из истории рукоп. кн. в России в XVIII — первой половине XIX в.). С. 116—118; Токарева Г. В. Восприятие французской книги русским читателем на рубеже XVIII—XIX вв.: (По материалам Г. Винского). С. 118—119; Астраханский В. С. В. Н. Татищев как распространитель и пропагандист книги. С. 120; Самсонова Т. П. «Энциклопедия» Дидро и ее значение в распространении музыкальных знаний в России в XVIII в. С. 120—121; Моисеева Г. Н. Книги чешского слависта Иозефа Добровского в России в начале XIX в. С. 121—123; Воробьева Н. П. Французская «Эстетика» в Научной библиотеке Тартуского государственного университета. С. 123—124; Файнштейн М. Ш. Иван Гейм и его роль в развитии книжного дела в России. С. 124—125; Библиотеки и читатель: Петраускене И. С. Обязательный экземпляр в Литве в XVI—XVIII вв. С. 126; Воронова Т. П. Личная библиотека П. П. Дубровского. С. 127—128; Хотеев П. И. Об одном из видов книгораспростра-

нения в России XVIII в.: (Книга как подарок). С. 128—129; Савкина Е. П. Издания Петербургской академии наук XVIII в. в отделе редкой книги Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника АН УССР. С. 129—130; Прокофьева Л. С., Шаркова И. С. Усадебная библиотека конца XVIII в. и ее культурное значение. С. 130—132; Глаголева О. Е. Публичные библиотеки в Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. С. 132—133; Колосова Г. И. Собрание книг А. В. Никитенко в фондах Научной библиотеки Томского университета. С. 133—134; Бондаренко П. М. Фонды библиотек как база для изучения распространения книг. С. 135—136; Мазуренко И. Д. Издания первой половины XIX в. в фондах Одесской государственной библиотеки им. А. М. Горького. С. 136—137; Дашкевич Л. А. Библиотека Высокского заводского училища Демидовых. С. 137—139; Шицкова Л. Б. Владельческие записи как возможный источник определения бытования книги: (По материалам коллекции ГПИБ). С. 139—140; Кашутина Е. С. Книжный знак и русский читатель XVIII — первой половины XIX в. С. 140—141; Аристов В. В. Личная библиотека Н. С. Арцыбашева. С. 142.

384. Шапарнева М. А., Зайцева А. А., Романовская Н. А. Система обязательного экземпляра за 200 лет // Сов. библиогр. 1985. № 3. С. 42—54.

385. Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт: Вопр. истории и практика применения / [Послел. В. В. Ефимова]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1985. 255 с.: ил.

386. Щапов Я. Н. Книга в кожаном переплете: [О поисках и изуч. рус., белорус. и укр. кн., попавших в различ. время за рубеж. Беседа со ст. науч. сотр. Ин-та ис-

тории СССР АН СССР Я. Н. Шаповым / Записала О. Плахотная] // Сов. культура. 1984. 10 нояб. С. 6.

* * *

387. Русская книга XX века в собрании Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Каталог / ...Музей кн. М., 1985. Вып. 5. Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова: Каталог / Сост. Л. М. Ельницкая, Г. А. Сусликова. 89 с.: ил.

* * *

388. Декабристы и книга // Декабристы и Сибирь: Библиогр. указ. / Сост. В. Л. Кензина и др. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 81—83.

См. № 234, 301, 315, 328, 329, 862, 863.

Книгоиздательское дело народов России

389. Апинис А. А. Книжное дело // Советская Латвия. Рига: Гл. ред. энциклопедий, 1985. С. 525—533 (Лит. сов. энциклопедия).

390. Ахвердян Р. С. Из истории грузинского книгопечатания в России // Ахвердян Р. С. Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей: (Худож. произведения авт.-грузин, изд. на рус. яз. в дореформенной России). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. С. 9—13.

391. Ахинжанова С. М. Из истории казахской печати накануне и в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. // Вопросы книговедения и истории казахской книги. Алма-Ата, 1985. С. 12—18.

392. Виллеруш В. Информационная функция типографских бумажных обложек латышских книг XIX века // Книги и книголюбь: К 100-летию б-ки Мисиньша, 1885—

1985. Рига: Зинатне, 1985. С. 146—159.— Латыш. Рез. рус.: С. 221—222.

393. Гаргасайте Д. Библиография литовских книг: / О подготовке к выпуску второго тома «Библиография Литовской ССР» (Серия А. Книги) // Науес книгос. 1985. № 8. С. 18—19.— Литов.

394. Гаргасайте Д. Из дополнений к библиографии литовских книг 1547—1861 гг. // Из закровов библиографии. Вильнюс, 1985. С. 101—114.— Литов.

395. Дугарова С. Б. Истоки бурятской книги (1839—1917 гг.) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 64—72.

396. Дятлов В. А., Коваленко А. Б., Половникова С. А. Из истории украинско-немецких культурных связей XVI—XVIII веков: (Нем. старопечат. кн. в Чернигове) // Вопр. герман. истории. Днепрпетровск, 1985. Вып. 13. С. 148—155.

397. Егоров Н. Е. Печать // Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 191—199.

398. Еркян В. С. Книгопечатание и периодическая печать // Еркян В. С. Армянская культура в 1800—1917 гг. Ереван: Советакан грох, 1985. С. 52—72.

399. Из истории библиотек Литвы: Темат. сб. науч. тр. / Гос. респ. б-ка Литов. ССР и др.; Сост. Ю. Тумялис. Вильнюс, 1985. 119 с.— Литов.

400. Исаев А. А. Изучение истории печатной книги в Дагестане // Тез. докл. Науч. сессии Дагест. филиала АН СССР (22—24 апр. 1985 г.): Обществ. науки. Махачкала, 1985. С. 13.

401. Касрадзе О. Древнегрузинские книги, напечатанные в Москве // Сабчота хеловнеба. 1985. № 9. С. 56—61.— Груз.

402. Каунас Д. Библиотека общества «Бируте» // Из истории библиотек Литвы. Вильнюс, 1985. С. 66—81.— Литов.

403. Каунас Д. Шилутская книга и библиотеки (до 1939 г.) // Книговедение. 1985. № 12, тетр. 1. С. 5—19.— Литов. Рез. рус., англ. яз.

404. Классен А. 350 лет книгопечатания в Таллине // Библиотека: Методика и информ., 1985, juuli. Таллин, 1985. С. 10—14.— Эст. Рез. рус.: С. 60—61.

405. Книги и книголюбы: К 100-летию б-ки Мисиньша, 1885—1985: [Сборник] / АН ЛатвССР, Фундам. б-ка; [Отв. ред. Э. Арайс] Рига: Зинатне, 1985. 223 с., 16 л. ил.—Латыш. Рез. рус.

406. Книжное дело в Эстонии, Латвии и Литве в XIX веке: Науч. конф. книговедов прибалт. республик. Рига, 15—17 окт. 1985 г. Тез. докл. / Гос. б-ка ЛатвССР им. В. Лавициса; Под ред. А. Апиниса. Рига, 1985. 78 с.

Содержж.: Фролова И. И. Изучение истории отечественного книжного дела в СССР. С. 3; Апинис А. Задачи и перспективы изучения истории книги XIX века в Прибалтике. С. 4—5; Миллер В. Основные черты развития эстонской книги в XIX веке. С. 5—8; Владимировас Л. Запрет печати в Литве (1861—1904), причины его введения и прекращения. С. 8—11; Урбелене В. Литовское книжное дело в XIX веке: (Стат. аспект). С. 11—16; Станене В. Тематические аспекты литовской книги первой половины XIX века (до 1861 года). С. 17—18; Лабренце Л. Латышские книгоиздатели Елгавы XIX века. С. 19—21; Яансон Э. Типографы Тартуского университета М. Г. Гренциус и И. Х. Шонман. С. 21—23; Лоосме И. Типографы Тартуского университета К. Г. Маттизен и К. Э. Маттизен. С. 23—25; Карулис К. Ф. Трейланд-Бривземниекс и латыш-

ская книга. С. 25—26; Зандерс О. «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края» Кришьяниса Барона (1868). С. 26—28; Юргутис В. Латышские книги в историко-библиографических трудах Юргиса Плетериса (1810—1856). С. 28—31; Гаргасайте Д. Литовские буквари в XIX веке: (Издание и распространение). С. 31—34; Аннус Э. Эстонские календари в XIX веке. С. 34—36; Круминя Г. Научная и научно-популярная книга на латышском языке в 50-е—60-е годы XIX века. С. 36—38; Карма Т., Паатен В. Первый латышский географический атлас и его эстонский предшественник. С. 38—39; Скродянис С. Издание фольклора в Литве в XIX веке. С. 40—42; Клекере И. Издание песенных листов на латышском языке в XIX веке. С. 42—44; Лимане Л. Представитель латгальской рукописной книги Анриже. С. 44—45; Вилкс А. Торговля латышскими книгами вразнос в XIX веке. С. 45—47; Вихма Х. Деятельность Ф. Р. Крейцвальда по распространению эстонской книги. С. 47—49; Вишка Я. Национальное движение за создание латышских библиотек (1848—1884). С. 50—51; Муст Ю. Сельские библиотеки в Южной Эстонии в конце XIX в.: (По арх. материалам волостных правлений). С. 51—54; Ярвелаид П. Университетские библиотеки в свете законодательства об университетах в начале XIX века. С. 54—56; Ранд М. Собрание М. А. Лесток (1720—1808)— первый дар библиотеке Тартуского университета. С. 56—58; Хассон Э. Использование литературы по разделу Baltica в библиотеке Тартуского университета в 1802—1812 гг. С. 58—61; Канцлерис А. Вильнюсская библиологическая школа в первой половине XIX века. С. 61—63; Апинис А. Чтение в латышском обществе в первой полови-

не XIX века. С. 63—64; Лукошенене Л. Вильнюсская школа искусств (1797—1838) и книжная графика. С. 65—66; Корсакайте И. Первые иллюстрации литовских детских книг. С. 66—68; Виллерушс В. Переплеты с скобками на книгах курземских крестьян. С. 69—70; Шишко С. Издания XIX века в сводном каталоге латышских старопечатных изданий. С. 71—72; Вилионите В. Латышские книги XIX века в библиотеках Литовской ССР. С. 72—73.

407. Ковальский Н. П. Острог как политико-административный, экономический и культурный центр XVI в. // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 49—56.

408. Конференция по эстонскому книговедению, 12-я. Тарту, 1985: Тез. докл. Тарту, 1985. 51 с.— В надзаг.: АН ЭССР, Лит. музей им. Крейцвальда.— Эст.

409. Кяупа З. Книжные собрания каунасцев XVI—XVIII вв. // Из истории библиотек Литвы. Вильнюс, 1985. С. 5—12.— Литов.

410. Лааст А. 350-летие первого печатного издания в Таллине // Полиграфист. 1985. № 1. С. 1—2.— Эст.

411. Лоосме И. Литератор периода национального движения в роли издателя // Яз. и лит. 1984. № 7. С. 412—423.— Эст.

412. Мацюк О. Я. К истории Острожской бумажной мельницы // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 144—148.

413. Молдавская книга: Ее прошлое, настоящее, будущее / Добр. о-во любителей кн. МССР; [Авт.-сост. В. С. Кириак]. Кишинев: Тимпул, 1985. 83 с.: ил.

414. Мыльников А. С. Важный источник по истории межславянских литературных связей // Рус. лит. 1985. № 3. С. 213—216.

415. Мыцко И. З. Острожский культурно-просветительный центр //

Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 57—65.

416. Наниташвили Л. К. Работы грузинской книги. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. 158 с.: ил.— Груз.

417. Нарбутас С. Книги Литвы XVII в. на латинском языке и барочная литература Литвы // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 156—179.— Литов.

418. Парубий В. Пока не застыла заря: Малоизв. страницы истории возникновения прессы на Украине // Жовтень. — 1985. — № 2. — С. 101—109.— Укр.

419. Паславский И. В. К вопросу о философских взглядах деятелей Острожской академии: (Идеи неоплатонизма в произведениях Василия Сурожского и Клирика Острожского) // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 76—83.

420. Путриня В. Все о книге: [О постоян. выст. «История латыш. кн.» в Гос. б-ке им. В. Лациса. Рига] // Сов. Латвия. 1985. 12 марта.

421. Роберт К. О развитии печатного дела в Таллине, 1634—1917 гг. // Полиграфист. 1985. № 2. С. 10—14; № 3. С. 19—25.— Эст.

422. Рочка М. Латинская книга Литвы // Учен. зап. вузов ЛитССР. Лит. — 1985. № 27. С. 24—28.— Литов. Рез. рус., англ.

423. Рочка М. О литовских книгах конца XV в. и начала XVI в. // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 137—155.— Литов.

424. Санцевич А. В. Уникальные свидетельства о древности: [Рец. на кн.: См. № 414] // Укр. ист. журн. 1985. № 9. С. 154—155.— Укр.

425. Сихарулидзе П. Грузинская первопечатная книга в Москве // Лит. Грузия. 1985. № 4. С. 199—205.

426. Сквирская Л. М. Борьба издателей Киева в конце XIX — в начале XX в. за украинскую демо-

кратическую прессу // Журналистика: Пресса, телевидение, радио. 1985. Вып. 17. С. 94—105.— Укр.

427. Скродянис С. Литуаника из наследия финской писательницы Майлы Тальвио (1871—1951) // Библиотеку дарбас. 1985. № 2. С. 30—32.— Литов.

428. Степовик Д. В. Острожские издания Ивана Федорова и формирование титульного листа украинской старопечатной книги // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 138—144.

429. Турладжян Б. М. Армянское книгопечатание в Османской империи и вклад армян в развитие турецкой печати // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Ереван, 1985. С. 98—115.— Арм. Рез. рус.

430. Урбеленене В. Статистика литовских книг 1547—1861 гг. // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 115—136.— Литов.

431. Фейгельманас Н. О провинциальных изданиях книг Вильнюсского университета XV—XVII вв. и их научном значении // Из истории библиотек Литвы. Вильнюс, 1985. С. 5—12.— Литов.

432. Чяпите Ю. А. [Рец. на кн.: Жукас В. История литовской библиографии. Вильнюс: Мокслас, 1983. Ч. 1. До 1940 года. Литов.] // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 75—78.

* * *

433. Библиография истории библиотек Эстонии до 1917 г. / Гос. б-ка ЭССР им. Фр. Р. Крейцвальда; [Сост. К. Вескимяги]. Таллин, 1985. Ч. 2. 190 с.: ил.— Эст., рус.

434. Библиография книг на турецком языке, написанных армянскими буквами (1727—1968) / Сост. А. А. Степанян. Ереван, 1985. 277 с.

435. Библиография Литовской ССР / Кн. палата ЛитССР, Гос. респ. б-ка ЛитССР, Науч. б-ка

Вильн. гос. ун-та им. В. Капсукаса и др.; [Отв. ред. А. Лукошюнас]. Вильнюс: Минтис, 1985. Т. 2. 1862—1904. Кн. 1: А—П [Сост. Э. Бинките и др.; Авт. вступ. ст. Л. Владимировас]. 957 с.: ил.— Литов. Предисл. парал.: литов., рус.

435а. Печать // Белоруссия в печати XVII столетия: Библиогр. указ. на иностр. яз. / Сост. М. Василевская. Минск, 1985. С. 31—32.

435б. Печать // Белоруссия в печати XVIII столетия: Библиогр. указ. на иностр. яз. / Сост. М. Василевская. Минск, 1985. С. 180—185.

См. № 226, 381, 383, 386, 606, 876, 949, 954.

История издательств

436. Бивите С. Издания Литовского литературного общества, [1880—1912 гг.] // Книговедение. 1985. № 12, т. 1. С. 30—43.— Литов. Рез. рус., нем.

437. Буторов А. В подполье: [О музее «Подпольная типография ЦК РСДРП 1905—1907 годов». Москва] // Огонек. 1985. № 4. С. 8.

438. Выставка «Л. Н. Толстой и издательство «Посредник» // Сов. библиогр. 1985. № 3. С. 78—79.

439. Гайворонская Р. Ориентир памяти: [О работе подпол. большевист. типографии. Баку, 1906—1907 гг.] // Бакин. рабочий. 1985. 31 янв.

440. Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сб. документов / АН СССР, Архив, Гос. рус. музей; Сост. М. А. Алексеева и др.; Отв. ред. Б. В. Левшин. Л.: Наука, 1985. 293 с.: ил.

441. Гусева А. А. Оформление изданий Симеона Полоцкого в Верхней типографии (1679—1683 гг.) // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 457—475 (Тр. Отд. древнерус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР; Т. 38).

442. Иникова С. А. Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина (1883—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1985. 22 с.
443. Кальвик М. А. Из истории развития эстонской книги. Издательское дело Общества эстонской литературы: [1907—1940 гг.] / Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1985. 52 с.—Эст.
444. Каменева О. Возвращение в легенду: [О музее «Подпол. типография ЦК РСДРП (1905—1906 гг.)». Москва] // Гудок. 1985. 8 нояб.
445. Клестов-Ангарский Н. С. В начале века: [Воспоминания о работе в петерб. изд-ве «Зерно», 1907—1908 гг.] / Вступ. ст. и публ. М. Ангарской // Нева. 1985. № 1. С. 179—181.
446. Кондриков Б. В. Печатная пропаганда Омского комитета РСДРП среди крестьян в революции 1905—1907 гг. // Революция 1905—1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: Тез. науч. конф., посвящ. 80-летию революции 1905—1907 гг. в России. Омск, 1985. С. 105—109.
447. Копанев А. И. К 150-летию археографической комиссии // Вспомогат. ист. дисциплины. 1985. Т. 16. С. 329—340.
448. Котрелев Н. В. Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 68—133.
449. Курбатова И. Н. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» и ее оценка В. И. Лениным // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 60—74.
450. Кусов В. От «Изборника Святослава» до «Железных дорог России»: [О Картографическом изд-ве А. Ильина] // В мире книг. 1985. № 4. С. 73—74.
451. Лисецкий А. М. Оценка деятельности первой в России подпольной типографии ленинской газеты «Искра» // Историография истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1985. С. 17—27.
452. Михайлина А. В. Возникновение Иверской типографии и ее деятельность // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научно-исследовательской работы Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 1984 г. (22 апр. 1985 г.) и конференции молодых специалистов библиотеки (15 апр. 1985 г.). М., 1985. С. 105—107.
453. Новикова Т. Н. «Посредник» и его читатель // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 103—111.
454. «Первое большевистское...»: (К истории возникновения и деятельности первого большевист. «Изд-ва социал-демокр. парт. лит. В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина») / Всесоюз. добр. о-во любителей кн.; [Авт.-сост. В. П. Морозова]. М., 1985. 24 с.
455. Рощевская Л. П. Члены «Общества переводчиков и издателей» в западносибирской ссылке // Ссыл. революционеры в Сибири. 1985. Вып. 9. С. 71—81.
456. Строганова Н. П. Подпольная типография ЦК РСДРП в Москве // Шк. и пр-во. 1985. № 11. С. 19—22.
457. Тимошенко М. И. А. Блок и Вяч. Иванов в издательстве «Мусагет» // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология. 1985. № 3. С. 15—16.
458. Филиппов Н. Г. Издательская деятельность научно-техниче-

ских обществ дореволюционной России // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 109—128.

459. Хартанович М. Ф. Петербургская археографическая комиссия как научное учреждение, 30—90-е годы XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1984. 17 с.

460. Черников А. П. И. А. Бунин и литературный процесс начала XX века (до 1917 года). Л., 1985. С. 112—122.

461. Четин В. Е. Из истории нелегальных социал-демократических типографий Урала. Бишкильская типография // Борьба классов и партий на Урале в период империализма. Пермь, 1985. С. 20—28.

* * *

462. Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1985 (Свод. кат. и описание старопеч. изд. кириллов. и глаголич. шрифтов).

[Вып. 15]. Описание изданий Невскийской типографии Василия Тяпского / [Сост. Ю. А. Лабынцев]. 68 с.: факс.

См. № 205, 367, 383, 724.

История изданий отдельных видов литературы

463. Автократова М. И., Долгова С. Р. К истории издания и распространения первой московской Библии: (Острож. Библия ЦГАДА—набор. экз. для Библии 1663 г.) // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 168—171.

464. Алексеев А. А. Песнь песней в Острожской Библии. Состав и источники текста // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 116—124.

465. Аннинский Л. Прижизненные и посмертные приключения

механика Гуго Пекторалиса в России: Из истории лесков. текстов // Новый мир. 1985. № 8. С. 236—244.

466. Аннинский Л. Скитанье «Соборян»: [Из истории изд. романа Н. С. Лескова] // Октябрь. 1985. № 3. С. 192—202.

467. Апанович Е. М. Полемиические записи на полях харьковского экземпляра Острожской Библии // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 172—178.

468. Апинис А. Философская поэма Я. Ругенса «Сказание об Иове» и ее первоисточник // Книги и книголюбь: К 100-летию 6-ки Мисиньша, 1885—1985. Рига: Зинатне, 1985. С. 123—132. — Латыш. Рез. рус. С. 219.

469. Базанова Л. Э., Фундаминский М. И. Материалы газеты «Санктпетербургские ведомости» во владельческих конволютах XVIII века // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 113—126.

470. Будинайте С., Матулайтите С. Новые данные по истории издания календарей в Литве (XVII—XVIII вв.) // Библиотеку дарбас. 1985. № 12. С. 29—30. — Литов.

471. Бычков С. История истины: [Из истории издания кн. А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»] // Моск. комсомолец. 1985. 11 янв.

472. Бычков С. Путь к тайне: [Рец. на кн.: Книги, открывающие мир. М.: Книга, 1984] // Моск. комсомолец. 1985. 4 сент.

473. Ватейшвили Д. Л. Первопечатная грузинская Библия 1743 г. в ее связи со славянскими Библиями // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 179—190.

474. Везирова Л. А. «Около книг»: [К истории изд. кн. Н. А. Рубакина «Среди книг»] // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 159—162.

475. Вийрес А. Поваренные книги как памятники истории культуры // Яз. и лит. 1985. № 3. С. 158—166.— Эст.
476. Вишневецкая В. А. Книга русского путешественника по странам Востока: [О кн. Ф. Ефремова «Странствования»] // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 146—150.
477. Владимиров Л. И. Издания и переводы Библии в идеологической борьбе в Великом княжестве Литовском // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 34—48.
478. Гаранина С. П. Естественнаучная книга в России (включительно до XVIII в.): Учеб. пособие / Моск. гос. ин-т культуры. М., 1985. 63 с.
479. Глухов А. Г. Первый вполне научный библиографический труд [«Оглавление книг, кто их сложил», созданный в 1665 г. в Москве Сильвестром Медведевым] // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 59—60.
480. Голубева Т. В. Из истории распространения наследия Н. А. Некрасова в дореволюционном Туркестане // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 4. С. 69—74.
481. Горфункель А. Х. Историко-культурное значение первопечатных Библий: (Острож. Библия в контексте европ. культуры) // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 66—76.
482. Гриханова Г. «Землянка» Василия Каменского: [Спб.: Обществ. польза, 1911] // Кн. обозрение. 1985. 19 июля. С. 16.
483. Динерштейн Е. Е. Издание в России сочинений декабристов в 60—70-е годы XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 67—84.
484. Динерштейн Е. Судьба записок С. Г. Волконского: К 160-летию восстания декабристов // В мире книг. 1985. № 12. С. 48—50.
485. Долгова С. Р. ЦГАДА — 800-летию «Слова о полку Игореве» // Сов. архивы. 1985. № 6. С. 58—62.
486. Жуковская Л. П. Некоторые замечания об орфографии Острожской Библии // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 103—109.
487. Залыгин С. «Гоголевский вопрос»: [Рец. на кн.: Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души»: писатель — критика — читатель. М.: Книга, 1984] // Лит. газ. 1985. 16 янв. С. 6.
488. Зуев Д. Просветительские традиции Ивана Федорова в советском учебном книгоиздании // Нар. образование. 1985. № 9. С. 81—82.
489. Иванова Е. Наука в печати: [Рец. на кн.: Лазаревич Э. А. С веком наравне: Популяризация науки в России: Книга. Газета. Журнал. М.: Книга, 1984] // Распространение печати. 1985. № 6. С. 31.
490. Иванова Р. «Людам всякого звания»: [Рец. на кн.: см. № 489] // В мире книг. 1985. № 9. С. 86.
491. Иерусалимский Ю. Ю. Нелегальная печать большевиков Верхнего Поволжья в первой российской революции (1905—1907 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 1984. 25 с.
492. Иерусалимский Ю. Ю. Техника большевистского подполья в период первой русской революции (по материалам Владимирской и Ярославской губерний) // Актуальные проблемы советской исторической науки: Тез. докл. и сообщ. Ярославль, 1984. Ч. I. С. 25—27.
493. Исаевич Я. Д. Острожская Библия как памятник межславянских культурных связей // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 12—23.
494. Калнача Б. Еще раз о Струвелпетере и Пинку Мике: [Издание дет. кн. Я. Райниса] // Еже-

годник Райниса. Рига, 1985. С. 59—66.— Латыш.

495. Кара-Мурза Е. С. Больше-вистские листовки в первой русской революции: К 80-летию революции 1905 г. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 6. С. 526—534.

496. Касымова А. Г. Туркестанский сборник [В. И. Межова]. Ташкент: Узбекистан, 1985. 49 с.: ил.

497. Кельнер В. Е. «Народная энциклопедия» Александра Стронина: (Из истории книж. дела 70-х гг. XIX в.) // История СССР. 1985. № 6. С. 120—127.

498. Кислягина Л. Г. [Рец. на кн.: Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983] // История СССР. 1985. № 6. С. 166—168.

499. Ковсан М. Приближение к оригиналу: Из истории пер., изуч. и изд. «Слова» на Украине // В мире книг. 1985. № 9. С. 46—48.

500. Кольцова Т. М. Первые литографии // Патриот Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 204—212.

501. Комелова Г. Н. Серия гравированных видов окрестностей Петербурга начала XIX века: (К истории гравировально-ландшафтного класса Акад. художеств) // Культура и искусство России XIX века: Новые материалы и исслед. Л.: Искусство, 1985. С. 19—30.

502. Кондриков Б. В. Печатная пропаганда Омского комитета РСДРП среди крестьян в революции 1905—1907 гг. // Революция 1905—1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: Тез. науч. конф., посвящ. 80-летию революции 1905—1907 гг. в России. Омск, 1985. С. 105—109.

503. Круминьш О. К. Революционные листовки социал-демократии Латвии как исторический источник, 90-е гг. XIX в. — 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук /

Вильн. гос. ун-т им. В. Капсукаса. Вильнюс, 1985. 19 с.

504. Крысова Г. Ю. Местные издания РСДРП в системе большевистской прессы: (На материалах Владимир., Вят. и Перм. губерний в годы первой рус. революции 1905—1907 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1984. 24 с.

505. Куузик Э. Нелегальная революционная печать в Эстонии в начале XX века // Коммунист Эстонии. 1985. № 3. С. 59—62.— Эст.

506. Лабынцев Ю. А. Острожская Библия в перепечатке 1914 г. // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 197—203.

507. Лимане Л. Робинзонада и повесть о Женевьеве (Геновеве) в истории латышской книги // Книги и книголюбы: К 100-летию б-ки Мисиньша, 1885—1985. Рига: Зинатне, 1985. С. 138—145.— Латыш. Рез. рус. С. 220—221.

508. Лотман Ю. М. Об альманахе пушкинской поры // Декор. искусство СССР. 1985. № 6. С. 29.

509. Макеев Н. Я. Из истории издания и распространения большевистских листовок и брошюр на азербайджанском языке накануне и в период первой российской революции 1905—1907 годов // Вопросы истории Азербайджана кануна и периода первой русской революции: (К 80-летию первой рус. революции). Баку, 1985. С. 85—110.

510. Манелис Э. Из библиотечных фондов научного книговедения ЛитССР: об историческом словаре Л. Норери // Из закров библиографии. Вильнюс, 1985. С. 96—100.—Литов.

511. Матулайтите С. Первые издания Вильнюсского университета по астрономии // Книговедение. 1985. № 10, тетр. 1. С. 32—39.— Литов. Рез. рус., англ.

512. Мыльников А. С. Острожская Библия и некоторые аспекты

этнокультурного развития славянских народов в XVI в. // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 23—34.

513. Назар В. Кантемириана в Республиканском литературном музее «Дмитрий Кантемир» // Нистру. 1985. № 2. С. 136—143.— Молд.

514. Назина И. Д. Музыкальная информация в Библии Франциска Скорины // Памятники культуры: Новые открытия. Минск: Наука и техника, 1985. С. 133—136.— Белорус.

515. Немзер А. Счастливые поиски: [Рец. на кн.: см. № 487] // Лит. обозрение. 1985. № 3. С. 61—63.

516. Немировский Е. Л. Иллюстрированный экземпляр Острожской Библии 1581 г. с рукописными дополнениями // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 439—450 (Тр. Отд. древнерус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР; 38).

517. Немировский Е. Л. Острожские издания Ивана Федорова — выдающиеся памятники восточнославянской культуры // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 5—12.

518. Овсепян Р. Тогда, 80 лет назад...: [Изд. деятельность большевиков в 1904 г.] // Распространение печати. 1985. № 1. С. 28—29.

519. Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальну повесть сохранить...»: Об авт. и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1985. 303 с.: ил. (Судьбы книг).

520. Острой О. С. Русские сюжетные словари XVIII и первой половины XIX века // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 140—158.

521. Пирцхелайшвили Р. В. Первый печатник поэмы «Витязь в барсовой шкуре» — Микел // Изв.

АН ГССР. Сер. яз. и лит. 1984. № 3. С. 108—127.— Груз. Рез. рус.

522. Пуцко В. Г. Острожская Библия и некоторые принципы художественного оформления русской рукописной книги // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 125—128.

523. Пшеничная Т. А. Русская техническая книга, 1725—1800 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ин-т культуры. М., 1984. 16 с.

524. Пылдмяэ Р. Материалы о возникновении и распространении I части «Книги школьного чтения» Якобсона (1867) // Пылдмяэ Р. О судьбах и работах К. Р. Якобсона. Таллин, 1985. С. 133—147.— Эст.

525. Раун В. Четыреста пятидесятилетний юбилей: / О Катехизисе 1535 г., сост. в Таллине С. Вандартом и И. Козлом // Культура и жизнь. 1985. № 12. С. 29—32.— Эст.

526. Самедова Л. Один из самых любимых: К истории распространения чехов. наследия в Азербайджане // Лит. Азербайджан. 1985. № 1. С. 103—105.

527. Сапунов Б. В. Острожская Библия в русских библиотеках конца XVI—XVII в. // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 160—167.

528. Сидоренко И. Издана в Самарканде: [Об изд. «Программы Российской социал-демократической рабочей партии» в тип. газ. «Самарканд»: 1906 г.] // Правда Востока. 1985. 21 нояб.

529. Соколов Н. П. Литературные сборники в помощь голодающим в 1891—1892 гг. // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 151—155.

530. Соловьева И. Д. К вопросу о художественном оформлении старопечатных напрестольных Евангелий // Взаимодействие древнерусской литературы и изобрази-

тельного искусства. Л.: Наука, 1985. С. 451—456 (Тр. Отд. древнерус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР; 38).

531. Сосновская Л. П. Печать сибирских организаций РСДРП в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917) // Деятельность В. И. Ленина и местных партийных организаций в годы первой мировой войны. Пермь, 1985. С. 137—150.

532. Сусликова Г. А. Автоинтерпретация произведений литературы средствами книжного дела (на примере прижизненных изданий русских поэтов начала XX в.) // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научно-исследовательской работы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 1984 г. (22 апр. 1985 г.) и конференции молодых специалистов библиотеки (15 апр. 1985 г.). М., 1985. С. 110—111.

533. Терещенко А. Г. Распространение программы РСДРП на Дону, Кубани и в Ставрополье (1903—1907 гг.) // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высшей шк. Обществ. науки. 1985. № 3. С. 14—18.

534. Тищенко И. Первые публикации мелиса: [Об изд. седьмого вып. «Белорус. сб.» Е. Р. Романова. Вильно, 1910] // Искусство Белоруссии. 1985. № 3. С. 68—70.— Белорус.

535. Травушкин Н. С. Исторические судьбы рассказа А. М. Горького «Весенние мелодии» // Сов. архивы. 1985. № 4. С. 74—76.

536. Тумялис Ю. Г. Некоторые экземпляры Острожской Библии в книгохранилищах Литвы // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 203—204.

537. Тюличев Д. В. Московские подписчики «Санктпетербургских ведомостей» в середине XVIII века // Книга и ее распространение

в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 100—112.

538. Федорова В. И. Памятник русского книжного искусства 1840-х годов «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей дан л'Этранже» [Спб., 1840—1844] // Культура и искусство России XIX века: Новые материалы. Л., 1985. С. 54—62.

539. Фонкич Б. Л. Греческие тексты Острожской Библии // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 110—116.

540. Черненко Г. «Петербург, Загородный, Венгеру»: [О письме К. Э. Циолковского С. А. Венгеру в связи с изд. «Предварительного списка русских писателей и ученых и первые о них справки». 1913 г.] // Наука и жизнь. 1985. № 11. С. 53—55.

541. Чернышова Н. К. Деятельность красноярского кружка по изучению края. «Енисейская губерния» А. П. Степанова (20—30-е гг. XIX в.) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 3—18.

542. Черняков Б. И. Изобразительная печатная пропаганда предшественников революционного марксизма в России // Журналистика. 1985. Вып. 17. С. 147—161.

543. Читаури Н. Л. Вопросы истории издания сочинений Ильи Чавчавадзе: (Сравн.-текстол. анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т груз. лит. им. Ш. Руставели АН ГССР. Тбилиси, 1985. 26 с.

544. Читаури Н. Л. Из истории издания публицистического наследия И. Чавчавадзе // Тезисы докладов Республиканской научной конференции молодых ученых филологов и аспирантов. Тбилиси, 1984. С. 66—67.— Груз.

545. Чукасян Б. Л. Дата издания «Парзатумара» // Вестн.

Матенадарана. 1984. № 4. С. 240—241.— Арм. Рез. рус., англ.

546. Шамрай М. А. Острожская Библия в фондах ЦНБ АН УССР // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 205—208.

547. Шаталина Н. Н. Об истории создания миниатюрных сборников «Розовый букет» и «Букет цветов» [Спб.: тип. Сахарова, 1839] // Проблемы формирования и раскрытия фондов Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1985. С. 101—106.

548. Шматов В. Ф. Орнаментальные украшения Острожской Библии // Федоровские чтения, 1981. М.: Наука, 1985. С. 129—137.

549. Шоломова С. Под номером 470: [О ред. изд. кн. «Раздумья: Разные варианты на старые темы» (М., 1870), хранящейся в Харьк. гос. науч. б-ке им. В. Г. Короленко] // Кн. обозрение. 1985. 28 июня. С. 16.

550. Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело / Отв. ред. Канделаки. М.: Наука, 1985. 159 с., 4 л. ил. (Сер. «Литературоведение и языкознание»).

551. Яровой И. В. Издательская база большевиков Дона в период революции 1905—1907 гг. // Из истории революционного движения рабочих Дона и Северного Кавказа (1901—1917 гг.) Ростов н/Д., 1984. С. 13—21.

* * *

552. Большевицские листовки в Днепропетровском историческом музее, 1898—1923: Каталог / Сост. С. В. Абросимова; Под общ. ред. Л. К. Дешко; Центр. музей революции СССР, Днепропетр. ист. музей им. Д. И. Яворницкого. М., 1985. 67 с.

553. Государство и право в XVIII веке: (Изд. 1725—1800 гг.) / Гос.

публ. ист. б-ка; [Сост. Н. Ф. Чернышова]. М., 1985. 32 с.

554. Искусство в XVIII веке: (Издания 1725—1800 гг.) / Гос. публ. ист. б-ка; [Сост. Н. Ф. Чернышова]. М., 1985. 13 с.

555. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701—1800 / АН СССР, Б-ка; [Сост. Е. А. Савельева и др.] Л.: Наука, 1985. Т. 2. Н—R. 390 с.

556. Слово о полку Игореве: К 800-летию: Выст. кн., графики и документов из собр. С. Воинова / Сост., авт. ст. С. С. Воинов; Перм. обл. краевед. музей, Перм. обл. отд-ние ВООПИК. Пермь, 1985. 95 с.: ил.

См. № 36, 205, 744.

История книги и книгоиздательского дела советского периода

557. Алянский Ю. Л. Книги, дарившие жизнь: [О кн., выпущ. в годы блокады Ленинграда] // Алянский Ю. Л. Театр в квадрате обстрела. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Искусство, 1985. С. 153—166.

558. Бут Н. Частица нашей истории: [О выст. «Кн. сражается». Москва] // Гудок. 1985. 2 мая.

559. В едином строю: [О кн. деле в годы Великой Отеч. войны] // Сов. библиогр. 1985. № 1. С. 3—8.

560. Ванюков М. С. Издано в годы войны: Блокадная хроника [Ленинграда] // Кн. обозрение. 1985. 7 мая. С. 11.

561. Варецкий Б. И. У истоков советской печати. М.: Мысль, 1985. 159 с.

562. Гаранина О. Книга звала в бой // Библиотекарь. 1985. № 5. С. 2—3.

563. Голубцова Р. И. Публикация источников по истории классово-борьбы и революционного движения и развитие советской историографии на Урале (1917—се-

редина 30-х годов) // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 108—131.

564. Гусева Э. Из детства, из блокадных дней // В мире книг. 1985. № 3. С. 10—12.

565. Жебрак Е. Е. Книга и чтение на Дальнем Востоке в период строительства социализма (1922—1941 гг.) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 126—146.

566. Жигулев А. Храню на особой полке: [О кн., вышедших в годы Великой Отеч. войны. По материалам лич. б-ки] // В мире книг. 1985. № 5. С. 74—75.

567. Иванова Л. В. На выставке «Книга сражается»: [Москва, апр. 1985] // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 137—140.

568. Из резолюции пленума губернского комитета РКП(б) об улучшении печати в губернии. 11 окт. 1923 г. // Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Док. и материалы. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. Ч. 1. 1917—1928 гг. С. 230—231.

569. Илизаров Б. С. [Рец. на кн.: История книги в СССР, 1917—1921. Т. 1. М.: Книга, 1983] // История СССР. 1985. № 4. С. 179—181.

570. Илизаров Б. С. Печать, издательское дело, радио // Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917—1927. М.: Наука, 1985. С. 190—202.

571. История книги в СССР, 1917—1921: [В 3 т.] / Науч. совет по истории мировой культуры АН СССР, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Всесоюз. кн. палата, Всесоюз. о-во любителей кн.; Гл. ред. М. П. Ким. М.: Книга, 1985. Т. 2 / [Л. А. Левеншус, В. А. Андреев-Станкевич, Г. А. Бахтурина и др.];

Под общ. ред. Е. Л. Немировского, В. И. Харламова. 287 с., 8 л. ил.

572. Кириллова И. Сражающаяся книга // Кн. обозрение. 1985. 5 апр. С. 14.

573. Киркевич В. Неопалимые страницы: [О кн. деле в годы Великой Отеч. войны] // Київ. 1985. № 5. С. 161—162.—Укр.

574. Книга жила, книга сражалась: [Сов. лит. в годы Великой Отеч. войны. По материалам арх. Сов. Информбюро] / Публ. подгот. С. Красильщик // В мире книг. 1985. № 5. С. 57—60.

575. Крестьянникова Е. К. Организация и тенденции развития книгоиздания в РСФСР в 30-е годы // Актуальные проблемы патристического и интернационального воспитания трудящихся средствами культуры и искусства: Тез. к Всесоюз. конф. Казань, 1985. С. 166—167.

576. Мазурицкий А. Читающая армия // Библиотекарь. 1985. № 2. С. 27—28.

577. Маретин Ю. В. Сражающаяся книга: Кн. и брош., изд. в Ленинграде в период войны // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 97—119.

578. Михайлов К. Когда строки сражаются: [О выст. «Кн. сражается». Москва] // Сов. Россия. 1985. 9 апр.

579. Мишина И. И строки наступали: [О выст. «Книга сражается». Москва] // Правда. 1985. 17 марта.

580. Нарыжная С. М. Дальневосточные издания периода борьбы за установление Советской власти (1917—1922 гг.) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 105—125.

581. Нарыжная С. М. Книга и чтение в годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке

(1917—1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1985. 16 с.

582. Насыров Т. М. Деятельность центральных издательств СССР в Казани (1941—1943 гг.) // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 50. С. 120—126.

583. Насыров Т. Мобилизующая сила книги: [1941—1945 гг.] // Коммунист Татарии. 1985. № 5. С. 65—69.

584. Огрызко В. Из истории магаданской книги [30—80-е гг. XX в.] // На Севере дальнем. 1985. № 2. С. 29—35.

585. Пайчадзе С. Последняя книга войны: [О кн. деле на Дальнем Востоке в 1945 г.] // В мире книг. 1985. № 9. С. 13—14.

586. Поздеева И., Самсонов А. Книга грозных лет: [Обзор выставки «Книга сражается»] // Коммунист. 1985. № 17. С. 122—126.

587. Посадсков А. Л. Книжный репертуар Сибири 20-х гг.: Пробл. восстановления и изучения // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 87—104.

588. Рабинович В. У истоков советской книги: [Рец. на кн.: Подгорнова Л. И. Советское книгоиздание в 20-е годы: Ист.-правовые исслед. М.: Наука, 1984] // В мире книг. 1985. № 1. С. 76—77.

589. Седов К. И. [Рец. на кн.: см. № 588] // Вопр. истории. 1985. № 5. С. 122—123.

590. Сражающаяся книга / Добр. о-во любителей кн. РСФСР; [Авт.-сост. К. Ляско]. М.: Сов. Россия, 1985. 31 с.: ил.

591. Толстой Г. Д. Полиграфия в годы Великой Отечественной войны // Полиграфия и изд. дело. 1985. № 21. С. 3—8.— Укр.

592. Хлевнюк О. В. [Рец. на кн.: см. № 588] // История СССР. 1985. № 4. С. 181—182.

593. Черняк А. Я. Книга в годы Великой Отечественной войны // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 4—19 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

594. Чудова Г. Книга в войне // Вятка: Краевед. сб. 1985. Вып. 7. С. 132—139.

* * *

595. «Дорогая моя столица»: Выст. изд. периода Великой Отеч. войны из лич. собр. моск. книголюбов: [Книга. Графика. Плакат]: Каталог / Центр. гор. публ. б-ка им. Н. А. Некрасова, Моск. гор. орг. Добр. о-ва любителей кн. РСФСР и др.; [Вступ. ст. Г. Д. Комкова]. М., 1985. 61 с., ил.

596. Каталог выставки миниатюрной книги «Победа—1945» / Перм. обл. орг. ДОК РСФСР и др.; [Предисл. И. Я. Дюдина, В. Н. Крутова]. [Пермь, 1985]. 36 с.

597. Книга сражается: (Книги, плакаты, графика времени Великой Отеч. войны из лич. б-к и собр.): [Выставка] / Правл. Добр. о-ва любителей кн. РСФСР. М., 1985. 30 с.

598. 40 лет Великой Победы: Выст. миниатюр. кн., посвящ. 40-летию Победы сов. народа в Великой Отеч. войне: Каталог / Волын. обл. краевед. музей и др.: [Предисл. Г. Мудрика, М. Радулевича]. Луцк, 1985. 30 с.: ил.

См. № 376, 378, 384, 387.

Книгоиздательское дело
союзных республик

599. Аннакурдов М. Д. Печать Туркменистана в годы Великой Отечественной войны. Ашхабад: Туркменистан, 1985. 346 с.: ил.— Туркм.

600. Беткенбаева Ш. К. Возникновение и развитие книгоиздательского дела в Казахстане на фоне культурной революции // Вопросы книговедения и истории казахской книги. Алма-Ата, 1985. С. 4—11.
601. Досумбаева Б. С. Книга в советском обществе // Вопросы книговедения и истории казахской книги. Алма-Ата, 1985. С. 37—45.
602. Жямайтите М. Зеркало печати времен Великой Отечественной войны: [О вып. лит. на литов. яз. в 1941—1944 гг.] // Библиотеку дарбас. 1985. № 3. С. 12.—Литов.
603. Замлинский В. А., Сорока Ю. Н. Источниковая база партийных архивов по истории возрождения и деятельности печати западных областей УССР в 1944—1945 гг. // Архивы Украины. 1985. С. 48—51.—Укр.
604. Из докладной записки Управления по делам полиграфии и издательств при Совнарком УССР Центральному комитету КП(б)У о восстановлении полиграфических предприятий республики. Не ранее сент. 1944 г. // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: Док. и материалы. Киев: Наук. думка, 1985. Т. 3. С. 368—370.
605. Из итогов выполнения плана развития народного хозяйства и культуры МАССР о выпуске печатной продукции и приобретении полиграфического оборудования. 1950 г. // Культурное строительство в Марийской АССР: Сб. док. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. Кн. 2. С. 72—73.
606. Каримуллин А. Г. Книги и люди: Исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 303 с., 1 л. портр.
Содерж.: Усманов М. А. Верность теме. С. 3—7; Ч. 1. Книги: Первые советские татарские книги Москвы. С. 8—39; Центральное восточное издательство и его книги на татарском языке. С. 39—59; Издательство «Нәшрият». С. 59—85; Татарские книги Центрального издательства народов СССР. С. 85—116; Татарская книга Советской Башкирии. С. 116—134; Издательства «Гасыр» и «Яна китап». С. 135—171; Татарско-казахские книгоиздательские связи. С. 171—207; Из истории студенческих библиотек Казанского университета. С. 207—219; Ч. 2. Деятели книги: Н. Ф. Катанов — библиограф и книговед. С. 220—243; Гульнар ханум: [О О. С. Лебедевой]. С. 243—262; Полиграфист, ученый: [М. И. Идрисов]. С. 262—278.
607. Карулис К. Издание книг в Советской Латвии в 1919 г. // Книги и книголюбы: К 100-летию б-ки Мисиньша, 1885—1985. Рига: Зинатне, 1985. С. 69—90.—Латыш. Рез. рус. С. 217.
608. Книга и книжное дело в Украинской ССР: Сб. документов и материалов, 1917—1941 / АН УССР, Центр. науч. б-ка, Кн. палата УССР им. И. Федорова; [Сост. Л. И. Гольденберг и др.] Киев: Наук. думка, 1985. 478 с.
609. Книгоиздательское дело, периодическая печать, радио, телевидение // Культура Молдавии за годы Советской власти: Сб. док. В 4 т. Кишинев: Штиинца, 1985. Т. 2, ч. 2. С. 245—270.
См. № документов: 319, 321, 362.
610. Коротовский М. П. Книгоиздательское дело Казахстана в период развитого социализма: (Историография, источники) // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983. С. 121—143.
611. Лааст А. Выставка «Великая Отечественная война и книга Советской Эстонии» // Полиграфист. 1985. № 1. С. 4.—Эст.
612. Молодчиков А. В., Шпица В. Г. Книга Советской Украины в годы Великой Отечественной вой-

ны // Полиграфия и изд. дело. 1985. № 21. С. 109—113.— Укр.

613. О просьбе подготовить вагон-типографию для фронта: Из письма Военного совета Северо-Кавказского фронта Совнаркому ЧИАССР. 25 февр. 1943 г. // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.): Сб. док. и материалов. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985. С. 46—47.

614. Об организации Управления по печати при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР: Из постановления бюро обкома КПСС и Совета Министров ЧИАССР. 30 дек. 1963 г. // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.): Сб. док. и материалов. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985. С. 148.

615. Печать, радио // Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1918—1941 гг.: Сб. док. и материалов. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2. С. 155—194.

616. Постановление СНК Казахской ССР о реорганизации издательского дела в Казахстане. 28 окт. 1938 г. // Культурное строительство в Казахстане: Сб. док. и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1985. Т. 2. С. 247—248.

617. Постановление СНК Казахской ССР «О реорганизации управления по делам печати и издательств» 23 янв. 1941 г. // Культурное строительство в Казахстане: Сб. док. и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1985. Т. 2. С. 250—251.

618. Постановление ЦК КП(б)Б о распространении в тылу врага листовок, газет, плакатов и другой литературы. 29 авг. 1942 г. // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Минск: Беларусь, 1985. Т. 3. С. 430—431.

619. Синкявичюс К. А. Пропаганда антифашистской литерату-

ры в оккупированной Литве в годы войны // Сов. библиотекосведение. 1985. № 2. С. 97—102.

620. Скрыпник Т. А. Становление издательской системы в Украинской ССР // Теория и история советской книги на Украине. Киев: Наук. думка, 1983. С. 66—82.— Укр. Рез. рус.

621. Стоянов В. А. Становление и развитие книгоиздательского дела в Калмыкии (1917—1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т истории СССР. М., 1984. 19 с.

622. Тамме Х. Насколько полно отражается эстонская книга в «Общем списке эстонских книг»? [1918—1939 гг.] // Язык и лит. 1985. № 6. С. 361—363.— Эст.

623. Ураксин З. Г. Развитие функций башкирского литературного языка в книгоиздательском деле // Вопросы истории башкирского литературного языка. Уфа, 1985. С. 85—89.

624. Филаткина И. В. Книга малых народов Дальнего Востока: (История, современ. состояние, перспективы развития): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1985. 16 с.

625. Хасмагомадов Э. Х. Книгоиздание на языках народов Северного Кавказа в первые годы Советской власти (1918—1924 гг.) // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 129—136.

* * *

626. Книга Советского Туркменистана, 1971—1975 / Гос. кн. палата ТССР; [Сост. О. Сейитниязова и др.]. Ашхабад: Туркменистан, 1985. 215 с.

627. Книги Советского Узбекистана: Указ. кн. (1973—1975 гг.) / Гос. кн. палата УзССР; [Сост. Д. Д. Шарипова и др.]. Ташкент,

1985. 651 с.— Текст парал.: узб., рус.

628. Книги Советской Молдавии: Гос. библиогр. указ. 1976—1980 / Гос. кн. палата МССР; [Сост. В. С. Киторга и др.] Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1985. 810 с.— Часть текста парал.: молд., рус.

629. Книги Чувашской АССР: Библиогр. указ. 1951—1960 / Гос. кн. палата Чуваш. АССР; [Сост. М. И. Петрова]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 204 с.

См. № 389, 400, 405, 413, 421, 700, 1003.

История издательств

630. Авраменко И. «Простые эти памятники»: [О деятельности изд-ва «Мол. гвардия» в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 2. С. 67—68.

631. Бережный Л. О. [Рец. на кн.: Фельдман Б. А. Становление: Крат. очерк истории изд-ва ЦК КПСС «Правда» и тип. газ. «Правда» им. В. И. Ленина. М.: Правда, 1984] // Вопр. истории. 1985. № 7. С. 138—139.

632. Бэлза И. Военные годы Музгиза // В мире книг. 1985. № 4. С. 15—19.

633. Винкел А. Аугуст Милк и «Издательство Ноор-Ээсти» // Язык и лит. 1985. № 1. С. 19—31.— Эст.

634. Вольская Е. А. Становление советского медицинского книгоиздательства // Сов. здравоохранение. 1985. № 7. С. 64—67.

635. Егорова А. В глубоком тылу: [Воспоминания о работе Якут. кн. изд-ва в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 8. С. 55—56.

636. Иванов А. Источник знаний: Марийск. кн. изд-ву — 60 лет // Онычко. 1985. № 5. С. 102—104.— Марийск.

637. Иванов А. Н., Кудряшов Л. М. Марийскому книжному

издательству 60 лет. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1985. 95 с.: ил.— Загл. пер.: 60 лет Марийскому книжному издательству.

638. Из докладной записки Казахского издательства художественной литературы в СНК Казахской ССР о состоянии работы с 1934 по 1939 год // Культурное строительство в Казахстане: Сб. док. и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1985. Т. 2. С. 248—250.

639. Из сообщения в газете «Марийская правда» о продукции Марийского книжного издательства. 5 мая 1955 г. // Культурное строительство в Марийской АССР: Сб. док. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. Кн. 2. С. 87—88.

640. Из статьи директора Марийского книжного издательства И. Виногорова о работе издательства за 30 лет. 7 апр. 1956 г. // Культурное строительство в Марийской АССР: Сб. док. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. Кн. 2. С. 96—99.

641. Издаётся в РГУ // Ростовский государственный университет (1915—1985): Очерки / Под общ. ред. Ю. А. Жданова. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та. 1985. С. 73—81.

642. Камир Б. Долг и честь: [Воспоминания о работе в изд-ве «Дет. лит.»] // Дет. лит. 1985. № 11. С. 27—31.

643. Киперс Ю. Коммунистическое издательство «Дайле ундарбе» [1920—1929 гг.] // Книги и книголюбы: К 100-летию б-ки Мисиньша, 1885—1985. Рига: Зинатне, 1985. С. 91—113.— Латыш. Рез. рус. С. 217—218.

644. Кузнецова Н. Двадцать одна строка: [О работе изд-ва «Просвещение» в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 5. С. 53—55.

645. Куфман М. И., Чернягова В. Н. Издательство стандартов // Куфман М. И., Чернягова В. Н.

60 лет стандартизации в СССР, 1925—1985: Основные события и факты. М.: Изд-во стандартов, 1985. С. 65—66.

646. Ленский Б. «Внешторгиздату» — 60 лет // Внеш. торговля. 1985. № 10. С. 16—18.

647. Марийское книжное издательство. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. 16 с.: ил.

648. Новикова М. А. Роль издательства «Работник просвещения» (1922—1930) в формировании программно-методических изданий для средней школы // Современ. пробл. книговедения, кн. торговли и пропаганды кн. 1985. Вып. 3. С. 65—75.

649. Постановление президиума губернского исполнительного комитета об организации в Саратове отделения Государственного издательства РСФСР: (Из протокола заседания). 9 февр. 1919 г. // Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Док. и материалы. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. Ч. 1. С. 224.

650. Постановление ЦК КП(б)Б «О возобновлении деятельности Государственного издательства БССР» 21 окт. 1942 г. // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Минск: Беларусь, 1985. Т. 3. С. 432.

651. Прокопов В. Внешторгиздат вчера, сегодня, завтра // В мире книг. 1985. № 10. С. 15—16.

652. Пучкова Е. Память о прошлом во имя будущего: [Из истории Изд-ва литературы на иностр. яз. в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 5. С. 47—48.

653. Роднянский Э. И. Организация и становление издательства «Связь» (1922—1927 гг.) // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 129—132 (Меж-

вуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

654. Сбитнева А. Сельхозгиз — тылу и фронту: [Об изд. с.-х. лит. в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 2. С. 65—66.

655. Сводка Украинского издательства Центральному комитету КП(б)У о выпуске литературы в 1944 г. // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: Док. и материалы. Киев: Наук. думка, 1985. Т. 3. С. 415—416.

656. Семенюк Н. Летописец свершений: [К 40-летию изд-ва «Карпаты»] // Правда Украины. 1985. 13 авг.

* * *

657. Издательство «Academia», 1922—1937. Книжная графика: (Из собр. М. В. Раца): Кат. выст. / [Сост. М. В. Рац, Л. П. Кравченко; Общ. ред. и предисл. Ю. А. Молока]. Вологда, 1985. 88 с.: ил.

См. № 563, 606, 443, 447, 696, 1024, 1031.

История издания отдельных видов литературы

658. Александров Ю. Н. Первые справочники советской Москвы // Собеседник. 1985. № 4. С. 36—40.

659. Александров Ю. Н. Справочная литература как исторический источник: (На прим. истории г. Москвы, 1917—1936 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т истории СССР. М., 1985. 24 с.

660. Александрова А. А. Зарождение и развитие литературы по стандартизации в СССР (1917—1941 гг.) // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 76—86 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

661. Александрова Н. Военные годы технической книги: [О работе урал. изд-в в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 5. С. 45—47.

662. Александрова Н. О. Техническая книга на Урале в годы Великой Отечественной войны // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 108—115 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

663. Андреев-Станкевич В. А., Панкова Е. В. Издания «Молодой гвардии» в помощь военно-патриотическому воспитанию советской молодежи в годы Великой Отечественной войны // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 19—26 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

664. Андроников И. Л. Всемирная библиотека // Андроников И. Л. А теперь об этом: Рассказы, портреты, статьи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1985. С. 525—530.

665. Гаранина С. П. Естественнонаучная книга в период развитого социализма: некоторые вопросы издания, распространения, использования // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 115—129 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

666. Гельман З. Е. Школьные учебники по органической химии (1917—1983 гг.) // Пробл. школ. учебника. 1985. Вып. 15. С. 200—220.

667. Гудайтис Л. Й. Голос времени. Литов. лит. печать, 1918—1923 гг. Вильнюс: Вага, 1985. 310 с., 8 л. ил.—Литов.

668. Дмитриенко М. Ф. Большевицские листовки Украины 1917—1920 гг. как исторический источник: Автореф. дис. ... д-ра ист.

наук / АН УССР, Ин-т истории. Киев, 1985. 41 с.

669. Ершова Л., Григорьев Г. Балтийская слава: (История одной кн. серии): [О серии миниатюр. кн. «Боевая краснофлотская поэзия» (Ленинград, 1941—1942 гг.)] // Аврора. 1985. № 12. С. 131—133.

670. Железнова Н. Сколько у нас Мересьевых?: «Повесть о настоящем человеке» и ее читательская судьба // Кн. обозрение. 1985. 7 мая. С. 15.

671. Из доклада директора Марийского государственного издательства В. С. Столярова на расширенном совещании редакционного совета Маргосиздата о состоянии марийской детской литературы. 30 дек. 1962 г. // Культурное строительство в Марийской АССР: Сб. док. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. Кн. 2. С. 80—81.

672. К истории создания книги Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок»: Переписка Н. Н. Беркова с Ю. И. Масановым / Публ. Е. Н. Никитина // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 163—167.

673. Кириллов В. Первая книга Марийского книжного издательства: [А. Жадав. Между городом и деревней] // Онычко. 1985. № 4. С. 112.—Марийск.

674. Кирьян М. М. Краткая характеристика советской научно-справочной литературы, освещающей проблемы военной теории // Кирьян М. М. Проблемы военной теории в советских научно-справочных изданиях. М.: Наука, 1985. С. 6—51.

675. Колганова А. Громовой шелест страниц: Произведения Леонида Леонова, изд. в годы войны // Кн. обозрение. 1985. 19 апр. С. 16.

676. Кравец Е. М. 50 лет книги по истории фабрик и заводов

УССР // Теория и история советской книги на Украине. Киев: Наук. думка, 1983. С. 82—103.— Укр. Рез. рус.

677. Магидсон С. Друзья и недруги «Опасного соседа»: [Пушкин В. Л. Опасный сосед] Вступ. ст. и примеч. С. П. Боброва. М.: Библиофаг, 1918] // Кн. обозрение, 1985. 6 сент. С. 16.

678. Малинова Г. Л. Темники на службе научно-технического прогресса // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 87—91 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

679. Маретин Ю. Блокадные книги моего детства // Дет. лит. 1985. № 4. С. 54—57.

680. Мурадян З. А. Естественнаучная и техническая книга Армении в условиях военного времени // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 4. С. 20—24.

681. Об издании «Истории Коммунистической партии Советского Союза» на чеченском и ингушском языках: Из постановления бюро обкома КПСС. 21 авг. 1959 г. // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.): Сб. док. и материалов. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985. С. 113—114.

682. Об издании книг для детей: Из постановления бюро обкома КПСС. 30 окт. 1964 г. // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.): Сб. док. и материалов. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985. С. 152.

683. Об издании художественных произведений чечено-ингушских поэтов и писателей: Из постановления бюро обкома КПСС. 2 апр. 1958 г. // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.): Сб. док. и материалов. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985. С. 107.

684. Об издании школьных учебников в 1960 году: Из постановления Совета Министров ЧИАССР. 30 дек. 1959 г. // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.): Сб. док. и материалов. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985. С. 115.

685. Островский Н. А. Письмо писателя Н. А. Островского секретарю Оренбургского обкома ВЛКСМ о предоставлении права на издание романа «Как закалялась сталь» в Оренбуржье. 21 янв. 1936 г. // Культурное строительство в Оренбуржье: Док. и материалы, 1918—1941. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 156—157.

686. Пайчадзе С. А. Из истории выпуска собрания сочинений В. К. Арсеньева: (По материалам архива ГО СССР) // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. конф. по пробл. истории, археологии, этнографии и краеведения, 17—19 окт. 1985 г. Усурийск, 1985. С. 23—24.

687. Перельман А. Боевое задание полиграфистам блокадного Ленинграда: [Об изд. антифашистских играл. карт в 1942 г.] // Полиграфия. 1985. № 3. С. 10—11.

688. Ремейките Э. Книжная серия «Prusu lietuviu knygynelis» [1927—1932] // Библиотеки дарбас. 1985. № 12. С. 31—32.— Литов.

689. Савенко Е. Н. Сельскохозяйственная литература в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 147—156.

690. Сбитнева А. А. Издание и распространение массовой военной литературы в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 92—101 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).

691. Седельников В. О. Информационные издания центральных архивных органов РСФСР 1921—1932 гг. // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 143—149.
692. Слова, пришедшие из боя: Статьи. Диалоги. Письма. М.: Книга, 1985. Вып. 2 / [Сост. А. Коган]. 239 с.: ил. (Судьбы книг).
693. Спектор У. М. Иллюстрированные издания И. Э. Бабеля 1926—1934 // Панорама искусств. М.: Сов. художник, 1985. Вып. 8. С. 292—300.
694. Тянь В. Советский сельский календарь: [Социалистический земледельческий календарь на 1919 год. М.: Изд. Наркомзема, 1919] // Кн. обозрение. 1985. 11 янв. С. 16.
695. Цимеринков Б. М. Популяризация на Украине произведений Леонида Леонова // Полиграфия и изд. дело. 1985. № 21. С. 123—125.— Укр.
696. Чернова О. В. Анализ деятельности издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» по выпуску военно-патриотической книги для молодежи в послевоенные годы // Актуальные проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся средствами культуры и искусства: Тез. к Всесоюз. конф. Казань, 1985. С. 115—116.
697. Черняк А. Все для фронта: [Об изд. кн. по воен.-техн. тематике в годы Великой Отеч. войны] // В мире книг. 1985. № 4. С. 20—21.
698. Четверть века серийных публикаций письменных памятников Востока / А. Н. Кононов, О. К. Дрейер, Э. Н. Темкин, С. С. Цельникер // Народы Азии и Африки. 1985. № 2. С. 155—168.
699. Шапошников А. Е. Издание в СССР книг для слепых // Проблемы книговедения и истории книги. М., 1985. С. 54—63 (Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры; Вып. 64).
700. Юсипова Н. Г. Соотношение элементов национального и интернационального в книжном репертуаре естественнонаучной и технической тематики Татарской АССР // Актуальные проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся средствами культуры и искусства: Тез. к Всесоюз. конф. Казань, 1985. С. 135—136.
- * * *
701. Издания ЛКП 1918—1940 годов в Музее истории и этнографии Литовской ССР: Каталог / [Сост. Р. Субатникене]. Вильнюс, 1985. 40, 24 с., факс.— Литов.
702. Листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Каталог Центр. музея Революции СССР / Сост. Т. С. Бородина, О. И. Ярославцева; Под общ. ред. Т. Г. Шумной. М., 1985. 226 с.
703. Миниатюрные книги СССР, 1982: [Библиогр. указ. / Сост. и авт. предисл. П. Д. Почтовик, С. И. Захарова; Вступ. ст. А. Л. Бадалова]. М.: Книга, 1985. 222 с.: ил.— Текст парал.: рус., англ.
704. Печать Коммунистической партии Литвы, 1917—1940: Библиография / Ин-т истории партии при ЦК КП Литвы — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Кн. палата ЛитССР. Вильнюс: Минтис, 1985. Ч. 2. Периодические издания / [Сост. Э. Мяртинене, А. Ульпис; Вступ. статьи Р. Шармайтиса и Э. Мяртинене] 418 с., 8 л. ил.— Литов.
- См. № 205, 499, 526, 543, 556, 596, 654, 895, 921.

(Окончание указателя
в следующем томе).

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ДЕЯ

Советское книговедение и фольклористика понесли тяжелую утрату — ушел из жизни доктор филологических наук, профессор, член КПСС с 1948 г. Алексей Иванович Дей.

Родился А. И. Дей 30 марта 1921 г. в с. Синявка Менского района Черниговской области. В 1942 г. закончил Киевский государственный университет, эвакуированный с начала войны в Казахскую ССР. С октября 1942 г. — курсант артиллерии, а с осени 1943 г. — офицер действующей армии.

После демобилизации в августе 1946 г. из рядов Советской Армии работал во Львове — младшим научным сотрудником Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (Львовское отделение), заведующим отделом Института общественных наук АН УССР.

В 1950 г. А. И. Дей защитил кандидатскую диссертацию «Значение народного творчества в становлении критического реализма И. Франко». С 1951 г. он — директор Украинского государственного музея этнографии и художественных промыслов АН УССР. С 1953 по 1962 г. — старший научный сотрудник ИОН АН УССР. В этот период увидели свет две монографии Алексея Ивановича Дея — «Иван Франко и народное творчество»

(Киев, 1955) и «Украинская революционно-демократическая журналистика» (Киев, 1959).

В 1960 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Украинская революционно-демократическая журналистика» и вскоре возглавил отдел фольклористики Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского в Киеве. С этого времени в творчестве А. И. Дея дружно уживались два интереса — к фольклору и истории украинской книги.

Много и плодотворно работал А. И. Дей над книговедческой проблематикой в преддверии 400-летнего юбилея русского книгопечатания. Он соавтор первого тома двухтомника «400 лет русского книгопечатания» (М., 1964). Ему принадлежат инициатива, важная организационная роль и соавторство в создании труда «Книга и печать на Украине» (Киев, 1965).

Авторитетный исследователь истории книгоиздания на Украине, А. И. Дей был членом редколлегии сборника «Книга. Исследования и материалы», где его присутствие всегда было ощутимым и деятельным. Вместе с А. В. Молодчиковым, И. Я. Кагановым, Т. А. Скрипник, Я. Д. Исаевичем, другими исследователями он освещал историю украинского книгопечатания как важную часть общесоюзной исто-

А. И. Дей

рии книжного дела. Опубликованная в сборнике «Книга» его статья «Издательства украинской книги в XIX— начале XX века» раскрыла читателям исполненные драматизма страницы истории книжного дела на Украине. Ученый вполне оправданно приводит слова украинского революционера-демократа, ученого-энциклопедиста И. Я. Франко: «Украинская письменность почти с самого начала XVIII столетия была отмечена печатью какого-то

заклятия. Вследствие указа Петра Первого, которому предшествовали распоряжения духовных властей, на Левобережной Украине и вообще в России запрещалось печатать все, что содержанием или языком отличалось от официального языка и допущенного цензурой содержания. Таким образом все написанное старокнижным украинским литературным языком, вроде летописи Величко, и составленное на более-менее чистом народном языке было

изолировано от печатного станка и вынуждено прятаться по рукописям или передаваться устно»¹.

В констатации Франко советский исследователь справедливо усматривал основание для научной периодизации ранней истории украинского книгоиздания, отметив при этом, что «далекие от народного содержания и языка издания многочисленных и зачастую активных типографий Украины XVI—XVIII веков следует оценивать как предисторию издательской деятельности по выпуску украинской национальной книги»². Такого рода выводы имели принципиальное значение для разработки истории украинской книги. Более того, они играли важную роль в становлении советского книговедения как науки.

Важная отличительная особенность работ А. И. Дея — их источниковедческая солидность.

Его исследования всегда насыщены фактами, именами, построены на основательной книговедческой базе, опираются на книгоиздательскую практику. Не случайно именно А. И. Дей стал автором известного «Словаря украинских псевдонимов», в котором раскрыто свыше 10 000 псевдонимов, криптонимов и других условных помет, которыми подписывали свои произведения писатели, критики, публицисты, актеры, художники и общественные деятели Украины дооктябрьского и советского времени. Труд А. И. Дея достойно восполнил пробел в украинской справочно-библиографической литературе и стал в ряд с такими изданиями, как словари И. Ф. Масанова, болгарина И. Богданова, поляка А. Ба-

ра, чешских, словацких, венгерских библиографов.

Сколько многотрудна эта работа, специалистам известно. И они высоко ценят трудолюбие исследователя-следопыта, которым был А. И. Дей. Вдохновлял его высокий пример предшественников и современников, сознание того, что без библиографических трудов никакая наука невозможна. Он часто говорил об этом со ссылкой на авторитеты, например, на слова известного русского библиографа В. И. Межова, однако А. И. Дей и сам являлся авторитетнейшим специалистом в этой области знаний.

Велик вклад А. И. Дея в разработку вопросов украинской фольклористики. Здесь ученый многократно обнаруживал оригинальное видение проблем поэтики и фольклора, широту взгляда на задачи советской науки о народном творчестве, на современную роль фольклора в духовной жизни общества. Он активно и плодотворно занимался составлением фольклорных записей И. Франко, Леси Украинки, Марка Вовчка, О. и Ф. Бодяньских, Марка Черемшины, раскрытием вклада в фольклористику З. Доленги-Ходаковского, И. Труша, многих других. Благодаря составительской и исследовательской деятельности А. И. Дея и его коллег фольклористика обогатилась многими памятниками народного творчества, предстала делом рук реальных лиц, в ряду которых мы теперь с полным правом можем назвать и самого Алексея Ивановича.

Научно-фольклористическая деятельность ученого всегда была многообразна по формам и переходила в деятельность общественную. Он охотно выступал с беседами по радио и в печати, созданный под его руководством цикл телепередач «Слово-песня» всколыхнул общест-

¹ Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури. Львів, 1910. С. 768.

² Дей А. И. Издательства украинской книги в XIX — начале XX века // Книга: Исслед. и материалы. 1965. Сб. 10. С. 184.

венность, организовал любителей песенного фольклора, его творцов, знатоков современного и исторического бытования народной песни.

Есть в наследии А. И. Дея такие страницы, где его разнообразные интересы как бы сливались, обнаруживая внутреннее единство его личности, его подхода к вопросам культуры — народной, художественной, книжной. Сильнее всего это проявилось в создании 50-томного свода «Украинское народное творчество», значение которого едва ли возможно переоценить.

В течение 1965—1973 гг. А. И. Дей возглавлял редколлегия украинского журнала «Народное творчество и этнография». Всегда охотно и результативно работал он как член редколлегий, будь то серия «Библиотека украинского устного народного творчества» (Киев, издво «Днипро») или Украинская литературная энциклопедия, 50-томное издание наследия И. Я. Франко или 20-томное собрание сочинений М. Ф. Рыльского.

Глубинным единством, цельностью личности отмечены и такие его труды, как «Поэтика украинской народной песни» (1978), «Об-

щение художников с народной поэзией» (1981), «Украинская народная баллада» (1986).

Деятельность А. И. Дея всегда была заметна и ощутима в научном, издательском, общекультурном процессе. К его боевым наградам — орденам «Красная Звезда», «Отечественной войны II степени», медалям — прибавились высокие оценки его труда на ниве культуры — Серебряная медаль ВДНХ (1975), Почетная грамота Президиума Верховного Совета УССР (1982); в 1983 г. цикл его работ «Революционно-демократическая идейность и народность в творческом воплощении Ивана Франко» отмечен премией имени И. Я. Франко.

Автор свыше 300 печатных работ, в том числе более 40 монографий и отдельных изданий, Алексей Иванович Дей всегда был подвижником в советской науке, целеустремленным, активным деятелем нашей культуры.

Таким и сохранится он в памяти его коллег, всех, кому оказывал он свою бескорыстную помощь и поддержку, с кем осуществлял свои масштабные замыслы.

И. П. Березовский, Н. Ф. Кодак

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- Антонова** Сусанна Галустовна — старший преподаватель кафедры книговедения и редактирования Московского полиграфического института, кандидат педагогических наук.
- Артамонова** Светлана Николаевна — главный библиотекарь группы литературы и искусства отдела систематических и предметных каталогов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, кандидат педагогических наук.
- Березовский** Иван Павлович (р. 1923) — заведующий отделом Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР, доктор филологических наук.
- Горбунов** Юний Алексеевич (р. 1939) — заведующий отделом журнала «Уральский следопыт», исследователь жизни и деятельности Ф. Ф. Павленкова.
- Горфункель** Александр Ханмович (р. 1928) — заведующий сектором редких книг и книговедения отдела фондов и обслуживания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, доктор философских наук.
- Ефимова** Валентина Павловна — младший научный сотрудник отдела книговедения НПО «Всесоюзная книжная палата».
- Кодак** Николай Филиппович (р. 1940) — заведующий сектором Отдела научной информации по общественным наукам Академии наук Украинской ССР, кандидат филологических наук.
- Лезунова** Наталья Борисовна — старший преподаватель Ленинградского филиала Московского полиграфического института.
- Ленский** Борис Владимирович (р. 1929) — заместитель генерального директора по научной работе НПО «Всесоюзная книжная палата», кандидат филологических наук.
- Мец** Александр Григорьевич (р. 1946) — по основной специальности врач, автор публикаций по истории литературы и книги.
- Моргенштерн** Исаак Григорьевич (р. 1932) — доцент кафедры библиографии Челябинского государственного института культуры, кандидат педагогических наук.
- Мыльников** Александр Сергеевич (р. 1929) — заведующий отделом этнографии народов СССР Ленчасти Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, профессор, доктор исторических наук.
- Накорякова** Ксения Михайловна — доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук.
- Немешасв** Иван Петрович (р. 1915) — старший научный сотрудник отдела теории и методики государственной библиографии НПО «Всесоюзная книжная палата».
- Покровская** Зоя Арсеньевна — старший научный сотрудник отдела редких книг (Музей книги) Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, кандидат педагогических наук.
- Полиновская** Лидия Дмитриевна — редактор издательства «Московский рабочий», член Союза журналистов СССР.
- Розанов** Сергей Петрович (р. 1920) — директор Энергоатомиздата.
- Розов** Николай Николаевич (р. 1912) — историк древнерусской книги, доктор филологических наук.
- Сажин** Валерий Николаевич (р. 1946) — старший научный сотрудник отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, кандидат филологических наук.
- Столяров** Юрий Николаевич (р. 1938) — заведующий кафедрой библиотечных фондов и каталогов Московского государственного института культуры, профессор, доктор педагогических наук.
- Толстых** Галина Алексеевна — младший научный сотрудник отдела координации научно-исследовательской и научно-методической работы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- Фурсенко** Леонид Иванович (р. 1939) — старший научный редактор издательства «Книга».
- Цимеринов** Борис Моисеевич (р. 1927) — доцент кафедры культурно-просветительной работы Харьковского государственного института культуры, кандидат педагогических наук.
- Эльзон** Михаил Давидович (р. 1945) — научный сотрудник Библиотеки Академии наук СССР, кандидат педагогических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общие проблемы книговедения. Советское книжное дело

<i>Б. В. Ленский</i> . О некоторых проблемах книговедения в период перестройки	5
<i>И. Г. Моргенштерн</i> . Доступность книги в условиях ее дефицита	10
<i>С. П. Розанов</i> . Книги по энергетике и электрификации	29
<i>С. Г. Антонова</i> . Научно-популярные издания по искусству (проблемы выпуска)	37
<i>Н. Б. Лезунова</i> . Пути совершенствования книготорговой деятельности (на примере «Ленкниги»)	48

II. Теория и практика редактирования

<i>К. М. Накорякова</i> . Лингвистика и редактирование (из истории анализа текста)	55
Рецензии <i>О. Э. Мандельштама</i> для ленинградских издательств. Подготовка текстов, примечания и предисловие <i>А. Г. Меца</i> и <i>В. Н. Сажина</i>	69

III. История книги СССР

<i>Н. Н. Розов</i> . Десять веков искусства русской рукописной книги	76
<i>И. П. Немешаев</i> . К истории обязательного экземпляра произведений печати в России	89
<i>Г. А. Толстых</i> . Издательство «Мусaget»	112

IV. Книга за рубежом

<i>А. Х. Горфункель</i> . Альд Мануций и его преемники	134
--	-----

V. Деятели книги

<i>Н. Н. Блинов</i> . Дань своему времени (воспоминания о <i>Ф. Ф. Павленкове</i>). Публикация <i>Н. И. Комаровой</i> . Предисловие и примечания <i>Ю. А. Горбунова</i>	151
--	-----

VI. Сообщения

<i>З. А. Покровская</i> . О сибирской перепечатке работы <i>В. И. Ленина</i> «К деревенской бедноте»	162
<i>А. П. Толстяков</i> . Русские моряки в книжной лавке <i>А. Ф. Смирдина</i>	165
<i>Л. Д. Полиновская</i> . Московский книжник 60-х годов XIX в. <i>А. С. Ушаков</i>	173
<i>Б. М. Цимеринов</i> . Из истории издания произведений <i>А. С. Серафимовича</i> на Украине в 1917 — 1941 гг. (к 125-летию со дня рождения писателя)	180
<i>М. Д. Эльзон</i> . <i>А. С. Грин</i> и издательство «Федерация»	184

VII. Библиофилия

<i>Эптон Синклер</i> . Для чего нужны книги. Пер. с англ. и предисловие <i>С. Н. Артамоновой</i>	186
--	-----

VIII. Хроника. Рецензии

<i>И. Н. Тарасенко</i> . Шестая Московская международная книжная выставка-ярмарка	193
<i>В. П. Ефимова</i> . Совещание по разработке прогноза развития советского книгоиздания	198
<i>Ю. Н. Столяров</i> . Проблемы книговедения (по поводу книги <i>А. А. Беловицкой</i> «Общее книговедение»)	203
<i>А. С. Мыльников</i> . Комплексное исследование по истории рукописной и печатной книги	213
<i>Л. И. Фурсенко</i> . Книговедение. Указатель литературы за 1985 г.	221
<i>И. П. Березовский</i> , <i>Н. Ф. Кодак</i> . Памяти профессора <i>Алексея Ивановича Дея</i>	272
Коротко об авторах	276

CONTENTS

I. Soviet Book-Publishing. General Problems of Book Science

B. V. Lensky. On some problems of book science in reformation period	5
I. G. Morgenshtern. Accessibility of a book under conditions of its short supply	19
S. P. Rozanov. Books on energetics and electrification	29
S. G. Antonova. Popular -- science editions on art (problems of issue)	37
N. B. Lezunova. The ways of improving booksellers activities (on Lenkniga's example)	48

II. The Theory and Practice of Editing

K. M. Nakoryakova. Linguistics and editing (from the history of text analysis)	55
O. Mandelstam's reviews for Leningrad's publishing houses. The publication of A. G. Metz and V. N. Sazhin	69

III. History of the Book in the USSR

N. N. Rozov. Ten centuries of russian manuscript's art	76
I. P. Nemeshaev. On history of the printed publication's deposit copy in Russia	89
G. A. Tolstyh. The publishing house «Musaget»	112

IV. A Book Abroad

A. H. Gorfunkel. Aldo Manuzio and his successors	134
---	-----

V. Bookmen

N. N. Blinov. The tribute to one's age (Reminiscences on F. F. Pavlenkov). The publi- cation of N. I. Komarova. The foreword and notes by Y. A. Gorbunov	151
--	-----

VI. Reports

Z. A. Pokrovskaya. On siberian reprint of Lenin's work «To the village poor»	162
A. P. Tolstyakov. Russian seamen in A. F. Smirdin's bookshop	165
L. D. Pollinovskaya. Moscow bookman of the 60th years of the 19th century A. S. Uzhakov	173
B. M. Tzimerinov. From the history of publishing Serafimovich's works in Ukraine in 1917--1941 (On the 125th anniversary of the author's birthday)	180
M. D. Elson. A. S. Green and the publishing house «Federation»	184

VII. Bibliophilia

Upton Sinclair. What is the use of books. Translated from English and foreword by S. N. Artamonova	186
--	-----

VIII. Chronicle. Reviews

I. N. Tarasenko. The 6th Moscow International Book Fair	193
V. P. Yefimova. The conference on problems of soviet book publishing's forecast	198
Y. N. Stolyarov. The problems of book science (On A. A. Belovitskaya's book «General book science»)	203
A. S. Mylnikov. The complex investigation on the history of manuscripts and printed books	213
L. I. Fursenko. Book-Science. Index of literature, 1985	221
I. P. Beresovsky, N. F. Kodak. In memory of professor Alexey Ivanovich Day	272
Short notes about authors	276

Научное издание

КНИГА

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Сборник 56

Редакторы: *И. Н. Тарасенко, Л. В. Иванова*
Редактор издательства *Р. Д. Бирюкова*
Заведующая редакцией издательства *Н. А. Захарова*
Художественный редактор *И. К. Борисова*
Технический редактор *Н. Н. Шаталова*
Корректор *Т. И. Томашевская*

ИБ № 1654. Сдано в набор 2.02.88. Подписано к печати
22.07.88. А02045. Формат 70×100^{1/16}. Бум. офс. № 1, 70 г.
Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,75.
Усл. кр.-отт. 22,75. Уч.-изд. л. 21,55. Тираж 4000 экз.
Изд. № 21. Заказ № 987. Цена 4 р. 30 к.

Издательство «Книжная палата», 103009 Москва,
ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 129041 Москва, ул. Б. Пе-
реиславская, 46.

Готовится к печати 57-й том сборника
«Книга. Исследования и материалы»,
в котором будут опубликованы следующие статьи:

I. Общие проблемы книговедения. Советское книжное дело

- А. С. Мыльников.* Книговедение и культура
М. П. Ельников. Книговедение, книга и средства массовой коммуникации (Проблема соотношения)
Е. Н. Латышева. Критические заметки о массово-политической книге
Л. Ф. Борусяк. Целевой книгообмен: характерные черты сегодня

II. История книги СССР

- Б. В. Сапунов.* Московское барокко — феномен русской книжной культуры XVII в.
В. Е. Кельнер. Из истории издательской деятельности М. М. Стасюлевича
А. А. Матышев. 22 книги «Аквилона»

III. Книговедческая периодика

- В. И. Рожнова.* «Книговедение» — журнал Московского библиографического кружка

IV. Деятели книги

- И. Е. Баренбаум.* Абрам Ильич Барсуک как книговед и библиографовед (К 70-летию со дня рождения)

V. Материалы и сообщения

- Письма *Н. А. Рубакина* к *Н. М. Сомову*. Публикация *И. Н. Тарасенко*
А. П. Толстяков. Издатель карамзинской «Истории государства Российского» *И. Ф. Эйнерлинг*
С. А. Пайчадзе. Большой китайско-русский словарь 1888 г. (к 100-летию со времени издания)
К. И. Ляско. Виктор Лебрен о Льве Толстом как читателе (к 160-летию со дня рождения великого русского писателя)

VI. Библиофилия

- Герман Гессе.* Книжный человек (Библиофильские эссе). Перевод с немецкого и предисловие Александра Науменко
А. С. Иванов. Книги Саши Черного в моем собрании

VII. Рецензии

- А. В. Васильев, В. К. Солоненко.* Сборник «Книжная торговля: опыт, проблемы, исследования»

* * *

- Л. И. Фурсенко.* Книговедение. Указатель литературы за 1985 г. (окончание)